

ЯЗЫКИ И СМЫСЛЫ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЯЗЫКИ И СМЫСЛЫ

Материалы XX Международной научной конференции
молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук

создано с
росмолодёжь
гранты

Новосибирск
2022

УДК 101 + 304
ББК 6/8
Я 411

*Сборник издан по решению
Ученого совета Института философии и права НГУ
и Ученого совета Института философии и права СО РАН*

Рецензент:
д-р филос. наук, проф. В. С. Диев

Ответственные редакторы:
канд. филос. наук, доц. В. В. Петров,
канд. филос. наук А. С. Зайкова

Редакторы-составители:
А. Н. Артемова, Е. М. Лбова, С. А. Мадюкова, А. Ю. Моисеева,
О. А. Персидская, А. А. Санжеников, Т. К. Скрипкина

Я411 Языки и смыслы: материалы XX Международной научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук / под ред. В. В. Петрова, А. С. Зайковой ; Новосиб. гос. ун-т ; Ин-т филос. и права СО РАН. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2022. – 436 с.

ISBN 978-5-4437-1421-9

В сборнике опубликованы материалы XX Международной научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук. Книга рассчитана на специалистов в области философии, социальных исследований и права, а также всех интересующихся проблемами и перспективами социальных и гуманитарных исследований.

ISBN 978-5-4437-1421-9

© Новосибирский государственный
университет, 2022
© ИФПР СО РАН, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Аналитическая философия

<i>Rygaev I.</i> Names as incomplete descriptions	7
<i>Арзуманян Н. Л.</i> Проблема изолированных убеждений в когерентной теории обоснования знания	11
<i>Бурьян В. В., Черкасов Г. В.</i> Метаметафизика абстрактных объектов: существовать значит быть каузально эффективным?.....	14
<i>Жеребцова Е. А.</i> Теория игр как метод анализа международных отношений ...	18
<i>Козырева О. А.</i> Может ли «я» не указывать на меня?.....	23
<i>Коновалов А. Н.</i> Истинностные значения составных высказываний с пустыми определёнными дескрипциями.....	27
<i>Мухаметишина И. И.</i> Корректность и полнота первопорядковой модальной логики с λ -оператором.....	31
<i>Овчинников С. Е.</i> Проблема агентности в аналитической философии и социальных исследованиях Б. Латура и Г. Хармана.....	36
<i>Рахманина Е. В.</i> Теория абстрактных объектов Э. Залты и решение проблемы идентичности несуществующих вещей.....	39
<i>Флоридов С. М.</i> Джон Локк и проблемы наивной семантики	43
<i>Черезова Е. Б.</i> Возможность дуалистического решения проблемы взаимодействия в иерархической модели уровней описания ментального	47

История философии

<i>Бебякин Д. В.</i> Историко-философский анализ понимания здоровья.....	51
<i>Бондарева А. А.</i> Трансформация идеи «аполлоновского» и «дионисийского» в постмодернизме.....	55
<i>Бердаус С. В.</i> Археология детского опыта: психоанализ vs. трансцендентальная феноменология.....	58
<i>Быков Е. В.</i> Любовь и отрешенность в рейнско-фламандской мистике	62
<i>Васильев Д. Д.</i> Спор о внутренних отношениях в британской философии в начале XX в.....	65
<i>Гутара Н. М.</i> Исторический релятивизм и гуманитарные науки: язык и коммуникация.....	69
<i>Егорова О. С.</i> Аристотель в иллюстрациях в русской интеллектуальной литературе XIX века.....	73
<i>Ермоленко Е. Д.</i> Дионисийские мистерии как опыт слияния с трансцендентным	78
<i>Кайд Л. А.</i> Проблема языка в объектно-ориентированной онтологии.....	81
<i>Корниенко А. Г.</i> Рецепция онтологии историзма в постантропологии	85
<i>Лунев-Коробский О. А.</i> «Несчастное сознание» Жана Валя в контексте его последующей философии.....	89
<i>Одинцов П. С.</i> Категория интертекстуальности и ее структура	95
<i>Родин К. А.</i> Непосредственность передачи эмоции в трактате Л. Н. Толстого об искусстве и внутренние отношения	98
<i>Санжсенаков А. А.</i> Гуссерль об эмпатии как средстве понимания другого.....	102
<i>Рудин О. В.</i> Пещерная философия: язык снов.....	105

Ухин М. С. Мерцающая имманентность: Жиль Делёз и онтология онтологий...	108
Шкляр Е. Л. Историзм как новое онтологическое основание	111

Правовые исследования; философия права

Артемова А. Н. «Снятие корпоративной вуали» в делах о разделе совместно нажитого имущества супругов	114
Зайцев Н. Н., Дегтярёв К. Н., Танич В. В. Этические и правовые проблемы применения военных автономных систем.....	119
Коновальчикова С. С. Как законы получают свои имена	123
Кротов А. В. Термин «privacy»: хронология эволюции.....	126
Матвеев И. В. Незаконное использование лицом своего служебного положения как основной признак коррупции.....	130
Сигаури-Горский Е. Р. Очерк истории осмысления и распространения неоконфуцианства в правовой культуре Кореи раннего периода Чосон (XV-XVI вв.).....	134

Социальная философия, философия образования

Антипов А. В. Биоэтика и критическая суицидология.....	138
Гедуадже Д. Р. Технологичность профилактики насильственного отношения к подросткам в школьной среде.....	142
Заседателева Е. И. Традиция и изменчивость: о Болонской системе образования в России и отказе от нее	147
Лбова Е. М. Символы научного успеха в современном российском обществе ..	151
Лосинская А. Ю. Аналитическая теория цивилизаций	154
Морозова А. Ю. Такая ли уж «новая этика» новая? К зонтичности концепта «новой этики» и её осмысления в контексте феминистской этики заботы	159
Котляров И. В., Надольская В. И. Культурные коды как механизмы единения народов (социально-философские аспекты)	163
Никитин А. П. Лингвистический детерминизм в исследовании экономической культуры	168
Персидская О. А. Смыслы этничности в эпоху постмультикультурализма. Институты воспроизводства	172
Петров В. В. Привлечь и удержать: динамика выбора научной карьеры в условиях внешних ограничений.....	177
Савельев Д. Б. Революции в Западной Европе XIX века: аспект коллегиально разделенной власти.....	182
Сединин Я. А. Консерватор как субъект акта высказывания.....	186
Соболева К. П. Роль феноменологического подхода в системе современного образования.....	190

Социальные и философские аспекты медиа

Горишунова А. С. Виртуальные артефакты: общение без границ или социальная изоляция?.....	194
Дятлов И. И. Использование медиапространства в современных автократиях ..	198
Кислицина А. Н. Образ женщины-лидера в современном медиадискурсе	202
Кобринец М. А. Соприсутствие и коммуникация в киберперформансе.....	208
Косенков А. Ю. Понятие виртуальной реальности и сложности ее экспликации ..	211

<i>Кучина Д. Д.</i> Интернет-комментарий как речевой жанр и его вариативность в немецких социальных медиа	215
<i>Мартынова М. А.</i> Нарративная идентичность в интернет-дискурсе.....	220
<i>Медведев А. О.</i> Логико-риторический статус аналогии в теории аргументации.....	224
<i>Некрасов П. Б.</i> Сопровождение детей-сирот средствами сети Интернет	227
<i>Порошков М. М.</i> Государственный консерватизм в России: причины возникновения, преимущества и недостатки, связь с медиасредой.....	231
<i>Сапон И. В.</i> Коллективная и социальная идентичность в современных исследованиях	236
<i>Семёхина А. С.</i> Выражение «женская дружба» в языке и дискурсе.....	240
<i>Скрипкина Т. К.</i> Статус нейросети в современной системе коммуникации.....	245

Сравнительно-правовые исследования

<i>Абрам И. А.</i> Институт недействительности сделок в зарубежных правовых порядках: сравнительно-правовое исследование	250
<i>Ин Ван, Чернусь Н. Ю.</i> Правовой статус коммерческих организаций в КНР ..	256
<i>Тяньтянь Цзи, Артемова А. Н.</i> Ответственность за нарушение интеллектуальных прав в КНР	260
<i>Хуэйминь Ван, Чернусь Н. Ю.</i> Правовое регулирование искусственного интеллекта в КНР	263
<i>Чунчун Юань, Артемова А. Н.</i> Способы защиты интеллектуальных прав в КНР ..	268
<i>Юйпэн Сунь, Артемова А. Н.</i> Проблемы правовой охраны искусственного интеллекта в КНР	271

Философия науки и искусственного интеллекта

<i>Антипова А. В.</i> Проблема савантизма современных нейронных сетей.....	274
<i>Гапаров И. А.</i> Неоднозначность определения понятия пользы: способы ее разрешения	278
<i>Геньш А. И.</i> Проблема сознания как вторичной структуры реальности.....	282
<i>Данилов Ю. Д.</i> Искусственный интеллект и общественные интересы	285
<i>Дедова И. А.</i> Язык современной науки как философская проблема	289
<i>Ермаков Е. С.</i> «Смыслы» синергетики в социально-гуманитарном познании ..	293
<i>Зайкова А. С.</i> Аргумент иллюзии водопада в современном дискурсе о темпоральности сознания	297
<i>Кузнеченков А. А.</i> Язык как формальная система. Электронный поворот и электронная семантика. Рекурсивная парадигма.....	300
<i>Подкорытов Д. Д.</i> Искусственный интеллект и трансгуманизм: утопическое и антиутопическое суждения о человеческой смертности и ее связи с технологиями.....	306
<i>Ставровский И. К.</i> Как искусственный интеллект демистифицирует понятие «творчество»	310

Этнология, антропология и культурология

<i>Алимова Я. Ю.</i> Вкусовые синестетические метафоры в русском и китайском языках	314
<i>Варавина Г. Н.</i> Символический язык тунгусского кругового орнамента	318

<i>Горюнова Т. Н.</i> Языковой генезис как лингво-философская проблема XXI века.....	323
<i>Железняк Д. Р.</i> Антропоцентризм пересекающихся констант: «живая жизнь»	
<i>Ф. М. Достоевского</i> и «событие бытия» <i>М. М. Бахтина</i>	328
<i>Завьялова А. Н., Старикова С. Д.</i> Межъязыковая омонимия как коммуникативный барьер.....	332
<i>Кузнецова Н. С.</i> Прозвище как лингвокультурный феномен	335
<i>Логиновская Ю. В.</i> Творческие механизмы смыслообразования	340
<i>Львов А. А.</i> Дегуманизация истории: от антропо-логической революции к культурной эволюции	343
<i>Мадюкова С. А.</i> Роль языка и культуры в воспроизводстве этничности	347
<i>Патракова А. П.</i> Спасение жизни как социокультурный концепт в автобиографических нарративах фельдшеров скорой помощи.....	351
<i>Цидун Сюй</i> Сравнительное исследование языка живописи на примере китайского и русского искусства в технике льда и снега	355
<i>Ху Цзямин (КНР), Цзяхуэй Ван (КНР)</i> Изучение современности китайского и западного искусства на основе контекста эпохи.....	358
<i>Эминли Б. И.</i> Язык, культура и этнос	362
<i>Янгайкина Т. И.</i> Особенности этнической принадлежности субэтносов в республике Мордовия	366

Язык в русской философии второй половины XX века

<i>Гравин А. А.</i> Лингвофилософия Людмилы Гоготишвили в контексте позднесоветской и современной российской интеллектуальных культур	370
<i>Дмитриев К. В.</i> Философия самоизгнания в творчестве А. Гольдштейна.....	374
<i>Никулина А. С.</i> Аутопозис смысла на примере лекций В. В. Библихина «язык философии».....	377
<i>Прохоров А. И.</i> Криптосталинизм сквернословия: девальвация исторической памяти в эпоху зверчеловечества	381
<i>Савищенко А. Н.</i> Советский проект: от медиума денег к медиуму языка и обратно	386

Материалы круглых столов

<i>Моисеева А. Ю., Борисов Е. В., Козырева О. А., Гуцин И. А., Рыгаев И. П.</i> Семантика и прагматика естественного языка.....	390
<i>Зайкова А. С., Моисеева А. Ю., Колесников А. В., Ставровский И. К., Габрусенко К. А., Гурский Н. М., Рыгаев И. П.</i> Творчество и искусственный интеллект	397
<i>Смирнов С. А., Зайкова А. С., Персидская О. А., Горбачёва А. Г., Пестунов А. И., Кайгородов П. В., Спешилова Е. И.</i> Этика виртуального мира	408
<i>Мадюкова С. А., Ерохина Е. А., Чанкова И. В., Цэвээний Цэцэнбилэг</i> Этнические, государственные, международные языки: функции, смыслы, ценности	419

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

NAMES AS INCOMPLETE DESCRIPTIONS

Ivan Rygaev

Institute for Information Transmission Problems, Moscow

irygaev@gmail.com

Geurts proposed a presuppositional account of proper names, arguing that names are synonymous with descriptions of the form ‘the individual named N’ [Geurts, 1997]. Thus, they are not rigid designators as Kripke suggested [Kripke, 1972]. In many respects, semantic and syntactic behavior of names is the same as that of descriptions. In particular, Geurts shows that names have bound-variable uses:

(1) If a child is christened Bambi, then Disney will sue Bambi’s parents

What he leaves unexplained though is the apparent difference between names and descriptions as illustrated by the following examples:

(2) The president might not have been the president.

(3) Mary might not have been Mary.

While (2) is true (it is easy to imagine a possible world where the actual president took a different carrier), (3) is false (it is hardly possible for Mary not to be herself).

From this, one could conclude that a) proper names are unlike definite descriptions and b) proper names are rigid designators, i. e. they denote the same individual in all possible worlds (where it exists).

However, consider:

(4) The teacher might not have been the teacher.

Although (4) contains a definite description just like (2), it groups with (3) in its truth-value. Intuitively (4) says that the teacher might not have been *herself*, just like (3). The contrast is explained by the fact that in (2) the description is used *predicatively*, while in (4) it is the *referring* use.

Definite descriptions allow the predicative use when they carry a presupposition of uniqueness, which Ramachandran states in the following terms: “*Had things been slightly different, there might have been an F (in the circumstances), but no more than one*” [Ramachandran, 2008, p. 251].

So-called incomplete descriptions (‘the teacher’) normally do not carry a presupposition of uniqueness and cannot be used predicatively. A corresponding indefinite description should be used instead ¹. The same holds for proper names as well, with the only difference that names do not have an indefinite form and need to be paraphrased for the predicative use:

(5) The teacher might not have been a teacher.

(6) Mary might not have been called Mary.

Note that complete descriptions (‘the president’, ‘the best student’, ‘the fifth floor’) do not transform well into indefinites. They are used predicatively without change, which can lead to a confusion in their analysis.

[Maier, 2009] provides another example of the contrast between proper names and their synonymous descriptions:

(7) Mary is called Mary.

(8) The person called Mary is called Mary.

While (7) expresses a contingent proposition, (8) seems to be a tautology. Maier employs complicated machinery to defend the rigidity of proper names. By his analysis (8) receives the following interpretation:

(9) Someone is called Mary.

This is not quite a tautology and contradicts my intuition. Even though (9) is more or less obviously true, (10) is likely false. Yet (11) produces the same tautological impression as (8).

(10) Someone is called JS-15.

(11) The person called JS-15 is called JS-15.

Maier cautiously states that (8) expresses a tautology “*at least on one salient reading*” [Maier 2009, p. 257], implying that there are other non-tautological readings of the sentence. Indeed, if we take (8) to be about a specific

¹ In fact, as [Ramachandran, 2008] points out, incomplete descriptions can be used predicatively but in a special context. And names can too. In an appropriate context (3) and (4) could come out true e. g. with the meaning (correspondingly) “The actress playing Mary might have been given another role” and “The teacher might not have worked as the only teacher in our school”.

individual, it expresses the same contingency as (7). Therefore, the tautological reading arises again out of non-referring use of the definite description. Now it is the *generic* use to be blamed.

(12) The tiger has stripes.

(12) says that tigers generally have stripes. Similarly, (8) in its generic reading says that people called Mary are generally called Mary, which is quite close to a tautology.

Geurts admits that proper names can be used generically:

(13) Coca Cola was invented by an American.

I think (7) also have a generic reading, but it is not the one that quickly comes to mind. Why is that? It is true that Maries do not form a homogenous class, so it does not make much sense to talk about genus of Maries or a typical Mary. This fact certainly impedes the generic interpretation. Then why is then such interpretation preferable in (8) felicitous? It talks exactly about this class.

I think the answer lies in the realm of pragmatics and Gricean implicatures [Grice 1975]. Normally when we use someone's name, the hearer assumes that we are familiar with the person we are talking about. If the speaker uses the marked phrase 'the person called Mary' instead of 'Mary', the hearer concludes that they must be not familiar with the person. But the possibility that it is some specific person unknown to the speaker is also ruled out because otherwise they would use the indefinite article. Thus, the only possible interpretation is the generic one.

Note that an analogous sentence with an incomplete description has both readings: contingent referring and tautological generic:

(14) The teacher is a teacher.

So far, we have shown that proper names and incomplete definite descriptions are very similar. But where does the impression of rigidity come from?

To test whether a name is rigid we have to postulate a counterfactual situation [Bazzoni, 2018] and assess whether in that situation the name will preserve its reference. For example:

(15) If Mary were called Gertrude, Mary would be happy.

Here 'Mary' shows rigidity. The second mention of 'Mary' refers to the same actual Mary as the first one. It is not surprising. Our fictional world does not provide other potential referents for 'Mary'. The real test for rigidity comes when we postulate a world in which there exist alternative individuals named Mary.

(16) If Mary were called Gertrude and had a friend called Mary, Mary would be happy.

In (16) the last mention of 'Mary' is ambiguous between the actual Mary and her fictional friend. Hence, it is not rigid.

One can object that 'Mary' is just a homonymous word. But to which particular individual does the second homonym of 'Mary' could refer? The counterfactual situation corresponds to a set of possible worlds, each containing potentially different person as the hypothetical Mary's friend. Does that homonym refer to the whole set of those individuals? If so, it is not rigid either.

In addition, a similar example can be constructed with the incomplete description. Should we conclude that 'the teacher' in (17) is homonymous and rigid? I would not say so.

(17) If the teacher were a pupil and took lessons from another teacher, the teacher would be happy.

The conclusion is that the apparent contrast between proper names and definite descriptions has a natural explanation in terms of predicative or generic use of descriptions. The impression of rigidity (applicable to both names and incomplete descriptions) arises when the counterfactual situation lacks other individuals satisfying the description. In the presence of such individuals, the impression of rigidity vanishes.

References

- Bazzoni, A. (2018). Water is not H₂O: The fluidity of natural kind terms. *2nd HSE Semantics & Pragmatics Workshop*.
- Geurts, B. (1997). Good news about the description theory of names. *Journal of semantics*. Vol.14. No. 4. Pp. 319–348.
- Grice, H. P. (1975). Logic and conversation. In *Speech acts*. Brill. Pp. 41–58.
- Kripke, S. A. (1972). Naming and necessity. In *Semantics of natural language*. Springer, Dordrecht. Pp. 253–355.
- Maier, E. (2009). Proper names and indexicals trigger rigid presuppositions. *Journal of semantics*. Vol. 26. No. 3. Pp. 253–315.
- Ramachandran, M. (2008). Descriptions and presuppositions: Strawson vs. Russel. *South African Journal of Philosophy*. Vol. 27. No. 3. Pp. 242–257.

ПРОБЛЕМА ИЗОЛИРОВАННЫХ УБЕЖДЕНИЙ В КОГЕРЕНТНОЙ ТЕОРИИ ОБОСНОВАНИЯ ЗНАНИЯ

Н. Л. Арзуманян

*Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск
nelly_arzumanyan@mail.ru*

Вопрос о структуре убеждений важен для эпистемологии, поскольку понимание структуры обоснования позволяет увидеть то, на каких основаниях мы принимаем то или иное убеждение.

Широко известно, что долгое время в философии был доминирующим подход фаундализма – теории, согласно которой существуют базовые убеждения, которые

1. Не выводятся из других убеждений;
2. Свое обоснование получают благодаря недоксастическому источнику, например, из восприятия или интроспекции, из априорных форм [Steup, 1998, p. 92].

Однако эта теория принимается не всеми эпистемологами и является критикуемой из-за невозможности установить, почему мы утверждаем какие-то убеждения как базовые и почему именно они обосновывают остальные убеждения. С точки зрения противоположной фаундализму когерентной теории необходимо вовсе отказаться от структуры фаундализма и заменить ее на системный подход. Когерентизм предлагает отвергнуть наличие базовых убеждений.

В когерентизме возникают проблемы

– замкнутости. Если мы представляем обоснование, как линейную структуру, тогда безусловно неизбежен замкнутый круг убеждений, и это ведет к невозможности ни эмпирического обоснования, ни эмпирического знания.

– связанности. Потому как обоснование последовательно передается от одного убеждения к другому с помощью логического вывода, такой взгляд на обоснование порождает проблему регресса.

– изолированности. Именно из-за универсализации принципа обязательной когерентности всех элементов системы возникает изолированность системы убеждений от любых новых убеждений, не входящих в имеющую систему, а также не учитываются недоксастические факторы влияния, поэтому

одно из главных возражений когерентизму такое, что он изолирует систему убеждений от мира.

Исходя из этого, в нашем исследовании делается попытка преодоления проблемы изолированных убеждений с точки зрения дополнительной поддержки когерентизма в обосновании знания. Вместе с тем предлагается некая компромиссная позиция: признается необходимость базовых убеждений, а также необходимость ослабления строгой логической связи между убеждениями, дабы не возникало противоречия между замкнутой, статичной системой убеждений субъекта и меняющимся миром.

Если брать за основу философские работы и отстаиваемые концепции, то К. Лере и Л. Бонжур – основные представители когерентизма – придерживаются несколько различных подходов. Общим звеном в их теориях является поддержка эпистемологического интернализма, которая с необходимостью сосуществует со структурным когерентизмом. А отличие теорий в том, что К. Лере вводит понятие принятие в теорию обоснования в когерентизме, которое означает, что субъект принимает, что p в определенный момент t [Lehrer, 1990, pp. 113–117]. Подход К. Лере предполагает создание различных обоснованных систем убеждений у разных субъектов, что означает несоизмеримость этих систем в итоге, поскольку у каждого такого субъекта обоснование своей системы будет строиться по-своему. Однако, невозможно, чтобы каждая такая система являлась обоснованной.

Напротив, Л. Бонжур соединяет концепцию априорного знания и рационализма, где при получении новых данных из внешнего мира мы сможем выносить лишь приблизительно истинные суждения, поскольку такая приблизительность позволит сохранять когерентность системы при поступлении новых данных [BonJour, 1985, pp. 191–207].

Приведем пример, наглядно демонстрирующий стандартное когерентное обоснование, приводящее к типичной ошибке изолированности, а также предложим ее разрешение. М. Штойп [Steup, 1998, p. 133] приводит в пример гипотетическую ситуацию, когда вы в некотором мире W приходите в зоопарк и в поле вашего зрения в одном из вольеров видите двух трубокозубов. Вы выносите соответствующее суждение, которое согласуется с вашей системой M . Если мы далее вводим некоторый новый мир W^* , где перед вами уже три трубокозуба, то у нас отличаются мир W и мир W^* , а система убеждений M также когерентна в обоих мирах. Соответственно, согласно когерентизму, вы одинаково обоснованы, считая, что в вольере два трубокозуба, что в мире W , что в мире W^* . Однако, ваш перцептивный опыт говорит, что

в мире W^* не два, а три трубказуба, поэтому изначальное суждение не представляется обоснованным.

Для разрешения этой проблемы когерентист был бы вынужден совершить переход от W к W^* в тот момент, когда в вольере из укромного угла покажется третий трубказуб. Но если вы всё еще убеждены, что в вольере только два трубказуба, то в таком случае пропадает связь между убеждением и непосредственным восприятием, поэтому убеждение является необоснованным. Соответственно, если, согласно когерентизму, несмотря на изменившуюся картину мира, суждение субъекта остается неизменным, то система убеждений субъекта оторвана от мира. Если же строгий когерентист допустит изменение убеждения под влиянием перцептивного опыта, то целостность системы убеждений неизбежно будет нарушена.

Когерентизм, однако, охотнее принимается эпистемологами в противовес фундаментализму, т. к. именно когерентизм делает упор на значимости связности убеждений для обоснования (когда со всех сторон поддерживается убеждение, с помощью согласованности и непротиворечивости наших убеждений). Поэтому, на наш взгляд, наиболее выгодна позиция, когда обоснование происходит по нескольким независимым источникам, таким как слух, зрение и т. д.

Литература

BonJour, L. (1985). *The Structure of Empirical Knowledge*. Cambridge, MA. Harvard University Press.

Lehrer, K. (1990). *Theory of Knowledge*. Westview Press, Inc.

Steup, M. (1998). *An Introduction to Contemporary Epistemology*. Prentice-Hall.

**МЕТАМЕТАФИЗИКА АБСТРАКТНЫХ ОБЪЕКТОВ:
СУЩЕСТВОВАТЬ ЗНАЧИТ БЫТЬ
КАУЗАЛЬНО ЭФФЕКТИВНЫМ?**

В. В. Бурьян, Г. В. Черкасов

*Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва*

burian.veronika@gmail.com, gech.cherkasov@gmail.com

В философской литературе существуют и давно стали институциональными такие дистинкции как идея – вещь, универсалия – партикулярия, абстрактный – конкретный объект, реализм (платонизм) – номинализм. Сведение этих различий друг к другу, а также ассоциативная связь этих дистинкций с великими философскими дискуссиями прошлого зачастую не помогает раскрыть смысл понятий, а запутывает. Идеи Платона являются движущей силой возникновения вещей и причинности. Таким образом, они выступают в качестве причин всего возникающего и уничтожающегося [Taylor, 1969]. Абстрактные объекты, напротив, каузально неэффективны. То есть они не могут стать причиной возникновения или изменения пространственно-временных объектов.

Дискурс об универсалиях, разумеется, основывается на самом известном споре схоластических философов X–XIV вв. В XX в. вопрос об универсалиях был реинкарнирован и получил новый окрас благодаря введению различия между абстрактными и конкретными объектами. Это разделение вошло в аппарат аналитической философии в основном благодаря работам Карнапа и Куайна [Kunne, 1983]. В 80-е годы обсуждение абстрактных объектов переросло в интеллектуальное противостояние между сторонниками платонизма (Криспен Райт, Боб Хейл, Эдвард Залта) и номинализма (Куайн, Гудман, Филд, Балагуэр, Розен, Берджес).

В XX веке термин «номинализм» стал активно употребляться после работы Куайна [Goodman and Quine, 1947]. Конечно, в отношении этого термина сложно избежать ассоциаций со схоластикой. Тем не менее, это сходство условно: хотя универсалии и абстрактные объекты могут рассматриваться как синонимы, в то же время эти понятия могут различаться и иметь разный объем. Классический пример – австралийский философ Дэвид Армстронг, который принимает существование универсалий, и в этом смысле

является реалистом, однако отрицает существование абстрактных объектов, и в этом смысле является номиналистом. Таким образом, следует различать традиционный смысл понятия номинализма от того, которое появилось в XX веке. Под первым имеется в виду утверждение о том, что универсалий не существует, а под вторым, соответственно, что не существует абстрактных объектов.

Когда философ спрашивает «существуют ли числа?», он задает онтологический вопрос. Принято считать, что онтологический вопрос эквивалентен кванторному ‘ $\exists x F(x)$ ’. Идея сведения онтологического вопроса к кванторному принадлежит Куайну [Quine, 1948]. Кит Файн указывает [Fine, 2009, p.161], что Куайн допускает двойную ошибку: сначала он задает научный (нефилософский) вопрос, а потом отвечает на него исходя из философских соображений. В зависимости от того, как мы ставим вопрос, он может быть (1) философским (нетривиальным) или (2) нефилософским (тривиальным), и две эти формы вопроса находятся на расстоянии онтологической пропасти между внутренним и внешним (по отношению к каркасу). Сравните, например: (1) Существуют ли числа? Существуют ли стулья? и (2) Существует ли простое число, большее 8 и меньшее 12? Есть ли стул в этой комнате?

При этом под (2) обычно подразумевается ограниченный квантор. То есть если мы спрашиваем «существует ли простое число, которое больше 8 и меньше 12», область пробега переменных – математические объекты. А если мы спрашиваем «есть ли стул в этой комнате?», переменные пробегают по физическим (конкретным) объектам. Таким образом, можно вывести две трактовки существования. (1) *Существует F* означает: существует как минимум один объект, обладающий свойством *F*: ‘ $\exists x F(x)$ ’; (2) *Существует P* означает: любой объект, который обладает свойством *P*, существует. Второе можно выразить с помощью идей Майнонга в свободной логике:

‘ $\Pi x (P(x) \supset \exists y (x = y))$ ’, где Π – квантор общности, для которого область пробега переменных включает все предметы, как существующие, так и несуществующие. Предметная область Π включает предметную область \forall .

Обычно о существовании абстрактных объектов рассуждают следующим образом. Абстрактные объекты – каузально инертные нефизические нементальные сущности. Если для номинализма количество абстрактных объектов в точности равно 0, то для платонизма верно, что существует как минимум один абстрактный объект. Такая логика может привести к размытому представлению о номинализме и платонизме. Постулируя неустранимость математики из естествознания, Куайн и Патнэм становятся

вынужденными платонистами. А «создатель модального реализма» Льюис оказывается методологическим номиналистом. Принципиально важно делать акцент не на специфике и свойствах рассматриваемых объектов, а на том, имеем ли мы в виду под существованием F (1) онтологическое обязательство перед F -ами или (2) утверждение, что F -ы существуют. Для (1) наиболее онтологически сильной (нагруженной) позицией становится платонизм, для (2) – номинализм.

Когда Залта утверждает, что есть такие несуществующие объекты как числа, неэкземплифицированные свойства, круглый квадрат и т. д., он не спорит с номиналистами о том, что такие несуществующие объекты как числа, являются каузально эффективными. С точки зрения номиналистов, Залта постулирует существование как минимум одного абстрактного объекта, тем самым его позиция становится более онтологически нагруженной. С точки зрения платонистов, реализм Залты означает, что любой объект, обладающий свойством P , существует, причем неважно, абстрактный это объект или нет.

Критерии различия абстрактных и конкретных объектов достаточно конвенциональны и принимаются большинством философов с теми или иными оговорками. Абстрактные объекты – это (1) не расположенные в пространстве и времени (2) каузально инертные (неэффективные) сущности. Архетипический пример таких объектов – числа (множества) и функции. Им противопоставляются конкретные объекты – ментальные или физические, которые каузально эффективны. При вопросе об онтологическом статусе абстрактных объектов следует обращать внимание не только на критерий каузальной эффективности, но и на то, как мы ставим вопрос о существовании и какую трактовку существования выбираем.

Литература

Burgess, J. P., Rosen, G. (1997). *A Subject with No Object: Strategies for Nominalistic Interpretation of Mathematics*. Oxford: Oxford University Press.

Field, H. H. (1980). *Science Without Numbers: A Defence of Nominalism*. Princeton. Princeton University Press.

Fine, K. (2009). The question of ontology. In Chalmers, D. (ed.). *Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology*. Oxford University Press. Pp. 157–177.

Goodman, N., Quine, W. V. (1947). Steps Toward a Constructive Nominalism. *The Journal of Symbolic Logic*. Vol.12. No. 4. Pp. 105–122.

Kunne, W. (1983) *Abstrakte Gegenstände: Semantik und Ontologie*. Frankfurt am Main. *Suhrkamp*.

Lewis, D. (1986). *On the Plurality of Worlds*. Oxford. Blackwell.

Linsky, B., Zalta, E. N. (1995). Naturalized Platonism Versus Platonized Naturalism. *The Journal of Philosophy*, Vol. 92, No. 10. Pp. 525–555.

Russell, B. (1959). *The Problems of Philosophy*. Oxford. Oxford University Press.

Szabó, Z. G. (2003). Nominalism. In *Oxford Handbook of Metaphysics*. Oxford. Oxford University Press. Pp. 11–45.

Taylor, C. C. W. (1969). Forms as causes in the *Phaedo*. *Mind*, Vol. 309. No. 78. Pp. 45–59.

Quine, W. V. O. (1948). On What There Is. *Review of Metaphysics*. Vol. 2. Pp. 21–38.

Yablo, S. (1998). Does Ontology Rest on a Mistake? *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 72. No. 1. Pp. 229–262.

Zalta, E. N. (1983). *Abstract Objects: An Introduction to Axiomatic Metaphysics*. Dordrecht. D. Reidel.

ТЕОРИЯ ИГР КАК МЕТОД АНАЛИЗА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Е. А. Жеребцова

*Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
eljourno@gmail.com*

Теория игр представляет собой математический метод анализа стратегического взаимодействия сторон (в частности выбора оптимальных стратегий поведения) в условиях конфликта интересов [Дегтерев Д. А., Дегтерев А. Х., 2011, с. 79].

Теория игр получила свое развитие после Второй мировой войны. К началу 1950-х гг. сценарии применения данного аналитического метода встречались во многих общественных науках, включая политологию. Международные отношения не стали исключением. Именно в область межгосударственных конфликтов и способов их урегулирования теория игр внесла свой самый ранний и значительный вклад [Zagare, Slantchev, 2010]. На протяжении всей истории своего развития теоретико-игровой метод анализа международных отношений широко применялся зарубежными исследователями, однако в отечественной науке он не был так востребован [Дегтерев Д. А., Дегтерев А. Х., 2011, с. 79].

В исследовании мировой политики теория игр представляет собой формализованный метод анализа отношений между двумя или более участниками на международной арене. Данный метод позволяет теоретикам международных отношений интерпретировать взаимодействие сторон-участников (государств, международных организаций, альянсов и коалиции), исходя из их мотивов, учитывая результаты анализируемых событий, а также прогнозировать принятие внешнеполитических решений [Цыганков, 2013]. В международных отношениях теорию игр применяют при исследовании военно-политических конфликтов и международных переговоров, анализе процессов принятия внешнеполитических решений и условий соблюдения международных соглашений, а также при изучении вопросов разоружения и контроля вооружения. [Дегтярев, 2009]. Классической иллюстрацией применения теории игр в качестве метода анализа межгосударственного взаимодействия считается Карибский кризис 1962 года.

Ф. С. Загаре и Б. Л. Сланчев в работе «Теория игр и другие подходы к моделированию», прослеживая эволюцию использования данного метода

анализа в международных отношениях, полагают, что он тесно связан с концептуальными усовершенствованиями и теоретическими достижениями самой теории игр [Zagare, Slantchev, 2010].

Прежде чем приступить к анализу применения теории игр в международных отношениях, обратимся к теоретико-методологическим основам данного метода. Как отмечает Р. Ауманн, теория игр – это теория рационального поведения людей с несовпадающими интересами [Aumann, 1989]. Под рациональностью понимается выбор индивидами тех действий, которые помогают им максимально реализовать свои предпочтения (максимизация функции полезности) [Сергеев, 2006, с. 90].

Игра представляет собой модель любой ситуации, в которой выборы двух или более действующих лиц, именуемых игроками, взаимосвязаны. Другими словами, результат не зависит исключительно от выбора одного агента [Богатуров, 2002]. Игра имеет ряд установленных правил, определяющих возможные выборы игроков; объем и условия предоставления информации о стратегии другой стороны; результат взаимодействия сторон, к которому приводят выбранные стратегии. Несмотря на тот факт, что на данный момент не существует единой, согласованной классификации игр, в большинстве случаев их систематизируют по следующим основаниям: количество игроков, количество ходов, количество стратегий, характер взаимодействия, характер выигрыша, объем/состояние информации.

Применительно к анализу международных отношений особое внимание уделяется характеру взаимодействия между игроками (или возможности предварительных соглашений). Кооперативные игры (когда игроки заключают соглашение, чтобы увеличить свой выигрыш) представляют интерес для исследователей в части выработки общих международных договоренностей и участия стран в международных организациях. Тогда как теоретики межгосударственных конфликтов анализируют некооперативные игры, когда игроки не имеют права заключать предварительные соглашения, не вступают в коалицию [Богатуров, 2002].

К научным исследованиям, разрабатывающим концептуальные основы теории игр, относятся классические труды зарубежных авторов: Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна, а также Дж. Нэша [von Neumann, Morgenstern, 1944; Nash, 1950, 1951, 1953]. Игры, которые изучали Дж. фон Нейман и О. Моргенштерн, в рамках теории определялись как кооперативные, так как предполагали заключение соглашений между игроками. Однако их применение при анализе военно-политической сферы не являлось

эффективным. Революционным прорывом в развитии теории игр стали работы Дж. Нэша, который исследовал некооперативные игры с ненулевой суммой и n -м количеством игроков. Он разработал концепцию равновесия, впоследствии названную его именем (равновесие Нэша/Nash Equilibrium), которая позволяла прогнозировать результаты взаимодействия в рамках таких игр.

Ключевым шагом по развитию положений, изложенных Нэшем, стало введение в конце 1960-х гг. Дж. Харшаньи понятия игры с неполной информацией. Он также разработал концепцию байесовских равновесий [Дегтярев, 2011]. В отличие от классической теории игр, в которой рассматривают игры с полной информацией (игроки знают предыдущие ходы и ознакомлены с правилами игры), практика международных отношений зачастую предполагает ситуации, когда информация по вопросам государственной безопасности засекречена. Именно поэтому игры с неполной информацией в контексте международных отношений рассматриваются как наиболее эффективные. Более того, как отмечают исследователи, в играх с нулевой суммой сокрытие информации об очередном ходе выгодно, так как мешает противнику подобрать оптимальную стратегию для ответа, например, противник не должен знать о готовящемся наступлении. Однако в международных отношениях имеют место и ситуации, когда управляемая утечка информации о военном потенциале выступает своего рода сигналом для противника, что помогает избежать его нападения [Дегтярев, 2011].

Еще одной знаковой работой, оказавшей влияние на применение теоретико-игрового метода анализа в международных отношениях, стала «Стратегия конфликта» Т. Шеллинга [Schelling, 1960]. Он первым среди зарубежных исследователей пришел к выводу, что для анализа международного конфликта не подходит модель игры с нулевой суммой.

Применение теоретико-игрового анализа в международных отношениях позволяет оценивать потенциал и вариативность выигрыша каждого участника игры. В настоящее время при анализе мировой ситуации чаще всего обращаются к классическим симметричным играм с ненулевой суммой, а именно: «Дилемма заключенного», «Страховка», «Цыпленок», «Охота на оленя», «Тупик» [Дегтярев, 2011].

На основании анализа применения теорий игр в международных отношениях можно сделать следующие выводы.

Во-первых, несмотря на то, что аппарат теории игр дополняется и совершенствуется по мере её эволюции, на данный момент отсутствует единая

согласованная классификация игр. Что отчасти может затруднить интерпретацию тех или иных явлений международной жизни при применении данного метода в их анализе.

Во-вторых, несмотря на объективные преимущества данного метода, применение его в международных отношениях тем не менее сопряжено с рядом сложностей практического характера:

- на практике поиск оптимальной стратегии зависит от ряда критериев, а не от одного (выигрыша), как это реализовано в теории;
- не всегда исследователи располагают полной информацией о реальном количестве игроков, об их участии в нескольких играх;
- на принятие внешнеполитических решений могут влиять не только лидеры, но и политические элиты, советники и консультанты.

В-третьих, одной из ключевых проблем применения данного метода является выявление приоритетности стратегий противоположных сторон. Речь в данном случае идет не об отсутствии рациональности в поведении государств или иных акторов международных отношений, а о корректной оценке сложившейся ситуации со стороны участников международного процесса. Данное противоречие вступает в силу, когда шкалы ценностей участников не совпадают.

В-четвертых, использование теоретико-игрового подхода при анализе международных отношений способствует переходу к прикладным исследованиям, позволяющим просчитать некоторые параметры мировой политики.

Литература

- Богатуров, А. Д., Косолапов, Н. А., Хрусталева, М. А. (2002). *Очерки теории и политического анализа международных отношений*. М. НОФМО.
- Дегтерев, Д. А. (2009). Зарубежные работы по теории игр. *Международные процессы*. Т. 7. № 2. С. 58–72.
- Дегтерев, Д. А. (2011). Теоретико-игровой анализ режимов оказания содействия международному развитию. *Вестник МГИМО-Университета*. № 5. С. 59–66.
- Дегтерев, Д. А. (2017). Теоретико-игровой анализ международных отношений. М. Аспект Пресс.
- Дегтерев, Д. А., Дегтерев, А. Х. (2011). Теория игр и международные отношения. *Мировая экономика и международные отношения*. № 2. С. 79–89.
- Льюис, Р. Д., Райфа, Г. (1961). *Игры и решения*. М. Издательство иностранной литературы.

Нейман, Дж., Моргенштерн, О. (1970). *Теория игр и экономическое поведение*. М. Наука.

Сергеев, А. М. (2006). Теория игр и экономические институты. *Журнал экономической теории*. № 1. С. 88–105.

Цыганков, П. А. (2013). Системный подход в теории международных отношений. *Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки*. № 5. С. 3–23.

Цыганков, П. А., Цыганков, А. П. (1999). Межгосударственное сотрудничество: возможности социологического подхода. *Общественные науки и современность*. № 1. С. 131–142.

Шеллинг, Т. (2007). *Стратегия конфликта*. М. ИРИСЭН.

Aumann, R. (1989). *Lectures on Game Theory*. San Francisco. Westview Press.

Harsanyi, J. C. (1965). Game Theory and the Analysis of International Conflict. *The Australian Journal of Politics and History*. V. 11. Pp. 292–304.

Harsanyi, J. C., Selten, R. A. (1988). *General Theory of Equilibrium Selection in Games*. Cambridge. The MIT Press.

Ross, D. (2021). Game Theory. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Электронный ресурс] URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2021/entries/game-theory> (дата обращения: 28.04.2022).

Schelling, T. C. (1963). *The Strategy of Conflict*. Oxford University Press. Cambridge, England.

Zagare, F. C. (2018). Explaining the Long Peace: Why von Neumann (and Schelling) Got It Wrong. *International Studies Review*. V. 20. Pp. 422–437.

Zagare, F. C. (1984). *Game Theory: Concepts and Applications*. Beverly Hills, CA. Sage.

Zagare, F. C. (2019). *Game Theory, Diplomatic History and Security Studies*. First edition. Oxford University Press.

Zagare, F. C., Slantchev, B. L. (2010). Game Theory and Other Modeling Approaches. *International Studies Encyclopedia*. Vol. V. No. IV. Pp. 2591–2610.

Von Neumann, J., & Morgenstern, O. (1944). *Theory of games and economic behavior*. Princeton University Press.

МОЖЕТ ЛИ «Я» НЕ УКАЗЫВАТЬ НА МЕНЯ?

О. А. Козырева

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

olgakozyreva@mail.ru

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 22-78-00071, <https://rscf.ru/project/22-78-00071/>*

В дискуссии о контекстной зависимости выражений естественного языка отдельное место занимают индексикалы – выражения, чья референция изменяется в зависимости от контекста употребления при неизменном значении, представляемом в виде лингвистического правила, определяющего референт выражения как некоторый объективный параметр контекста. Такое понимание индексикалов характерно для Д. Каплана [Kaplan, 1989, p. 490], который рассматривал их как референциальные выражения, указывающие на объект напрямую, без дескриптивного компонента. Соответственно, пропозиция, которую выражает предложение с индексикалом, является сингулярной пропозицией, а индексикал «загружает» в неё не свойства объекта, а сам объект, на который он указывает, напрямую.

В настоящем исследовании я планирую рассмотреть критику тезиса автоматической референции т. н. «чистых» индексикалов, согласно которому при референциальном использовании они имеют крайне ограниченный выбор возможных объектов референции, фиксированный только лингвистическим правилом. За основу такой критики будет взят вариант Э. Маунт [Mount, 2008], а в качестве эмпирического материала, на котором реализуется эта критика, – высказывания с индексикалом «я»: «я припаркован сзади» (“I am parked out back”) [Nunberg, 1993, pp. 38–42], «я на фиолетовой клетке» (“I am on a purple square”) [Mount, 2008, p. 200], «я на Балтик авеню» (“I am on Baltic Avenue”) [Åkerman, 2015].

Так, ряд этих и подобных им высказываний традиционно не рассматриваются как контрпримеры тезису автоматической референции и понимаются как случаи метонимии, где происходит перенос предиката с неодушевленного объекта на говорящего, которому этот объект принадлежит. Говорящий же «наследует» этот предикат вторичным образом [Nunberg, 1993, p. 40],

и, соответственно, «я» по-прежнему указывает на того, кто совершает высказывание, и пропозиция, выраженная в высказанном предложении, является сингулярной.

Э. Маунт ставит под вопрос такой подход к указанным высказываниям и приводит аргументы в пользу того, что, даже если бы в них действительно происходил перенос предиката, как предполагает Дж. Нанберг, отрицать, что в них в то же самое время происходит смена референта «я», некорректно, и, следовательно, тезис об автоматической референции является ложным. Сам Дж. Нанберг предлагает три грамматических теста для разграничения ситуации смены референта индексикала и ситуации переноса предиката:

- 1) тест на возможность замены индексикала в единственном числе на индексикал во множественном числе;
- 2) тест на возможность добавить придаточное определительное предложение о неодушевлённом объекте, а не о говорящем;
- 3) тест на возможность замены индексикала на имя собственное или на референциально употребляемую дескрипцию.

Э. Маунт приводит контрпримеры каждому из грамматических тестов Дж. Нанберга и на этом основании полагает, что в указанных высказываниях происходит не столько перенос предиката, сколько смена референта, и, значит, ситуации, когда референция «я» отличается от той, которая должна быть, согласно лингвистическому правилу, возможны.

Я предлагаю иной вариант анализа подобных высказываний с индексикалом «я». Согласно моему подходу, «я» действительно указывает на говорящего (т. е. тезис об автоматической референции, по крайней мере, для рассмотренных примеров соблюдается), однако переноса предиката, который в первую очередь приписывается неодушевлённому объекту, не происходит. Это связано с тем, что говорящий приписывает себе другой предикат – тот, который допустимо применять к нему. Так, в высказывании «я припаркован сзади» предикат обозначает не свойство, принадлежащее автомобилю говорящего, а действие, совершённое говорящим в прошлом, и поэтому «я» в высказывании указывает именно на того, кто это высказывание совершает. Тот факт, что явная структура этого высказывания предполагает, будто мы приписываем свойство «быть припаркованным сзади» человеку, не является аргументом против моей позиции: явная структура не должна обязательно совпадать с глубокой. Таким образом, в этом высказывании нет ни смены референта, ни переноса предиката. В случае высказываний «я на фиолетовой клетке» и «я на Балтик авеню» предикат, который приписывает себе

говорящий в этих высказываниях, обозначает действие, совершённое говорящим, а именно – переход на конкретную клетку, где он находится в момент совершения высказывания. В обоих случаях «я» по-прежнему указывает на говорящего, а не на игральную фишку.

Более детально моя критика подходов Дж. Нанберга и Э. Маунт состоит в следующем:

1) не все предикаты, которые приписываются неодушевлённому объекту, могут быть вторичным образом перенесены на говорящего. Например, предикат «быть автомобилем, принадлежащим говорящему» не может быть перенесён с автомобиля на говорящего с сохранением истинности выражаемой пропозиции. Это означает, что Дж. Нанбергу необходим критерий того, перенос каких предикатов возможен, а каких нет. Без наличия такого критерия утверждать, что в конкретном высказывании происходит перенос предиката нельзя;

2) для того чтобы осуществить перенос предиката, о котором пишет Дж. Нанберг, необходимо знать, в каких отношениях находятся объект и говорящий (в противном случае мы не сможем применять критерий, о котором говорилось выше). Однако из высказывания «я припаркован сзади» невозможно вывести без дополнительной (экстралингвистической) информации, какие отношения имеются между автомобилем и говорящим: я могу быть владельцем автомобиля, я могу взять его в аренду, я могу помогать парковать автомобиль своему другу и т. д.;

3) попытка включить интенции говорящего (как это делает Э. Маунт) в число факторов, влияющих на референцию индексикалов, ведёт к размыванию значения последних. Это чревато сложностями для семантической теории, которая должна быть построена так, чтобы в ней предполагалось а) объяснение способности агентов понимать бесконечное количество новых предложений (продуктивность) и предложения с близкими структурными свойствами (систематичность), б) разграничение на правильное и неправильное использование языковых выражений (нормативность) [Borg, 2012, p. 514].

Литература

- Åkerman, J. (2015). Indexicals and Reference-Shifting: Towards a Pragmatic Approach. *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 95. No. 1. Pp. 117–152.
- Borg, E. (2012). Semantics without pragmatics? In Allan, K., Jaszczolt, K. M. (eds.). *The Cambridge Handbook of Pragmatics*. Cambridge. Cambridge University Press. Pp. 513–528.

Kaplan, D. (1989). Demonstratives. In Almog, J., Perry, J., Wettstein, H. (eds.). *Themes from Kaplan*. Oxford. Oxford University Press. Pp. 481–563.

Mount, A. (2008). The Impurity of “Pure” Indexicals. *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. Vol. 138. No. 2. Pp. 193–209.

Nunberg, G. (1993). Indexicality and Deixis. *Linguistics and Philosophy*. Vol. 16. No. 1. Pp. 1–43.

**ИСТИННОСТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ
СОСТАВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
С ПУСТЫМИ ОПРЕДЕЛЁННЫМИ ДЕСКРИПЦИЯМИ**

А. Н. Коновалов

*Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск
k-dmf@mail.ru*

Основная трудность, встающая на пути анализа высказываний, содержащих определённые дескрипции, это определение условий истинности высказываний в случае наличия в них пустых определённых дескрипций, т. е. таких дескрипций, которым не соответствует никакой объект из существующих. Например, предложенное Б. Расселом высказывание «Нынешний король Франции лыс» содержит пустую определённую дескрипцию «нынешний король Франции», которой ни один из объектов в мире не соответствует, т. к. современная Франция – республика [Russel, 1905; Ludlow, 2021].

Есть два наиболее распространённых подхода к решению данной задачи. Первый подход принадлежит самому Б. Расселу, который считает субъект-предикатные высказывания с пустыми определёнными дескрипциями ложными. По Расселу, высказывание с дескрипцией всегда экзистенциальное, т. е. оно всегда утверждает существование (а в случае определённых дескрипций также и единственность) объекта, подпадающего под данную дескрипцию. Данный подход известен как теория дескрипций [Russel, 1905; Ludlow, 2021].

Второй подход принадлежит П. Стросону, считающему, что у подобных высказываний отсутствует истинностное значение и на самом деле существование и единственность объекта только лишь предполагаются самим высказыванием, содержащим определённую дескрипцию этого объекта, но не следуют из него. Другими словами, экзистенциальное утверждение о денотате определённой дескрипции есть пресуппозиция высказывания, содержащего эту дескрипцию, а не часть самого высказывания. Таким образом, Стросон допускает существование в естественном языке высказываний без истинностного значения или, другими словами, высказываний с неопределённым истинностным значением. По мнению Стросона, такое решение больше соответствует языковой интуиции носителей [Strawson, 1950].

Сторонники обоих лагерей приводили примеры высказываний с определёнными дескрипциями, представляющие трудности для противоположного лагеря. В попытках разрешить некоторые из этих трудностей, возникавшими в связи такими примерами высказываний собственно у стросонианства, его сторонники предложили различать аргументные и предикативные случаи употребления определённых дескрипций [Coppock, Beaver, 2012; Ramachandran, 2008].

Как частный случай высказываний, возможно, представляющих трудности для стросонианцев, мы рассматриваем составные высказывания, содержащие пустые определённые дескрипции. Встает вопрос, каковы истинностные значения сложных высказываний, например дизъюнкций, конъюнкций или импликаций, составленных из высказываний, среди которых по крайней мере одно содержит пустую определённую дескрипцию («Нынешний король Франции лыс или дважды два четыре», «Летисия любит короля Испании и короля Португалии», «Если все короли смертны, то нынешний король Франции смертен»). Для расселианцев такие высказывания не представляют особых трудностей, поскольку, в соответствии с расселовской теорией дескрипций, высказывание с пустой определённой дескрипцией всегда ложно, и истинность всего составного высказывания определяется правилами классической логики. В стросонианстве же, где допускается существование высказываний без истинностного значения, этот вопрос ещё не до конца проработан.

Возможны два варианта разрешения проблемы истинностных значений составных высказываний, включающих в себя пустые определённые дескрипции, в рамках стросонианства. Оба пути уже были описаны в литературе, но до сих пор не применялись в контексте проблемы определённых дескрипций. Оба подхода предполагают ввод третьего типа высказываний, а именно высказываний с неопределённым истинностным значением [Вригт, 1986].

При первом подходе, условно нами названным подходом ленивых вычислений по аналогии с вычислительной парадигмой в ряде языков программирования, истинностное значение отрицания, конъюнкции и дизъюнкции определяется по следующим правилам:

- 1) отрицание высказывания с неопределённым истинностным значением также обладает неопределённым истинностным значением;
- 2) если в конъюнкции хотя бы один из конъюнктов ложен, то вся конъюнкция ложна, в противном случае если хотя бы один из конъюнктов неопределённый, то и вся конъюнкция неопределённа, но если все конъюнкты истинны, то конъюнкция истинна;

3) если в дизъюнкции хотя бы один из дизъюнктов истинен, то вся дизъюнкция истинна, в противном случае если хотя бы один из дизъюнктов неопределённый, то дизъюнкция неопределённа, но если все дизъюнкты ложны, то дизъюнкция ложна.

Отсюда можно вывести правила для остальных логических связей способом аналогичным тому, что в классической логике. Например, для импликации, если представить её в дизъюнктивной нормальной форме.

Первый подход позволяет сохранить интерпретацию конъюнкции и дизъюнкции как функций минимума и максимума при условии, что неопределённое истинностное значение занимает промежуточное положение между истиной и ложью.

Второй подход, названный нами функциональным, формулируется проще. При втором подходе мы считаем, что любое сложное высказывание, составленное из множества высказываний, среди которых есть хотя бы одно с неопределённым истинностным значением, само является неопределённым. Здесь проводится аналогия между логическими связками и математическими функциями: функция не может быть определена, если хотя бы один из её аргументов неопределённый. Хотя этот подход процедурно, несомненно, проще, он значительно расширяет класс неопределённых высказываний.

Если мы хотим оставаться в рамках стросонианского решения вопроса пустых определённых дескрипций, нам следует исходить из интуиции носителей естественного языка. Существуют весомые аргументы в пользу подхода ленивых вычислений на основе нескольких сценариев, где носители языка явно рассуждают скорее в духе первого подхода, нежели второго. В частности, таковым является сценарий, где юристам требуется определить, содержит ли некоторое высказывание клевету (что означало бы его ложность), если в этом высказывании идёт речь о несуществующем лице (например, тот же «нынешний король Франции»).

Литература

Вригт, Г. Х. фон. (1986). Логика истины. Рузавина Г. И. и Смирнова В. А. (ред.). *Логико-философские исследования: Избранные труды*. М. Прогресс. С. 555–579.

Coppock, E., Beaver, D. (2012). Weak Uniqueness: The Only Difference Between Definites and Indefinites. *Proceedings of SALT*. 22.

Ludlow, P. (2021). Descriptions. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2021/entries/descriptions/> (дата обращения: 07.09.2022).

Ramachandran, M. (2008). Descriptions and Presuppositions: Strawson vs. Russell. *South African Journal of Philosophy*. Vol. 27. No. 3. Pp. 242–257, DOI: 10.4314/sajpem.v27i3.31515.

Russell, B. (1905). On Denoting. *Mind*. Vol. 14. No. 56. Pp. 479–493.

Strawson, P. F. (1950). On Referring. *Mind*. Vol. 59. No. 235. Pp. 320–344.

КОРРЕКТНОСТЬ И ПОЛНОТА ПЕРВОПОРЯДКОВОЙ МОДАЛЬНОЙ ЛОГИКИ С λ -ОПЕРАТОРОМ

И. И. Мухаметшина

Томский государственный университет, г. Томск
mukhametshina.indira@gmail.com

Средства стандартной первогопорядковой модальной логики не позволяют формализовывать прочтения *de re*. Например, предложение

Число планет необходимо больше семи (*)

имеет два прочтения:

1. *de dicto*: Необходимо, что число планет больше 7;
2. *de re*: Число планет таково, что необходимо, что оно больше 7.

Формализация предложения (*) как $\Box (n > 7)$, где n – число планет, \Box – оператор необходимости и $>$ понимается как в арифметике, отражает только прочтение *de dicto*. Для формализации, отражающей прочтение *de re*, требуется язык, обладающий большей выразительной силой. В докладе будет представлен такой язык, семантика для него, табличное построение первогопорядковой модальной логики \mathbf{K} с λ -оператором и дан метод доказательства корректности и полноты относительно изложенной семантики.

Язык L

Вокабуляр языка L , на котором строится \mathbf{K} , содержит следующие категории терминов: логические связки; модальные операторы; кванторы; предикатные, константные; переменные; λ -оператор; технические символы. Множество термов определяется следующим образом:

1. Любая переменная – терм.
2. Любой константный символ – терм.

Синтаксис языка L имеет следующие особенности в сравнении с языком первогопорядковой модальной логики без λ -оператора.

1. Атомарные формулы не могут содержать константы и функциональные термы, т. е. если c – константа, P – предикат, то $P(c)$ не является формулой.

2. Введение λ -оператора расширяет множество правильно построенных формул. Пусть x – переменная, t – терм, Φ – формула; тогда $\langle \lambda x. \Phi \rangle$ – предикатная абстракция, $\langle \lambda x. \Phi \rangle (t)$ – формула.

Такой аппарат позволяет формализовать оба прочтения предложения (*). В предложении (*) можно выделить свойство «быть больше 7». Это свойство формализуется как

$$\langle \lambda x. x > 7 \rangle .$$

Формула $\langle \lambda x. x > 7 \rangle (n)$ читается « n больше 7». Прочтение *de dicto* будет формализовано как

$$\square \langle \lambda x. x > 7 \rangle (n),$$

а прочтение *de re* как

$$\langle \lambda x. \square x > 7 \rangle (n).$$

Семантика для языка L

Фрейм с переменным доменом (далее «фрейм») – упорядоченная тройка $\langle G, R, D \rangle$, где G – непустое множество возможных миров, R – бинарное отношение на G и D – доменная функция, т. е. функция от миров к непустым множествам. Для любого $\Gamma \in G$, $D(\Gamma)$ – домен Γ .

Домен фрейма $D(F) = \cup \{D(\Gamma) : \Gamma \in G\}$.

Нежёсткой интерпретацией во фрейме $F = \langle G, R, D \rangle$ называется функция I , такая что:

1. Для любого $n \geq 1$, каждому n -местному предикатному символу P и каждому $\Gamma \in G$, I назначает некоторое n -местное отношение на $D(F)$.
2. Каждому константному символу c и каждому $\Gamma \in G$, I назначает некоторый элемент $D(F)$.

Нежёсткая модель с переменным доменом (далее «модель») – упорядоченная четверка G, R, D, I , где G, R, D – фрейм и I – нежёсткая интерпретация в G, R, D .

Валюация переменных в модели. Пусть $M = G, R, D, I$ – модель. Валюация переменных в M – это функция v , назначающая каждой переменной x некоторый элемент $v(x)$ из $D(F)$.

Вариант валюации. Для любых $\Gamma \in G$, переменной x , валюации v и $e \in D(\Gamma)$ валюация v_x^e называется x -вариантом валюации v , если v_x^e и v согласны относительно всех переменных, кроме, возможно, x и $v_x^e(x) = e$.

Денотация термина. Пусть $M = G, R, D, I$ – модель и v – валюация в M . Для любого $\Gamma \in G$ и любого термина t , денотат t в Γ обозначается $(v \star I)(t, \Gamma)$ и определяется следующим образом:

1. Если x – переменная, то $(v \star I)(x, \Gamma) = v(x)$;
2. Если c – константный символ, то $(v \star I)(c, \Gamma) = I(c, \Gamma)$;

Нотационная конвенция. Для любой модели $M = G, R, D, I$, любого $\Gamma \in G$, любой валюации v в M и любой формулы $\Phi \ll M, \Gamma \models_v \Phi \gg$ означает, что формула Φ истинна в мире Γ модели M при валюации v .

Истинность формулы в некотором мире модели. Пусть $M = G, R, D, I$ – модель, $\Gamma \in G$, v – валюация переменных в M и Φ – формула. Тогда:

1. Если P – n -местный предикатный символ и x_1, \dots, x_n – переменные, то $M, \Gamma \models_v P(x_1, \dots, x_n) \Leftrightarrow (v)(x_1), \dots, (v)(x_n) \in I(P, \Gamma)$;
2. $M, \Gamma \models_v P(x_1, \dots, x_n) \Leftrightarrow \langle (v)(x_1), \dots, (v)(x_n) \rangle \in I(P, \Gamma)$;
3. $M, \Gamma \models_v \sim \Phi \Leftrightarrow M, \Gamma \not\models_v \Phi$;
4. $M, \Gamma \models_v \Phi \& \Psi \Leftrightarrow M, \Gamma \models_v \Phi \& M, \Gamma \models_v \Psi$;
5. $M, \Gamma \models_v \Phi \vee \Psi \Leftrightarrow M, \Gamma \models_v \Phi \vee M, \Gamma \models_v \Psi$;
6. $M, \Gamma \models_v \Phi \rightarrow \Psi \Leftrightarrow M, \Gamma \models_v \Phi \Rightarrow M, \Gamma \models_v \Psi$;
7. $M, \Gamma \models_v \Box \Phi \Leftrightarrow \forall \Delta (\Delta \in G \& \Gamma R \Delta \Rightarrow M, \Delta \models_v \Phi)$;
8. $M, \Gamma \models_v \Diamond \Phi \Leftrightarrow \exists \Delta (\Delta \in G \& \Gamma R \Delta \& M, \Delta \models_v \Phi)$;
9. $M, \Gamma \models_v \forall x \Phi \Leftrightarrow \forall e (e \in D(\Gamma) \Rightarrow M, \Gamma \models_{v_x^e} \Phi)$;
10. $M, \Gamma \models_v \exists x \Phi \Leftrightarrow \exists e (e \in D(\Gamma) \& M, \Gamma \models_{v_x^e} \Phi)$;
11. $M, \Gamma \models_v \langle \lambda x. \Phi \rangle (t) \Leftrightarrow M, \Gamma \models_{v_x^{(v \star I)(t, \Gamma)}} \Phi$.

Примечание. Кванторы \forall, \exists и связки $\&, \vee$ используются и как объектные, и как метаязыковые символы. \Rightarrow и \Leftrightarrow используются как метаязыковые символы.

Истинность формулы в модели при некоторой валюации переменных. – модель, v – валюация переменных. Формула Φ истинна в модели M при валюации v , если для любого $\Gamma \in G$, $M, \Gamma \models_v \Phi$. Для любой модели M , любой валюации v в M и любой формулы $\Phi \ll M \models_v \Phi \gg$ означает, что Φ истинна в модели M при валюации v .

Валидность формулы в модели. Пусть $M = G, R, D, I$ – модель. Формула Φ валидна в M , если Φ истинна в любом мире M при любой валюации

переменных в M . Для любой модели M и любой формулы Φ « $M \models \Phi$ » означает, что Φ валидна в модели M .

Правила табличного доказательства K .

В табличных доказательствах (деревьях), используется язык, расширенный относительно языка L использованием помимо бесконечного множества переменных x_1, x_2, \dots (эти переменные далее называются «обычные переменные») переменных и констант с префиксом (конечная последовательность целых положительных чисел) в качестве субскрипта. Они будут называться фундированными параметрами и фундированными константами соответственно. Фундированные параметры записываются, например, так: $P_1, q_{1.2}$. Фундированные константы записываются, например, так: $a_1, b_{1.2}$.

Учитывая эти изменения в языке, в формулах, встречающихся в деревьях, построенных по правилам K , могут встречаться фундированные термы, также как и обычные переменные, но они не могут быть связаны кванторами или λ -оператором.

Формула с префиксом – выражение формы $\sigma\Phi$, где σ – префикс, а Φ – формула.

Нотационная конвенция. Для любой формулы Φ , формула Φ' – формула, полученная в результате следующей замены: для любой обычной переменной x , все свободные вхождения переменной x в Φ заменяются вхождениями фундированного параметра x_2 .

Дерево по правилам K для некоторой формулы. Пусть Φ – формула. Дерево по правилам K для Φ – дерево, корнем которого является формула с префиксом $1 \sim \Phi'$ и ветви которого образуются по следующим правилам:

1. Правила первопорядковой модальной логики для логических союзов и модальных операторов.

2. Правила K для λ -оператора:

а. Для любого константного символа t ,

$$\frac{\sigma\lambda x.\Phi(x)(t)}{\sigma\Phi(t_\sigma)} \quad \frac{\sigma \sim \lambda x.\Phi(x)(t)}{\sigma \sim \Phi(t_\sigma)}$$

б. Для любого фундированного параметра или фундированной константы t ,

$$\frac{\sigma\lambda x.\Phi(x)(t)}{\sigma\Phi(t)} \quad \frac{\sigma \sim \lambda x.\Phi(x)(t)}{\sigma \sim \Phi(t)}$$

Замкнутая ветвь – ветвь, содержащая $\sigma\Psi$ и $\sigma\sim\Psi$, где Ψ – некоторая формула. Незамкнутая ветвь называется открытой.

Замкнутое дерево – дерево, каждая ветвь которого замкнута.

Доказательство формулы Φ – замкнутое дерево для Φ .

Логика K – множество формул, имеющих доказательство.

Теорема K . Формула Φ называется теоремой логики K , если Φ принадлежит K . Это обозначается « $\vdash_K \Phi$ » и значит, что Φ – теорема K .

Корректность и полнота

Логика K называется **корректной** относительно изложенной семантики, если все формулы, являющиеся теоремами K валидны во всех моделях.

Логика K называется **полной** относительно изложенной семантики, если все формулы, валидные во всех моделях, являются теоремами K .

Теорема. Логика K корректна и полна относительно изложенной семантики.

Корректность. Доказательство осуществляется контрапозитивно. Нужно допустить, что формула Φ ложна в некотором мире Γ некоторой модели M , при валуации v и показать, что в таком случае формула Φ не имеет доказательства.

Полнота. Доказательство осуществляется контрапозитивно. Допустим, что формула Φ не имеет доказательства. Нужно показать, что существует модель, в которой формула Φ не валидна. Для этого нужно определить процедуру систематического построения дерева по правилам K , в результате выполнения которой получалась бы насыщенное дерево (т. е. такое дерево, в котором правила применены везде, где это возможно). Далее, по некоторой незамкнутой ветви данного дерева нужно построить модель и показать, что формула ложна в некотором мире этой модели при некоторой валуации переменных в этой модели.

Литература

Fitting, M., Mendelsohn, R. L. (1998). *First Order Modal Logic*. New York. Springer-Science+Business Media, B.Y.

**ПРОБЛЕМА АГЕНТНОСТИ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
Б. ЛАТУРА И Г. ХАРМАНА**

С. Е. Овчинников

*Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
step.ovch@gmail.com*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского
научного фонда, грант «Аналитическая философия и современные исследо-
вания в области социальной теории», № 18-78-10082*

Центральный тезис Б. Латура состоит в том, что социальное – это не особый тип объектов, а особый тип связей между объектами: «... Я намереваюсь определить социальное не как отдельную область или особый тип вещей, а лишь как очень своеобразный процесс переустановления связей и пересборки» [Латур, 2014, с. 18]. Хотя сам по себе вопрос о природе объектов не интересует Б. Латура, тем не менее ясно, что в рамках акторно-сетевой теории (АСТ) объектом является все, что так или иначе действует (и лошадь, и единорог), что приводит нас к плоской онтологии, в которой объекты полностью редуцированы к своим действиям. Представляется, что это сеть со слишком большими ячейками, которая не позволяет отличать независимо существующие вещи от единорогов, поскольку все они являются агентами действия (акторы, в терминологии Латура) и могут играть свои роли в социальном процессе.

Объектно-ориентированная онтология (ООО) Г. Хармана пытается восполнить этот пробел и ввести различие, по крайней мере, между частями объективной реальности и чувственными объектами: «Хорошая теория должна проводить различия между разными типами объектов. Однако, она должна прийти к этому различию, а не провозглашать его заранее, как это часто происходит в современном априорном разделении на людей, с одной стороны, и все остальное, с другой» [Harman, 2016, p. 4]. Хотя АСТ и ввело в общую практику социальных исследований рассмотрение объектов как, с одной стороны, проводников действия, а с другой, как агентов действия, в ее рамках остается открытым вопрос о том, чем являются объекты вне дей-

ствия. В ответ на это плоская онтология, защищаемая Г. Харманом, подразумевает, что помимо ассоциаций всегда существует некоторый несводимый к сумме действий остаток, характерный для каждого объекта. Разногласия между АСТ Б. Латура и ООО Г. Хармана заключаются, по большому счету, лишь в том, что именно считать сущностями социального процесса. Объектно-ориентированный подход в целом продолжает идеи акторно-сетевой теории, смещая акцент на то, как «... моя встреча с пламенем или мое этическое призвание образуют новый самостоятельный объект, а не просто поверхностное взаимодействие между двумя постоянно разделенными сущностями» [Харман, 2001, с. 105].

Все перечисленные выше идеи так или иначе исходят из недостаточности двух имеющихся подходов к определению объектов, а именно (в терминологии Г. Хармана) к «подрыву» (undermine) и «надрыву» (overmine). Первый предполагает объяснение через редукцию объекта к составляющим частям, а второй – через описание его функций. Когда мы заменяем объект описанием его функций или составляющих, то упускаем нечто важное, считает Г. Харман. Для Б. Латура все объекты являются агентами и вообще «являются» постольку поскольку обладают агентностью. Для Г. Хармана агенты являются объектами постольку поскольку непрозрачны, как и все остальное в мире. В рамках АСТ специфическая проблема «агентности» (т. е. вопрос о том, как отличить агента от «неагента») вообще не возникает, тогда как ООО «требует внимания к нереляционной глубине вещей вне всяких связей» [Harman, 2016, р. 21]. Тем не менее, на наш взгляд, ООО не дает удовлетворительного ответа на вопрос чем агент отличается от любого объекта и чем социальное действие агента отличается от взаимодействий между объектами.

Рассмотрим подход к проблеме в рамках аналитической философии. Формулировку позаимствуем у Д. Дэвидсона: существует ли способ отличить действие агента от того, что с ним происходит? Обращаясь к анализу языка, можно было бы ожидать, что в дискуссии вокруг того, какие события считать действиями, а какие нет, должна существовать «грамматическая лакмусовая бумажка агентности» [Davidson, 1971, P. 4], т. е. некоторые признаки в описаниях событий, по которым можно однозначно определить данное событие как действие. Но, как показывает Д. Дэвидсон, такой бумажки не существует. Он предлагает рассматривать три категории событий: агент делает нечто интенционально, и результат совпадает с его намерениями; агент делает нечто интенционально, и результат не совпадает с его намерениями; агент делает нечто не интенционально. Событие считается действием агента,

если существует хотя бы одно интенциональное описание этого действия, которое, в свою очередь, редуцируется к последовательности событий, в которую агент включен. Действие это лишь некоторое особенное отношение между человеком и событием.

На наш взгляд, для решения проблемы социальной философии, можно предложить дополнительный критерий, а именно: «действие является социальным, если его результат не зависит от интенции агента». Такой критерий позволяет выявить случаи, когда агент действует интенционально и результат действия совпадает с интенцией, но это совпадение случайно («танец дождя» имеет интенцию вызвать дождь и может действительно совпасть с событием дождя). В рамках такого критерия предполагается, что действие признается социальным, когда оно интенционально и когда его интенциональность не связана с действительным результатом действия.

Литература

Латур, Б. (2014). *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. М. Изд. дом Высшей школы экономики.

Харман, Г. (2001). *Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего»*. М. Ад Маргинем Пресс.

Davidson, D. (1971). Agency. In *Agent, Action, and Reason*, Binkley, Bronaugh, and Marras (eds.), Toronto. University of Toronto Press.

Harman, G. (2016). *Immaterialism*. Polity Press.

**ТЕОРИЯ АБСТРАКТНЫХ ОБЪЕКТОВ Э. ЗАЛТЫ
И РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ
НЕСУЩЕСТВУЮЩИХ ВЕЩЕЙ**

Е. В. Рахманина

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва
rahmaninaev@gmail.com*

Определение идентичности несуществующих объектов – задача, которая неизбежно возникает в случае принятия любой из реалистских трактовок несуществующего. Если конкретные объекты физического мира обладают ограниченным набором свойств, наличие или отсутствие которых мы можем проверить, несуществующие объекты (идеальные, вымышленные или противоречивые, такие как круглый квадрат) гораздо сложнее сравнивать между собой ввиду отсутствия инструментария для подобной операции. Одним из философов, указавших на проблему, был американский философ У. В. О. Куайн. В статье «О том, что есть» он писал: «Пусть, к примеру, в дверях застрял толстый человек, пусть здесь же застрял и лысый. Это один и тот же возможный человек или их двое? Как мы решим? Сколько людей может оказаться в этом дверном проеме? Худых больше, чем толстых. А сколько одинаковых? Или одинаковость делает их одним? Возможно ли, чтобы две вещи были одинаковыми? Или же, как говорят, две вещи не совпадают? Или же в конечном счете понятие тождества просто не применимо к неактуализированным возможностям?» [Куайн, 2003, с. 9] Куайн приходит к выводу, что, если, говоря о такого рода вещах, невозможно вынести точное суждение об их тождественности или нетождественности, то элиминативистский подход, согласно которому пустые термины полностью элиминируются как не имеющие референта, является единственно верным. Несмотря на серьезность аргумента Куайна подход американского философа Э. Залты к анализу несуществующего, по моему мнению, помогает решить проблему идентичности, что я постараюсь доказать.

Свою теорию Залта называет теорией абстрактных объектов и определяет как метафизическую, так как, в отличие от физики, которая занимается конкретными объектами, метафизика стремится описать абстрактные объекты. Абстрактные объекты – «это объекты, которые предполагаются

нашей научной концептуальной основой» [Zalta, 2004]. Например, когда мы занимаемся естественными науками, мы можем использовать натуральные числа для подсчета или измерения, и натуральное число в таком случае будет абстрактным объектом. Теория абстрактных объектов, таким образом, направлена на систематизацию и аксиоматизацию объектов такого рода.

Рассуждение Залты основано на различии, введенном учеником А. Майнонга Э. Малли, между экземплификацией и кодированием свойств. Более формально – « Fx » (« x экземплифицирует F ») и « αF » (« α кодирует F »). Первый вид предикации необходим для анализа существующих объектов. Например, когда мы говорим: «Джон (реально существующий Джон) счастлив», мы подразумеваем, что «счастлив» является свойством, а «Джон» – примером реализации такого свойства. Таким же образом работают и двухместные предикаты: в высказывании «Джон любит Мэри» (Rxy) Джон и Мэри будут являться примерами двухместного свойства «любить». Другой тип предикации, кодирование свойств, используется для описания абстрактных и, в частности, вымышленных объектов. Любому набору свойств соответствует некий объект, который будет кодировать эти свойства. Шерлок Холмс не является примером свойства «быть детективом», так как не является физическим объектом с определенным набором физических свойств, но он может его кодировать, то есть определять его в качестве объекта и позволять отличать от всех других объектов. В естественном языке не происходит разделения на два типа предикации, что порождает двусмысленность, например, когда мы говорим, что видели во сне некий объект, который является монстром (x is F). Поэтому определить, какой тип предикации имеет место в конкретном высказывании, обращая внимание только на используемую связку, невозможно. При этом несуществующие объекты также могут экземплифицировать некоторые свойства, например, объект «Шерлок Холмс» может иллюстрировать свойство «быть вымышленным». Интересно, что «Шерлок Холмс» может одновременно кодировать свойства «быть детективом», так как это свойство принадлежит ему как объекту вымысла, и экземплифицировать свойство «не быть детективом», так как он не существует в действительности.

Залта также предлагает собственную классификацию объектов, разделяя их на обычные (ordinary) и абстрактные (abstract). В группу обычных входят объекты, обладающие существованием или возможным, или физическим. Объекты, которые не заключают в себе противоречия, а значит могут экземплифицировать свойства, которые они кодируют, Залта называет

возможными. Физически существующие объекты он называет конкретными. Абстрактные объекты не могут быть конкретными, то есть они по определению не существующие. Свой тезис он выражает с помощью формул:

$$\begin{aligned} O! &=_{\text{df}} [\lambda x \diamond E!x]; \\ A! &=_{\text{df}} [\lambda x \neg \diamond E!x], \end{aligned}$$

где «!» – быть существующим, «O» – быть обычным, «A» – быть абстрактным, «λ» – быть таким, что, «E!x» – быть конкретным [2, р. 664].

Также он определяет критерии идентичности для обычных и абстрактных объектов.

Для обычных объектов:

$$x =_E y =_{\text{df}} O!x \ \& \ O!y \ \& \ \Box \forall F(Fx \equiv Fy),$$

где « $=_E$ » – идентичность для обычных объектов. Другими словами, объекты x и y являются идентичными, когда x и y – обычные объекты, которые экземплифицируют одни и те же свойства.

Для абстрактных объектов:

$$x =_A y =_{\text{df}} x =_E y \vee A!x \ \& \ A!y \ \& \ \Box \forall F(xF \equiv yF).$$

Определение идентичности для абстрактных объектов входит в более общее определение идентичности ($x =_A y$), в которое также входит определение идентичности для обычных объектов (до \vee). Другими словами, абстрактные объекты x и y идентичны, когда они кодируют одни и те же свойства [Zalta, 2006, р. 664].

После изложения основных положений теории мы можем перейти к решению проблемы «возможных толстяков». Толстяки в дверном проеме, являясь несуществующими объектами, кодируют свойства «быть толстым» и «стоять в дверном проеме», но не экземплифицируют их. Из этого следует, что, если мы анализируем реальное положение дел, а не вымышленную историю о толстяках, на вопрос о том, сколько в дверном проеме возможных толстяков, мы должны ответить, что в дверном проеме нет никого. Подобным образом мы ответим и на вопрос о сходствах и различиях толстяков. Представляется, что Куайна бы удовлетворил подобный ответ, однако он не является окончательным. Если мы воспримем этот вопрос иначе, а именно как

вопрос о том, сколько теоретически толстяков может стоять в дверном проеме, то, поскольку для Залты возможный объект – это объект, обладающий набором непротиворечивых свойств, хоть и являющийся несуществующим, количество возможных толстяков будет равно количеству различных комбинаций непротиворечивых характеристик, которые может кодировать объект.

Таким образом, теория абстрактных объектов представляется довольно удачной для решения проблем, связанных с идентичностью несуществующих объектов. Она позволяет, оставаясь внимательной к естественному языку, не допускать предположения об их реальном существовании в «мире идей». Меняя угол зрения, мы можем анализировать такие объекты исходя из различных контекстов, не допуская при этом их влияния на физический мир, благодаря чему становится возможным вынесение истинностных суждений о несуществующем.

Литература

Куайн, У. В. О. (2003). *С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков*. Томск. Изд-во Том. ун-та (Библиотека аналитической философии).

Zalta, E. (2006). Essence and modality. *Mind*. No. 115 (459). Pp. 659–693.

Zalta, E. (2004). *The Theory of Abstract Objects*. [Электронный ресурс]. URL: <http://mally.stanford.edu/theory.html> (Дата обращения: 1.10.2022).

ДЖОН ЛОКК И ПРОБЛЕМЫ НАИВНОЙ СЕМАНТИКИ**С. М. Флоридов***Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва
stepanfloridov@gmail.com*

Одним из направлений исследований в рамках философии языка является изучение «наивной семантики», которая включается в более широкую область «теорий значения». Если обратиться к вводным текстам в это проблемное поле, мы увидим, что «наивная семантика» служит точкой отсчета для рассмотрения современных теорий. В качестве иллюстрации в данных работах выступает позиция, изложенная Дж. Локком в III книге его работы «Опыт о человеческом разумении». «Наивная семантика» так же служит иным названием для «референциальных» теорий значения. Она являет собой *повседневное* представление о значении слов (слова «указывают», слова «выражают» и т. д.), и эти положения составляют необходимую часть нашего мышления, их можно считать набором «интуиций», которые приходится исправлять и корректировать, чтобы не впасть в противоречия и ошибки, при переходе к научному дискурсу.

Обозначенная выше картина языкового значения приводит к некоторым базовым затруднениям. Первая проблема – второстепенная роль языка по отношению к мышлению. Язык при таком подходе несет в себе исключительно коммуникативную роль, а не задает то, как мы мыслим. Другая проблема заключается в трудности трансфера приватных идей посредством внешнего инструмента в виде слов и их последующей расшифровки другим человеком. Ещё один вопрос для референциальной теории значения возникает из-за того, что основные элементы нашего языка функционируют в ней по модели имён. Эти трудности обсуждаются Локком в III книге «Опыта» и помогают глубже понять ограничения, с которыми сталкивается данная теория.

Прежде всего важно учесть разделение, которое фиксирует философ – он различает «гражданскую речь» и «философские исследования» [Локк, 1985, с. 543]. Гражданский тип речи отличается тем, что мы «слова принимаем за вещи» – но эта проблема влияет и на философский метод. Чтобы снять эти противоречия, необходимо выявить, что именно «стоит за словами» [Локк, 1985, с. 55]. Локк пишет, что «употребление слов состоит в том, что

они суть чувственные знаки идей, и обозначаемые ими идеи представляют собой их настоящее и непосредственное значение» [Локк, 1985, с. 464]. Так как под идеями Локк понимает восприятия, впечатления, реакции тела, образы, мысли и концепции, становится понятно, что язык обладает огромными выразительными возможностями.

Локк сразу фиксирует несколько ключевых для коммуникации положений – во-первых, идеи, которые стоят за словами, носят приватный характер. При первом рассмотрении это создает трудности для общения, что приводит к скептицизму в отношении возможности взаимопонимания среди людей. Поэтому по Локку в основе коммуникации лежит два допущения: (1) прежде всего в диалоге «предполагают, что идея [...] совершенно тождественна с той, которой дают то же имя понимающие люди данной страны» [Локк, 1985, с. 464]. Второй важный момент (2) заключается в том, что «люди часто предполагают, что их слова обозначают также действительные вещи» [Там же]. Эти два допущения иллюстрирует размышление из II книги опытов, где Локк пишет: «В наших простых идеях не было бы ничего от ложности и в том случае, если бы вследствие различного строения наших органов было бы так определено, что один и тот же предмет в одно и то же время производил бы в умах нескольких людей различные идеи; [...]. Ведь этого никогда нельзя было бы узнать, потому что ум одного человека не может перейти в тело другого. [...] Тем не менее я весьма склонен думать, что чувственные идеи, вызываемые каким-нибудь предметом в умах различных людей, всего чаще бывают очень близки и неразличимо сходны [...] противоположное предположение (если бы его можно было доказать) мало полезно [...]» [Локк, 1985, с. 444].

Один из исследователей работ Локка, Джонатан Беннет, рассматривает этот отрывок, как проявление двух различных аспектов в мысли философа: это одновременно и вопрос о значении и вопрос о восприятиях. И в этом он видит особенность теории Джона Локка, речь идёт о том, что люди пользуются «идеями» для обозначения особого ментального объекта, который работает в нескольких регистрах: (а) придает слову значение, (б) фиксирует чувственное впечатление и (в) состояние говорящего [Bennett, 1971, p. 7].

Следующим пунктом для сопоставления с наивной семантикой является идея «определения». Именно в этом контексте для Локка становится очевидно, что язык содержит в себе неопределяемую компоненту, и такой компонентой становится то, что познается нами через непосредственный контакт любым из доступных для человека чувств – это «простая» идея. «Выпадающим» элементом языковой картины становятся «частицы»

(particles). Здесь важным моментом является то, что Локк признает: теория языка, выстроенная вокруг идей, не предполагает того, что выражения, подобные «частицам», обозначают конкретные идеи. Скорее речь идёт о различных актах мышления, которые показывают отношение ума и идей. Такие выражения необходимы нам «для обозначения связи, которую ум устанавливает между идеями или предложениями [Локк, 1985, с. 529].

Поэтому прежде всего стоит обратить внимание именно на те моменты, где Локк выходит за пределы схемы «наивной семантики» и пытается нащупать причины возникновения некоторых затруднений в использовании языка. Если мы оттолкнемся от его идеи «приватности» и совместим ее с идеей обучения, мы увидим следующее: зачастую мы сначала узнаем само слово или его звучание, а уже затем «связываем» его через обучение и повторение с определенным набором идей. Сам этот процесс, приводит нас к необходимости давать определения, чтобы лучше понимать друг друга. Например, если наша «связка» идей входит в противоречие со «связкой» другого человека, может возникнуть непонимание или даже конфликт, который потребует прояснить, о чем именно мы говорим. Операция «определения» порождает мысль о локализации значения в уме другого человека: с одной стороны, есть общая для нас ситуация (здесь и сейчас) и её различное понимание (обнаруживаемое объективно), отсюда для человека естественным шагом будет поместить это различие в «невидимую» ментальную область и закрепить за словами «смутный» референт. Я предполагаю, что сама склонность к ментализации значения закрепляется на стадии появления сложных понятий, которые можно отнести к тому, что Локк называет «философским» видом речи.

Другой аспект, выявленный Локком, также служит поводом для устойчивой интуиции восприятия языка по модели «именования». Приводя в пример человека, обнаруживающего некоторые выражения языка, которые не поддаются формулировке или попытке прояснить их через другие близкие выражения, Локк приходит к выводу о наличии «неопределяемых» компонентов языка, прояснить которые можно только если ввести какой-то связанный с этим знаком объект. Та же сложность наблюдается и при попытке подвести какой-либо «объект» под те выражения языка, которые все дальше уходят от операции «именования», что видно на примере введения Локком «частиц».

Еще один аспект проблемы, можно назвать «историческим». «Наивная семантика» как часть наших повседневных представлений появляется на определенном этапе научного развития. Как это показано в книге

Я. Хакинга, особое внимание к «идеям» обнаруживает себя при переходе от схоластики к раннему Новому времени, когда научные и сложные термины постепенно проникают в повседневную жизнь. Через усложнение труда возникает потребность в обучении и овладении абстрактными терминами. То есть уже на данном этапе мы видим, как усложнение коммуникации и особенности обучения породили те затруднения, которые позднее будут обнаружены в философии языка. Поэтому работа, осуществленная Джоном Локком, представляется важной в двух отношениях. С одной стороны, это историческая значимость его взглядов для развития философии языка, а с другой – как источник методологических наработок для исследования и корректировки наших повседневных интуиций.

Литература

Локк, Дж. (1985). *Сочинения в 3-х т.: Том I*. М. Мысль, 1985.

Bennett, J. (1971). *Locke, Berkeley, Hume; Central Themes*. Oxford University Press UK.

ВОЗМОЖНОСТЬ ДУАЛИСТИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ИЕРАРХИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ УРОВНЕЙ ОПИСАНИЯ МЕНТАЛЬНОГО

Е. Б. Черезова

*Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск
e.cherezova@g.nsu.ru*

Изучение психики, ментальной сферы в целом осуществляется широким спектром академических дисциплин. Единой науки о ментальном у нас нет. Рефлексия такого положения дел естественным образом порождает идею иерархии уровней объяснения. Влияние как на ученых, так и на философов, исследующих природу научного объяснения психики, оказал трехуровневый подход Дэвида Марра, который является парадигмальным примером нисходящего анализа [Bermudez, 2005]. Этот подход упорядочивает объяснения в иерархию и разграничивает области компетенции различных дисциплин.

Концепция Марра касается только первичной зрительной обработки, которая разбирает визуальный массив данных на трехмерные объекты, стоящие в определенном пространственном отношении друг к другу [Marx, 1982]. Поэтому она имеет очень ограниченное применение и не претендует на полноту описания процесса зрительного восприятия. Марр выделил три уровня, на которых может быть проанализирована зрительная система, на каждом этапе анализа решаемые проблемы становятся более ограниченными и конкретными. На верхнем вычислительном уровне рассматриваются особенности среды, которые необходимо моделировать организму, и имеющиеся у него ресурсы, что позволяет сформулировать ограничения и функции первичной зрительной обработки. На этом уровне задача анализа состоит в том, чтобы (а) перевести общее описание когнитивного феномена в описание конкретной проблемы обработки информации, и (б) определить ограничения, в рамках которых должно действовать любое решение задачи. Это предметное поле нейropsychологии. На алгоритмическом уровне определяется подробный набор инструкций, которые обеспечат решение задачи. Здесь необходимо указать способ представления входных и выходных данных, который позволит сформулировать алгоритм, т. е. серию вычислительных шагов для их преобразования. Это область экспериментального изучения систем восприятия в психофизике. Основная задача на третьем уровне состоит в том, чтобы найти физическую реализацию этого

алгоритма, т. е. идентифицировать структуры и найти механизмы на нейронном уровне. Это уже предметное поле нейрофизиологии и нейроанатомии. Классы поведенческих закономерностей, на уровне психологии здравого смысла, не могут быть выявлены на других уровнях объяснения. Одни поведенческие характеристики объясняются другими поведенческими же характеристиками, психические явления объясняются через другие психические явления. Это горизонтальный тип объяснения через апелляцию к отдельным предшествующим во времени событиям или состояниям того же объяснительного уровня.

Вертикальный тип объяснения характеризует отношения между различными объяснительными уровнями и обычно апеллирует к более низким уровням. В широком смысле вертикальное объяснение является основанием горизонтальных объяснений. В связи с этим возникает вопрос: является ли горизонтальное объяснение действительно объяснением, или настоящее объяснение должно быть только вертикальным? Может ли горизонтальное объяснение высокого уровня быть элиминированным указанием на вертикальное объяснение в совокупности с горизонтальным объяснением низкого уровня? Как психология здравого смысла взаимодействует с данными когнитивистики и нейронауки, т. е. более низкими уровнями объяснительной иерархии?

Один из вариантов решения этой проблемы предложен Э. Дж. Лоу, это дуалистическая модель «Автономного разума» [Lowe, 2006]. Основная идея заключается в том, что причинное объяснение со ссылкой на психические состояния не сводимо к – или не исключается в пользу – причинного объяснения со ссылкой на нейрофизиологические состояния. Важной частью любой хорошей теории сознания, по Лоу, должна быть попытка показать, что такие объяснения не только не конкурируют друг с другом, но и взаимно поддерживают и дополняют друг друга. Рассмотрим в качестве примера случай преднамеренного и полностью добровольного поднятия руки, например, чтобы привлечь внимание. Собственно телесные причины этого движения при ретроспективном рассмотрении разветвляются в сложный лабиринт предшествующих событий в нервной системе, которые распространены по большим областям моторной коры и нигде не имеют единого фокуса, а причинные цепочки, к которым они принадлежат, кроме того, не имеют четких начал.

И все же, интуитивно, мысленный акт решения переместить руку кажется с интроспективной точки зрения, единичным и единым, не составным событием, которое каким-то образом инициировало действие по поднятию руки.

Непосредственный вопрос, таким образом, заключается в том, можно ли вообще и как согласовать эти два очевидных факта? Не оказывается ли ментальная причина сверхдетерминирующей? Прежде всего, Лоу указывает на то, что акт выбора приписывается человеку, тогда как нервные события приписываются частям тела человека: и человек, и его тело, согласно этой концепции разума, являются отдельными вещами, хотя и неразделимыми. Более того, акт выбора причинно объясняет движение тела иначе, чем то, как это объясняют нейронные события. Разница между двумя видами причинно-следственных объяснений ясно проявляется, когда мы рассматриваем их соответствующие контрфактические последствия. Не похоже, что можно выделить какое-либо нейронное событие или какой-либо набор нейронных событий, наступление которых имело бы точно такие же последствия, как и наступление решения агента. Скорее, самое большее, что можно сказать, это то, что если бы то или иное нервное событие или набор нервных событий не произошли, движение руки могло бы протекать несколько по-другому – возможно, более резко или быстрее, – а не то, что рука оставалась бы в покое или вместо этого он [агент] двигался бы совершенно по-другому. Но если бы агент не решил поднять свою руку, тогда вообще не было бы движения руки такого рода – рука либо оставалась бы в покое, либо двигалась бы иначе, если бы агент решил вместо этого сделать другое движение. Вот почему ментальные и нервные причины произвольных движений тела должны быть различны при последовательном допущении, что такие движения имеют как ментальные, так и нервные причины. Нейронное объяснение относится к конкретным событиям в нервной и мышечной системе и объясняет, почему рука двигалась определенным образом – с такой-то скоростью и в таком-то направлении в определенное точное время. Напротив, акт выбора объясняет факт, почему движение произошло – потому что незадолго до этого агент решил поднять эту руку. Это решение, конечно, не определяло точную скорость, направление и время движения руки, только то, что движение такого общего рода должно было произойти примерно в это время.

При этом ментальная причинность явно отличается от телесной или физической причинности. Самое главное, ментальная причинность интенциональна, это причинность предполагаемого эффекта определенного рода. Вся физическая причинность «слепа» в том смысле, что физические причины не «направлены» на свои следствия так, как это делают ментальные причины [Lowe, 2006b]. Интенциональная причинность – это причинно-следственная связь фактов, в то время как телесная причинность – это причинно-следственная связь событий. Лоу полагает,

что необходимо использовать оба вида причинно-следственных связей, чтобы дать полное объяснение человеческим действиям, и автономная концепция разума, по-видимому, лучше всего подходит для учета этого факта. Но теперь может возникнуть вопрос: как возможно, чтобы ментальные акты принятия решений объясняли что-либо в физической области, если эта область причинно закрыта?

Интенциональная причинность, в соответствии с автономной моделью разума, не нарушает тезис о каузальной замкнутости физического мира, поскольку он не постулирует, что ментальные акты принятия решений или выбора являются событиями, посредничающими между телесными событиями в цепочках причинно-следственных связей, ведущих к чисто физическим эффектам. Он не постулирует, что в цепочках физической причинно-следственной связи существуют «пробелы», которые «заполняются» ментальными событиями [Lowe, 2006b]. При таком подходе интенциональная причинность в автономной модели будет принципиально невидимой с точки зрения когнитивной науки. Физикалисту эта невидимость покажется причиной отвергнуть концепцию преднамеренной причинности как ложную, потому что «ненаучную». Но более непредубежденным философам это покажется скорее причиной не усматривать подлинного конфликта между объяснением в физических и биологических науках и другим, более гуманистическим способом объяснения наших намеренных действий, ссылающимся на наш выбор или решения и причины, по которым мы их принимаем. Таким образом, интенциональность становится центральным понятием в функционировании человека как агента.

Литература

Bermudez, J. L. (2005). *Philosophy of psychology: a contemporary introduction*. New York, London: Routledge.

Marr, D. (1982). *Vision: A Computational Investigation into the Human Representation and Processing of Visual Information*. New York: W. H. Freeman and Company.

Lowe, E. J. (2006). Defence of the Autonomous Mind. In *Philosophy of Mind Review*. Vol. 5. No. 3. Pp. 32–40.

Lowe, E. J. (2006b). Non-cartesian substance dualism and the problem of mental causation. *Erkenntnis*. Vol. 65. No. 1. Pp. 5–23. DOI 10.1007/s10670-006-9012-3.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПОНИМАНИЯ ЗДОРОВЬЯ

Д. В. Бебякин

*Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск
d.bebyakin@g.nsu.ru*

Тема здоровья традиционно важна для философской мысли, начиная с Древней Греции и заканчивая проблематикой современной философии. Внимание к теме здоровья проявляется не только на теоретическом уровне, но также имеет важное практическое значение. Понимание здоровья, его критериев и параметров, отношение к здоровью – все это оказывает существенное влияние как на индивида, так и на общество в целом. С пониманием здоровья связаны уровень качества жизни, экономическое благополучие, безопасность, предсказуемость, степень человеческой ответственности и др.

На протяжении историко-философского процесса понимание здоровья претерпевало существенные изменения, специфика которых диктовалась рядом основополагающих факторов, связанных с социально-экономическими условиями, культурным фоном, особенностями образования, доминирующей идеологией, господствующей религией, климатическими условиями, уровнем развития науки и техники и др.

Понимание здоровья формировалось и развивалось в непосредственной взаимосвязи с развитием философии. Так в период античности существенный вклад в представления о здоровье вносили врачи-философы, такие, как Гиппократ, Гален и Герофил. В философии, наряду с представлениями о человеке, природе, бытии, познании, сознании, формировались также и предельные критерии здоровья и здорового образа жизни, интерпретации здоровья и патологии, значение страдания в жизни человека.

С некоторой долей условности, в рамках каждой эпохи представления о здоровье формировались во взаимосвязи с основной линией развития философии: в период античности – космоцентризма, в средневековье – теоцентризма, в Эпоху Возрождения – антропоцентризма и гуманизма, в Новое Время – гносеоцентризма, наукоцентризма, в рамках современности – плюрализма. Для того чтобы конкретизировать понимания здоровья на каждом из указанных

выше этапов, следует уточнить взаимосвязь с историко-философским контекстом, культурным и мировоззренческим фоном, на основе которого и происходила кристаллизация представлений о здоровье.

Античность – период, в рамках которого представления о здоровье отделяются от мифологического миропонимания, которое связывало здоровье в первую очередь с фигурами богов, таких, как Асклепий и Гигея. Немалую роль в этом процессе сыграло формирование медицинских школ: Александрийской, Кротонской, Косской. Античные представления о здоровье формировались на пересечении таких понятий, как космос, гармония, первоначало, баланс, природа, калокагатия (гармоническая красота, исходящая не только от тела, но и от нравственного совершенства). Алкмеон, врач-философ считал, что здоровье – это баланс между различными силами (например, холодное-горячее), равновесие которых способствует благополучию, а дисгармония между ними рождает патологию. Основоположник гуморальной теории Гиппократ полагал, что здоровье человека зависит от баланса между четырьмя жидкостями, и только деликатный баланс между ними позволяет говорить о здоровье. В философии Платона здоровье ставится в один ряд с красотой и силой [Платон, 2016, с. 326]. Соматическое здоровье у Платона также является важной и неотъемлемой частью Блага [Каунова, 2015, с. 67]. Аристотель в присущей ему манере ставит здоровье в зависимость от недостатка и излишества, на примере гимнастических упражнений [Аристотель, 1983, с. 305]. Философ рассматривал здоровье в качестве баланса между крайностями [Абдульманова, 2005, с. 198], где избыток или недостаток гимнастических упражнений оказывались вредоносными, и только умеренность приводила к благому результату.

В период средневековья сформировалось отношение к телесному здоровью человека как к чему-то второстепенному. Основой так понимаемого телесного здоровья являются представления о несовершенстве человеческой природы, о том, что «земной план существования» предшествует «небесному». Жизнь представляется испытанием, в процессе которого страдания неизбежны. Преодоление страданий является необходимым для продвижения на пути к Богу. Болезнь при этом могла рассматриваться как в качестве наказания, так и блага. Таким образом, преодоление страданий, связанных с болезнью, культивировало смирение [Шок, 2014, с. 195], становилось частью борьбы с грехом.

В эпоху Возрождения внимание мыслителей смещается к человеку. Значимым становятся проявления человеческого в различных формах его реализации. Провозглашается ценность именно человеческого. На фоне этого появляется интерес к изучению тела, его функций. В целом человек рассматривается

как гармоничное креативное существо, в котором эмоциональная сфера тесно связана с соматической [Пидлубный, 2019, с. 91]. С развитием анатомии, появлением анатомических театров меняется представление о здоровье человека. Растёт уровень ответственности самого человека за состояние его здоровья. Формируются зачатки фармакологии в лице швейцарского философа Парацельса, который подчёркивал важность баланса химических элементов в функционирование организма и опасность их разбалансировки. Здоровье рассматривается, во-первых, как необходимое условие реализации творческой активности человека, становления его индивидуальности. Во-вторых, здоровье начинает рассматриваться как ценность.

В период Нового Времени представления о здоровье формировались в контексте наукоцентризма и механистического подхода. Тело человека представлялось отлаженным механизмом, биологическим автоматом. Примеры подобного подхода можно найти, к примеру, в труде французского врача-философа материалиста Ламетри «Человек-машина» и в философских трудах Декарта, который также являлся основоположником рефлекторной теории. Понимание здоровья начинает приближаться к идеалам научности. «Расколдовывание» природы приводит к тому, что представления о здоровье начинают очищаться от предрассудков и суеверий. Так английский философ Фрэнсис Бэкон, исходя из представлений о биологической природе человека, стремился освободить науку от заблуждений средневековья [Михаленко, 2001, с. 27], формируя представление о здоровье как о правильном функционировании «животных духов».

Современные представления о здоровье в течении XX и XXI веков прошли несколько этапов в своем развитии. В начале XX века формируется представления о здоровье как о фундаментальной ценности, как индивидуальной, так и общественной. Процесс индустриализации общества оказывает существенное влияние на организацию общественного здоровья. Постепенно формируется хэлсизм – сверхценное, бдительное отношение к своему здоровью. Происходит объективизация здоровья. В отношениях между медицинским работником и пациентом начинает преобладать патернализм, подчёркивающий ведущую роль врача и пассивную роль больного как ведомого.

Во второй половине XX века представления о здоровье формируются в условиях противоречивого контекста. Объективированное понимание здоровья остаётся на завоеванных позициях, но вместе с тем изменяется социальный контекст понимания здоровья. Нарастает интенсивность правозащитных движений, в том числе за права пациентов, увеличивается хроникализация заболеваний, растут возможности медицинской диагностики, что позволяет

обнаружить патологию, пусть и совсем незначительную, почти у каждого человека. Формируется основа для масштабной трансформации в понимании здоровья. Наконец, в конце XX–начале XXI века представления о здоровье подверглись серьёзному переосмыслению. Патология, в силу экологических, алиментарных, диагностических, наследственных причин, стала настолько привычным явлением, что здоровье перестало восприниматься как отсутствие патологии. Возникает идея «общества ремиссии» [Frank, 2013, p. 8]. Представление о здоровье субъективизируется. Информационный плюрализм постепенно ведет к обесцениванию информации о здоровье. Объективизация здоровья начинает утрачивать свои позиции в пользу пациенто-ориентированного подхода (нарративная медицина, комплаенс, контрактная модель взаимоотношения врача и пациента). Одним из важнейших факторов, повлиявших на указанную трансформацию, является цифровизация общества (лёгкий доступ к информации, цифровизация здравоохранения, и др.).

Литература

Абдульманова, Л. В. (2005). Логика исторического развития представлений о телесности и здоровье в зарубежной философии и педагогической мысли. *Гуманитарные и социально-экономические науки*. № 3. С. 193–198.

Аристотель (1983). *Собрание сочинений в четырёх томах, том 4*. М. Издательство «Мысль».

Каунова, Е. В. (2015). Философия здоровья в Античности. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 1–1. С. 65–69.

Михаленко, Ю. П. (2001). Ф. Бэкон о здоровье человека. А. Т. Шаталов. *Философия здоровья*. М. ИФ РАН. С. 24–33.

Пидлубный, Р. А. (2019). Здоровье человека: эволюция философских идей от средневековья до нового времени. *Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки*. № 2. С. 82–93.

Платон (2016). *Полное собрание сочинений в одном томе*. М. «Издательство АЛЬФА-КНИГА».

Шок, Н. П. и др. (2014) Понятия здоровья и болезни в эллинской традиции и раннем христианстве. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 3–1. С. 195–198.

Frank, A. W. (2013). *The wounded storyteller: Body, illness, and ethics*. Chicago. University of Chicago Press.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕИ
«АПОЛЛОНОВСКОГО» И «ДИОНИСИЙСКОГО»
В ПОСТМОДЕРНИЗМЕ**

А. А. Бондарева

*Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
bondareva.anastasiya@gmail.com*

Философия Ф. Ницше во многом определяет развитие континентальной философии в XX и XXI веках. Взгляды Ницше на человека и культуру, в независимости от того, принимаются они или отрицаются, продолжают формировать горизонт современной философско-антропологической проблематики.

Один из вариантов модификации философского наследия Ф. Ницше представлен в творчестве французских постмодернистов. Ж. Батай, М. Фуко, Ж. Делёз, Ж. Бодрийяр, Ж.-Ф. Лиотар развивали такие ницшеанские темы, как «непреодолимая кризисность» современной культуры и критическое отношение к ней, нигилизм, «переоценка ценностей», перспективизм, эстетизация и абсолютизация роли языка, телесность, «воля к власти» и многие другие. Наряду с развитием ницшеанских мотивов постмодернизм «обогастил» философскую методологию неклассическим инструментарием: генеалогия, деконструкция, грамматология, нарративы. Сами французские философы, как и исследователи их творчества, отмечают наличие «понятийного», «стилистического», «общеметодологического» влияния Ницше [Robinson, 1999]. Однако до настоящего момента не изучен ряд вопросов, раскрывающих сущность и форму развития определенных ницшеанских тем и мотивов в постмодернизме.

Парадоксальные смысловые «перевертыши» демонстрируют нелинейность развития идей Ницше в постмодернизме. Это явление закономерно, поскольку соответствует принципиальной позиции постмодернизма: если культурный знак существует, то он может стать импульсом для свободной философской игры. Примером такой игры является трансформация дизъюнкции «аполлоновского» и «дионисийского». В качестве материала выступает одна из основных идей Ницше о системном кризисе, о сведении сущности человеческой культуры к феномену разума в рационалистической философии Нового времени.

Сравнительный анализ, проведенный по темам философии Ницше и постмодернистов, показывает, что их также объединяют два «постулата»: эстетика как онтологическое основание мира и гомогенность мира и человека.

Несмотря на точки пересечения, миропонимание постмодернистов существенно отличается от философии Ницше. Философы постмодернизма абсолютизируют идею аполлоновского начала и выделяют именно первоэлемент гомогенности, то есть «знак», в то время как у Ницше гомогенность мира и человека определяется не конкретной вещью, а скорее гомогенным характером связей и отношений между элементами. Смещение онтологического акцента с характера отношений на единственно существующую знаковую, присущую человеческому мышлению и культуре в целом, привело философию постмодернизма к следующим противоречиям.

Во-первых, «иррациональность» постмодернизма обретает оттенки, не свойственные семантическому полю «философии жизни» Ф. Ницше. Речь идёт о «сверх-рациональности», интенсификации аполлоновского начала, повышенной интеллектуализации. Если в дионисийском, иррациональном начале Ницше видел потенциал к рождению нового, несемантического языка генерации и трансляции смыслов, которые по своей сути невербальны, то постмодернисты вычеркнули иные источники жизни и культуры, кроме семиотических (в первую очередь, графических, вербальных, текстоцентричных). Отсюда не-жизненность их философии.

Во-вторых, придавая ценность многообразию живого и настаивая на оценочном перспективизме, философы постмодернизма вместе с тем отрицают возможность смыслопорождающей философии. Постмодернистский дискурс отменяет вопрос о «здоровой культуре», так как гомогенная знаковая культура не подразумевает связи с ценностями, смыслами, которые лежат вне «складок» поверхности. Более того, метафора психического «нездоровья», бессмысленного, шизофренического скольжения по поверхности означающих, становится ценностью постмодернизма.

В-третьих, уничтожив понятие субъекта, постмодернизм пришел к гносеологическому, коммуникативному и этическому тупику. Представители постмодернизма выражают страх и отвращение даже к самой возможности существования единого ядра или стержня личности, что является следствием «конца метафизики» [Sheehan, 2004]. В таком случае рождаются вопросы: как человек сохраняет самоидентичность? какой «орган» внутри или снаружи человека оценивает и деконструирует идеологемы? При кон-

статации «смерти автора» тексты приобретают способность сопоставляться между собой самостоятельно [Барт, 1989]. В таком случае непонятно, при каких условиях возможен этот процесс сопоставления, если субъект и субъект-объектные отношения отсутствуют? Дионисийское начало, обернувшееся произволом знаков, очевидно, не способно стать опорой для культурного диалога или иной коммуникации. Фантомность и обезличенность людей-симулякров превращает любой дискурс и диалог в необязательный. Свобода и ответственность ницшеанского сверхчеловека трансформируется в инфантильность обезличенной массы.

В-четвертых, в философии постмодернизма совершается великая мистификация: телесный, вещественный мир уничтожается под хвалебные оды телесности. Трансформация концепта «танцующего тела» Ницше, которое по признакам органично, физично и физиологично, в постмодернистское виртуальное «тело-без-органов» несет новые следствия, значимые в ситуации глобальной цифровизации общества.

В заключение отмечу, что философия постмодернизма является фундаментом современной культурной ситуации и требует глубокого анализа. Создатели трансгуманистических проектов используют в своих целях ницшеанскую терминологию и аргументы. Возвращение к истокам современного типа философствования способствует критической оценке формирующейся мыслительной парадигмы и может стать импульсом для поиска свежих идей.

Литература

- Барт, Р. (1989). *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. М.
- Robinson, D. (1999). *Nietzsche and postmodernism*. (Postmodern Encounters).
- Sheehan, P. (2004). Postmodernism and philosophy. *The Cambridge companion to postmodernism*. Cambridge University Press. Pp. 20–43.

**АРХЕОЛОГИЯ ДЕТСКОГО ОПЫТА:
ПСИХОАНАЛИЗ VS. ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ**

С. В. Бердаус

*Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
s.berdaus@yandex.ru*

*Статья подготовлена при финансовой поддержке
РФФИ №20-011-00911 «Предпосылки формирования феноменологической
философии и перспективы феноменологического метода»*

Одной из базовых предпосылок психоанализа выступает апелляция к детскому опыту. В примитивном изложении схема рассуждений такова: ранний возраст человека исключает возможность рационального освоения переживаемого опыта, однако именно этот опыт – сосредоточение и причина большинства «поломок» в процессе психического созревания. Тело ребенка вовлечено в разнообразное бытование: он что-то видит, что-то слышит (звуки, запахи), его кто-то трогает или что-то его касается, он что-то пробует на вкус, он подчинен машинерии собственной выделительной системы и т.п. Этот первичный хаос неотрефлексированных ощущений сгущается в сложнодифференцированный композит, который и определяет те или иные черты характера подрастающего человека. Например, уже практически вошло в фольклор предречение тех или иных свойств характера в зависимости от прохождения оральной, анальной, генитальной стадий развития, предложенных З. Фрейдом.

Можно высказать предположение, что, очевидным или неочевидным образом, психоанализ кропотливой археологией детского опыта компенсирует, заполняет пустоту, критическим образом сказывающуюся на всей современной психологии. Мы имеем в виду отсутствие в этой отрасли гуманитарного и естественнонаучного знания универсальной системы принципов и обоснований, что влечет предметно-методологический конфликт и дефицит компетентно разработанного терминологического аппарата. Эта компенсаторная функция аналитики детского опыта очень примечательна. И в наше время можно уже не делать каких-то особых поправок, касающихся споров о ненаучности психоанализа. Не то чтобы этот спор разрешен, если это,

в принципе возможно, а главное – нужно. Дело скорее в инициации некоторых исследований, которые позже подхватываются на более научнообразном уровне, если можно так выразиться. Мы имеем в виду работы М. Кляйн, Д. Винникота, Ж. Лакана, А. Грин («Мертвая мать»), Ф. Дальто («Бессознательный образ тела») и многие другие.

Гораздо менее ожидаемой можно считать тематизацию детского опыта в трансцендентальной феноменологии. Для философии в целом более традиционным считается такое берущее начало в античности отношение к корреляции возраста и опыта: «о разуме и об основных способностях души стойки говорят, что разум не сразу проявляется в человеке, но складывается к четырнадцати годам при участии чувственных восприятий и представлений» [Столяров, 2002, с. 98]. А феноменология, даже если принимать во внимание высокую маневренность её методологии, всё-таки рационалистическое предприятие, пусть и выходящее далеко за пределы классических рамок рационалистической философии. Тем не менее, в поздних текстах, посвященных проблемам интерсубъективности, а также пограничным проблемам феноменологии мы можем встретить своеобразные, небольшие по размеру тексты, скорее заметки, в которых проблематизируется вот это, обозначенное вверху, бытование грубого, эмпирического опыта там, в том «месте», где еще рано говорить о конституировании субъективности.

По сути, это область фантазматических переживаний, уже интенциональных по своей сущности. Если бы это было не так, то ребенок, пожалуй, не смог бы перешагнуть на другую стадию развития. Он так бы и «смотрел» на своем внутреннем экране этот «телевизор» внешней событийности. Бесспорно, здесь мы повторяем самые базовые положения из теорий М. Кляйн, Д. Винникота и т.п. Они здесь приведены для иллюстрации той имплицитной связности эмпирической психологии (куда мы относим и психоанализ) и феноменологической психологии, которую пошагово нужно обнаруживать и описывать для формулирования универсальных принципов генезиса субъективности. Итак, согласно Гуссерлю: «для начала раннего детства мы вынуждены предполагать систему влечений, которой следует приписать интенциональную протопассивность (Ur-Passivität), которая предполагается любым развитием и постоянно в нем работает. Прото-Я (Ur-Ich) с его системой влечений (Triebssystem) в прото-форме и прото-содержании оказывает воздействие в виде пассивности, а затем активности: в системе влечений уже есть предрасположенность к конституции всего мира в виде энтелехии» [Husserl, 2013. S. 102].

«...мы вынуждены предполагать...» пишет Гуссерль. «Предполагать» для феноменологии – это сильный шаг, в отрицательном смысле. Но прибегая к нему, основатель феноменологии как бы заочно легитимизирует спекулятивные обобщения тех же М. Кляйн и Д. Винникота относительно иррационального этапа становления субъективности, разворачивающегося на почве детского сознания. Здесь, как еще выражается Гуссерль, можно говорить о «рациональности иррациональности». Археология субъективности приобретает новые черты, когда мы смотрим на неё сквозь призму археологии детского опыта.

Однако феноменология имеет неоспоримое преимущество, которое блокирует наступление тех неизбежных последствий, от которых повсеместно страдает психоанализ, в том числе детский психоанализ. Мы имеем в виду символически нагруженную практику истолкования. Феноменология «предполагает», но ровно столько, чтобы, нащупав почву, сразу же обратиться к дескриптивному анализу прото-пассивности.

Интенциональность, феноменология фантазии [Husserl, 1980], анализ активных и пассивных синтезов сознания, комплексность Я в нашем сознании¹, «систематический демонтаж нашего полного опыта (восприятия, первоначальных апперцепций опыта)» [Husserl, 1973. S. 115] – все это опирается в точку прото-пассивности детского опыта. Поднимая эту тему в своих позднейших работах, Гуссерль подошел к очень важной черте в аналитике сознания. Эта черта нашла свое продолжение в трудах психоаналитиков. Но возможно настал момент, когда и феноменологии стоит взяться за ее полноценную разработку в рамках трансцендентальной методологии.

¹ «Я не имеет фактических свойств; оно имеет исключительно так-бытие как субъект убеждений, сделанных самим собой. <...> Убеждения, учрежденные таким образом в Я, не порождаются Я, оно не формирует их, не создает себя в своей первоначальности Я. Следовательно, оно зависит от другого, его убеждений и мотивации. Оно думает, оценивает, действует не само по себе, а следует внушениям другого, оно живет в нем, соперничает ему и живет с ним, а также утверждает, участвует, занимает позицию в качестве соавтора мнения [отношение, оценка]. <...> Но мы также должны заранее различать: «пассивное» сопровождение и свободно осознанное [заимствование] решения другого» [Husserl, 1968. S. 212].

Литература

Husserl, E. (2013) *Grenzprobleme der Phänomenologie. Analysen des Unbewusstseins und der Instinkte. Metaphysik. Späte Ethik. Texte aus dem Nachlass (1908–1937)*. Dordrecht Heidelberg New York London. Springer.

Husserl, E. (1968). *Phänomenologische Psychologie. Vorlesungen Sommersemester*. Dordrecht. Springer Science+Business Media.

Husserl, E. (1980). *Phantasie, Bildbewusstsein, Erinnerung. Zur Phänomenologie der anschaulichen Vergegenwärtigungen*. The Hague, Boston, London. Martinus Nijhoff Publishers.

Husserl, E. (1973). *Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Zweiter Teil: 1921–1928*. Den Haag. Martinets Nijhoff.

Столяров, А. А. (пер.) (2002). Фрагменты ранних стоиков. Т. 2. ч. 2: Хрисипп из Сол: физические фрагменты. М. «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина.

ЛЮБОВЬ И ОТРЕШЕННОСТЬ В РЕЙНСКО-ФЛАМАНДСКОЙ МИСТИКЕ

Е. В. Быков

*Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск
e.bykov1@g.nsu.ru*

Одной из наиболее важных проблем для исследователей рейнско-фламандской мистики остается связь учения Мейстера Экхарта с движением бегинок. Это обусловлено тем, что средневековое женское движение оказало значимое влияние на мистический язык Экхарта, который лег в основание всей последующей немецкой философской мысли. Данное влияние заключается в отказе рейнским мистиком от использования латыни в своих проповедях и переходе к немецкому языку, для которого он разработал необходимые понятия. При этом в проповедях Экхарт наставлял, прежде всего, своих духовных дочерей, которые были непосредственно связаны с женским еретическим движением, что не могло не оказать влияния на его собственные философские воззрения. Так, Эмили Цум-Брунн вовсе считала невозможным становление мистического учения Экхарта без литературного наследия бегинок [Zum Brunn, 1988]. Тогда как М. Л. Хорьков подчеркивал полемичный характер взглядов Экхарта по отношению к женскому еретическому движению [Хорьков, 2003]. Схожей позиции придерживался М. Ю. Реутин, обращая внимание на стремление Экхарта воцерковить религиозный опыт бегинок [Реутин, 2011].

В литературном творчестве бегинок мистическое познание выражается через понятие «любовь». Для развития этого понятия они использовали одновременно куртуазную литературу и христианское богословие, известное им не в полной мере. С одной стороны, они применяли представление о трояственной природе Бога как о любви, взятое из богословских трактатов. Это размыкало природу Бога и допускало человека в его внутреннюю природу. С другой стороны, они использовали образы и сюжеты из куртуазной литературы, чтобы показать особенности взаимоотношений души с Богом. Прежде всего, бегинки хотели выразить сопряженное с любовью чувство разлуки, а также радость после воссоединения с Богом.

В трудах Хадевейх Брабантской, Мехтильды Магдебургской и Маргариты Поретанской мы можем обнаружить разную степень взаимодействия Бога и человека. Так у Хадевейх человек пылает любовью к Богу и изо всех

сил стремится к нему, а Бог остается лишь открытым и недостижимым для него [Furlong, 1996]. Поэтому человеку доступно полное мистическое единение только после его смерти. У Мехтильды мы также находим тему страдания, но в отличие от Хадевейх у нее допустимо полноценное единение Бога и человека в любовном экстазе [Мехтильда Магдебургская, 2008]. Это обусловлено тем, что человек и Бог в равной степени стремятся к взаимоотношениям между собой, поскольку они оба одинаково любят друг друга. В учении Маргариты только Бог обладает подлинной любовью, и чтобы обрести ее, человек должен уничтожить себя, то есть отказаться от всех своих устремлений [Marguerite Porete, 1993]. Поэтому у Маргариты любовь пристекает в большей степени со стороны Бога.

В учении Мейстера Экхарта мы можем обнаружить критику любовного восхождения к Богу посредством понятия «отрешенность» [Майстер Экхарт, 2001]. Для Экхарта мистическое познание начинается с отрешенности от внешнего мира, поскольку для него самопознание есть подлинное познание, тогда как чувственное восприятие препятствует познанию своей души. При этом отрешенность является высшей добродетелью, превосходящей любовь и другие добродетели, так как только отрешенность способна очистить душу от всего сущего и погрузить ее в божественный мрак. В этом взгляды Экхарта отличаются от взглядов бегинок, для которых высшей целью мистического познания является экстатическая любовь. Если любовь привносит в душу некоторое отношение к сущему, то отрешенность выводит душу из любых отношений множественности и существования. Это обусловлено тем, что любовь постигает именно Троицу, породившую множественный мир и наделившую бытием все сущее, тогда как отрешенность приводит к единой природе Бога, пребывающую вне каких-либо отношений с творением.

Таким образом, суть отрешенности заключается в том, чтобы отказаться от отношений с творением и очистить душу от множественных образов сущего. Более того, человеку необходимо отказаться даже от самой Троицы, поскольку имеющийся в душе образ множественного Бога препятствует подлинному познанию единого Бога посредством самопознания. Это обусловлено тем, что чувственные образы воздействуют не только на внешнюю часть души, но и на глубинную природу человека, тем самым внося множественность во внутреннее единство души. Данное воздействие во многом обусловлено направленностью человеческого внимания на чувственные образы, а не на собственную разумную природу. Поэтому человеку необходимо отрешиться от любого внешнего воздействия и обратить свое внимания вглубь себя, чтобы познать собственную разумную природу и природу Бога.

В итоге мы можем говорить о полемичном характере учения Экхарта по отношению к воззрениям бегинок. В его учении мы обнаруживаем противопоставление понятия «отрешенность» и понятия «любовь», которое использовалось для выражения религиозного опыта женщинами-мистиками. Это противопоставление заключается в том, что отрешенность направлена на очищение человека от всего внешнего и чувственного. Тогда как любовь есть выход человека из себя, что размыкает его для связи с Троицей. Тем не менее, нельзя утверждать, что Экхарт был непосредственно знаком с текстами бегинок, поскольку описания любовно-мистического опыта в трудах женщин-мистиков содержательно превосходят критикуемые представления о любви в учении Экхарта.

Литература

Майстер Экхарт (2001). *Об отрешенности*. Пер., вступ. ст. и коммент. М. Ю. Реутина. М., СПб. Университетская книга.

Мехтильда Магдебургская (2008). *Струющийся свет Божества*. Пер. Р. В. Гуревича, Е. В. Соколовой, В. А. Сухановой. М. Наука.

Реутин, М. Ю. (2011). *Мистическое богословие Майстера Экхарта. Традиция платоновского «Парменида» в эпоху позднего Средневековья*. М. Издательство РГГУ.

Хорьков, М. Л. (2003). *Майстер Экхарт: введение в философию великого рейнского мистика*. М. Наука.

Epiney-Burgard, G., Zum Brunn, E. (1988). *Femmes troubadours de Dieu*. Tumahout. Brepols.

Furlong, M. (ed.) (1966). *Visions and longings: medieval women mystics*. Boston. Shambhala Publications Inc.

Marguerite Porete (1993). *The Mirror of Simple Souls*. Mahwah. Paulist Press.

СПОР О ВНУТРЕННИХ ОТНОШЕНИЯХ В БРИТАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Д. Д. Васильев

НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва
ddvasilev@edu.hse.ru

*Исследование осуществлено в рамках
Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ*

Аналитическая философия начала XX в. началась со спора британского мониста-идеалиста Фрэнсиса Герберта Брэдли и его ученика – Бертрана Рассела. В данной работе мы разберем один из аспектов ранней аналитической философии, который развил Бертран Рассел из дискуссии с Ф. Г. Брэдли – вопрос о феномене отношений в философии, и покажем несостоятельность критики Бертраном Расселом теории Брэдли.

Проясним контекст того, что вызвало сомнение Б. Рассела. В начале своего труда «Явление и действительность» Брэдли на примере кусочка сахара рассматривает, чем являются отношения и свойства. Так, когда мы говорим об объекте реальности, нам необходимо определить, по каким свойствам мы отделяем его от других объектов. Вслед за Брэдли, рассмотрим в качестве примера кусочек сахар – какие он имеет свойства [Bradley, 1920, p. 19]? Во-первых, неверно считать, что можно выделить какое-то субстанциональное свойства среди других. Если выделить в сахаре «сладость» как его свойство, то едва ли можно будет выделить его относительно других сладких объектов. Однако невозможно определить объект как простую совокупность всех его свойств, ведь, рассматривая один объект в виде кусочка сахара, нельзя выделить чистые «сладость», «белизну», «квадратность» и др. В объекте эти свойства находятся в некотором единстве. Также эти свойства необходимо находятся во внутреннем отношении с предметом, имеющим их. То есть, внутреннее отношение – это такое отношение, которое невообразимо вне своей связи с субъектами отношения [Ewing, 1934, p. 124.]

Бертран Рассел в своих статьях “Логический атомизм”, “Some explanations in reply to Mr Bradley” и книге “Principles of Mathematics”, а также в лекциях “Философия логического атомизма” вступает в дискуссию с Брэдли по поводу внутренних отношений. Эта дискуссия была начата

Расселом [Рассел, 1999, с. 11] для того, чтобы на критике британских идеалистов-гегельянцев выстроить свою плюралистическую онтологию, в которой внешние отношения являются единственными существующими. На основании изменения онтологического статуса отношений на внешние Рассел выстраивает свой логический атомизм, так как для этой философской теории необходимы внешние отношения, ведь брэд-лианске внутренние отношения не позволяют выделить мельчайшие логические элементы – логические атомы [Russel, 1910, p. 373], так как для этого необходимо, чтобы отношение само по себе имело независимый онтологический статус, тогда как внутренние отношения Брэдли его не имеют и всегда «тянут» за собой субъекты [Hylton, 1990, p. 54–55].

Однако Рассел строит свою теорию, а не критикует Ф. Г. Брэдли, так как вслед за Брэдли не проводит различие между внутренними отношениями и свойствами. Основной причиной этому является то, что он намерено упускает из вида то, что Брэдли настаивает на невозможности отождествления свойств и отношений.

Монистическая теория внутренних отношений, как пишет Рассел, заключается в том, что в пропозиции субъекты существенно отличаются в сравнении с тем состоянием, ели бы мы взяли их отдельно – сама пропозиция ничего не говорит о субъектах а и b, она сказывается о субъекте (ab) и об их внутреннем отношении (редуцируемом к свойству) [Рассел, 1999, с. 158]. Этой трактовке отношений можно привести контраргумент в виде ассиметричных отношений, в которых важна постановка субъектов отношения и смысл, который она передает. Рассел видит проблему в том, что, в соответствии с монистической теорией, многие отношения, имеющие ассиметричный характер, перестанут реально отображать смысл, передаваемый в пропозиции из-за того, что субъекты рассматриваются как целое, о котором говорит отношение. Возьмем отношение части к целому: «когда мы говорим “а является частью b”, если монистическая теория истинна, мы на самом деле утверждаем, что что-то в единстве а и b не может быть связано только с b» [Russel, 1903, p. 227]. Таким образом теряется часть смысла, заложенного в пропозицию, ведь отсутствует способность выделения для субъектов отношения тех свойств, которые отличают их друг от друга и делают существенным их перестановку в предложении (существенным по влиянию на смысл предложения) [Russel, 1903, p. 322]. Для того, чтобы избавиться от подобной трудности, следует избавиться от этой формы субъектно-предикатного анализа, которая подразумевает неразрывную внутреннюю связь субъектов.

Как уже было сказано, Б. Рассел настаивает на редуцируемости отношений к свойствам, что делает несостоятельной его аргументацию, так как он упускает один из основных тезисов Брэдли о различии внутренних отношений и свойств. Для того, чтобы выступить с такой позиции, Расселу следовало бы, приняв позицию Брэдли о различии свойств и внутренних отношений [Bradley, 1920, p. 25], показать несостоятельность этого разграничения, чего он не предпринял. Поэтому нужно рассмотреть другой подход, который предложил Дж. Эдвард Мур.

Соглашаясь с возможностью несводимости внутренних отношений к чистым свойствам, Дж. Мур утверждает, что Ф. Г. Брэдли неверно интерпретирует то, что он имеет в виду под внутренними отношениями, предполагая, что внутренние отношения в трактовке Брэдли являются некоторыми «релятивными свойствами» [Moore, 1919, p. 43–45] (не являющимися собственно обычными отношениями, которые могут быть свободно рассмотрены вне связи с субъектом), употребимые только в связи с объектом. Это рассмотрение является более успешным, ведь Дж. Мур не прямо противоречит основным положениям Брэдли, а, принимая, что отношения у Брэдли неразрывно связаны со свойствами, пытается отождествить их.

Другими словами, в интерпретации Мура внутренние отношения приобретают такую форму: из наличия определенного свойства x необходимо следует, что субъект имеет такую форму, в какой он не находился бы вне этого релятивного свойства. Тезис Брэдли в такой интерпретации не устраивает Мура, так как он убежден в том, что подобные релятивные свойства не эссенциальны для их обладателей и субъект остается самим собой, даже если он им не обладает [Cardillo, 2018, p. 30–31]

Таким образом, Мур более корректно разобрал «доктрину внутренних отношений» Брэдли, не исключая важной ее части – различия свойств и отношений. Он разделил то, что Брэдли называет отношениями, на «отношения» и «релятивные свойства», предположив возможность анализа внутренних отношений как релятивных свойств, более близких к учению Брэдли.

Подводя итоги, необходимо сказать, что спор о внутренних отношениях, поднятый Берtrandом Расселом, стал одной из предпосылок появления аналитической философии. При этом, сам спор был достаточно бессмысленным, так как в вопросе отождествления внутренних отношений со свойствами наиболее активный критик Брэдли Берtrand Рассел не принимал во внимание различие свойств и внутренних отношений у Брэдли. Поэтому был рассмотрен Дж. Э. Мур, так как его интерпретация позволяет различать отношения и свойства.

Литература

Рассел, Б. (1999). Логический атомизм. Кольчужкин, Е. Философия логического атомизма. Томск. Водолей. С. 11–27.

Bradley, F. H. (1920). *Appearance and reality: a metaphysical essay*. London: Routledge. 630 p.

Cardillo, J. S. (2018). *The Logic of Internal Relations*. Senior Projects, Annandale-on-Hudson. New York. 48 p.

Ewing, A. (1934). *Idealism: A Critical Survey*. New York: Routledge. 464 p.

Hylton, P. (1990). *Russell, Idealism, and the Emergence of Analytic Philosophy*. Oxford: Oxford University Press. 287 p.

Moore, G. E. (1919). External and internal relations. *Wiley*. № 20. Pp. 40–62.

Russell, B. (1903). *The principles of mathematics*. London. Routledge. 576 p.

Russell, B. (1910). Some explanations in reply to Mr. Bradley. *Mind*. № 75. Pp. 373–378.

**ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕЛЯТИВИЗМ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ:
ЯЗЫК И КОММУНИКАЦИЯ**

Н. М. Гутара

Санкт-Петербургский государственный университет,

г. Санкт-Петербург

aniina.tara@gmail.com

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ,
проект №21-18-00174 «Историзм как парадигма гуманитарных наук»*

В XX столетии классическая историография столкнулась с новыми вызовами, поставленными постмодернистской теорией перед всеми гуманитарными науками. Прошлое, долгое время реконструируемое историками в форме, претендующей на неизменную объективность и универсальность, теперь было переосмыслено в духе постструктурализма – впервые было указано на повествовательную природу любого знания о прошлом; история стала восприниматься как текст. Отсутствие прошлого как непосредственно познаваемой реальности побудило многих исследователей к поискам новой (постмодернистской) методологии исторического познания, согласно которой текстуальная форма, сохраняющая опыт прошлого, стирает грань между литературой и историей. Эта ситуация радикальной чувствительности к регистру нарратива была обусловлена т.н. лингвистическим поворотом, распространившим со временем своё влияние на все области гуманитарного знания. Для историографии в этот период идея о примате языка, который понимался теперь не только как инструмент выражения мысли, оказалась решающей: знание интерпретации текста, по меткому выражению Анкерсмита, стало неотличимо от знания самого текста [Анкерсмит, 2003].

Наш доклад сосредоточен на вопросах «нарративизации» истории – особого периода в историографии конца XX столетия, когда классический взгляд историзма на знание о прошлом был критически рассмотрен и дополнен постструктуралистской тенденцией. Как известно, Ролан Барт в своей статье «Дискурс истории» от 1966 года одним из первых проблематизировал дихотомию вымышленного и исторического, подвергнув анализу классическое представление о главенствующей роли императива реальности

в историческом изложении. Он показал, что грань между литературным вымыслом и повествованием о прошлом неоднозначна; через критику исторического дискурса средствами семиологии доказывается, что вместо императива реальности ситуацию исторического изложения сопровождает лишь её эффект, а значит, в письме нет ничего, что существовало бы до самого акта письма [Барт, 2003]. Похожую интуицию мы прослеживаем и у Хейдена Уайта, американского историка и литературного критика, предложившего рассматривать историческое изложение как чистый риторический дискурс: форма подачи материала в таком случае оказывается более информативной, чем содержание самого исторического факта. История, по мысли Уайта, имеет тенденцию к оформлению в виде специфического сюжетного модуса – романа, трагедии, комедии, сатиры, – а значит, у истории как таковой отсутствует научный статус, поскольку каждый историк оказывается невольным заложником той риторики, которая господствует в его эпоху [Уайт, 2002]. Таким образом, исторический факт оказывается подменён текстом, а историческое исследование сводится к анализу литературных тропов, выбранных в силу тех или иных обстоятельств историка.

Однако стоит отметить, что наряду с известной склонностью к низведению истории в статус литературного, а не научного наследия, в постструктурализме развивается и тенденция к проблематизации нарратива как такового. Жан-Франсуа Лиотар определил постмодерн как радикальное недоверие в отношении метанарратий, или *отказ от великих повествований*: он настаивал на игровой равноправности множества сосуществующих картин мира и указывал, что предложенный ранее проект модернистского прогресса, сведённый к формированию ценностного высказывания об истине, переживает глубочайший кризис, связанный с опытом XX столетия, который показал, что деятели науки не обладают каким-то бесспорным знанием и, более того, даже не могут прийти к полному согласию относительно того, что есть истина в принципе [Лиотар, 1998]. С ним оказался солидарен и другой известный теоретик, Жан Бодрийяр, который пишет об утрате чувства истории как непосредственного переживания – в наши дни она переходит в статус мифа, или отстранённого от скучной обыденности нарратива о героических свершениях прошлого, о напряжении между жизнью и смертью в период смуты или войны. История оказывается виртуализированным повествованием, а реальные политические события, пропущенные через фильтры средств массовой информации и другие идеологические аппараты, теряют свою плотность, превращаясь в произведения кинематографа [Бодрийяр, 2016].

В связи с нашим интересом к проблеме соотношения языка и истории, мы сосредоточимся и на теоретических выводах Кита Дженкинса – историка, оказавшегося особенно близким по духу к вышеописанным классикам постмодерна. Согласно его взглядам, история утратила собственные характеристики и стала очередным жанром литературы; наряду с недоверием к великим идеям мессианства, Дженкинс подчёркивает и возрастающее недоверие к научной исторической дискуссии. Истории необходима эмансипация, т.е. освобождение от иллюзий объективизма и универсализма, доставшихся ей в наследство от позитивистских установок XIX века. Следствием такой перестановки сил стало отрицание телеологизма в истории и даже наличия у неё собственного ценностного измерения: исторический опыт теперь не может служить основанием для суждений о законах общественного развития или нравственного устройства человеческих сообществ [Jenkins, 1991]. Поскольку историческое описание отнесено Дженкинсом к сфере литературного творчества, то и релевантным подходом к его критическому исследованию может стать деконструкция текста по методу Деррида, когда путём вычленения бинарных оппозиций, выстраивающих иерархию смыслов и расставляющих ценностные акценты, доказывается, что речь идёт не о научном факте, а всего лишь о соотносённости с той или иной точкой зрения. При этом важно понимать, что сама по себе деконструкция не предлагает какого-либо нового знания – она лишь обращает внимание на иллюзию беспристрастности, раскрывая идеологический и этический релятивизм многих работ в историографии.

Наконец, для содержательной полноты доклада нельзя оставить в стороне труды голландского философа Франклина Рудольфа Анкерсмита, стремившегося выделить самостоятельную логику исторического нарратива. В своих работах он обращает внимание на особое состояние современной историографии, когда для научной работы с текстом необходимо ознакомиться с внушительным числом авторитетных интерпретаций; сам же текст как будто лишается статуса полноценного арбитра исторических дебатов, обратившись в бледную тень от самого себя [Анкерсмит, 2003]. Научный путь Анкерсмита представляет для нас особый интерес, поскольку его подход не ограничивается деконструкцией и критикой существующих текстов; позже Анкерсмит предложит выйти за пределы языкового анализа и найти такую модель познания истории, благодаря которой факт прошлого может наконец заявить о своей независимости от исторического описания. Итогом его исследований стала концепция ностальгического опыта, раскрывающего

различие, которое обнаруживается между историей и настоящим днём, а не единственную универсальную реальность прошлого [Там же].

Подводя итог, хочется ещё раз подчеркнуть важность последнего замечания: лингвистический поворот в историографии позволил критически отнестись к недостаткам исторической перспективы, сыграв важную роль в развитии науки о прошлом; тем не менее, в переложении на современную ситуацию, многие тезисы постструктурализма в историографии кажутся чрезмерно радикальными. Мы не предлагаем вновь сосредоточиться на исключительном внимании к языку, поскольку любая релятивистская установка имеет существенные ограничения, когда целью становится поиск оснований научной объективности. Очевидно, что работа над разработкой методологической парадигмы должна быть продолжена, не иссякнув в единственном регистре языка и коммуникации. Между тем можно утверждать, что актуальность постмодернистского подхода сохраняется для оценки формирования исторического нарратива в СМИ, а также для поддержания status quo историка, умеющего видеть существенную разницу между научным фактом, идеологическим суждением и субъективной точкой зрения на описываемые им события прошлого.

Литература

Анкерсмит, Ф. Р. (2003). *История и тропология: взлёт и падение метафоры*. М. Изд-во «Прогресс-Традиция».

Барт, Р. (2003). Дискурс истории. *Система моды. Статьи по семиотике культуры*. М. Изд-во им. Сабашниковых. С. 227–234

Уайт, Х. (2002). *Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века*. Екатеринбург.

Лиотар, Ж.-Ф. (1998). *Состояние постмодерна*. Москва, Институт экспериментальной социологии.

Бодрийяр, Ж. (2016). *Дух терроризма. Войны в заливе не было*. Москва. РИПОЛ классик.

Jenkins, K. (1991). *Why history? Ethics and postmodernity*. L., N. Y. Routledge.

АРИСТОТЕЛЬ В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ В РУССКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

О. С. Егорова

*Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
oksana12egorova@gmail.com*

Изучая представления о личности Аристотеля, его биографию по произведениям русской интеллектуальной светской литературы дореволюционного периода, мы встретили несколько изображений философа. Известно, что любые иллюстрации несут определённую смысловую нагрузку и в отношении изображаемого предмета, и автора художественного произведения, и эпохи, в которую оно создавалось. Интерпретация художественного образа Аристотеля, заключённого в обнаруженных изображениях, дополнит тематические письменные свидетельства, способствуя воссозданию цельного образа философа и позволит выявить его художественные особенности в русской интеллектуальной литературе XIX в.

В данном исследовании речь пойдёт о четырёх изображениях, послуживших иллюстрациями к тематическим работам об Аристотеле. Три из них содержатся в энциклопедических изданиях, одно – в научно-популярном. Наиболее раннее изображение Аристотеля (рис. 1) [Энциклопедический лексикон, 1835, с. 52] опубликовано на страницах «Энциклопедического лексикона» (он же «Лексикон Плюшара») (1835–1841 гг.) – первой универсальной энциклопедии на русском языке. К её созданию были привлечены крупнейшие отечественные учёные и литераторы своего времени. Ещё два изображения философа находятся в другой крупной энциклопедии XIX в. – «Настольном энциклопедическом словаре» (более известном как «Энциклопедический словарь Гранат») (1892–1940 гг.). Изображения Аристо-

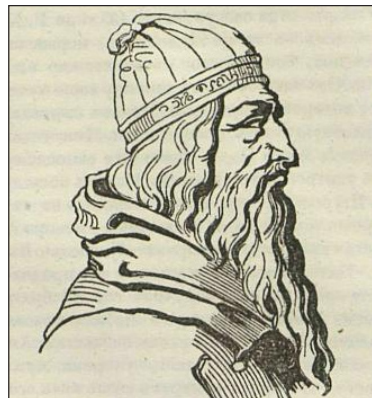

Рисунок 1

теля помещены здесь в качестве иллюстраций к соответствующим статьям о философе, в 1-м (1891 г.) (рис. 2) [Настольный энциклопедический словарь, 1891, с. 267] и в 4-м (1900 г.) (рис. 3) [Настольный энциклопедический словарь, 1900, с. 275] изданиях. Последний, четвёртый рисунок (рис. 4) [Литвинова, 1892, фронтиспис], содержится в научно-популярном очерке «Аристотель, его жизнь, научная и философская деятельность» (1892 г.) русской женщины-математика, педагога и популяризатора науки Е. Ф. Литвиновой. Отметим, что данная работа вышла в знаменитой серии художественно-биографических книг «Жизнь замечательных людей». Закономерно предположить, что согласно специфике указанных жанров, изображения Аристотеля так или иначе должны были отражать общепринятые научные представления изучаемой эпохи об облике философа.

Рисунок 2

Обратимся непосредственно к обнаруженным иллюстрациям. Удалось установить, что изображение Аристотеля в «Энциклопедическом лексиконе» (рис. 1) представляет собой весьма точную литографическую копию с гравюры «Аристотель» итальянского гравёра XVI в. Энеа Вико, выполненную по рисунку неизвестного автора. Аутентичное изображение итальянского мастера впервые появилось в книге картографа и издателя Антонио Лафрери «Speculum Romanae Magnificentiae» («Зеркало величия Рима») – своеобразной средневековой энциклопедии, относящейся к жанру так называемой «зеркальной литературы». Как видно на рис. 1, Аристотель изображён в виде пожилого человека (старца) с длинной бородой; на его голове фригийский колпак; «античные» одежды философа стилизованы под XVI в. и изображены такими, как их представляли себе гуманисты. В. П. Зубов отмечает, что на протяжении XVI в. Аристотель в европейской традиции весьма часто изображался в рамках подобного псевдоаристотелевского стиля [Зубов, 2000, с. 322].

Не вполне ясно, чем именно руководствовались издатели «Энциклопедического лексикона», подбирая иллюстрацию Аристотеля для статьи. Не исключено, что изображение мог выбрать сам автор статьи о философе. В данном случае им был писатель, доктор медицины и хирургии, профессор физики и химии С. Я. Нечаев. На наш взгляд, данная статья «Аристотель» (1835 г.) является значимой работой для русской историографии. Она содержит одну из первых полных биографий философа, написанных на русском языке; к тому же статья учитывает ряд современных для того времени научных достижений. Принимая это во внимание, кажется странным, что в качестве иллюстрации было выбрано весьма устаревшее средневековое изображение философа. С другой стороны, данный факт (кто бы ни поместил в «Лексикон Плюшара» этот рисунок), в совокупности с другими условно «биографическими» текстами отечественных авторов первой половины XIX в. об Аристотеле, наглядно свидетельствует о недостаточной сформированности в русской интеллектуальной литературе устойчивых научных представлений о биографии и внешнем облике философа, их некоторой отсталости от общенаучной традиции.

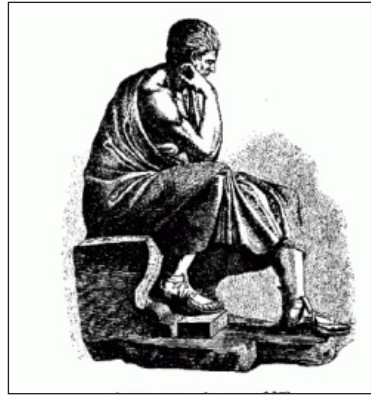

Рисунок 3

Рисунок в первом издании «Настольного энциклопедического словаря» (рис. 2) весьма точно воспроизводит гравюру «Римский консул» итальянского скульптора, гравёра и издателя XVII – начала XVIII в. Доменико де Росси. Подпись к рисунку гласит «Аристотель», хотя очевидно, что исходное изображение к философу не относится. На нём в полный рост изображён мужчина, стоящий в задумчивой позе; его руки сцеплены перед животом; одежды напоминают сложившиеся в Новое время стереотипные представления об облике древних греков и римлян.

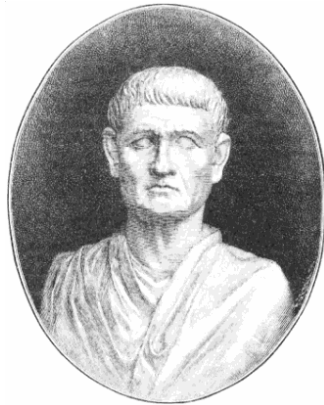

Рисунок 4

Вышеописанная иллюстрация Аристотеля во многом образно переключается с изображением, помещённом в четвёртом издании «Энциклопедического словаря Гранат» (рис. 3). Здесь философ также представлен в задумчивой позе (но в сидячем положении), держит правую руку у лица; в тех же «античных» одеждах; это безбородый и вовсе не пожилой человек, а скорее – мужчина, достигший своего акме.

Несмотря на сходство символики внешнего облика Аристотеля на обеих представленных иллюстрациях, их оригиналы различны. Так изображение из четвёртого издания «Словаря» восходит к известной римской копии греческой статуи сидящего философа (предположительно – Аристотеля), которая хранится в Палаццо Спада в Риме. Примечательно, что именно эта статуя вплоть до XX в. часто считалась подлинным изображением Аристотеля. Символические особенности обеих иллюстраций наглядно показывают смену представлений о художественном образе Аристотеля и об античных философах в целом в русской интеллектуальной литературе конца XIX в.

Наконец, ещё одно изображение Аристотеля (рис. 4) находится в работе Е. Ф. Литвиновой. Как отмечено, данный портрет был напечатан с гравюры, изготовленной специально по заказу издателя в мастерской некоего Гедана в Лейпциге [Литвинова, 1892, с. 1]. Он весьма точно воспроизводит гравюру «Аристотель» французского картографа и гравёра первой половины XIX в. Амбруаза Тардьё. По нашему предположению, ввиду очевидного внешнего сходства, обе иллюстрации (А. Тардьё и в русском издании) являются вариациями, созданными по мотивам вышеописанной статуи сидящего философа, хранящейся в Риме. В отличие от иллюстраций, представленных в «Настольном энциклопедическом словаре», здесь мы видим лишь бюст. Однако это первое и единственное из обнаруженных нами изображений, где внешний облик философа является не простой схематической иллюстрацией с набором соответствующей символики, а представляет собой детализированный портрет, обладающий индивидуальностью и передающий черты реального человека (каким его видел художник).

Таким образом, изображения Аристотеля в русской интеллектуальной литературе XIX в. наглядно показывают особенности трансформации художественного образа философа, обусловленность этого процесса научными и культурными тенденциями эпохи.

Литература

Настольный энциклопедический словарь (1891). Том I. А–БОТНИЧЕСКИЙ ЗАЛИВ. М. С. 267–268.

Настольный энциклопедический словарь (1900). Том I. А–БОТНИЧЕСКИЙ ЗАЛИВ. Изд. четвёртое. М. Типография Общества распространения полезных книг. С. 267–268.

Энциклопедический лексикон (1835). Том третий. АРА–АФО. СПб. Типография А. Плюшара. С. 52–54.

Зубов, В. П. (2000). Иконография Аристотеля // Зубов В. П. *Аристотель*. М. Эдиториал УРСС. С. 319–332.

Литвинова, Е. Ф. (1892). *Аристотель, его жизнь, научная и философская деятельность*. СПб.

ДИОНИСИЙСКИЕ МИСТЕРИИ КАК ОПЫТ СЛИЯНИЯ С ТРАНСЦЕНДЕНТНЫМ

Е. Д. Ермоленко

*Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск
e.ermolenko1@g.nsu.ru*

Работа выполнена при поддержке РНФ № 22-18-00025

Основой экстатических практик, направленных на поклонение Дионису, было освобождение от иллюзорности мира и единение с истинной природой жизни. В работе представлена попытка анализа того, как представлен этот аспект дионисийского культа в текстах Ф. Ницше и Р. Жирара.

В «Рождении трагедии из духа музыки» Ф. Ницше переносит вопрос о слиянии с трансцендентным, пра-Единым в область эстетического. Именно дионисийское переживание природной силы, обезличивающее индивида, уничтожающее я, делает художника-творца проводником единой мировой воли. Аполлоническое начало формирует язык, с помощью которого творец оформляет образы, возникшие вследствие слияния с первоосновой. Последовательно это можно изложить так: через «лирического гения» в дионисийском потоке действует дух, который Ницше сравнивает с «мировой волей» Шопенгауэра [Ницше, 2001, с. 94]. Это слияние воплощает музыка, как пульсация природы; то, что существует до организованности в гармонию и последовательность нот. Следующим этапом становится воздействие аполлонического: художнику являются образы, и он ищет знаки, слова для того, чтобы с их помощью создать произведение искусства. На этапе дионисийского единства «гений сливается в акте художественного порождения с праисконным художником мира», а благодаря аполлоническому принципу индивидуации он становится «поэтом, актером, зрителем» [Ницше, 2001, с. 91]. Какова роль языка в этом процессе? Ведь нахождение в дионисийском экстазе подавляет человеческое в человеке, но возбуждает животное и божественное. Аполлоническое же делает из человека творца, освобождает действие. Это и есть процесс индивидуации, который возможен благодаря языку. Он рождается из музыки, подражает ей, является ее следствием. Язык создает автора, поскольку до момента

погружения в сновиденческий мир Аполлона, ногами человека пляшет Дионис. В творчестве музыка предстает именно как язык Аполлона. Поскольку дионисийская музыка, согласно Ницше, доступна только в состоянии мистического экстаза, слияния с прабытием, и невербализуема без наложения аполлонических форм на тот эмоциональный и глубоко интуитивный субстрат, с которым сталкивается художник, и проводником которого в этот мир он является. Только через художественный акт возможно соединение с единым творцом, и творческий процесс предстает как религиозный опыт.

Р. Жирар представляет дионисийское празднество как жертвенный кризис, главным предвестником которого является стирание различий: теряется бинарность женского и мужского, животного и человеческого, божественного и мирского, палача и жертвы. Дионис предстает богом, воплощающим собой насилие. Он берет на себя функцию самосуда, освобождая участника мистерии от бремени жестокости [Жирар, 2010, с. 177] Благодаря этому, насилие становится трансцендентным. Мистерияльная связь с божественным осуществляется через акт насилия – жертвоприношение. Несмотря на кажущуюся жестокость ритуала, он направлен исключительно на покой и усмирение неистовствующего начала, порожденного полнотой жизни. Поэтому необходимо внедрить в неё ритуал, экстатический праздник, превращающий осуществление кровожадного действия в своего рода театр.

В этом контексте была рассмотрена концепция «Театра Жестокости» Антонена Арто. Несмотря на то, что исследователи чаще отмечают влияние на его идеи именно восточных религиозных практик, (да и он сам в качестве примеров рассматривает восточные театральные традиции) можно предположить, что именно театр жестокости является в какой-то степени воплощением дионисийской мистерии на сцене. Важным инструментом здесь выступает особый язык - «язык объектов, движений, поз, жестов» [Арто, 1993, с. 97], позволяющий вернуться к истокам бытия, архаическому переживанию мира. Само понятие «жестокость» схоже по своей мистерияльной функции с насилием, как его интерпретирует Жирар. Жестокость – это то, что преодолевает различия и ограничения, это насильственное проникновение в пространство зрителя. Она порождает состояние «вырождения, в котором все мы пребываем» и позволяет «заставить метафизику войти в души лишь через кожу» [Арто, 1993, с. 97]. Преодоление любых преград между зрителем и актером создает единое пространство спектакля, становящегося новой реальностью. Для этого необходимо избавиться от сцены и зала не только пространственно, но и на уровне взаимодействия. Театр жестокости,

построенный на безумии и мифологии, является театром жизни в смысле ζωή (ссылаясь на различие между ζωή и βίος, которое проводит Карл Кереньи [Кереньи, 2007, 23]), владыкой которой и является Дионис.

Изучение культа Диониса становится актуальным в рамках заданной темы, поскольку потребность общества в поиске в себе архаического начала является неотъемлемой частью как религиозных практик, так и искусства. В таком контексте творческий акт становится религиозным опытом, очищающим и вводящим в транс посредством неистовства. Примером этого является появившаяся в XX в. концепция театра Антонена Арто или же «венский акционизм», ярким представителем которого является Герман Нитч. Последний в своем «Театре оргий и мистерий», используя элементы дионисийской мистерии [Булатов, 2018, с. 276] (о которой нам известно немного, и в целом лишь из трагедии «Вакханки» Еврипида), такие как жертвоприношение и спарагмос (раздирание животного голыми руками), пытается преодолеть нормы морали, что по мнению Ницше было важным аспектом в культе. Кровь, органы животных во взаимодействии с человеческим телом являются медиумом в произведениях Нитча. Вновь обратившись к Жирану, можно понять, что целью акций является катарсис, ведь значение крови двойственно: она «демонстрирует то, что насилие одновременно является и тем, что грязнит, и тем, что очищает».

Таким образом, рассмотрение различных подходов к пониманию дионисийского экстаза должно способствовать более глубокому пониманию этого необычного и трудно поддающегося рациональному схватыванию феномена, существующего как на уровне религиозной жизни, так и в закоулках нашего сознания. Изучив вопрос о слиянии с трансцендентным в дионисийском культе, рассмотрев то, как это отражено в работах философов, мы можем попытаться ответить на вопрос об истоках человеческого стремления к безумию.

Литература

- Арто, А. (1993). *Театр и его двойник*. М. Изд-во: Мартис.
- Булатов, Д. А. (2018). Искусство катарсиса. Венский акционизм и преодоление поколенческой травмы. *Искусствознание*. № 2. С. 272–297.
- Кереньи, К. (2007). *Дионис: прообраз неиссякаемой жизни*. М. Ладомир.
- Ницше, Ф. (2001). *Рождение трагедии*. М. Ad Marginem.
- Жиран, Р. (2010). *Насилие и священное*. М. Новое литературное обозрение.

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА В ОБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ОНТОЛОГИИ

Л. А. Кайд

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
ludmilapromptova@gmail.com*

Темой нашего доклада является современная критика редукции реальности к языку в рамках объектно-ориентированной онтологии. В нашей работе рассматриваются подходы К. Мейясу, Т. Мортонa и Г. Хармана.

В основном, в рамках объектно-ориентированной философии критика редукции реальности к языку идет по линии преодоления корреляционизма. Согласно определению французского философа К. Мейясу, корреляционизм – это антиреалистический подход, отрицающий возможность достижения «реальности в себе, существующей абсолютно независимо от... точки зрения, ... категорий, или ... эпохи, или культуры, или языка, и т.д.» [Мейясу, 2013]. При этом именно язык и сознание были главными «средами» корреляции в XX в. [Мейясу, 2015, с. 13].

Внешний мир, объективная реальность при подобном прочтении выступают лишь в роли коррелята нашего сознания или же языка. Эти две среды и есть единственные доступные нам объекты-миры. Они открыты миру и одновременно представляют из себя клетку, делающую недоступным мир-в-себе. В сильной – современной – версии корреляционизма или же строгом корреляционизме мир-в-себе не только недоступен, но и немыслим [Мейясу, 2015, с. 49]. Есть лишь феномены сознания, или же знаки, «плавающие» в небытии [Мейясу, 2015, с. 47]. Подобная позиция, с точки зрения Мейясу, хотя и сыграла позитивную роль в победе над метафизическим догматизмом, чревата оправданием фидеизма и сопутствующего ему религиозного обскурантизма и фанатизма [Мейясу, 2015, с. 68]. Объявляя Абсолют немыслимым, мы легитимируем равную достоверность любых иррациональных подходов, любое верование. Поставить саму проблему деабсолютизации позволяет обращение к архи-ископаемому или доисторическому периоду, который наука изучает без опоры на еще не существовавшего тогда наблюдателя, только производя манипуляции со средой, объектами, и при этом получает точные результаты.

Главной опорой Мейясу для отказа от корреляционизма как господствующей парадигмы является теория качеств, в соответствии с которой

качества делятся на первичные и вторичные. Первые объективны, описываются на языке математики [Мейясу, 2015, с. 8], вторые же субъективны – представляют собой отношение субъекта к объекту и не существуют без первого [Мейясу, 2015, с. 6].

Картезианское доказательство объективности первичных качеств, апеллирующее к существованию и правдивости совершенного Бога, устарело. Что же нам предлагает Мейясу? Следующим шагом после признания равной возможности всех утверждений о «в себе», якобы недоступных рациональному дискурсу и доказательству, будет отождествление знания о пределе мышления – незнании об основаниях сущего пребывать в том или ином состоянии, со знанием об онтологическом свойстве всех вещей быть иными без всяких на то оснований [Мейясу, 2015, с. 93]. Через это абсолютное знание и продиктованный личной позицией отказ от закона достаточного основания, он будет обосновывать критерий непротиворечия и т.д.

Т. Мортон отмечает, что корреляционизм, в том числе, языковой, был определенной политической стратегией 1960-х гг., которая позволяла добиться лишения белых доминирующего положения, избавить европоцентриков от иллюзии всеведения, вездесущности и всемогущества [Мортон, 2022, с. 17–18]. Упомянутое выше равенство и относительность любых версий веры – равно рационально не доказуемых, а значит равно вероятных, действительно лишают логоцентризм оснований, а христианство притязаний на универсальность. Как считает Мортон, сегодня уже отпала необходимость в подобной доктрине. Ее политическая полезность исчерпана. И цель нашего мыслителя – вернуть область, отданную на откуп консервативным силам, левым [Мортон, 2022, с. 18].

Однако очевидно, что сам корреляционизм появляется гораздо раньше периода, на который ссылается Мортон, и, вероятно, перед ним вовсе не стояли какие-либо политические задачи. Соответственно, отказываться от корреляционизма лишь по политическим причинам означает самому благополучно воспроизводить логику корреляционистского круга и примешивать к теории политику и т.д., как бы пуристски это ни звучало. Притяие или неприятие какой-либо концепции, происходящее из-за экстерналистских, а не интерналистских факторов, скорее всего, свидетельствует об ангажированности и заинтересованности.

Если у Мейясу мы находим еще антиидеологическую направленность [Мейясу, 2015, с. 44], хотя и им движет кажущееся внешним желание легитимировать науку и лишить оснований фидеизм и фанатизм и постоянное

желание из области гносеологии совершить прыжок непосредственно в онтологию, то с Мортонем дело обстоит сложнее.

Что касается «интерналистской» критики, Мортону кажется противоречивой позиция корреляциониста. Исходя из деления на корреляты (объекты) и коррелятора (трансцендентального субъекта), мы получаем, что «...вещи именно таковы, какими они являются (они всегда совпадают со своими данными), но никогда не таковы, какими они кажутся (они никогда не совпадают со своими данными)» [Мортон, 2022, с. 28]. Сам по себе корреляционизм предельно антропоцентричен, так как определяет, какие вещи существуют, а какие нет; коррелятор определяет, что есть объект и каким ему быть [Мортон, 2022, с. 27, 31]. Опять же здесь мы видим критику, основанную на определенной системе ценностей. Принято осуждать антропоцентризм – и его осуждают.

Как кажется, можно и по-другому проинтерпретировать положение о существовании и корреляционизм сам по себе. Его цель не в том, чтобы что-то определять, а, скорее, наоборот, показывать предел. Коррелятор скажет, конечно, что нечто существует, но добавит – «для меня». Встав на позицию корреляциониста, мы, как кажется, ограничиваем себя как раз-таки с целью не приписывать внешнему нечто, что ему несвойственно, не изобретаем перспектив, доступа к которым мы не имеем. Вероятно, это более скромная и взвешенная позиция, учитывающая возможные погрешности познания, нежели чем обоснование претензии на Абсолют.

Несколько иной подход к проблеме языка мы находим у Г. Хармана. Вслед за Хайдеггером и Гуссерлем, он говорит о наличии двойной поляризации: между реальным и чувственным и между объектами и их качествами [Харман, 2020, с. 15]. Если соединить реальные скрытые объекты с реальными свойствами (сущность) и полностью доступные чувственные объекты с реальными свойствами (эйдос), то мы наметим еще два разрыва. Эти разрывы препятствуют какому-либо непосредственному описанию действительности.

Как кажется, основная проблема, над которой работает Харман, это обоснование не столько доступа к Абсолюту, сколько возможности языка дать релевантное описание этой «странной», ускользающей, рваной реальности. В ход идет анализ романов Г. Лавкрафта, где содержится опыт фиксации неопишуемого.

Харман выделяет у миров, созданных Лавкрафтом, две специфические черты: «...1) реальные объекты замерли в невозможном напряжении

с нарушенными способностями языка к описанию, и 2) видимые объекты демонстрируют невыносимые сейсмические трения с собственными качествами» [Харман, 2020, с. 33]. Если и существует способ описать такой мир, то это метафора, иносказание, аллюзия. Буквализм противопоказан.

За счет этого, неопикуемая реальность теряет свою привычность и инструментальность. Она становится вновь трансцендентной и недоступной, с одной стороны, а с другой – мы снова начинаем видеть в ней тайну, неявное искривление пространства в, казалось бы, освоенном и совершенно имманентном мире. Следовательно, наше описание начинает отражать некоторое реальное фундаментальное свойство мира, и, в этом плане, Харман отчасти повторяет логику Мейясу. Из незнания он получает позитивное знание и репрезентацию свойства, препятствовавшего какое-либо знание получить.

Литература

Мейясу, К. (2013). Время без становления. *Журнал «Гедтер»* [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/7657> (дата обращения: 17.09.2022).

Мейясу, К. (2015). *После конечности: Эссе о необходимости контингентности*. Екатеринбург. М. Кабинетный ученый.

Мортон, Т. (2022). *Род человеческий. Солидарность с нечеловеческим народом*. М. Издательство Института Гайдара.

Харман, Г. (2020). *Weird-реализм: Лавкрафт и философия*. Пермь. Гиле Пресс.

РЕЦЕПЦИЯ ОНТОЛОГИИ ИСТОРИЗМА В ПОСТАНТРОПОЛОГИИ

А. Г. Корниенко

*Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
akornienko@yandex.ru*

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ,
проект № 21-18-00174 «Историзм как парадигма гуманитарных наук»*

Классическая антропология как совокупность различных научных дисциплин по сути своей являлась проектом эпохи модерна, поскольку именно в модернистской парадигме впервые открывается возможность спрашивать о человеке как человеке, рассматривая его в отрыве от всякого трансцендентного начала. Поэтому, когда в середине прошлого столетия на смену модерну в качестве господствующего умонастроения приходит постмодерн с его программой по радикальному пересмотру фундаментальных положений предшествующей эпохи, антропология, как и ряд других гуманитарных дисциплин, оказывается в ситуации кризиса собственных оснований.

Как отмечает П. В. Розенау, постмодернизм не «судит» о современности исходя из разработанных им же критериев, но пытается выйти за рамки современной парадигмы, «деконструировать» ее и тем самым «реконцептуализировать» наше представление о самих себе и об окружающем нас мире [Rosenau, 1991, p. 4]. Поэтому в своих наиболее радикальных формах постмодернизм «революционен» и в своей попытке переосмыслить основания гуманитарного знания он зачастую не только отказывает ему в претензиях на объективность, но и вообще ставит под вопрос наличие у него специфического предмета, поскольку заявленные им «смерть человека», «смерть субъекта», «смерть автора» ставят под вопрос саму возможность говорить о человеке как о «чем-то» большем чем просто ничто. Все эти программные заявления формируют то, что мы можем условно обозначить как специфическую онтологию, которая, в свою очередь, определяет своеобразие антропологического знания в эпоху постмодерна.

Так, широко известно утверждение М. Фуко о смерти субъекта было направлено, по сути, против ключевого положения не только модернизма,

но и всей новоевропейской метафизики, а именно против отождествления человека с картезианским *cogito*. По мысли Фуко, аподиктически достоверный и самотождественный субъект познания оставался на протяжении нескольких столетий тем онтологическим фундаментом, на котором строилось не только всякое знание, но и различные социальные и государственные институты. В философской антропологии подобная субъектно-центрированная установка находила свое выражение в эссенциалистских взглядах на сущность человека, которая хотя и рассматривалась как подверженная развитию в своем движении к некому идеалу, тем не менее всегда сохраняла свое субстанциальное ядро. В свою очередь, в этнографии, культурной антропологии и других эмпирически ориентированных областях антропологического знания она выражалась в различных формах европоцентризма, в парадигме которого «другой» всегда оставался лишь объектом для более цивилизованного, т. е. рационального субъекта-исследователя.

М. Фуко переосмысляет вышеобозначенную установку, предлагая свою «онтологию» субъекта. Как отмечает А. В. Дьяков, субъект, по мысли Фуко, не есть некая субстанция, но лишь «переменная» или «функция, производная от высказывания» [Дьяков, 2008, с. 46]. Другими словами, сам по себе субъект, а точнее тот предполагаемый и постоянно ускользающий источник продуцирования человеческих смыслов, который предшествующая традиция пыталась зафиксировать с помощью этого обозначения, не есть некая «мыслящая вещь». Он не есть вообще что-то из того, что можно было бы схватить и обозначить с помощью слов. Субъект постоянно сопротивляется подобным попыткам, скрываясь в зазоре между различными дискурсами, тем самым бесконечно провоцируя их и становясь предполагаемым, но никогда не достигаемым полем их возможного пересечения. Поэтому, критически осмысляя историю субъекта от Декарта до Гуссерля, Фуко постулирует исконно «номадическую» природу субъекта и предлагает отказаться от традиционных схем его «схватывания» в различных отраслях гуманитарного знания.

В области философской антропологии этот призыв Фуко нашел отклик в постмодернистской концепции «открытого субъекта», в котором бытие человека фиксируется не в эссенциалистских определениях, а скорее как некое «поле» или «область Бытия» без четких границ, центра или анимической субстанции. В свою очередь, субъект-исследователь в неклассической антропологии или этнографии не понимается более как некий носитель универсального разума, имеющий приоритет в суждении об истине, но только

как интенция, направленная на встречу с другим субъектом/субъектами, вовлекающая всего человека.

Однако, несмотря на всю революционность предложенных М. Фуко и другими постмодернистами подходов, в ходе их мысли порою вполне различимы следы модернистских установок. Так, в ранее упомянутой критике проекта новоевропейской субъективности, проводимой Фуко, мы можем обнаружить ряд методологических положений, развиваемых еще в рамках классического историзма, которые базировались на специфической онтологии.

Как отмечает Ф. Р. Анкерсмит, еще в начале девятнадцатого столетия в трудах классиков немецкого историзма произошел коренной перелом в понимании сущности человека и общества, заключавшийся в смене «статической» на «динамическую» парадигму [Ankersmit, 2012, p. 10]. Если в эпоху просвещения человеческая сущность представлялась неизменной, а жизнь общества организованной в соответствии с вневременными законами, то историзм требует рассматривать всякое сущее как подверженное изменению в процессе его исторического развития, причем так, что ни один из его аспектов не остается незатронутым этими изменениями. Такое методологическое требование содержит в себе вполне очевидную проблему онтологического характера: если все подвержено изменению, то что следует считать субъектом данного изменения? Как отмечает исследователь, эта проблема решается с помощью введения особого конструкта – «исторической идеи», которая призвана выражать своеобразие и уникальность конкретной эпохи, народа, личности и т. д. [Ibid.]. Следствием этого решения стало создание исторического пространства, населенного индивидуальными сущностями со специфическим онтологическим содержанием, чье бытие может быть схвачено только лишь через понимание того, как они стали тем, что они есть.

Как известно, сам Фуко позиционировал себя как радикального критика историзма с его верой в прогрессизм и телеологизм. И в этом смысле позиция Фуко действительно расходится с позицией ряда классиков. Так, Л. Ранке полагал, что исторические идеи являются нематериальными и вневременными факторами, лежащими в основе динамики истории, и проявляются в первую очередь в отдельных личностях или нациях. Фуко отрицает существование подобных идей, привносящих смысл в ход исторического процесса, да и сама история, по его мнению, не континуальна, а дискретна. Однако его проект критики новоевропейского субъекта базируется, по сути, на схожей установке, в которой методология переплетается с онтологией,

а именно на убеждении в том, что в ходе развития всякого явления мы можем выделить его «исторической идею» как предполагаемый субстрат происходящих изменений. Отличие от классического историзма состоит лишь в том, что, обращаясь к истории субъекта и вынося ему неутешительный приговор, Фуко не рассматривает идею субъекта как некую трансцендентную сущность, но предлагает говорить о ней как о наборе смыслов, конституирующих дискурс о нем. Таким образом, на примере критики субъективности, представленной М. Фуко, мы можем наблюдать, как в пространство постантропологического знания проникают онтологические концепты, разработанные еще классиками историзма.

Литература

Дьяков, А. В. (2008). Мишель Фуко: о «смерти человека», о свободе и о «конце философии». *Вестник истории и философии КГУ. Серия «Философия»*. № 2. С. 45–53.

Ankersmit, F. R. (2012). *Meaning, truth, and reference in historical representation*. Ithaca. Cornell University Press.

Rosenau, P. V. (1991). *Post-Modernism and the Social Sciences: Insights, Inroads, and Intrusions*. Princeton. Princeton University Press.

**«НЕСЧАСТНОЕ СОЗНАНИЕ» ЖАНА ВАЛЯ
В КОНТЕКСТЕ ЕГО ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ФИЛОСОФИИ**

О. А. Лунев-Коробский

г. Новосибирск

sickrrett@gmail.com

Русскоязычная рецепция философии Жана Валя укладывается в два тезиса:

- 1) Жан Валь – представитель «французского неогегельянства»;
- 2) Жан Валь – автор книги о «несчастном сознании» в философии Гегеля.

Они же иллюстрируют проблему проведённого исследования. С одной стороны, только одна его работа переведена на русский язык. Это вышеупомянутая книга о «несчастном сознании». С опорой на неё философию Валя относят к экзистенциализму. С другой стороны, Валь принимал активное участие во франко-германских философских дискуссиях, связанных с феноменологией и экзистенциализмом, а также изучал англо-американскую философию.

Таким образом, проблема выражается в несоответствии между значением философии Валя и сравнительно малой исследованностью его идей. И цель моего исследования – сформировать основание для более корректной рецепции философского наследия Жана Валя.

Для достижения этой цели были решены следующие задачи:

- 1) охарактеризована русскоязычная и зарубежная рецепция философии Жана Валя;
- 2) выявлены точки расхождения между ними, которые демонстрируют лакуны в исследованиях о Вале на русском языке;
- 3) выделена проблемная зона в наследии Валя, которая иллюстрирует возможные перспективы дальнейшего изучения его философии.

Результаты исследования представлены в следующих пунктах:

Первое. Русскоязычная рецепция философии Валя идёт по двум основным направлениям. Первое помещает философию Валя в контекст «французского неогегельянства» и рассматривает её наряду с другими его представителями. При этом, Валя традиционно относят на второй план, как вдохновителя последующих, более важных и влиятельных интерпретаторов идей Гегеля, Ж. Ипполита, А. Койре и особенно А. Кожева.

Второе даёт мысли Валя более полную характеристику, когда говорит о влиянии Валя на последующих философов или о роли Валя в развитии французского экзистенциализма. Но и здесь работа с его наследием фактически ограничивается указанием «дополнительных» черт его философии [Кузнецов, 1982, с. 49–50; Курилович, 2014, с. 28]. Анализ других его работ, кроме книги о «несчастном сознании», не становится центральной задачей таких исследований. Тем самым в обоих случаях исследования философии Валя работают на культивацию представления, что его мысль связана по преимуществу с «французским неогегельянством».

Второе. Определяющую роль в русскоязычной рецепции философии Валя играют две монографии, посвящённые «французскому неогегельянству» [Кузнецов, 1982; Курилович, 2019]. Заданные в работе В. Н. Кузнецова историко-философские ориентиры восприятия философии Валя закрепились в русскоязычной традиции [Давыдов, 2010; Мотрошилова, 1999; Мотрошилова, 2000; Мотрошилова, 2010]. Монографии В. Н. Кузнецова и И. С. Куриловича разделяют почти полвека, однако, они солидарны в общих и частных аспектах анализа философии Валя.

Третье. В общем, философия Валя считается частью «французского неогегельянства», а его книга о «несчастном сознании» в философии Гегеля – началом этого философского феномена и результатом нового способа работы с наследием Гегеля. Идеи Валя, выходящие за рамки интерпретации философии Гегеля, остаются без должного внимания. В результате интерпретация «Феноменологии духа» за авторством Валя получает двойную оценку. С одной стороны, Валь привнёс во французское гегелеведение иррационализм и субъективизм. Тем самым он заложил основу для восприятия философии Гегеля во Франции в общем пространстве с идеями Гуссерля, Кьеркегора, Хайдеггера, Ясперса и других философов. В этом отношении за Валем закрепляют влияние на Ипполита, Кожева, Сартра. С другой стороны, исследователи в негативном ключе подчёркивают вольности в интерпретации Валя. Книга Валя о «несчастном сознании» как самостоятельный философский результат считается противоречивой, вторичной и оригинальной по форме, но не по содержанию попыткой осмысления идей Гегеля [Быстров, 2006, с. 318; Кузнецов, 1982, с. 44, 47–49; Курилович, 2014, с. 28–29; Курилович, 2016, с. 88].

Четвёртое. В частности же, книга Валя о «несчастном сознании» – это вдохновлённая Кьеркегором критика системы Гегеля. Валь выводит на первый план Гегеля как теолога и романтика и трансформирует понятие «несчастливого сознания» из «Феноменологии духа» Гегеля в свой концепт

«несчастья сознания». В ходе психологической реконструкции Валя Гегель сближается с мистиками. В результате монизм Гегеля оборачивается пантрагизмом, а вся его система вдохновлена тревожным религиозным опытом [Валь, 2006].

Пятое. Обращение к зарубежным исследованиям даёт во многом отличную картину рецепции философии Валя. Её можно разделить на два условных направления: экзистенциализм и эмпиризм.

Первое подчёркивает «философию существования» как самостоятельный проект Валя, который он противопоставлял экзистенциализму Сартра. По мнению Валя, Кьеркегор обновил тип философии, уходящий корнями к Сократу, а мысль Хайдеггера можно интерпретировать как «секуляризацию Кьеркегора» [Sanchez, 2016, p. 401]. Исследователи проводят параллели между исследованиями Валя и идеями Гуссерля, Декарта, Ницше, Хайдеггера и Кьеркегора и подчёркивают важность религии для Валя [Ford, 2016, p. 7; Kremer-Marietti, 2009, p. 23; Kremer-Marietti, 2010, p. 101].

Второе направление говорит скорее о «философии различия» и сближает Валя с Бергсоном, Джеймсом, Уайтхедом и исследует влияние Валя на мысль Делёза. В этом контексте Валь противопоставляет количеству – качество, монизму – плюрализм, единству – различие; полагается на интерпретации, а не объяснения, на чувства, а не понятия [Silva, 2019, p. 31–32; Ford, 2016, p. 11; Moore, Schrifft, 2017, p. 17].

Если в первом случае проект Валя характеризуется как попытка описать существование как многообразие опыта, то во втором Валь сосредоточен на критике монизма с позиций плюрализма. Сведение воедино двух способов работы с идеями Валя даёт в результате следующую картину его философского проекта. Философия Валя – это «метафизический эмпиризм», реконструкция метафизики с точки зрения эмпиризма через проблематизацию возможности примирения различий. Это не столько акцент на субъекте, сколько представление всех форм опыта как сущностно неподвластных формализации.

В целом, в русскоязычной рецепции идей Валя этим результатам соответствует указание на две характеристики его философии: 1) его интерпретацию «Феноменологии духа» принято объяснять через влияние философии Бергсона, Дильтея и Кьеркегора; 2) интересующую Валя философскую проблематику описывают как «опыт абстрактно-субъективного» [Курилович, 2014, с. 28–29; Курилович, 2016, с. 78–81]. Однако, эти влияния не анализируются независимо друг от друга и не специфицируются вне контекста «французского неогегельянства».

Таким образом, с учётом вышесказанного, представление об интерпретации «несчастливого сознания» Гегеля в контексте последующей философии Жана Валя следует дополнить.

Во-первых, для Валя, «Феноменология духа» Гегеля – это не только описание противоречий религиозного сознания, но и работа по метафизике опыта. «Надо ли признать вслед за Гегелем, что язык обнаруживает нереальность конкретного, что конкретное это намерение, обречённое никогда не осуществиться <...>?» [Wahl, 1932, p. 1]. А «несчастное сознание» Гегеля не только отражает трагическую религиозность самого Гегеля в духе Кьеркегора, но и является критическим началом экзистенциальных поисков Валя как самостоятельного философа. «В событиях и характерной им упрямости перед реальностью есть нечто недостижимое для мысли; <...>» [Wahl, 1932, p. 134]. Если Гегель сводит формы опыта к единству посредством спекулятивного языка, то для Валя такое сведение к единству принципиально невозможно.

Во-вторых, в контексте последующей философии Валя, перед его интерпретацией «Феноменологии духа» стояла двоякая цель: 1) показать важность противоречия для описания реальности; 2) показать глубинный религиозный трагизм философии Гегеля.

«Несчастное сознание» Валя – это сознание, которое стремится к коммуникации с Абсолютом, но в то же время сопротивляется ей, так как коммуникация подразумевает включение в Абсолют, а значит, и угрозу для различия как сущностной черты сознания.

На мой взгляд, наиболее важным первым следствием такой переоценки философии Валя является тот факт, что проблематика, которая интересует Валя, сохраняется и без указания на религию. Даже перестав быть религиозным, сознание остаётся несчастным, но это несчастье связано с религиозным чувством. Эта мысль содержится в книге Валя о философии Гегеля. А в более поздних работах Валь пишет об опыте в целом так же, как в книге о Гегеле он пишет об опыте религиозном [Wahl, 1932; Wahl, 1965].

Важно вспомнить, что Валь был учеником Бергсона, а его диссертация была посвящена идеям Джеймса и Уайтхеда. Все трое разрабатывали динамические представления о реальности. И именно Джеймсу и Уайтхеду посвящены первые две части книги Валя «К конкретному» [Wahl, 1932, p. 27-223]. А в «Метафизическом опыте» Валь противопоставляет «устаревшего» (caduc) Гегеля Бергсону и Джеймсу [Wahl, 1965, p. 42]. Отсюда возникает вопрос о месте религии в философии Валя. Для истории философии

это, в сущности, вопрос о развитии идей Валя, который невозможно решить без обращения ко всему корпусу его работ.

Уточнение содержания философского проекта Валя позволит лучше понять историю «французского неогегельянства» и его влияния на последующую французскую философию. В частности, лучше понять ранние дискуссии между Валем и Койре и критику Койре в адрес книги Валя о Гегеле.

Литература

Быстров, В. Ю. (2006). Трагедия абсолюта. Валь Ж. *Несчастное сознание в философии Гегеля*. СПб. Владимир Даль. С. 315–330.

Валь, Ж. (2006). *Несчастное сознание в философии Гегеля*. СПб. Владимир Даль.

Давыдов, Ю. Н. (2010). Неогегельянство. *Новая философская энциклопедия. Т. 3*. М. Мысль. С. 55–56.

Кузнецов, В. Н. (1982). *Французское неогегельянство*. М. Издательство Московского университета.

Курилович, И. С. (2014). Интерпретации «опыта сознания» во французском неогегельянстве. Статья первая. Жан Валь и Александр Койре. *Вестник РГГУ. №10*. 2014. С. 26–35.

Курилович, И. С. (2019). *Французское неогегельянство: Ж. Валь, А. Койре, А. Кожев и Ж. Ипполит в поисках единой феноменологии Гегеля-Гуссерля-Хайдеггера*. М. РГГУ.

Курилович, И. С. (2016). *Французское неогегельянство: интерпретации и трансформации феноменологии*: дис. канд. наук: 09.00.03: защищена 05.04.17. М. РГГУ.

Мотрошилова, Н. В. (1999). Неогегельянство. Мотрошилова Н. В., Руткевич А. М. (ред.). *История философии: Запад-Россия-Восток (книга третья: Философия XIX–XX в.)*. М. «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина. С. 82–96.

Мотрошилова, Н. В. (2010). Феноменология духа. *Новая философская энциклопедия. Т. 4*. М. Мысль. С. 178–180.

Мотрошилова, Н. В. (2000). Экзистенциализм. Мотрошилова Н. В., Руткевич А. М. (ред.). *История философии: Запад-Россия-Восток (книга четвёртая: Философия XX в.)*. М. «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина. С. 3–93.

Ford, R. (2016). Against negativity: Deleuze, Wahl, and postwar phenomenology. In *Symposium*. Vol. 20. No. 1. P. 107–128.

Kremer-Marietti, A. (2009). Jean Wahl the precursor: Kierkegaard and Existentialism. In *Analecta Husserliana*. Vol. CIII. NY. Springer. P. 23–30.

Kremer-Marietti, A. (2010). Jean Wahl and the renewal of metaphysics. In *Analecta Husserliana*. Vol. CV. NY. Springer. P. 97–110.

Moore, I. A.; Schrift, A. D. (2017). Existence, experience, and transcendence. An introduction to Jean Wahl. In Wah J. *Transcendence and the concrete: selected writings*. NY. Fordham University Press. P. 1–31.

Sanchez, A. C.; Sanchez, A. P. (2016). Jean Wahl: philosophies of existence and the introduction of Kierkegaard in the non-Germanic world. In Stewart J. (ed.). *Kierkegaard Research*. Vol. 9. NY, London. Routledge. P. 393–414.

Silva, F. (2019). Whitehead's French readers. In *Das Questões*. No. 1. P. 31–40.

Wahl, J. (1965). *L'expérience métaphysique*. Paris. Flammarion.

Wahl, J. (1932). *Vers le concret. Études d'histoire de la philosophie contemporaine*. Paris. Vrin.

КАТЕГОРИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ И ЕЕ СТРУКТУРА

П. С. Одинцов

МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва
Odintsow.pav@yandex.ru

Вопреки тому, что можно было бы ожидать, интертекстуальность не сводится к уровню различных новых и неожиданных соположений и связей между текстами. Один из ведущих теоретиков интертекстуальности, Р. Барт, в своем эссе «От произведения к тексту» замечает, что процесс, одним из аспектов которого является повышение внимания к интертекстуальности, по сути в чем-то аналогичен некоторым трансформациям в области науки и, в частности, в теоретической физике, ведь «как теория Эйнштейна обязывает включать относительность точек отсчета в самый объект изучения, точно так же в литературе деятельность, сопряженная с марксизмом, фрейдизмом и структурализмом, обязывает релятивизировать отношения пишущего, читателя и наблюдателя (критика)» [Барт, 2007, с. 452].

В этом смысле категория интертекстуальности действительно начинает выглядеть не слишком уж значительно, ведь трансформации, имевшие место в эпоху, обычно именуемую эпохой заявления о себе интертекстуальности, происходили скорее на уровне имманентного устройства произведения и текста, на уровне выявления новых сложных отношений между инстанциями текста и обнаружения их структурной взаимопредположенности.

И только в результате этих методологических трансформаций, в качестве их эффекта оказывается необходимо указать на то, что «текст не должен пониматься как конкретный единичный объект» [Барт, 2007, с. 452]. Именно обнаружения сложных сочленений, но в то же время и внутренних разрывов и провалов текста оказываются тем, что делает возможным как интертекстуальность, так и любой разговор о ней как таковой.

По той же причине получается, что то, что ранее можно было бы попытаться свести к некоторым фиксированным рамкам и точным локализациям, нечто, что Барт именуется «произведением», уходит в тень в сравнении с так понимаемым текстом, который самой своей несводимостью

и автономностью предполагает, что «его конститутивным движением является пересечение (он как раз может пересекать одно произведение или несколько произведений)» [Барт, 2007, с. 453].

Более того, из такого имманентного, или, если угодно, замкнутого характера текста – определения зависят от того, стремимся мы к хвалебному или же пейоративному анализу – проистекает и проблематичность всякой теории, которая постаралась бы произвести исчерпывающую тематику и концептуализацию текста и интертекстуальности. Барт указывает на это обстоятельство, замечая, что высказанные им «суждения, разумеется, не образуют элементов теории текста. Это объясняется не только ограниченными возможностями излагавшего (который к тому же во многом лишь воспроизвел то, что делается вокруг него). Это объясняется и тем, что Теория текста не может совпадать с ее металингвистическим изложением: разрушение метаязыка или по меньшей мере (поскольку может возникнуть необходимость временно прибегнуть к нему) недоверие к нему составляет часть самой теории» [Барт, 2007, с. 458].

Поэтому всякое рассуждение о тексте и интертекстуальности с необходимостью должно отдавать себе отчет в том обстоятельстве, что текст о тексте не перестает быть текстом – и не обладает никакими особыми привилегиями.

Не менее значимые замечания относительно феномена интертекстуальности представляет М. Фуко в своей работе «Что такое автор?» [Фуко, 2007, с. 467].

Работа эта является попыткой ответить на некоторые неудачи его же книги «Слова и вещи», замысел и некоторые аспекты которой Фуко в последствие неоднократно приходилось прояснять. Фуко указывает, что те, кто упоминался в его книге – известные европейские мыслители, сыгравшие большую роль и оставившие значительное наследие, Бюффон, Марк, Дарвин – не интересовали его с тех позиций, с которых обычно к этим фигурам подходят при анализе их трудов. Фуко совершенно не интересуется попытка «восстановить то, что они сказали или хотели сказать», он, напротив, «старался найти правила, по которым они произвели некоторое число понятий или теоретических ансамблей, которые можно встретить в их текстах» [Фуко, 2007, с. 468].

В этом смысле задачей Фуко было исключительно исследование определенных дискурсивных практик, что и стало причиной закономерного вопроса: а зачем же он тогда ссылался на конкретные тексты и конкретных авторов? Зачем же здесь тогда имена авторов?

И в этом контексте интересным оказывается даже не сама попытка ответить на такой вопрос, а некоторые аспекты современной работы с теориями и понятиями, которые до сих пор считаются достаточно самоочевидными и непроблематичными. Фуко в этом смысле указывает, что «даже сегодня, когда занимаются историей какого-либо понятия, или литературного жанра, или какого-нибудь типа философии, эти единства, как мне кажется, по-прежнему рассматривают как расчленения сравнительно слабые, вторичные и наложенные на первичные, прочные и фундаментальные единства, каковыми являются единства автора и произведения» [Фуко, 2007, с. 468].

Но для Фуко в таком подходе и в такой методологии нет ничего очевидного. Действительно, тот факт, что в ходе определенного исторического развития фигура автора стала однажды привилегированной в поле классификаций и индивидуализаций дискурсивных образований, является весьма странным и не отличается, при внимательном рассмотрении, никакой настоятельностью или необходимостью.

И Фуко показывает, что классическое отношение между автором как творцом произведения и текстом, которое сводится, может быть редуцировано к автору, к желанию-сказать автора и его самовыражению, на деле оказывается перевернуто. Более того, говорить приходится не только о том, что инстанция автора производна по отношению к структуре текста и является лишь одним из его элементов, не обладающим никакими определениями, но и о том, что «функция-автор не отправляется для всех дискурсов неким универсальным и постоянным образом» [Фуко, 2007, с. 476].

Таким образом, в рамках разговора об интертекстуальности действительно оказываются проблематизированы некоторые классические эстетические представления и разработаны определенные концептуальные инструменты для более внимательного анализа структур текста и произведения.

Литература

Барт, Р. (2007). От произведения к тексту. Хренов, Н. А., Мигунов, А. С. (ред.). *Эстетика и теория искусства XX века*. М. Прогресс-Традиция, 2007. С. 450–459.

Фуко, М. (2007). Что такое автор? Хренов, Н. А., Мигунов, А. С. (ред.). *Эстетика и теория искусства XX века*. М. Прогресс-Традиция, 2007. С. 466–487.

НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬ ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИИ В ТРАКТАТЕ Л. Н. ТОЛСТОГО ОБ ИСКУССТВЕ И ВНУТРЕННИЕ ОТНОШЕНИЯ

К. А. Родин

*Новосибирский государственный медицинский университет
Сибирский государственный университет телекоммуникаций
и информатики
rodin.kir@gmail.com*

Отвергнутые Л. Н. Толстым в трактате [Толстой, 2020] (далее ссылки на трактат приводятся в круглых скобках только с указанием страницы) подходы к определению искусства через размытую идею красоты или через эстетическое удовольствие (вместе с различными философскими работами по эстетике после Баумгартена) перестали играть в нашем понимании искусства существенную роль. Толстой предвидел конец эстетического понимания искусства. Однако после публикации в 1897 г. трактат привлек недолгое внимание. К определению искусства Толстого (основанное на «способности людей заражаться чувствами других людей» «одно из средств общения людей между собой» (53–54)) многие современники отнеслись снисходительно (а отвержение Толстым всемирно известных писателей, драматургов и музыкантов – приняли за безобидное брюзжание старика). В XX веке подход к пониманию или определению искусства через общение стал обычным. Можно вспомнить «сообщаемое либидо» (Лиотар) или «эротика искусства» (Зонтаг).

Необычная метафора заражения в определении искусства Толстым предполагает своего рода единовременное и непосредственное понимание без необходимости интерпретации. Непосредственность действия и понимания произведения искусства составляет главную загадку и одну из основных идей трактата {«Хорошее искусство понятно всем» (108)}. В таком определении нужно видеть и предвестие политического подхода к пониманию искусства.

Толстой называет институт литературной и художественной критики лишним. Передаваемые художником чувства не могут быть переданы истолкованием или отличным от избранных художником средств способом. Литературоведение замкнуто на собственные институциональные

интересы и не может заменить непосредственного понимания. Радикализм Толстого не связан с недобрым отношением к обществу ценителей словесности. Трудность – в не-гарантированности и контингентности понимания. Понимающее отношение читателя (зрителя) к произведению интимно и неизбежно уничтожается внешним вмешательством. Критики объявляются бесчувственными и «лишенными способности заражаться искусством». Бесчувственность и производное от бесчувственности непонимание «невозможности толкования художественных произведений» заставляет критиков выставлять за художественные образцы рассудочные выдуманые произведения (129).

Выпады Толстого против критиков, некоторых авторов, композиторов или отдельных произведений искусства – не следствие идеологической пристрастности или (внешнего) нравственного требования. В трактате используются два критерия и два подхода: формальный и (условно) содержательный. Формальное определение настаивает на непосредственной передаче чувства: «на этой-то способности людей заражаться чувствами других людей и основана деятельность искусства». Согласно (условно) содержательному критерию искусство должно способствовать единению людей и принимается за «одно из условий человеческой жизни». Формальное определение допускает передачу художником недобрых чувств. В соответствии с содержательным определением дурные чувства способствуют разделению и должны быть исключены. Но удивительно вот что: примеры плохого искусства почти всегда приводятся в перспективе формального определения искусства!

Про «одну из самых обыкновенных новейших опер» Толстой пишет: «Так речитативом не говорят и квартетом, ставши в определенном расстоянии, махая руками, не выражают чувств» (12).

Про пьесу «Ганнеле»: «автор хочет передать публике сострадание к замученной девочке... Он заставляет девочку умирать на сцене... Девочка корчится, пищит, стонет, падает. Являются ангелы и уносят ее. Публика, испытывая некоторое волнение, вполне уверена, что это-то и есть эстетическое чувство. Но в волнении этом нет ничего эстетического, потому что нет заражения одним человеком другого...» (120).

Пьеса приводится в качестве примера поразительности. Список общих приемов производства подобию искусства следующий:

- заимствование
- подражательность

- поразительность
- занимательность

{Дополнительно Толстой предъявляет к искусству требование искренности художника (125) и требование новизны чувств («Истинное произведение искусства... передает чувства новые, не испытанные людьми» (80))}. Пример заимствования – набор типичных поэтических предметов: «поэтичными лицами и предметами считаются девы, воины, пастухи, пустынные, ангелы, дьяволы во всех видах, лунный свет, грозы, горы, море, пропасти, цветы, длинные волосы, львы, ягненок, голубь, соловей...» (114). Подражательность сводится к неуместной передаче подробностей. Поразительность направлена на раздражение внешних чувств. Занимательность стимулирует умственный интерес к разгадыванию ребусов, загадок, сюжетного замысла.

Приведенные четыре приема подделки под искусство (вместе с неискренностью) нужно рассматривать как нарушение формального критерия искусства. Нарушение формального критерия сводится к отказу от внутреннего отношения между чувством художника и художественным произведением или между художественным произведением (и выражаемым в произведении чувством) и читателем (слушателем, зрителем). Поэтому художественные приемы не имеют самостоятельного значения. Когда приемы превращаются в средство удержания внимания читателя – возникает внешнее пространство для толкований. И так между художником и читателем встает поразительность, занимательность, подражательность – художник уже не стремится передать собственное искреннее чувство и может удовольствоваться произведенным эффектом и общественным признанием. Прием начинает играть ключевое значение – и никакая искренность художника невозможна (как невозможно и непосредственное общение между художником и читателем). Нападает скука и разочарование: «...но мне все время досадно было на авторов, как бывает досадно на человека, который считает вас столь наивным, что не скрывает даже того приема обмана, на который он хочет поймать вас» (155). Критики выходят на сцену ради толкования внешних по формальному критерию приемов поразительности, занимательности, подражательности, ради анализа скрытых цитат и контекстов.

Итак. Понимание произведения искусства требует непосредственного сочувствия и непосредственной передачи искренне пережитого чувства художником. Толстой отрицает:

– внешнее отношение между чувством и произведением: нельзя пересказать или истолковать или заместить хоть что-то без разрушения внутренней связи чувства и выражающего чувство произведения искусства. Любое произведение искусства как бы единственно и необходимо.

– внешнее отношение между выраженным в произведении искусства чувством и сочувствием читателя: сочувствие незаменимо ничем.

Литература

Толстой, Л. Н. (2020). Что такое искусство? СПб. Азбука.

ГУССЕРЛЬ ОБ ЭМПАТИИ КАК СРЕДСТВЕ ПОНИМАНИЯ ДРУГОГО

А. А. Санженakov

*Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
sanzhenakov@gmail.com*

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 20-011-00911 «Предпосылки формирования феноменологической
философии и перспективы феноменологического метода»*

Феноменологию часто обвиняли в солипсизме, поскольку Э. Гуссерль настаивал на методе феноменологической редукции, заключающемся в так называемом вынесении объективного мира за скобки. Если бы феноменология претендовала исключительно на исследование субъективности отдельного сознания от первого лица (то есть субъект и объект познания совпадали бы), то вероятно затруднений не возникло. Однако феноменологический метод имеет широкий спектр применения. Достаточно напомнить о реализации в психотерапии феноменологического подхода, где субъект познания необходимым образом не совпадает с объектом познания. В связи с этим возникает вопрос, каким образом феноменология может предоставить нам доступ к чужому сознанию, как части объективной (находящейся за рамками моего Я) реальности?

Считается, что проблематика доступа к чужим сознаниям была поставлена Гуссерлем в «Картезианских медитациях» не без влияния М. Хайдеггера [Крутоус, 2016, с. 176]. Другой источник вдохновения – это переосмысление эмпатии, которое было инициировано основателем Мюнхенского психологического института Т. Липпсом (Theodor Lipps). В то же время роль эмпатии в философии Гуссерля была много больше (сам Гуссерль использует термин *Einfüllung*, который в отечественной практике перевода феноменологических текстов чаще передаётся как «вчувствование»), чем в разработках Липпса, который, в частности, применял этот концепт в своей психологии эстетики, показывая, как мы переживаем произведения искусства. «Для Гуссерля эмпатия не была просто каким-то особым приложением или любопытством для феноменологического исследования. Напротив, его теория эмпатии

была центральной в его понимании феноменологии как трансцендентальной философии» [Walsh, 2021, p. 258].

Свою теорию эмпатии Липпс разрабатывает через критику теории Дж. Ст. Милля, который понимает эмпатию как рассуждение по аналогии: чувство эмпатии возникает у нас на основании сходства наблюдаемого поведения. Так, если тело нашего собеседника совершает определенные движения (например, его уголки губ поднимаются вверх, то мы делаем вывод, что собеседник испытывает чувство радости, поскольку наше тело движется так же, когда мы радуемся). Это рассуждение покоится на шаткой предпосылке – мы предполагаем, что другой психологически подобен нам, что вовсе не самоочевидно. Альтернативой, которую предложил Липпс, была теория «имитации плюс проекции», согласно которой чувство эмпатии возникает инстинктивно, как прямое отражение или резонанс между разумами. При таком понимании это чувство не является сложной многоуровневой когнитивной процедурой, но скорее инстинктивным действием. Феноменологи подвергли критике такой вариант прочтения эмпатии, поскольку он по-прежнему не дает нам доступа к психической жизни другого.

Гуссерль обращается к проблеме доступа к другому сознанию в пятой главе «Картезианских размышлений». Показательно, что для Гуссерля точка входа в проблему и отправная точка ее решения совпадают – это процедура феноменологической редукции. Постановка проблемы: «Когда я, медитирующий Я, посредством феноменологического *ἐποχή* редуцирую себя к своему абсолютному трансцендентальному Ego, не становлюсь ли я тогда неким *solus ipse* и не остаюсь ли я таковым, пока я провожу последовательное самоистолкование, называя это феноменологией?» [Гуссерль, 2010, с. 116]. Там, где возникает проблема, там же и обнаруживается надежда на решение, ведь именно «в себе самом, в рамках своей трансцендентально редуцированной чистой жизни сознания, я обладаю опытом мира совместно с Другими» [Там же, с. 119]. Гуссерль начинает поиски *alter ego* в себе самом, потому что смысл любой существующей вещи существует нигде иначе, как «в моей интенциональной жизни». Каким образом обнаружить в собственном сознании элементы, ответственные за конституирование чужой субъективности? Ответ Гуссерля оказывается несколько неочевидным: нам необходимо провести более тщательную редукцию: «мы сначала должны провести внутри трансцендентальной универсальной сферы особого рода тематическое *ἐποχή*» [Там же, с. 121]. В результате мы должны выделить совокупность связей той

интенциональности, «в которой Его конституирует себя» [Там же]. Таким образом, если перевести это на менее терминологически нагруженный язык, то получается, что проблема других сознаний возникает после того, как мы сосредотачиваемся на своей субъективности, но и решать ее надо через углубление в свою субъективность.

Следует отметить, что рассматриваемая нами проблема решается также через известное гуссерлевское понятие «жизненный мир». Восприятие объективного мира как независящего от меня связано с осознанием того, что мир коррелирует с другими Я. «Если осуществить феноменологию и как чисто эйдетическую науку, то получится наука о существенных свойствах и существенных связях, принадлежащих не только монаде как таковой, но и коммуникативной совокупности монад» [Husserl, 1977, p. 166]. И даже в этом случае эмпатия не теряет своего значения, но выступает как один из главных поддерживающих компонентов: «все эти структуры – интерсубъективность, социальность, общность, историчность – конституционно возможны благодаря эмпатии» [Walsh, 2021, p. 261].

Завершая наш обзор, следует отметить, что Гуссерль не стремится доказать существование других сознаний в духе реалистических метафизик. Скорее его интересует, каким образом моя субъективность конституирует в своем опыте другое Я. «Мое монадическое Его характеризуется тем, что конституирует другое Его не как нечто самостоятельное, но как то, что отражается в моем Я» [Гуссерль, 2010, с. 122]. Тем не менее, предложенная Гуссерлем концепция эмпатии оказала существенное влияние как на континентальную, так и на аналитическую традиции.

Литература

Гуссерль, Э. (2010). *Картезианские медитации*. Пер. В. И. Молчанова. М. Академический Проект.

Крутоус, В. П. (2016). Анализ понятия «вчувствование» в феноменологической психологии Э. Гуссерля. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. № 2 (765). С. 173–191.

Husserl, E. (1977). *Phenomenological Psychology. Lectures, Summer Semester, 1925*. The Hague. Nijhoff.

Lipps, T. (1907). Das Wissen von Fremden Ichen. *Psychologische Untersuchungen*. No. 1. Pp. 694–722

Walsh, P. J. (2021). Husserl on Other Minds. Jacobs, H. (ed.). *The Husserlian Mind*. New York. Routledge. Pp. 257–268.

ПЕЩЕРНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ЯЗЫК СНОВ

О. В. Рудин

*Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
rudin_oleg@inbox.ru*

Homo Asceticus – это тот редкий тип человека, который тем не менее можно обнаружить во многих культурах. Достаточно вспомнить индуистских садху, христианских отцов-пустынников, тибетских налджорпа или японских ямабуси. История богата примерами. В том числе Древняя Греция дает нам яркие образцы атлетов духовного агона. Уже в описании жизни Эпименида Критского мы встречаем свидетельство длительного аскетического уединения, цель которого заключалась в обретении мудрости. По преданию, Эпименид, прозванный соотечественниками «новым Куретом», на протяжении многих лет пребывал в «пещере Зевса», где во сне получал знания от богов (DK 3 B1). Существует мнение, что в этом мифологическом аспекте биографии критского ятроманта содержится указание на практику инкубации [Лебедев, 2015, с. 553].

Инкубация – это древняя техника сновидений, следы проникновения которой в греческий мир теряются на Ближнем Востоке и отсылают к шумерским сказаниям о Лугальбанде и Гильгамеше [Renberg, 2017, р. 36–74]. Сновидческая практика в Древней Греции имела несколько форм: гадательную и терапевтическую. «Мантическая инкубация» подразумевала обращение к богам и душам умерших, которые, согласно поверьям, через сны давали свои пророчества и советы по широкому кругу вопросов. К «медицинской инкубации» прибегали в надежде получить исцеление от болезней или инструкции по его достижению во время сна [Renberg, 2017, р. 21–30; Доддс, 2000, с. 166–182]. Как правило, инкубация проводилась в священных местах, первые из которых располагались в пещерах, расселинах и ущельях, почитавшиеся греками как вход в подземный мир [Хазина, Сивакина, 2019, с. 19]. Во всем многообразии свидетельств сновидческих техник, особняком стоят примеры, связанные с именами древнегреческих философов и мудрецов.

По нашему мнению, начиная с Эпименида, есть основания говорить об инкубации, как о разновидности духовного упражнения, аскезе, когда обращение к божественному не ограничивалось разовым прохождением

священной процедуры сна для решения частных вопросов, а подразумевало достижение высшего знания, что было сопряжено со строгим соблюдением различного рода предписаний на протяжении длительного времени. Основная идея аскетического уединения, на наш взгляд, заключается в самоусилении, выработке принципиального нового способа мышления, задающего высокие стандарты не только самой мысли, но и сообразующегося с ней способа быть. Именно в таком ключе возможно одно из прочтений «агиографии» Эпименида, если допустить, что практика инкубации имела центральное (в некотором смысле подчиняющее себе) место в его жизни, как боговдохновенного пророка, знатока диетологии, помогавшего людям пророчествами и лечебными очищениями.

Как известно, сновидения также занимали важное место в пифагорейской традиции. Так, по одной из версий, даже пищевые ограничения и в частности запрет на употребление бобов имели прямое отношение к технике инкубации, предписывающей соблюдение ритуальной чистоты [Kingsley, 1995, p. 284-288]. В этой связи кажется примечательным, что именно Эпименид в личном мифе Пифагора был его учителем, проводником в глубины и тайны Идейской пещеры на острове Крит (D.L. VIII, 3). Описание жизни Пифагора вообще тесно переплетено с подземным опытом. Из биографических свидетельств мы знаем, что во время своего путешествия в Египет он спускался во внутренние святилища (*ad-uta*) для изучения книг Исиды и Гора [Огден, 2021, с. 194], а на Самосе и вовсе обустроил для себя «греческий ритод» в пещере за городом, где предавался одинокому философствованию (Iambl. V.P., 26–27).

Не меньший интерес в этом контексте представляет велийская философская школа. Ее загадочные руководители именовались фолархами (φώλαρχος), «владыками пещер» [Ustinova, 2009, p. 191]. Завесу тайны об их деятельности, приоткрыл обнаруженный в элейском комплексе сооружений криптопортик и сопутствующие ему находки статуй Асклепия, Эроса и Аполлона. Согласно некоторым гипотезам, это подземное пространство использовалось для претворения в жизнь индивидуальных усилий в поисках истины, где упор делался на получении божественного откровения [Ustinova, 2009, p. 208]. Напомним, что роль основателя этой школы приписывается Пармениду, чья поэма «О природе» имеет среди прочих интерпретации, которые буквально называют ее результатом практики инкубации [Gemelli, 2008]. Принимая это во внимание и учитывая тот факт, что самих фолархов исследователи связывают

с династией жрецов-врачевателей [Ustinova, 2009, p. 194], можно предположить, что элейский криптопортик также был местом, где сновидениям придавалось важное значение на трудном пути обретения мудрости.

Все вышеизложенное дает повод к более внимательному изучению аскетического уединения и практики инкубации у ранних греческих мыслителей, как конститутивных элементов их теорий и образов жизни, оказавших влияние на последующую философскую традицию в Древней Греции.

Литература

Додс, Э. Р. (2000). *Греки и иррациональное*. СПб. Алетейя.

Лебедев, А. В. (2015). «Теогония» Эпименида Критского и происхождение орфико-пифагорейского учения о реинкарнации. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 19. С. 550–584.

Огден, Д. (2021). Греческая и римская некромантия. СПб. Изд-во Академия исследования культуры.

Хазина, А. В., Сивакина, В. А. (2019). Феномен исцеляющих «священных сновидений» в Древней Греции: к вопросу о генезисе. *Современная научная мысль*. № 6. С. 16–21.

Gemelli, M. L. (2008). Images and Experience: at the roots of Parmenides' Aletheia. *Ancient philosophy*. 28(1). Pp. 21–48.

Kingsley, P. (1995). *Ancient philosophy, mystery, and magic: Empedocles and Pythagorean tradition*. Oxford University Press.

Renberg, G. (2017). *Where Dreams May Come (2 vol. set): Incubation Sanctuaries in the Greco-Roman World*. Brill.

Ustinova, Y. (2009). *Caves and the ancient Greek mind: Descending underground in the search for ultimate truth*. Oxford University Press.

МЕРЦАЮЩАЯ ИММАНЕНТНОСТЬ: ЖИЛЬ ДЕЛЁЗ И ОНТОЛОГИЯ ОНТОЛОГИЙ

М. С. Ухин

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва
maxnajmark@gmail.com*

Констатация существования различных онтологий позволяет поставить вопрос об их онтическом и онтологическом статусах, что влечет за собой справедливое указание на проблематичность самой операции классификации – классификация онтологий сама по себе осуществляется с позиции «локальной» онтологии. Каким образом становится возможным осуществлять высокопорядковую классификацию, избегая перформативного противоречия и дурной бесконечности, которые связаны с исключением из рассмотрения факта существования иных онтологий? Каков онтологический статус множества всех множеств онтологий и того, о чем эти онтологии сказываются?

Предложенная Делёзом стратегия осмысления философии посредством рефлексивно-рекурсивной операции построения концепта «концепта» и плана имманентности предрасполагает к поискам сосуществования всех возможных онтологий. Инклюзивная онтологическая политика, проводимая в отношении совозможности онтологий, обеспечивается тем, что «план представляет собой абсолютную беспредельность и бесформенность, которая не есть ни поверхность, ни объем, но всегда фрактальна» [Делёз, 2009, с.–44]. Классический геометрический смысл термина «фрактал» означает инвариантность при масштабировании [Мандельброт, 2002]. Однако к чему отсылает фрактальная «беспредельность» и «бесформенность» плана имманентности?

Предложенную модификацию фрактальности, но уже в нематематическом смысле, мы встречаем в книге «Тысяча плато» Делёза и Гваттари в главе «Гладкое и рифленое». Концептуализация номадического находит свое выражение в гладком пространстве, которое, в свою очередь, описывается тем же способом, что и фрактальные объекты Б. Мандельброта [Делёз, 2010, с. 827]. «Гладкое пространство определяется тем, что у него нет измерения, дополнительного к тому, что движется по нему или вписывается в него – в этом смысле именно плоское многообразие,

например линия, заполняет план, не переставая быть линией» [Делёз, 2010, с. 829] – фрактальность плана имманентности обеспечивает со-возможное существование различных «вложенных» концептов – их автореферентности и масштабируемой множественности.

Другим интересным примером того, что подводит нас к разрешению проблемы совозможности существования онтологий, являются эксплицированные Делёзом стратегии философии в книге «Представление Захер-Мазоха». Делёз реабилитирует мазохистскую стратегию философии, остающуюся в тени садистской стратегии, конститутивной проблемой для выстраивания которой является ниспровержение власти Закона, или трансцендентального принципа. Здесь представляет интерес также и то, что, как показывает Й. Регев, реабилитация Делёзом стратегии мазохизма производит удвоение последнего, а именно: мазохизм-1, существующий на уровне противопоставления стратегии садизма, и стратегия мысли Делёза как мазохизм-2, который позволяет выявить две серии садизма и мазохизма [Регев, 2016]. Этот уровень классификации, представленный мазохизмом-2, ставит под вопрос саму возможность реализации проекта Делёза по различению садомазохизма как двух несводимых стратегий, поскольку классификация различия садизма и мазохизма в пространстве текста Делёза осуществляется с позиции мазохистской стратегии, что подвешивает автономность садистской. Попытка выявить две стратегии производства Имманентного Невозможного сталкивается с проблемой со-возможности этих стратегий, а также позволяет поставить вопрос о том, имманентно ли Имманентное Невозможное плану имманентности?

В свою очередь отношение со-возможности различных онтологий и их стратегий подводит нас к вопросу об онтологическом статусе множества всех множеств. Канторовская теория множеств утверждает, что множество всех множеств не тотализируемо [Мейясу, 2015], поскольку предельное включение множества всех множеств в себя самого не позволяет замкнуть логическую цепочку вывода непротиворечиво – исходное множество является менее мощным, чем множество всех его подмножеств, поскольку последние порождаются бесконечно. На этом основании можно заключить, что множество всех множеств через собственное исчерпывание порождает само себя – оно мерцает в собственной невозможности, поскольку не может ни включаться в себя, ни не исключаться собой.

«Беспредельность» и «бесформенность» плана имманентности указывает на не-тотализируемый режим становления так, что через

«размыкание» своей незавершённости план нарезает свои локальные тотальности, выражаемые объемами концептов и их размерностью. Ставкой современных онтологий выступает апроприация фрактальности – однако выдерживают ли локальные онтологии притязание на то, что обуславливает связность связи онтологии онтологий?

Литература

Делёз, Ж., Гваттари, Ф. (2009). *Что такое философия?* М. Академический проект.

Делёз, Ж., Гваттари, Ф. (2010). *Тысяча плато. Капитализм и шизофрения.* Екатеринбург. У-Фактория.

Мандельброт, Б. (2002). *Фрактальная геометрия природы.* М. Институт компьютерных исследований.

Мейясу, К. (2015). *После конечности: Эссе о необходимости контингентное.* М. Кабинетный ученый.

Регев, Й. (2016). *Невозможное и совпадение.* О революционной ситуации в философии. Пермь. HylePress.

ИСТОРИЗМ КАК НОВОЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ

Е. Л. Шкляр

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург
stoic.1@bk.ru*

В своей работе автор хочет продемонстрировать попытку разрешения дихотомии «телеологизм-релятивизм», существующей сегодня в гуманитарном знании. В целом, исследования в гуманитарных науках можно поделить на телеологизм и релятивизм. Телеологизм представляет собой «философское учение об объяснении развития в мире с помощью конечных, целевых причин» [Делёз, 2011]. В то же время исследователи с релятивистской традиции отходят от метафизического онтологического основания. Релятивизм – «методология, принцип, состоящий в метафизической абсолютизации относительности и условности содержания познания. Релятивизм проистекает из одностороннего подчеркивания постоянной изменчивости действительности и отрицания относительной устойчивости вещей и явлений» [Салтанова, 2022]. Такое положение в гуманитарном научном дискурсе не позволяет гуманитарному знанию полноценно решать собственные задачи, так как отсутствует диалог между исследователями разных сфер. А результаты исследований одного направления не могут быть переложены на методологию иного другого.

Попытка создания новой онтологии не нова, и пример таковой мы можем увидеть у того же Делёза, который предлагает поставить вместо классического субъекта т.н. «номадическую сингулярность» или «кочующую» единичность. Так Делёз и его последователи противостоят философии как части государства. Они требуют выступить против официальных институтов для философии. Выступить против метафизики как центричности и тем самым дать возможность каждой идее и концепту жить.

Рационалистические мыслители искали для смыслов жестко фиксированное место – субъекта. Делёз, Деррида, Фуко и другие философы XX века показали, что любое «место» лишь перспектива взгляда, не имеющая устойчивого онтологического статуса. Так как для этого «места» нужно найти другое «место» и так до бесконечности. Делёз же

отказывается от подобной вечной беготни и предлагает признать виртуальность всех возможных «мест». Что неизбежно приводит к исчезновению субъекта в его рационалистическом понимании.

Одна из главных идей Делёза – это сопротивление. Он призывает сопротивляться любой центрированности – в теории субъекта. И не важно, где эта центричность субъекта будет скрываться: политика, литература, экономика и т.п. Все концепции «центра», по его мнению, имеют глобальный характер и должны быть переосмыслены. По мнению Делёза, западное представление о суверенном субъекте тесно связано с европоцентризмом. Освобождаясь от европоцентризма, западная мысль не может сохранять представления о трансцендентальном субъекте. Так постмодернизм отказывается от суверенного центра, который концентрирует вокруг себя смыслы. Тем самым, постмодернизм предлагает посмотреть на субъект, как на постоянно развивающуюся, подвижную инстанцию, меняющуюся в своем «вечном возвращении».

Решить же дихотомию «релятивизм-телеологизм» автор предлагает через историзм. Культура постмодернизма подразумевает наслаивание друг на друга метанарративов. Вечное переливание контекстов друг в друга и литературное восприятие бытия. Все это приводит к невероятной индивидуализации реальности для субъекта. И многие социальные группы не могут общаться друг с другом, а люди становятся все более одинокими в мире, где расстояние больше не может препятствовать общению. Само виденье человеком мира, в котором он живет, не позволяет ему соотносить себя с другими, ведь у него собственный набор нарративов и контекстов, которые не пересекаются с другими. Автор предлагает рассмотреть историзм, как путеводную нить в дедаловском лабиринте смыслов. Это не история как репрессивный аппарат, с которым боролись Фуко, Деррида и Делёз. Автор видит историзм как возможность вернуться назад во времени к более общим нарративам и проследить развитие того или иного контекста для определенного феномена. Это поле, в котором возможен плюрализм воззрений, но при этом оно будет показывать нам как эти воззрения возникали и с чем пересекались. Тогда люди смогут разговаривать между собой и понимать, как расшифровывать контекст другого. Это же отразится и в науке, которая должна приходиться к общему и объективному, если ученые будут оставаться только в субъективности, то мы приходим к невозможности науки как у Юма. Что будет смертью для науки в сегодняшнем смысле.

Литература

Делёз, Ж. (2011). *Логика смысла*. Пер. с фр. Я. И. Свирского. М. Академический Проект. 472 с.

Салтанова, С. В. (2022). Пять научных фактов об одиночестве. *IQ.HSE.RU* [Электронный ресурс]. URL: <https://iq.hse.ru/news/206636929.html> (дата обращения 01. 10. 2022).

Ницше, Ф. (2020). *Несвоевременные размышления: Эссе*. Пер. с нем. Я. Бермана, Т. Гейликмана, Г. Рачинского, С. Франка. СПб. Издательская группа «Лениздат», «Книжная лаборатория». 416 с.

Ивин, А. А. (ред.) (2004). *Философия: Энциклопедический словарь*. М. Гардарики.

Философский энциклопедический словарь (1983). М. Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов.

Nietzsche, F. (2020). *Also sprach Zarathustra*. Anaconda. 256 S.

ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ; ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

«СНЯТИЕ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ» В ДЕЛАХ О РАЗДЕЛЕ СОВМЕСТНО НАЖИТОГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ

А. Н. Артемова

*Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
artemova-an-1991@yandex.ru*

Смысл и назначение института общей совместной собственности супругов, положения которого содержатся в Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ), сложно переоценить. Данный институт воплощает в себе такие важнейшие семейные ценности, как доверие, взаимная поддержка, общность интересов супругов. Отечественное семейное законодательство справедливо исходит из необходимости построения семейных отношений на основе любви, уважения и ответственности. Кризис семейных отношений неизбежно ставит под угрозу и институт общей совместной собственности.

С одной стороны, законодатель предусмотрел ряд норм, обеспечивающих защиту прав обоих супругов: все имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью (п. 1 ст. 34 СК РФ), доли супругов в общем имуществе в отсутствие брачного договора признаются равными (п. 1 ст. 39 СК РФ), а право на общее имущество принадлежит не только супругу, имевшему доход, но также супругу, который в период брака осуществлял ведение домашнего хозяйства, уход за детьми или по другим уважительным причинам не имел самостоятельного дохода (п. 3 ст. 34 СК РФ).

Вместе с тем, в судебной практике по делам о разделе совместно нажитого имущества супругов достаточно распространенным явлением становится совершение одним из супругов действий, направленных на искусственное уменьшение размера совместно нажитого имущества. Такое уменьшение может быть физическим (выбытие имущества в результате отчуждения) и юридическим (уменьшение доли супруга в общем имуществе за счет возникновения общих обязательств).

Уменьшить размер общего имущества можно путем создания искусственной задолженности, так как при разделе общего имущества супругов их общие долги распределяются между ними пропорционально присужденным долям (п. 3 ст. 39 СК РФ). При этом долг признается общим и в том случае, если все, полученное по обязательству одного из супругов, было использовано на нужды семьи (п. 2 ст. 45 СК РФ). Для создания такой задолженности может быть использовано подконтрольное супругу юридическое лицо, в пользу которого у супруга возникло обязательство из договора, например договора займа. Для установления истинной цели заключения такого договора суды применяют такой прием юридической техники, как «снятие корпоративной вуали», заключающийся в игнорировании самостоятельной правосубъектности юридического лица. «Снятие корпоративной вуали» позволяет оценить фактические отношения, сложившиеся между супругом и юридическим лицом. Тем самым пресекаются попытки злоупотребления правом со стороны недобросовестного супруга.

Так, в одном из дел по разделу совместно нажитого имущества супругов суд поставил под сомнение факт существования займа, полученного супругом от общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО), поскольку оно являлось номинальным юридическим лицом, не осуществляющим никакой реальной хозяйственной деятельности, фактически контролирующим лицом которого являлся сам супруг.

Данный факт был установлен судом на основании совокупности фактических обстоятельств: 1) отсутствие у компании признаков реальной хозяйственной деятельности; 2) отсутствие работников; 3) отсутствие движения денежных средств по счетам; 4) непредставление документов отчетности в налоговый орган; 5) учредитель и директор компании являлся одноклассником супруга, проживал в Австрии и не принимал никакого личного участия в деятельности компании, при этом супруг выступал представителем компании по доверенности в судебных делах с ее участием; 6) налоговым органом в ходе выездной проверки было установлено, что по заявленному юридическому адресу компания не располагалась, однако по данному адресу располагался офис другой организации, руководителем которой являлся супруг; 7) налоговым органом 4 раза принималось решение о предстоящем исключении компании из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ) как недействующего юридического лица, такое решение было принято в том числе на момент заключения договора займа.

Учитывая отсутствие экономической целесообразности таких складывающихся отношений между коммерческим юридическим лицом, преследующим извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности, и физическим лицом, находящимся на отличительном, от всех других субъектов хозяйственных отношений, положении, суд сделал вывод о том, что супруг являлся лицом, фактически контролирующим ООО, а представленный в суд договор займа не имел места в действительности, создан для видимости, без намерения создать соответствующие правовые последствия¹.

Конструкция юридического лица может использоваться также при отчуждении общего имущества в пользу подконтрольной супругу компании. В этом случае имеет место злоупотребление супругом правом на управление корпорацией: конструкция юридического лица используется в противоправных целях, а результатом такого использования является причинение вреда правам и законным интересам другого супруга. «Снятие корпоративной вуали» в этой ситуации также позволяет суду установить фактические отношения между супругом и подконтрольным ему юридическим лицом. Результатом является распространение на имущество, формально принадлежащее подконтрольной компании, режима совместной собственности супругов. Примеры такого подхода имеются как в зарубежной², так и в отечественной³ судебной практике.

В контексте проблемы отчуждения общего имущества без ведома другого супруга стоит приветствовать новеллу 2022 года, которая закрепляет дополнительный способ защиты нарушенных прав супруга путем уменьшения доли недобросовестного супруга при разделе общего имущества.

Поскольку имущественные отношения супругов основаны на доверии, в отношении распоряжения общим имуществом супругов действует презумпция испрошенного согласия второго супруга (п. 2 ст. 35 СК РФ).

¹ Решение Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 13.12.2021 г. по делу № 2-2959/2021 [Электронный ресурс]. URL: https://oktiabrsky--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=299779733&case_uid=159cca0b-1b80-41a5-8358-38e64ff1abc2&delo_id=1540005 (дата обращения: 23.08.2022).

² Yasmin Prest v Michael Prest (First Respondent) Petrodel Resources Ltd and Others (Second to Eighth Respondents) [2011] EWHC 2956 (Fam) [Электронный ресурс]. URL: <https://app.justis.com/case/yasmin-prest-v-michael-prest-first-respondent-petrodel-resources/overview/c4qtn5utm4Wca> (дата обращения: 23.08.2022)

³ Определение Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 5-КГ15-34 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=434069#ff03zHTkmK11firPx> (дата обращения: 23.08.2022)

Исключение составляют сделки по распоряжению имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации, сделки, для которых законом установлена обязательная нотариальная форма, и сделки, подлежащие государственной регистрации. Для заключения таких сделок в силу п. 3 ст. 35 СК РФ требуется нотариально удостоверенное согласие другого супруга. В литературе справедливо указывалось на то, что такой механизм защиты прав одного из супругов от возможных злоупотреблений со стороны другого супруга является хоть и несовершенно, но действующим механизмом защиты хотя бы в отношении сделок с наиболее значимым для семьи имуществом (в частности, недвижимостью) [Добровинский, 2021, с. 295]. Чего нельзя сказать о сделках, для совершения которых не требуется нотариального согласия другого супруга (например, сделки по распоряжению движимым имуществом, ценными бумагами).

Супруг, без ведома которого было произведено отчуждение общего имущества третьим лицам, до недавнего времени находился в крайне уязвимом положении, поскольку защитить свои права он мог лишь посредством предъявления требования о признании сделки недействительной. При этом на нем лежало бремя доказывания недобросовестности другой стороны в сделке. В силу п. 2 ст. 173.1 Гражданского кодекса РФ такая сделка может быть признана недействительной только в том случае, если другая сторона сделки знала или должна была знать об отсутствии необходимого согласия для совершения сделки. Однако далеко не всегда существование супруга у стороны-отчуждателя является очевидным.

Федеральным законом от 14.07.2022 г. № 310-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» п. 2 ст. 39 СК РФ был дополнен указанием, на то, что суд вправе отступить от начала равенства долей супругов в том случае, когда один из супругов совершал без необходимого согласия второго супруга на невыгодных условиях такие сделки по отчуждению общего имущества супругов, к которым судом не были применены последствия их недействительности по требованию второго супруга.

Таким образом, в ситуации, когда такой способ защиты права, как признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности, не позволяет обеспечить восстановление нарушенных прав супруга, пострадавшего от недобросовестных действий другого супруга, такой супруг сможет рассчитывать на увеличение его доли в общем имуществе за счет уменьшения доли недобросовестного супруга.

В литературе справедливо отмечается, что правовое регулирование семейных отношений направлено в том числе на обеспечение защиты прав супруга, в отношении которого другой супруг допускает злоупотребление своими правами [Чернущ, Войтович, Воронина, 2017, с. 84]. Новые законоположения в сфере имущественных прав супругов в совокупности с возможностью применения юридико-технического приема «снятия корпоративной вуали» обеспечат правоприменителей эффективными механизмами защиты прав супругов по делам о разделе совместно нажитого имущества.

Литература

Добровинский, А. А. (2021). Проблемы правового регулирования распоряжения имуществом бывших супругов. *Бизнес. Образование. Право.* № 1 (54). С. 293–301. DOI 10.25683/VOLBI.2021.54.170.

Чернущ, Н. Ю., Войтович, Е. П., Воронина, С. В. (2017). Особенности раздела отдельных видов супружеского имущества. *Известия Алтайского государственного университета.* № 6 (98). С. 83–87. DOI 10.14258/izvasu(2017)6-15.

ЭТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ВОЕННЫХ АВТОНОМНЫХ СИСТЕМ

Н. Н. Зайцев, К. Н. Дегтярёв, В. В. Танич

*Новосибирский военный ордена Жукова институт
имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии
Российской Федерации, г. Новосибирск
nik-217@mail.ru*

Автономные системы появляются во многих сферах жизни общества. Автономность – термин расплывчатый, используемый практически для всего, что может сделать хоть что-то, что не контролируется человеком дистанционно. По сути, разница между дистанционно управляемым (беспилотным) средством и автономным не обязательно велика, поскольку автономность имеет очень много разных форм и степеней.

В военных системах развитие идет в сторону увеличения автономности. В боевых действиях широко используются различные роботизированные системы, такие как беспилотные летательные аппараты (БПЛА) или беспилотные подводные аппараты (БПА). В отличие от БПЛА и БПА, которым всегда нужен человек-оператор, автономный аппарат не нуждается в дистанционном управлении во время своей миссии. Чем больше автономии, тем меньше взаимодействия и вмешательства человека. Системы военного назначения становятся все более автономными, и это поднимает этические вопросы, особенно когда автономные системы обладают огневой мощью [Коломейцев, 2020].

Пацифист, конечно, мог бы возразить – этическая оценка оружия, используемого в войне, независимо от уровня его автономности, бессмысленна, поскольку война сама по себе неэтична. Однако, этическая оценка в этой статье дана исходя из законов о вооруженных конфликтах, кодифицированных, например, в Женевской и Гаагской конвенциях.

Право войны часто делят на «*jus ad bellum*» и «*jus in bello*». «*Jus ad bellum*» указывает, какие критерии должны быть соблюдены, чтобы начать войну. Правила «*jus in bello*» устанавливают этические критерии применения средств ведения боевых действий [Смирнов, 2021].

Можно предложить, что достаточно рассматривать только «*jus in bello*», поскольку военные автономные системы применяются только

тогда, когда война уже началась. Однако, обладание военными автономными системами может также повлиять на интерпретацию «*jus ad bellum*», причина этого в том, что такие системы имеют преимущества с точки зрения снижения потерь для применяющей стороны, что может сделать войну более безрисковой, тем самым снижая порог для начала войны. Обладание военными автономными системами может больше, чем другое оружие, повлиять на интерпретацию права вооруженного конфликта.

Одним из аргументов против использования военных автономных систем является то, что порог для начала войны может быть снижен, а некоторые, утверждают, что этот тип технологий даже создает иллюзию того, что войны могут быть без потерь личного состава. Если страна не рискует жизнями своих солдат, ей легче начать или вступить в войну, которая в противном случае могла бы и не начаться. Еще одна проблема касается ужасов и жестокости войны, о которых можно забыть с помощью этих технологий в сравнении с традиционным оружием, когда солдаты находятся в постоянной опасности.

Есть примеры, подтверждающие приведенные выше рассуждения, то есть когда автономные системы способствовали началу новых военных действий. Вошли бы войска США в Ирак, Югославию, Афганистан, если бы противник имел возможность использовать БПЛА на территории США? Этот вопрос указывает нам на важность при интерпретации критериев «*jus ad bellum*» – «справедливая причина», когда страна, имеющая военные автономные системы, решает атаковать страну, не обладающую ими [Шавеко, 2021].

Еще один аргумент против использования автономных военных систем – возникновение чувства несправедливости со стороны тех, кто этой технологией не владеет. Очевидно, что БПЛА в большей степени, чем многие другие разрешенные виды оружия, могут вызвать чувство несправедливости, поскольку они позволяют одной стороне сохранить жизни своих солдат. Использование США БПЛА в Пакистане вызвало антиамериканские настроения, и лица, совершившие террористические акты в Пакистане, начали представлять свои атаки как «мечь за атаки беспилотников».

Военные автономные системы не являются более жестокими или несправедливыми сами по себе, но может возникнуть ощущение, что сторона, использующая их, даже если она не делает ничего противозаконного, использует средства, нарушающие неформальные правила воинской чести или демонстрирует отсутствие добродетелей война таких, как

мужество или милосердие. Право убить противника на войне основано на идее взаимного риска: солдат рискует своими жизнью и здоровьем, и поэтому ему позволено взять на себя ответственность за жизнь врага, не считаясь убийцей. Это чувство справедливости исчезает, если одна сторона использует автономные системы, а другая нет [Мартынов, 2019].

Несправедливость, вытекающая из асимметрии, когда одна сторона конфликта владеет автономной технологией, а другая – нет, тем не менее, также может считаться аргументом в пользу военных автономных систем, асимметрия может оказывать сдерживающее воздействие на более слабую сторону, которая с большей вероятностью будет добиваться дипломатического урегулирования конфликта путем переговоров. Если это так, то можно утверждать, что чувство несправедливости – это то, что может принять более слабая сторона, и что это лучший вариант, чем потеря человеческих жизней.

Наличие военных автономных систем может привести к тому, что иногда называют «тайными операциями», когда автономные системы используются спецслужбами, отсутствие прозрачности в их действиях может стать проблемой. Согласно праву вооруженного конфликта, войны ведутся между государствами, и неясно, можно ли считать спецслужбы «государством»? Где решения принимаются за завесой секретности, этические и правовые нормы легче обойти, поскольку их нарушение не может контролироваться посторонними лицами. Это может перерасти в «неофициальные войны», когда одна страна может претендовать на моральное право убивать людей в другой стране, с которой они не находятся в состоянии войны. В результате другие страны могут заявить, что они вправе сделать то же самое, и законы войны в некотором смысле будут аннулированы [Зайцев, 2022].

Другой вопрос касается операторов БПЛА, которые действуют вдали от места применения оружия. Должны ли они считаться участвующими в войне, чтобы по ним можно было нанести ответный удар, даже если они находятся на территории нейтральной страны? Другими словами: разрешено ли по законам войны атаковать оператора БПЛА в Варшаве? Убивая на значительном расстоянии, оператор дистанцируется от факта, что он убивает людей, и, таким образом, испытывает меньше сожаления или не сожалеет вовсе. С ростом способности убивать с большого расстояния, в полной безопасности или при применении автономной системы, в которой команды на убийство не отдаются

людьми напрямую, осознание убийства и смерти снижается. Физическая дистанция отдаляет бойца от последствий применения оружия. Кроме того, из-за отсутствия прозрачности оператору БПЛА может быть легче избежать ответственности, чем обычному солдату. Подобные вопросы указывают на необходимость более четкого правового определения границ поля боя.

Литература

Зайцев, Н. Н. (2022). Возможности применения искусственного интеллекта в военном деле. *Философские контексты современности: искусственный интеллект и интеллектуальная интуиция. ФИКОС 2022: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием*. Ижевск: Удмуртский университет, 2022. С. 122–125.

Коломейцев, А. Э., Столяров, А. А., Попрядухин, П. И. [и др.] (2020). *История создания и применения беспилотных летательных аппаратов военного назначения. Информационная безопасность – актуальная проблема современности. Совершенствование образовательных технологий подготовки специалистов в области информационной безопасности*. Т. 1. № 2-1 (13). С. 305–312.

Мартынов, К. (2019). Этика автономных машин: деонтология и военные роботы. *Логос*. Т. 29. № 3 (130). С. 231–246. DOI 10.22394/0869-5377-2019-3-231-244.

Смирнов, М. Г. (2021). Эволюция правила Jus ad bellum в международном гуманитарном праве: к вопросу разграничения терминов jus in bello и jus ad bellum. *Вопросы российского и международного права*. Т. 11. № 12-1. С. 251–257. DOI 10.34670/AR.2022.82.26.027.

Шавеко, Н. А. (2021). Принципы справедливой войны: jus ad bellum. *Вестник военного права*. № 1. С. 69–76.

КАК ЗАКОНЫ ПОЛУЧАЮТ СВОИ ИМЕНА

С. С. Коновальчикова

*Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, г. Новосибирск
znsno@mail.ru*

Дискуссия о том, необходимо ли в российских законах указывать имена их авторов, длится уже давно. Так, Л. Шейнин считает, что анонимность законодательных актов «снижает ответственность указанных лиц за должную разработку законов, способствует представлению на рассмотрение в законодательные учреждения проектов законов в сыром виде» [Шейнин, 2005, с. 64–67]. По мнению И. А. Лапиной, анонимность законов есть правовой дефект, свойственный всему отечественному законодательству в целом [Лапина, 2008, с. 13–17]. В проблеме авторства Г. А. Трофимова видит как частноправовой аспект, так и публично-правовой: автор не получает должного признания и вознаграждения за свой труд, а население страны получает малопонятный документ, не вызывающий доверия [Трофимова, 2015, с. 44–48]. Конечно, с позиции законодательного процесса указанные точки зрения не выдерживают никакой критики.

Традиция присваивать имена авторов законам более характерна для зарубежных стран. Например, поправка Джексона – Вэника. Эта поправка к Закону о торговле США (1974), вводившая ограничения на торговый оборот со странами, нарушающими права человека, в том числе в части иммиграции, получила имена своих авторов – конгрессменов Генри Джексона и Чарльза Вэника. Или итальянский Закон Базальи – закон о психиатрической помощи и реформе психиатрии, получивший свое имя в честь автора психиатра Франко Базальи.

В Российской Федерации все же присутствует подобная традиция и она имеет свои особенности. Действительно, за некоторыми резонансными законами закрепляются имена их авторов. Наиболее известный случай, это Закон Яровой – пакет антитеррористических поправок, соавтором которого стала депутат Государственной Думы Ирина Анатольевна Яровая (Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ и Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ).

Все же чаще в нашей стране законы получают не имена своих авторов. Так, Закон Димы Яковлева (Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»), которым был установлен запрет на усыновление российских детей гражданами США, получил имя в память о маленьком мальчике, которого приемный отец-американец оставил на жаре в автомобиле, в результате чего тот погиб. Другой пример, так называемая «Дадинская» статья (статья 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации), которая устанавливает уголовную ответственность за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования. Эта статья получила свое название в честь первого осужденного по ней - Ильдара Дадина.

Формально-юридически требования к наименованию будущего закона закреплены в Методических рекомендациях по юридико-техническому оформлению законопроектов, утвержденных Государственной Думой. Из наименования законопроекта должно быть понятно его содержание и основной предмет правового регулирования. Наименование должно быть точным, четким, недвусмысленным, чтобы его можно было легко запомнить, а при необходимости быстро найти. Нормативные правовые акты со сложными и неоправданно длинными наименованиями загромождают законодательство, затрудняют его систематизацию и понимание. В 2020 году специалистами Высшей школы экономики было проведено исследование по оценке «читабельности» законодательных актов Российской Федерации на основе их синтаксического анализа с применением методов компьютерной лингвистики. По итогам этого исследования сделаны выводы, что законодательство с 1991 года стало сложнее на 30%. Синтаксическая сложность вызвана негативными лингвистическими практиками к законодательному закреплению юридических норм, затрудняющих уяснение и разъяснение положений таких законов [Кнутов, Плаксин и др., 2020, с. 130]. Возможно, именно поэтому наиболее значимые законы получают упрощенное «медийное» название. Например, «дачная и гаражная амнистии» (упрощенный порядок оформления права собственности на недвижимость), «амнистия капиталов» (разрешение провести добровольное декларирование зарубежного имущества и банковских вкладов и освобождение от ответственности),

«регуляторная гильотина» (реформа контрольно-надзорной деятельности, в том числе ревизия нормативных правовых актов на актуальность), «зарплатное рабство» (невозможность сменить зарплатный банк работника по его заявлению), закон «о праве на забвение» (каждый гражданин имеет право на удаление информации о себе из Интернета), закон о «золотых парашютах» (введение ограничения на размер выходного пособия в государственных корпорациях и компаниях), отмена «мобильного рабства» (возможность сменить оператора сотовой связи при сохранении прежнего телефонного номера), «закон о резиновых квартирах» (введение ответственности за регистрацию по месту жительства без намерения проживать) и так далее.

Таким образом, стремление к определенному лингвистическому упрощению, нарицанию «народными» именами способствует выстраиванию диалога между государством и обществом.

Литература

Кнутов, А. В., Плаксин, С. М. и др. (2020). *Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа*. М. Изд. дом Высшей школы экономики.

Лапина, И. А. (2008). Дефекты законодательных актов субъектов Российской Федерации. *Конституционное и муниципальное право*. № 21. С. 13–17.

Трофимова, Г. А. (2015). Авторство на законопроект: частный и публичный аспекты проблемы правового регулирования. *Законодательство и экономика*. № 2. С. 44–48.

Шейнин, Л. (2005). Недостатки законодательной техники Российской Федерации. *Юридический мир*. № 12. С. 64–67.

ТЕРМИН «PRIVACY»: ХРОНОЛОГИЯ ЭВОЛЮЦИИ

А. В. Кротов

г. Н. Новгород

pravonnov@yandex.ru

Отечественная юридическая наука насыщена термином *privacy*, используемым авторами в значении «тайна частной жизни» [Доронина, Семилютина, Цирина, 2020]; «право на неприкосновенность частной жизни» [Мотина, 2022, с. 25]; «право на личную жизнь» [Кунец, 2022, с. 17]; «неприкосновенность частной жизни» [Романовский, 2021, с. 47].

Неоднозначное восприятие термина *privacy* обусловлено рядом причин: машинальное копирование термина из стороннего текста; отсутствие общепризнанной национальной правовой доктрины права частной жизни; попытки придания исследовательской работе «научности», «весомости»; запоздавшая, инерционная реакция на развитие юридической науки и практики в зарубежных странах.

Традиционно в отечественной науке возникновение права частной жизни связывают с журнальной статьей, опубликованной в юридическом журнале Гарварда «*Harvard Law Review*» в 1890 г.: «Право на частную сферу» («*Right to privacy*»), в которой было заявлено о праве человека «быть оставленным в покое» («*the right to be left alone*»), иными словами, быть свободным от внешнего воздействия. Именно так указанное право определялось до 70-х годов XX века и непосредственно в таком содержании было адаптировано (с определенной модификацией) в национальных правовых системах стран «догоняющего» развития (*catch-up growth*) в качестве «истинного суждения» в том смысле, что оно признается населением большинства стран и находит свое отражение как в философии, так и в праве, является случаем «согласованной морали», обязательно в силу разумности, а не по причине угрозы наказания.

Исследование истории возникновения термина *privacy* ведет нас к классической латыни, где обнаруживается слово «*privatus*», «на языке Цицерона *privatim* означало действовать не как лицо, облеченное властью, как частное лицо, в совершенно иной плоскости, кроме того *privatim* означало делать что-либо не на глазах у всех, у себя дома, в уединении, обособлено от общества» [Арьес, Дюби, 2015, с. 16]. Во времена

античной цивилизации была отмечена потребность индивида в создании определенной области, позволяющей защититься человеку от окружающей его реальности, вторжения извне, что является объективным свойством человеческой психики, одним из условий его социализации.

В первом-втором тысячелетии нашей эры, во времена Римской империи, было сформировано понятие «особого пространства, имеющего четко выраженные границы и относящегося к той части человеческого существования, которая на всех языках называется личным, зона неприкосновенная, хранящая секреты и предоставляющая убежище... Это сокровенное домашнее пространство, где допустима раскованность, существовала частная жизнь не только у римских граждан, но в том числе и у рабов» [Арьес, Дюби, 2015, с. 78].

Слово *privacy* в английском языке было образовано из древнефранцузского слова (*privauté*) и означало в конце XIV в. одиночество (безбрачие), тайна [Ориджинс, 2006, с. 2014]. В свою очередь, в древнефранцузском языке *privauté* в XIII в. было образовано от латинского *privus* – выделенный, отличительный, своеобразный (персонализированный), самостоятельный, принадлежащий самому себе, в качестве прилагательного «собственность одного (отдельно взятого) человека». В XVI веке под ним понимали частное дело, секрет. Только в 1814 г. *privacy* стали понимать как свободу человека от вторжения извне.

В юридическом словаре Баллентайна (*Ballentine's law dictionary*) редакции 1969 г. под правом частной жизни предлагалось понимать: право быть оставленным в покое, то есть право быть свободным от нежелательной публичности и жить без необоснованного вмешательства общественности по непубличным вопросам (*Prents v Morgan*, 221 Ky 765, 299 SW 967, 55 ALR 964); право, основанное на праве индивидуума быть счастливым (*Barsky v United States*, 83 App DC 127, 167 F2d 241, cent den 334 US 843, 92 L Ed 1767, 68 S Ct 1511, rear den 339 US 971, 94 L Ed 1379, 70 S Ct 1001); на доктрине, в соответствии с которой каждый человек имеет личное право на неприкосновенность частной жизни, основанное на неприкосновенности личности.

На сегодня в США доминирует позиция, в соответствии с которой под правом частной жизни понимается группа прав (правовое образование), обеспечивающая возможность формирования собственной идентичности и внешней самопрезентации человека [Хеффернан, 2016, с. 3] (процесс представления человеком собственного образа в социальном

мире, характеризующийся намеренностью на создание у окружающих определенного впечатления о себе. То есть речь идет о двух основных формах жизнедеятельности: ближайшей социально-экономической, и публично регламентированной). Юридический словарь Блэка редакции 1990 г. [Нолан, 1990, с. 978] право частной жизни (по сравнению с дефиницией, содержащейся в юридическом словаре Баллентайна (Ballentine's law dictionary) редакции 1969 г.) определяет следующим образом: право человека быть оставленным в покое; право человека быть свободным от неоправданной публичности; право жить, исключая необоснованное вмешательство общества в вопросы, не имеющие к нему отношения. Право частной жизни является системой прав (правовым образованием), включает в себя различные права, сопряженные с доктриной «упорядоченной свободы» (свобода человека ограничена необходимостью обеспечения порядка в обществе, такие ограничения должны иметь рациональный характер), целью которых является защита от вмешательства государства в сферу интимных отношений или действий (лица), обеспечение свободы индивидуума на выбор (поведения) (как фундаментальная категория) в отношении самого себя, своей семьи, круга своего общения (*Industrial Foundation of the South v. Texas Indus. Acc. Bd.*, Tex., 540 S.W.2d 668, 679 (**Supreme Court of Texas**. July 21, 1976) *Rehearing Denied* October 6, 1976), постоянные и нежелательные телефонные звонки (*Housh v. Peth*, 165 Ohio St. 35, 133 N.E.2d 340, 59 O.O. 60), семейные отношения (*Prince v. Massachusetts*, 321 U.S. 158, 166, 64 S. Ct. 438, 442, 88 L. Ed. 645 (1944)), воспитание и образование детей (*Pierce v. Society of Sisters*, 268 U.S. 510, 535, 45 S.Ct. 571, 573, 69 L. Ed. 1070 (1925)), право женщины на прерывание беременности, основанное в том числе на 14 поправке к Конституции США (ни один штат не может лишить какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры либо отказать какому-либо лицу в пределах своей юрисдикции в равной защите закона), с определенными ограничениями (410 U.S. 113, 93 S.Ct. 705 (1973)).

Изменение содержания термина *privacy* повлекло за собой создание ряда новых правовых конструкций (доктринальные обоснования в данном случае «подтолкнули» законодателя «к выработке и закреплению новелл, конструированию институциональных и субинституциональных блоков в отраслевых законах» [Крусс, 2007, с. 122]), например принцип ожидания неприкосновенности частной жизни (вера в существование

права быть свободным от вмешательства государства в отношении определенного места или вещи); нарушение авторских прав (в названии, слогане и тому подобное), как элемент права частной жизни, и ряд иных.

Литература

Аръес, Ж., Дюби, М. (2015). *История частной жизни*. М. Новое литературное обозрение. 2 т.

Доронина, Н. Г., Семилютина, Н. Г., Цирина, М. А (2020). Контракт на оказание медицинских услуг в системе правового регулирования научных исследований генома человека. *Международное публичное и частное право*. № 5. С. 22–28.

Крусс, В. И. (2007). *Теория конституционного правопользования*. М. Норма.

Кунец, А. Г. (2022). Правовая охрана конституционного права на личную жизнь в Республике Беларусь и в Европейском союзе. *Конституционное и муниципальное право*. № 3. С. 17–23. DOI: 10.18572/1812-3767-2022-3-17-23.

Мотина, Е. В. (2022). Характеристика на работника в контексте достоинства человека. *Трудовое право в России и за рубежом*. № 2. С. 25–28. DOI: 10.18572/2221-3295-2022-2-25-28.

Романовский, В. Г. (2021). Права человека и глобальные сети в условиях нарастания террористических угроз. *Конституционное и муниципальное право*. № 11. С. 47–51. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-11-47-51.

Heffernan, W. C. (2016). *Privacy and the American Constitution: New Rights Through Interpretation of an Old Text*. Cham. Palgrave Macmillan.

Nolan, J. R. (1990). *Black's law dictionary*. Henry Campbell Black. 6th ed.

Origins, A. (2006). *Short Etymological Dictionary of modern English* by Eric Partridge. London and New York.

НЕЗАКОННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИЦОМ СВОЕГО СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ КАК ОСНОВНОЙ ПРИЗНАК КОРРУПЦИИ

И. В. Матвеев

*Новосибирский государственный университет экономики и управления,
г. Новосибирск
udicis@mail.ru*

Проблема коррупционного поведения граждан как никогда стоит перед современным российским обществом. Высокая распространенность коррупционных деяний, а также их латентный характер препятствует нормальному развитию государственных структур и институтов гражданского общества. Современное российское законодательство характеризуется широким перечнем нормативных правовых актов, регулирующих деятельность по противодействию коррупции. На законодательном уровне понятие коррупции сформулировано в ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273 ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – ФЗ № 273). Следует отметить, что понятие коррупции в вышеприведённом законе сконструировано через перечисление некоторых преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления и преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях [Талапина, 2010, с. 192]. Такой подход законодателя критикуется в юридической литературе: исследователями отмечается ограниченность определения и отсутствие конкретных признаков коррупции [Наумов, Чаннов, 2009, с. 100; Прокументов, Карелин, 2009, с. 104; Спектр, 2015, с. 44]. Но из анализа содержания понятия коррупции очевидно, что незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства выступает обобщенной (родовой) категорией по отношению к перечисленным общественно опасным деяниям. Тем самым эти причисленные деяния, исходя из понимания ФЗ-273, выступают разновидностью проявления незаконного использования лицом своего служебного положения. Также стоит отметить, что указанные в законодательном определении коррупции деяния, согласно российскому законодательству, принадлежат исключительно

к сфере уголовно-правового регулирования, хотя коррупционные правонарушения совершаются и в других отраслях права, например, в сфере административных правоотношений. Также стоит отметить, что целью совершения коррупционных деяний является получение выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, то есть коррупция проявляется через желание получения именно материальной выгоды [Клеймёнов, Верченко, Сейбол, 2017, с. 146].

Необходимо признать, что определение коррупции, содержащееся в ст. 1 ФЗ-№ 273, содержит некоторые недостатки законодательных формулировок. Прежде всего, это признак «иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства». Так как для отнесения к коррупционным проявлениям предполагается открытый перечень деяний (на что указывает конструкция «иное»), получается, что закон сужает понимание коррупции лишь незаконным использованием только должностного положения. Это ограничивает применение понятия коррупции, поскольку, во-первых, должностное положение связано с понятием должностного лица и является разновидностью служебного положения, которое может включать в свое содержание не только полномочия должностных лиц. Во-вторых, в перечне коррупционных проявлений указаны правонарушения, например, злоупотребление полномочиями, которое предусмотрено ст. 201 УК РФ и субъектом которого должностное лицо не является и, тем самым, реализовывать должностное положение данный субъект не может.

В научной литературе получили распространение различные подходы к определению коррупции и её признакам. В наиболее обобщенном виде под коррупцией понимается «злоупотребление государственной властью ради извлечения личной выгоды» [Роуз-Аккерман, 2003, с. 120]. Такое слишком общее определение не позволяет установить точные признаки коррупционных проявлений.

В юридической литературе встречается понимание коррупции в узком смысле как «социального явления, характеризующегося подкупом-продажностью государственных или иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных либо в узкогрупповых, корпоративных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей» [Кузнецова, 1993, с. 124].

Данный подход характеризует это социально-негативное явление через корыстную мотивацию должностного лица, которая обуславливает использование своих полномочий в свою пользу или пользу третьих лиц. При таком подходе коррупционными деяниями можно признать только различные формы взяточничества в современном уголовном праве.

Можно отметить, что некоторые аспекты понимания коррупции в узком смысле наши отражение в законодательстве о противодействии коррупции. Законодательное определение коррупции раскрывает разновидности выгод, которые участник коррупционных отношений может получить вследствие совершения противоправных актов. Выгода может состоять в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав (ср. предмет получения взятки), тем самым можно предположить, что коррупционное поведение в такой интерпретации исключает возможность получения выгоды неимущественного характера.

На наш взгляд, наиболее приемлемым является широкий подход к пониманию коррупции, который включает в себя не только экономическую мотивацию коррупционера. Такое понимание соответствует представлениям современной правовой науки. Так, Т. Я. Хабриева указывает, что коррупционными актами являются и любые формы содействия коррупционерам: «коррупция - это противоправное использование должностным или иным лицом своего положения в целях получения ненадлежащей выгоды для себя или третьих лиц, предоставления другими лицами такой выгоды, а также посредничество и иные формы содействия в совершении указанных деяний» [Хабриева, 2012, с. 8].

Рассмотрев различные подходы к определению коррупции, необходимо отметить, что есть признак, который объединяет все возможные варианты научного определения коррупции – (незаконное) использование лицом своего служебного или должностного положения. В коррупционных деяниях извлечение личной выгоды происходит единственно благодаря незаконному использованию лицом своего служебного или должностного положения. Это проявляется не только в нарушениях компетенции и в использовании полномочий должностным лицом, но и в извлечении материальной и иной выгоды из существующего служебного положения. Действительно, без наличия определённого правового статуса, который предоставляет лицу права и обязанности, невозможно существование коррупционных актов. Способность совершать коррупционные правонарушения лицом (в форме пассивной коррупции) происходит из его публично-правового статуса.

Литература

Клеймёнов, М. П., Верченко, Н. И., Сейбол, Е. М. (2017). Нравственность и коррупция. *Вестник Омского университета. Серия: Право.* № 4 (53). С. 144–150.

Кузнецова, Н. Ф. (1993). Коррупция в системе уголовных преступлений. *Вестник Московского университета. Серия II. Право.* № 1. С. 21–26.

Наумов, С. Ю., Чаннов, С. Е. (2009). *Комментарий к ФЗ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».* М. Юстицинформ.

Прокументов, Л. М., Карелин, Д. В. (2009). Анализ нового антикоррупционного законодательства. *Вестн. Том. гос. ун-та.* № 328. С. 104–110.

Роуз-Аккерман, С. (2003). *Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы.* М. Логос.

Спектор, Е. И. (2015). Коррупционные правонарушения: проблемные вопросы юридической квалификации. *Журнал российского права.* № 8. С. 40–46.

Талапина, Э. В. (2010). *Комментарий к законодательству Российской Федерации о противодействии коррупции (постатейный).* М. Волтерс-Клувер.

Хабриева, Т. Я. (2012). Коррупция и право: доктринальные подходы к постановке проблемы. *Журнал российского права.* №6 (186). С. 5–17.

ОЧЕРК ИСТОРИИ ОСМЫСЛЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕОКОНФУЦИАНСТВА В ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ КОРЕИ РАННЕГО ПЕРИОДА ЧОСОН (XV-XVI ВВ.)

Е. Р. Сигаури-Горский

*Московский государственный институт (университет) международных
отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации,*

г. Москва

ggorskiy999@gmail.com

Среди современных исследований традиционного права стран Восточной Азии наибольшее внимание, как правило, уделяется прежде всего праву Китая. В рамках подходов сравнительного правоведения принято полагать, что именно китайская правовая традиция (прежде всего в «измерении» конфуцианской философии) является общим стрижнем того, что зачастую именуется «дальневосточной правовой семьей» или «философской правовой семьей» [Саидов, 2003, с. 323]. Следует, однако, обозначить, что в настоящее время ученые-юристы непосредственно из стран региона открыто заявляют о проблематичности представления о всеобщей «конфуцианской типизации» восточноазиатских обществ [Chulwoo, 2013, p. 20]. Конфуцианство является в высшей степени «китайской философией», в том смысле, что оно воплотило в себе те ценности, которые были присущи еще «шанско-чжоускому» Китаю за многие века до рождения Конфуция (551 — 479 гг. до н.э.), выразив, таким образом, исходные ориентиры китайской общественной культуры. В Японии, Корее и Индокитае, в свою очередь, учение Конфуция и его последователей зачастую переосмыслялось и адаптировалось в локальном социально-культурном контексте. Характерным примером подобного является Корея, традиционная правовая система и обычное право которой существовали и развивались на протяжении всей её долгой истории, несмотря на всестороннее влияние Китая [Кіруо, 2013, р. 2]. Данное исследование, в свою очередь, призвано пролить свет на традиционную правовую культуру и правовую мысль Кореи периода Чосон (XIV-XIX вв.), периода, когда неоконфуцианство стало главенствующей государственной идеологией на половину тысячелетия [Choi, 2003, p. 88], прочно закрепившись

в качестве одного из столпов классического и современного национального морально-правового дискурса [Chen, 2021, p. 89].

Ввиду географической близости, конфуцианская философия начала проникать в Корею еще в период «Трёх государств» (I в. до н.э. – VII в. н.э.), присоединяясь к «правовой палитре» ранней Кореи, включающей в себя обычную правовую культуру, происходящую из традиционного шаманизма и раннего Буддизма [Kuk-Woon, 2021, p. 112]. Позднее, в период Корё (918 – 1392 г. н.э.) конфуцианское влияние начало укрепляться и распространилось на государственные институты, созданные по образцу китайской династии Тан (618–907 гг. н.э.). Конфуцианство присутствовало и в образовании: в 992 г. была создана «Гукджагам», центральная национальная конфуцианская академия, а также были учреждены локальные государственные провинциальные школы «хянгё» [Łukasinski, 2016, p. 142.]. Наконец, с падением Корё пришла эпоха периода Чосон (1392 — 1910 гг. н.э.), последней корейской императорской династии, ознаменовавшая фундаментальную приверженность конфуцианской идеологии.

Начало развития юридической науки и государственного управления данного периода связано с именем конфуцианского ученого-чиновника Чона Доджона (1342 – 1398), который в 1394 г. составил частный Кодекс «Чосон Кёнкукджон» («Кодекс управления Чосоном») [Choi, 2000, p. 42] а позднее разработал «Кёндже Мунгам» («Очерки национальной политики», 1935 г.) и «Кёндже Мунгам Пьолчип» («Дополнительные очерки национальной политики», 1397 г.), послужившие основными ориентирами для новой правительственной организации и администрации. Основывая свои идеи на том, что можно охарактеризовать как «демократический конституционализм», Доджон ставил главным государственным приоритетом интересы самого населения, полагая, что именно люди являются истинными руководителями страны, посему главной целью деятельности правительства надлежит быть достижение их благосостояния и процветания [Choi, 2003, p. 89]. Важной идеей Доджона в контексте исторического развития корейской государственности надо полагать приемлемость революционного изменения власти. Осмысливая традиционную конфуцианскую концепцию «Мандата Неба», ученый утверждал, что народ может совершить революцию, если правитель потерял народную поддержку и свою добродетель (то есть потерял «Мандат Неба»). Следовательно, если иной добродетельный

человек, имеющий народную поддержку, свергает недостойного правителя, тот сам вправе войти на престол. Подобные воззрения были крайне актуальны для новой правящей династии Ли, пришедшей к власти в результате государственного переворота.

Другой ключевой фигурой рассматриваемого периода является И Хван (1501 – 1570), последователь неоконфуцианства Чжу Си (1130 – 1200), известный в качестве составителя «Хяньяк», договора о местном самоуправлении, закрепившем 4 принципа конфуцианской добродетели: увещание друг друга к совершению добродетельных поступков; исправление неправильных действий друг друга; общение и взаимодействие в соответствии с правилами приличия и обычаями; предоставление друг другу помощи в случае болезней и бедствий [Choi, 2003, p. 94]. Примечательно, что определенные, прежде всего буддийские слои корейской элиты, были крайне оппозиционно настроены к внедрению неоконфуцианских практик, связанных, например, с культом поклонения предкам и домашними алтарями [Nguyên, 1988, p. 249]. Подобные факты свидетельствуют против идеи абсолютного и беспроblemного принятия конфуцианства в странах Восточной Азии.

В рассматриваемый период также сформировался ряд ключевых корейских политико-правовых концепций. Так, например, принцип «Чо-чжонг Сонхон» устанавливал необходимость уважать и сохранять достижения и векторы политической деятельности прошлых королей [Choi, 2000, p. 43], что гарантировало определенную стабильность при разработке и принятии нового законодательства. Центральной стала идея о «хороших законах на основе прекрасных обычаев», утверждающая обычай основой законодательства. Неоконфуцианство, *inter alia*, также получило свое выражение в концепциях о приоритете конфуцианского «ли» (этикет/ритуал) над правом и совместном урегулировании/корректировке проступков и правонарушений, что способствовало социализации и внутреннему социальному контролю вне позитивного права.

Литература

Саидов, А. Х. (2003). *Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): Учебник*. М. Юристъ.

Chen, Y. (2021). The Presence of Confucianism in Korea and its General Influence on Law and Politics. In Dr. Arturo Oropeza García (coordinador.). *Corea. Una visión jurídica y geopolítica en el siglo XXI*. Universidad Nacional Autónoma de México / Instituto de Investigaciones Jurídicas. Pp. 77–90.

Choi, C. (2000). South Korean Law and North Korean Law: Comparison and Reunification. *The Law Research Institute*. Vol. 40. No. 4. Pp. 41–55.

Choi, C. (2003). Traditional Legal Thoughts in Korea. *Journal of Korean Law*. Vol. 2. No. 3. Pp. 75–108.

Chulwoo, L. (2013). The rule of law and forms of power: theorizing the social foundations of the rule of law in South Korea and East Asia. In Hyunah Y., Elgar E. (ed.). *Law and Society in Korea*. Pp. 20–44.

Kipyoo, K. (2013). Overview. In Korea Legislation Research Institute (ed.). *Introduction to Korean Law*. Springer-Verlag Berlin Heidelberg. Pp. 1–31.

Kuk-Woon, L. (2021), Introduction to Korean Law. In Dr. Arturo Oropeza García (coordinador.). *Corea. Una visión jurídica y geopolítica en el siglo XXI*. Universidad Nacional Autónoma de México / Instituto de Investigaciones Jurídicas. Pp. 111–135.

Łukasinski, J. (2016). Korean legal thought under Yi dynasty as a reflection of Confucian worldview adopted in early Joseon period: Chinese influence, Korean ideology. *Gdańskie Studia Azji Wschodniej*. Vol. 9. Pp. 139–152.

Nguyên, T. (1988). Review: [Untitled] Reviewed Work: Law and the State in traditional East Asia. Six studies on the sources of East Asian law, (Asian Studies at Hawaii, No. 33). In *Revue Historique*. Presses Universitaires de France. Pp. 248–249.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

БИОЭТИКА И КРИТИЧЕСКАЯ СУИЦИДОЛОГИЯ

А. В. Антипов

*Институт философии РАН
nelson02@yandex.ru*

Биоэтика появляется в качестве ответа на затруднения человечества и моральные дилеммы, возникающие в связи с усложнением (био) технологических и в самом широком смысле социальных и культурных процессов. Биоэтический принципализм предполагает выделение универсальных положений («не навреди», «делай благо», «принцип уважения автономии пациента» и «принцип справедливости»), фундирующих положение человека в ситуации биотехнологических вмешательств, что, с одной стороны, позволяет защитить его от вредных и губительных воздействий, а с другой – дает основание для выделения и анализа потенциальных рисков от биотехнологического развития в контексте более широкого корпуса гуманитарной экспертизы и социогуманитарного сопровождения. Одной из ключевых специфик биоэтики является анализ ситуаций на границах человеческого существования, которые связаны с определением границ жизни и смерти, а также выбором, совершаемым человеком на этих границах. Вопросы и проблемы, поднимаемые в связи с самостоятельным окончанием жизни и отказом от нее в активно изменяющейся современности приобретают новое звучание в связи с развитием технологий. Обращая свое внимание также на проблемы общественного здоровья [Юдин], биоэтика делает предмет своего анализа не только эвтаназию и ассистированное врачом самоубийство, но и суицид как таковой.

В современности представления о суициде трансформируются, и самостоятельный отказ от жизни в светских обществах более не является преступлением. Но суицид остается значительной проблемой общественного здоровья [Suicide, WHO], на которую с недавнего времени обращается внимание с точки зрения биоэтики. Поскольку технологическое развитие позволяет поддерживать неопределенно долго

соматические признаки жизни, в том числе при отсутствующем сознании, а страдание и боль рассматриваются как то, от чего необходимо избавиться любой ценой, поднимаются вопросы о том, может ли человек самостоятельно определять границы своей жизни в подобных ситуациях. Несмотря на грандиозные успехи медицины, полностью элиминировать боль и страдание, особенно на терминальных стадиях заболеваний, из жизни человека она не способна, поэтому страдания следует максимально облегчить. В некоторых случаях таким облегчением является хоспис, в других оно возможно только посредством прекращения жизни. Смерть становится частью технологического контроля и «наступает вследствие выбора» [Cholbi, Valerius, 2015, p. 1], который приобретает формы эвтаназии и ассистированного врачом суицида.

Рассмотрение суицида для биоэтики является относительно недавним положением. Традиционно анализом суицида и суицидального поведения занимается суицидология, появившаяся как результат деятельности Э. Шнейдмана [Leenars, 2010], в рамках которой предлагается изучение суицида с помощью научных методов, а также создание системы эффективной предикции и превенции суицида. Суицидология понимается как междисциплинарное поле исследований, на котором соединяются методы многих наук, таких как психология, нейробиология, социология и т.д., поскольку сам объект изучения – суицид – крайне сложен и не может быть исследован инструментарием только одной из наук [Maris, 2019]. Для такого изучения суицида характерны количественные исследования и использование инструментария научной рациональности, на основании которых предполагается создание универсальной модели суицидального поведения и выделение его причин. Универсальная модель необходима для создания системы помощи и предотвращения суицида, которая могла бы сократить количество смертей от него. Результатом суицидологических исследований является доминирование в современной суицидологии, как выделяет их критик суицидологии И. Марш, трех положений: о наличии у суицидентов психических патологий, о научности суицидологии (или необходимости исследования суицида только с помощью признаваемых строгой наукой методов и инструментов) и об индивидуальности суицида, его возникновении только из отдельного единичного субъекта [Marsh, 2016, p. 16-17].

Критическая суицидология «представляет собой переосмысление суицида и превенции самоубийства; она отходит от обычных объективных

и позитивистских подходов к более контекстуализированным, поэтическим, субъективным, историческим, экологическим, ориентированным на социальную справедливость и политические перспективы» [White, Marsh, et al., 2016, p. 2]. В таком варианте факторы, влияющие на формирование суицидального поведения, определяются не только как те, что имеют интерсубъективное значение, но исследуются как существующие в контексте взаимосвязей и взаимоотношений суицидального субъекта с, в самом широком смысле, внешнем миром. Продолжая линию М. Фуко, Х. Тэйлор предполагает, что «суицидальная субъектность конституировалась через собрание “экспертных” дискурсов по этой теме на протяжении последних двух столетий» [Taylor, 2015, p. 201]. В случае классической суицидологии представление о наличии психической патологии у суицидентов приводит к разрушению доверия к суицидальному субъекту [Baril, 2020], что также может быть рассмотрено как форма эпистемической несправедливости [Chandler, 2020, p. 38]. Критическая суицидология предполагает, что суицид не может быть понят и изучен аконтекстуально, и тем самым противостоит традиционной суицидологии, для которой целью является выделение универсальных и не зависящих от контекстуальных переменных параметров предикции суицида.

Критическая суицидология появляется как критика традиционной суицидологии и, в частности, универсализма, что переносит эту критику и на принципалистскую модель биоэтики, рассматривающую эвтаназию и суицид с универсалистских позиций. Основной, во многом гуманистический посыл критической суицидологии состоит в том, чтобы дать высказаться тем, чьи голоса оказываются заглушены (маргинализированы) или отрицаются, поскольку выстраивается следующее рассуждение: в ситуации строгой ассоциации суицида и психических состояний происходит патологизация суицида, а потому все иные способы и причины добровольного отказа от жизни не принимаются во внимание. Критическая суицидология призвана пролить свет на причины такого способа отказа от жизни [Marsh, Winter, Marzano, 2022].

Литература

Юдин, Б. Г. (2005). Биоэтика. *Биоэтический форум*. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bioethics.ru/rus/res_eth/ (Дата обращения: 31.08.2022).

Baril, A. (2020). Suicidism: A new theoretical framework to conceptualize suicide from an anti-oppressive perspective. *Disability Studies Quarterly*. № 40 (3).

Chandler, A. (2020). Shame as Affective Injustice. Qualitative, Sociological Explorations of Self-Harm, Suicide and Socioeconomic Inequalities. In: *Suicide and social justice: new perspectives on the politics of suicide and suicide prevention* / M. E. Button, I. Marsh (eds.). New York. Routledge. Pp. 32–50.

Cholbi, M., Valerius, J. (2015). *New Directions in the Ethics of Assisted Suicide and Euthanasia*. Switzerland. Springer International Publishing.

Leenaars, A. (2010). Edwin S. Shneidman on Suicide. *Suicidology Online*. № 1. Pp. 5-18.

Maris, R. W. (2019). *Suicidology*. Guilford Publications.

Marsh, I. (2016). Critiquing Contemporary Suicidology. In: *Critical suicidology: transforming suicide research and prevention for the 21st century* / J. White, I. Marsh, et al (eds.). Vancouver. UBC Press. Pp. 15–30.

Marsh, I., Winter, R., Marzano, L. (2022). Representing suicide: Giving voice to a desire to die? *Health*. Vol. 26(1). Pp. 10–26.

Suicide. World Health Organisation. (2021). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/suicide> (Дата обращения: 31.08.2022).

Taylor, C. (2015). Birth of the Suicidal Subject: Nelly Arcan, Michel Foucault, and Voluntary Death. *Culture, Theory and Critique*. № 56 (2). Pp. 187–207.

White, J., Marsh, I., et al. (2016). Introduction. Rethinking Suicide. In: *Critical suicidology: transforming suicide research and prevention for the 21st century* / J. White, I. Marsh, et al (eds.). Vancouver. UBC Press. Pp. 1–14.

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФИЛАКТИКИ НАСИЛЬСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ К ПОДРОСТКАМ В ШКОЛЬНОЙ СРЕДЕ

Д. Р. Гедуадже

*Адыгейский государственный университет, г. Майкоп
geduazhed16gmail.com*

Среди причин проявления насилия на первый план выходят социально-культурные изменения, происходящие сегодня в России в различных сферах жизни, связанные с неблагополучием и социальной нестабильностью, в сочетании с неблагоприятными семейно-бытовыми отношениями между взрослыми и детьми [Беличева, 1994; Румянцева, 1991]. Возникающее личностное противоречие между потребностью быть принятым ближайшим окружением и реальными возможностями ее удовлетворения выступает в качестве своеобразного конфликтообразующего фактора, находящего разрешение в насилии по отношению к другому человеку [Фурманова, 2001, 2004; Хохлова, 2003].

В современных условиях работа по профилактике насилия в школьной среде не отвечает в полной мере актуальным социально-культурным требованиям. Соответственно успешная профилактика насилия в школе требует разработки технологии социальной работы по профилактике насилия в образовательных учреждениях.

Для разработки технологии по профилактике насильственного отношения к подросткам мы использовали методику анонимного анкетирования. Объектами исследования являются дети, подвергшиеся насилию в школьной среде. При разработке анкеты нами были поставлены следующие задачи исследования:

1. Охарактеризовать клиентов (детей, подвергшихся насилию) как объектов социальной работы;
2. Определить содержание социальной работы по профилактике насилия в школьной среде;
3. Разработать и апробировать технологию социальной работы по профилактике насилия в школьной среде.

Детей, подвергшихся насилию в школьной среде, можно охарактеризовать как наиболее уязвимую группу, которая в силу сложившихся обстоятельств нуждается в социальной помощи и социальной поддержке.

Насилие в школьной среде – это вид насилия, при котором имеет место принуждение, применение силы между детьми или учителями по отношению к ученикам. Предотвращение случаев школьного насилия является важнейшей задачей государства, поскольку жестокое отношение к ребёнку неминуемо приводит к негативным последствиям. Наряду с явными и вербализованными формами агрессии нередки случаи ее скрытых и тщательно замаскированных проявлений, часто ускользающих от внимания. Социальная работа по профилактике насилия в школьной среде является залогом успешной социализации детей, подвергшихся насилию.

В процессе определения содержания социальной работы по профилактике насилия в школьной среде мы выделили два основных направления: работа с потенциальными агрессорами (педагоги, родители, школьники) и работа с потенциальными жертвами (дети). Третьим важным направлением является деятельность по формированию комфортной психоэмоциональной среды образовательного учреждения, которая включает систему взаимоотношений между всеми субъектами образовательного процесса. Особенностью процесса по профилактике насилия в школьной среде является вовлечение ребенка в продуктивную социальную деятельность, которая позволяет развивать ребенка, тем самым повышая его самооценку и уверенность в своих силах и возможностях. Несмотря на имеющиеся фрагменты социальной защиты и помощи жертвам насилия в школьной среде, в нашей стране система по предотвращению насилия в целом пока не сформирована.

Для разработки и апробирования технологии по профилактике насильственного отношения к подросткам мы провели анонимное анкетирование учащихся на базе общеобразовательного учреждения г. Майкопа.

Анонимное анкетирование учащихся выбранного нами общеобразовательного учреждения преследовало следующие цели:

- установить факт присутствия насилия в школьной среде по отношению к учащимся различных возрастных групп и к основным формам насилия (физическое, психическое и экономическое);
- выявить преобладающие виды насилия для учащихся различных возрастных групп в разных образовательных учреждениях;
- выявить наиболее часто встречающихся агрессоров в школьной среде (родители, преподаватели, одноклассники, другие люди).

Для проведения анонимного анкетирования мы разработали специальный бланк опроса «Имели ли место быть случаи насилия?».

Например, родители избивают ученика из-за плохих оценок в школе, следовательно, необходимо поставить знак «+» в графе «физическое насилие» напротив строки «родители». Одноклассники систематически дразнят ребенка обидной кличкой, выставляют его в неприглядном виде, угрожают ему в случае попыток противостоять такому давлению – следует сделать отметку «+» в графе «психическое насилие» напротив строки «одноклассники».

По итогам опроса мы получили следующие результаты: всего было опрошено 66 учащихся старшей школы, из них 83% (55 чел.) испытывали различные формы насилия. Физическое насилие испытывали 45 чел. (82%): от сверстников – 100%; от родителей – 33%; от учителей – 33%; от других людей – 44%. Психологическое насилие испытали – 58% (32 чел.); экономическое насилие – 91% (50 чел.).

В результате опроса старшеклассники в отношениях с родителями выделили сочетание психологического и экономического насилия. Данное сочетание обусловлено тем, что родители или отказывают детям в удовлетворении их возросших потребностей, или увязывают экономические возможности детей с их успехами в учебной деятельности или с выполнением каких-то обязанностей по дому. В индивидуальных беседах с отдельными школьниками, педагогами и узкими специалистами (социальным педагогом и педагогом-психологом) мы выяснили, что:

– дети, наблюдая и испытывая насилие, переживают злобу, страх, ненависть и ужас – самые сильные эмоции, которые может испытывать человек;

– переживаниями, связанными с насилием, учащиеся делятся, в первую очередь, с очень близкими друзьями, а затем уже с близкими родственниками;

– учителям доверяют лишь 3% детей, что, на наш взгляд, свидетельствует не только о фактах проявления насилия в школьной среде, но и о недоверии учащихся педагогам в их готовности не допускать факты насилия;

– к специалистам (педагогам-психологам, социальным педагогам, врачам, инспекторам по защите прав детства и инспекторам по делам несовершеннолетних) дети не обращались.

Таким образом, проведенное исследование, посредством анкетирования учащихся в общеобразовательном учреждении, подтвердило необходимость разработки технологии социальной работы по профилактике насилия в школьной среде. Данная технология могла бы позволить всем

участникам образовательного процесса получить знания и умения, необходимые для предотвращения ситуаций риска насилия, а также навыки позитивного взаимодействия в конфликтных ситуациях. Всего этого можно было бы достичь через содействие администрации и педагогическому коллективу образовательного учреждения в создании позитивной социальной ситуации развития, соответствующей индивидуальности каждого ребенка и обеспечивающей охрану и укрепление физического и психического здоровья школьников. Не стоит забывать и о помощи родителям в воспитании школьников, а также в формировании у них принципов взаимопомощи, толерантности, милосердия, ответственности и уверенности в себе.

Сущность технологии социальной работы по профилактике насилия в школьной среде заключается в диагностике психоэмоциональной среды и мотивационно-образовательной работе с администрацией. Особое значение придается консультативно-образовательной работе с педагогическими кадрами, родителями, а также информационно-образовательной работе с детьми. Помимо этого, отдельно должна вестись консультативно-коррекционная работа с детьми, подвергшимися жестокому обращению. Также профилактике насилия в школьной среде способствует организация мероприятий, направленных на сплочение школьного сообщества.

В условиях ломки устоявшихся ценностей и традиций проблема насильственного отношения к подросткам в современной школьной среде становится чрезвычайно актуальной, поскольку школа является не только образовательным учреждением, но и зеркальным отражением общества. Проведенное нами исследование показало, что большинство учащихся в школе подвергаются различным формам насилия: от психологического до физического. Причем акторами насилия выступают не только сверстники, но и преподаватели, и даже родители. Решить эту проблему можно с помощью социальной работы по профилактике насилия в школьной среде, которая требует многосторонних действий с привлечением всех членов школьного сообщества. Родители, социальные работники, представители органов власти и общественных организаций должны действовать рука об руку с учащимися, учителями и руководством школы.

Литература

Беличева, С. А. (1994). *Основы превентивной психологии*. М. Ред.-изд. центр консорциума «Социал. здоровье России».

Румянцева, Т. Г. (1991). Понятие агрессивности в современной зарубежной психологии. *Вопросы психологии*. №1. С. 81–88.

Фурманова, И. А. (2001). Насилие над детьми и взрослыми: сходство и различия психологических последствий. *Теоретические и прикладные аспекты кризисной психологии*. Минск. С. 150–158.

Фурманова, И. А. (2004). Психология депривированного ребенка: пособие для психологов и педагогов. М. Гуманитар. изд. центр Владос.

Хохлова, Е. А. (2003). *Предупреждение конфликтных ситуаций во взаимодействии учителей, учеников и родителей*. Новосибирск.

**ТРАДИЦИЯ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ:
О БОЛОНСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ
И ОТКАЗЕ ОТ НЕЕ**

Е. И. Заседателева

СИУ РАНХИГС, г. Новосибирск

e.zasedatel@mail.ru

Традиционно считается, что советское образование было одним из лучших в мире. Еще в 1957 году Джон Кеннеди в «Специальном послании Конгрессу об образовании» сказал, что «улучшение образования необходимо для развития нашей страны, независимо от того, что делают другие», сделав особый акцент на системе высшего образования СССР и уточнив, что «Советы поддерживают ежегодный приток научно-технических кадров более чем в два раза превышающий наш» [Кеннеди, 1963].

Советская педагогическая традиция, берущая свое начало от А. С. Макаренко и В. А. Сухомлинского, предполагала ряд базовых целей, которые можно было применить к каждому воспитаннику [Зайцев, 2018, с. 28]. Основной акцент в ней был сделан на уважении к личности ребенка, творческом и нравственном воспитании. Все эти принципы в сочетании с широкой школьной программой позволяли каждому учащемуся получить универсальный набор знаний. Более того советская школьная система образования, дававшая основные навыки по различным дисциплинам, а также система профессионально-технических, средне-специальных и высших учебных заведений, – все это позволяло человеку выбирать свой уровень знаний, который был актуален именно ему. Согласно принципам советской педагогической системы по окончании учебного заведения, вне зависимости от выбранной специальности, основополагающие знания, навыки и умения все равно оставались у выпускника.

Стремление к признанию российских дипломов за рубежом привело к тому, что с 19 сентября 2003 года в нашей стране началось внедрение Болонской системы образования. Сперва в виде эксперимента, к 2011 году она распространилась на большинство университетских специальностей, перешедших на двухуровневую систему в виде бакалавриата и магистратуры. Специалитет сохранился лишь на избранных специальностях, таких как лечебное дело, педиатрия, фармация, фундаментальная и прикладная химия,

правовое обеспечение национальной безопасности, экономическая безопасность, психология служебной деятельности. Однако сложная ситуация в мире, связанная с русофобией, привела к обсуждению вопроса отказа от Болонской системы [Воробьева].

Таким образом, система российского высшего образования вновь сталкивается с кризисом и необходимостью перемен. Сперва, при переходе на Болонскую систему образования, были «урезаны» часы при перекройке программ специалитетов на бакалавриат, а сейчас возникает следующий вопрос: как перевести программы бакалавриата обратно на специалитет. Разумеется, увеличение количества часов поможет в решении данной ситуации, однако полного возвращения к прежним программам ожидать не стоит.

В результате отказа от Болонской системы образования появляется ряд проблем. Одна из наиболее актуальных из них – уравнивание образования бакалавра и специалиста, чтобы бакалавры не остались навечно людьми с «недовысшим» образованием, как это уже считалось на более ранних этапах. [Сенашенко, 2011, с. 78]. Возможно, стоит оставить на некоторое время магистратуру, чтобы бакалавры могли доучиться. Еще одним из выходов может быть перевод студентов бакалавриата на программы специалитета, особенно если речь идет о студентах младших курсов.

Следующей проблемой является резкое ограничение мировой академической мобильности студентов и возможности временно обучаться за рубежом. Научный сотрудник центра институционального анализа науки и образования Европейского университета в Санкт-Петербурге А. Железнов полагает, что отказ от Болонской системы приведет к тому, что мировая мобильность студентов, проявляющаяся в возможности поучиться в другой стране, будет разрушена [Воробьева]. Однако, с учетом сложной внешнеполитической ситуации данный вопрос стоит считать риторическим, так как наоборот, весной 2022 года начало расти количество заявлений о переводе российских студентов из европейских вузов в Россию [Агранович], а Председатель Правительства РФ Михаил Мишустин подписал приказ, согласно которому студенты, бесосновательно отчисленные из европейских университетов, смогут бесплатно продолжить свою учебу в российских вузах¹. Вряд ли в данной ситуации возможен переход студентов

¹ Постановление Правительства РФ «Об утверждении особенностей приема на обучение по образовательным программам высшего образования, имеющим государственную аккредитацию, программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) в 2022 году» от 21 марта 2022 г. №434. Правительство Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/141257/> (дата обращения: 18.09.2022).

даже на временную учебу за рубежом. Кроме того, обучение возможно и вне рамок Болонской системы.

Третья проблема, связанная с двухуровневой системой образования и отказом от нее, базируется на получении второй профессии в сжатые сроки (после обучения в магистратуре) и невозможности этого после возвращения к специалитету. В последние годы распространилась тенденция получения образования в магистратуре не по своему направлению. С одной стороны, это безусловный плюс – можно всего лишь за два года (на заочном – два с половиной) освоить новую специальность. С другой стороны, магистратура предполагает знание базовых положений изучаемой сферы для дальнейшей научной деятельности, поэтому обучение в магистратуре без должного уровня знаний может быть весьма проблематичным. Зачастую отсутствие должного уровня знаний приводит к имитации обучения с целью получения диплома. Прежняя система, позволявшая освоить второе высшее образование за 3–3,5 года, была несколько протяженнее по времени, но позволяла освоить нужную специальность с нуля, а не углубляться в науку, не имея базы. Кроме того, ряд работодателей не воспринимает всерьез выпускника магистратуры, имеющего иное базовое образование, полагая, что за 2–2,5 года невозможно освоить новую профессию [Самтынова].

Разумеется, сейчас есть и другие способы получить профессию за считанные месяцы – курсы переподготовки, в том числе и дистанционные. На базе высшего или среднего специального образования можно освоить многие специальности, получив о них общее представление. Конечно, не все работодатели признают подобные дипломы, однако они остаются одним из способов освоить новую специальность, не получая второе высшее образование и не поступая в магистратуру.

Таким образом, можно сделать вывод, что постоянная изменчивость российского образования не идет ему на пользу. Сначала сломав одно, а затем и другое, можно добиться только ухудшения качества образования, в лучшем случае – временного. Однако отказ от Болонской системы дает надежду на то, что российское образование сможет вновь стать одним из лучших в мире несмотря на то, что отличаться от образования в других странах.

Литература

Агранович, М. (2022). Более тысячи россиян решили перевестись в вузы РФ из зарубежных университетов. *Rg.ru* [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/04/21/bole-tysiachi-rossii-an-reshili-perevestis-v-vuzy-rf-iz-zarubezhnyh-universitetov.html> (дата обращения: 18.09.2022).

Воробьева, Ю. (2022). Россия выходит из Болонской системы: кого и как это коснётся. *Rbc.ru* [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/28/05/2022/628e29749a794747a1ee085d (дата обращения: 18.09.2022).

Зайцев, В. С. (2018). *Высшая педагогика: система воспитания А. С. Макаренко: учебное пособие*. Челябинск. Издательство ЗАО «Библиотека А. Миллера».

Кеннеди, Дж. Ф. (1963). Special Message to the Congress on Education. *Presidency.ucsb.edu* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/special-message-the-congress-education> (дата обращения: 18.09.2022).

Самтынова, Е. (2020). Уточнены квалификационные требования к кандидатам в прокуроры. *garant.ru* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/news/1325945/> (дата обращения: 18.09.2022).

Сенашенко, В. С. (2011). О проблемах и трудностях становления бакалавриата в структуре высшего профессионального образования. *Высшее образование в России*. № 12. С. 77–84.

СИМВОЛЫ НАУЧНОГО УСПЕХА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Е. М. Лбова

*Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
kate.lbova@gmail.com*

Наша жизнь наполнена символами, имеющими как материальную, так и идеальную природу [Кассирер, 2001, с. 14]. Являясь частью культуры, они помогают нам коммуницировать и проявлять себя во всех сферах общественной жизни, в том числе и в профессиональной научной среде. При этом символ – достаточно широкое понятие, включающее в себя различные элементы кода культуры: слова, жесты, изображения, одежду, цвет и т.д. В рамках рассматриваемой темы символы отождествляются с определенными признаками и критериями научного успеха, принятыми в современной российской научной среде, в числе которых можно выделить:

- высокие наукометрические показатели (наличие публикаций в рейтинговых журналах; высокий индекс цитируемости);
- наличие грантов и дополнительного внебюджетного финансирования;
- работа в престижном вузе или научном институте;
- возрастные преимущества (молодой кандидат наук до 35 лет, молодой доктор наук до 40 лет);
- приближенность к власти;
- соответствие темы исследования приоритетным направлениям научно-технологического развития Российской Федерации.

Данные символы обусловлены современной российской научной политикой, направленной на соответствие «стандартам» западного общества, в рамках которых наука предстает как разновидность рыночных отношений [Цветкова, Иванова, 2020, с. 184]. В этой системе, в России, научные институты и ученые являются производителями научного знания, а основным потребителем – государство, финансирующее большую часть исследований. Согласно данным Высшей школы экономики 66,3 % внутренних затрат на исследования и разработки выделяются в основном из федерального бюджета [Салтанова]. Для отечественной науки эта ситуация привычна. Если сопоставить современные признаки

успешности ученого с критериями, существовавшими в советской науке, то можно обнаружить целый ряд совпадений. В СССР, также как и сейчас, близость к власти и участие в проектах, связанных с решением приоритетных стратегических задач, во многом определяли карьеру исследователя. Однако были и различия. К примеру, профессия ученого, благодаря грамотной культурной политике, считалась престижной и уважаемой в обществе. Для обеспечения эффективной работы, большое внимание уделялось мерам социальной поддержки научных сотрудников. Примером этому служит история новосибирского Академгородка, в котором ученым гарантировалось жилье и особое товарное снабжение [Кузнецов, 2011, с. 90]. Так, в СССР создавались уникальные условия, в которых исследователь мог посвятить себя решению волнующей лично его, научной проблемы, что влияло и на прогресс советской науки в целом. Эта особенность, а именно приоритетное внимание к поиску истины, была одним из главных составляющих научного успеха.

С начала 1990-х гг. нормы советского научного этоса подменяются новыми ценностями и символами, насаждаемыми бюрократами. При оценке деятельности современного российского ученого на первый план выступают формальные показатели, такие как количество опубликованных статей или индекс цитирования. Зависимость российской науки от государства создает ситуацию, при которой критерии успешности спускаются сверху. По этой причине наукометрические показатели превалируют над всеми остальными критериями оценки эффективности исследователей. Несмотря на то, что в последнее время в научной политике происходят изменения, при которых основное внимание смещается в сторону установления технологического суверенитета Российской Федерации, наличие публикаций в рейтинговых журналах остается одним из главных символов успеха.

Проведенное нами сравнение российских и советских критериев научного успеха показывает, что основная проблема современных символов в том, что они продолжают формироваться не самим научным сообществом, а исходят от чиновников. И если в условиях научной политики СССР внутренняя мотивация исследователя на поиск истины совпадала с пропагандируемыми ценностями, то в нынешней системе основной акцент делается на высоких рейтингах и умении находить дополнительное финансирование. Помимо этого, реформирование РАН в 2013 г. привело к разрушению уже устоявшегося научного этоса и даже к расколу

среди ученых усугубившему, наметившееся за последние тридцать лет разделение внутри профессиональной среды на «ученых-менеджеров», «ученых-чиновников» и «ученых-исследователей». Возможно, обозначившиеся тенденции на популяризацию науки и развитие научного волонтерства, позволят сформировать новые символы научного успеха, которые станут естественным результатом коммуникации между российским обществом и учеными.

Литература

Кассирер, Э. (2001). *Философия символических форм*. Том 1. Язык М.; СПб. Университетская книга.

Кузнецов, И. С. (2011). Создание новосибирского Академгородка в контексте «мобилизационной модели». *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. Т. 10. Вып. 10: История. С. 86–91.

Цветкова, И. В., Иванова, Т. Н. (2020). Функции символов в традиционной и в современной культуре. *Вестник ТвГУ. Серия «ФИЛОСОФИЯ»*. No 1 (51). С. 180 – 189.

Салтанова, С. В. (2021). *Наука России в 10 цифрах. Институт статистических исследований и экономики знаний*. [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/news/442044357.html> (дата обращения 30.09.2022).

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

А. Ю. Лосинская

ФГБОУ ВО Тюменский государственный институт культуры,

г. Тюмень

annal_72@mail.ru

Цивилизационные перспективы России как один из аспектов установления ее места в мире были предметом интереса уже полтора века тому назад. Точкой отсчета можно считать момент, когда под понятие цивилизации попала не только стадия культурного развития, характеризующаяся специфичным способом производства материальных благ и следующими из него достижениями в материальной и духовной деятельности, но и понимание цивилизации как локального способа организации общественных процессов, конституирующего определенное культурное развитие. В терминологии Н. Я. Данилевского это явление названо «культурно-исторические типы, или самобытные цивилизации» – то есть понятие «цивилизация» как результат развития культуры применено Данилевским не только к европейскому, технологическому типу, но и к любому другому [Данилевский, 1996, с. 88]. Таким образом, цивилизация понята как итог деятельности больших человеческих сообществ, имеющий общемировое культурное значение, обладающий при этом специфической, характерной только для него системой ценностей и норм.

Выделяя в этом многообразии «славянский культурно-исторический тип», группирующийся вокруг России, Н. Я. Данилевский находит его уникальность в следующем. Из четырех возможных деятельностных основ, – религии, культуры, политики и общественно-экономического строя, – славянские народы не предпочли ни одной, не достигли ни в одной из них большего успеха, нежели другие народы. Однако в каждой из них славяне преуспели равно, так, что достижения славянских народов достойны статуса общекультурных достижений. Кроме того, по утверждению Данилевского, это означает способность создать наиболее гармоничную «четырёх-основную» цивилизацию [Там же, с. 477-509], в которой ни одна из сторон деятельности не будет ограничивать другие и довлеть над ними.

К идее «многополюсного и полицивилизационного» мира возвращается С. Хантингтон в «Столкновении цивилизаций» – труд посвящен

геополитике, которая, по словам автора, непредставима без геоэкономики и геокультуры. Именно культурная идентичность в мире, начиная с конца прошлого века, становится определяющей. И в поисках оснований для этой идентичности Хантингтон приходит к парадоксальному выводу: культурную идентичность редуцирует к религиозной, поскольку она усваивается в детстве на дорефлексивном уровне мировосприятия, и рационализации не подлежит. В этом автор видит резерв, возможность складывания новой картины мира – но в этом же ее ужас, коренящийся в неизбежности и неустраимости конфликта. А поскольку основания конфликта иррациональны – рациональных методов его разрешения Хантингтон тоже не усматривает [Хантингтон, 2003, с 15].

В полемику с Хантингтоном тут же вступает Сергей Переслегин, автор послесловия к русскому изданию «Столкновения цивилизаций». В его концепции цивилизационная позиция любого из обществ, осознающих (и даже не осознающих) свой цивилизационный выбор, представляет собой ничто иное как «способ взаимодействия носителей разума с окружающей средой» [Переслегин, 2007, с. 100]. То есть, при всей своей эмоционально-аффективной природе, вполне поддается рационализации как совокупность рамочных принципов взаимодействия. В своей основе эта совокупность имеет четыре вектора «дихотомических разложений»: время – пространство, личность – масса, рациональное – трансцендентное, материальное – духовное. Стороны каждого из этих «разложений» связаны некоторым аналогом принципа неопределенности В. Гейзенберга и не могут быть совмещены в рамках одной психики. Во всяком случае, на уровне современной структуры высшей нервной деятельности человека [Там же, с. 101]. В этой инфопсихологической модели сформированы три исторически сложившиеся вариации из 16 возможных. Евроатлантическая цивилизация, охватывающая Европу, обе Америки и Австралию – времяориентированная, т.е. отвечающая принципу развития, индивидуалистичная, рациональная, материалистичная. Восточная цивилизация (Китай, Индия, Япония, Юго-Восточная Азия) – пространственноориентированная, т.е. отвечающая принципу соответствия, коллективистская, духовная. С определением по вектору рациональности здесь сложно, поскольку рациональный конфуцианский Китай находится в суперпозиции к трансцендентной буддистской Индии, – да и в самом Китае конфуцианство вполне мирно уживается с трансцендентными буддизмом и даосизмом. По равнодействующей, наверное,

восточная цивилизация приближается к трансцендентной. Потому, считает С.Б. Переслегин, между Западом и Востоком все конфликты в основном улажены – ментальное и ценностное пространство распределено. А третья цивилизация, – Афразийская, или Исламская, – находится в постоянном конфликте с евроатлантической, поскольку в большинстве параметров подобна ей: времяориентирована, рациональна, материалистична – и лишь общинная ориентация сближает ее с восточной и служит источником конфликтов на этом направлении. Культуры в рамках одной цивилизации могут отличаться друг от друга, по-своему интерпретируя эти рамочные принципы, однако в основном разделяя их [Там же, с. 105].

В этой системе тоже Россия отсутствует, поскольку ей Переслегин отводит четвертое, не до конца сформированное геополитическое пространство. Находясь на пересечении векторов трех названных цивилизаций, Россия выступает «переводчиком», транслятором смыслов, медиатором – однако эти роли не до конца объясняют ее собственные основания идентичности. А они есть, так как центробежная сила каждого из векторов, как правило, не учитывает средневзвешенных значений. Системная иерархия «плана людей», взаимодействующего с «планом вещей» и «планом идей» в мета-онтологической модели, простроена от начала до конца: человек – семья – этнос – государство – человечество. Практически же «ни одна цивилизация не оперирует отдельными людьми или, напротив, всем человечеством». Различаются три основных структурных уровня разной степени организованности. Полис, – самоуправляющаяся и самообеспечивающаяся община, состоящая из ограниченного числа личностей-граждан, – ограничен естественными факторами – количеством людей, которых можно собрать на центральной площади. Полис открыт, демократичен, рационален и поддерживает принцип развития. Альтернативная структура – Номос, для которого характерно единство физических законов (законов природы), социальных законов (права) и трансцендентных (воли богов). Жизнь в общественных системах Номоса регулируется одним структурообразующим процессом, различие между природой, обществом и божеством не проводится. Номос замкнут в пространстве и ограничен во времени. Космос – наиболее сложный иерархический уровень, объединяющий в общую структуру разнородные государства и области, управляемые разными смысловыми, правовыми, религиозными системами. Такая сложность неизбежно порождает развитую бюрократию, переводящую мета-закон в управленческие решения [Там же, с. 123].

От полиса к космосу развивается в современности Евroatлантическая цивилизация – хотя внутри нее есть отклонения в сторону всепоглощающего юридического закона (легоса), божественного (теоса) или природно-механистического закона (техноса). Эта цивилизация построена на основе Полиса, восточная цивилизация – на основе Номоса, южная (Афразийская) – Номоса, овладевающего уровнем Космоса. Таким образом, различаются они господствующей архетипической иерархией. Для Запада начальной и конечной точкой маршрутизации является человек, личность; направление мета-онтологического обращения рационально: «онтодеятельность предшествует мыследеятельности, а последняя социодеятельности». Иными словами, бытие предшествует и предпослано сознанию, а сознание – общественной деятельности. Мир вещей (артефактов) организует мир идей (смыслов), а уж идеи организуют мир людей (социосистем). Для Востока направление так же рационально, но маршрутизация начинается от мира людей – к миру идей – и лишь затем к миру вещей: социум порождает идею, которая организуется в вещах. Хотя, возможно, рациональное направление движения – дань влиянию китайской (конфуцианской) системы, индубуддийская культура полна трансцендентных устремлений. А культуры суть страты внутри цивилизаций, различные по своим убеждениям и формам их выражения – но связанные общими рамочными принципами. И с этой точки зрения цивилизация Востока, при всем ее внутреннем разнообразии, преимущественно рациональна. Цивилизация Юга (исламская по конфессиональным детерминантам) – аналогична ей.

Россия же, Евразийская цивилизация, имеет отличное от других основание для маршрутизации, поскольку основывается не на индивидуальном субъекте, как Евroatлантическая, и не на коллективном, как Восточная. Субъект этой цивилизационной идентичности – домен, т.е. группа от нескольких десятков до нескольких сотен людей, связанных личными отношениями. При этом по вектору рациональности-трансцендентности российский менталитет ближе ко второму. Таким образом, цивилизационная стратегия России отличается от всего ранее определенного. Поэтому в России «не работает» ни демократия как консенсус индивидуальных волеизъявлений, по евroatлантическому образцу – ни централизация на основе общей этической системы по китайскому. Однако аналитический подход, предложенный С.Б. Переслегиным, может помочь разобраться в системе цивилизационных представлений и определить в ней место России.

Литература

Данилевский, Н. Я. (1996). *Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому*. СПб. Изд-во ГЛАГОЛЬ; Изд-во С.-Петербургского университета.

Переслегин, С. Б. (2007). *Самоучитель игры на мировой шахматной доске*. М. АСТ; СПб. Terra Fantastica.

Хантингтон, С. (2003). *Столкновение цивилизаций*. М. ООО «Издательство АСТ».

**ТАКАЯ ЛИ УЖ «НОВАЯ ЭТИКА» НОВАЯ?
К ЗОНТИЧНОСТИ КОНЦЕПТА «НОВОЙ ЭТИКИ»
И ЕЁ ОСМЫСЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ
ФЕМИНИСТСКОЙ ЭТИКИ ЗАБОТЫ**

А. Ю. Морозова

*Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва*

im.antonina.morozova@gmail.com

Сейчас понятие «новая этика» всё чаще стало всплывать в российском медиапространстве, а также обросло по большей части негативными коннотациями. Однако этот термин, мимикрируя под философский концепт, используется в основном в публицистике [Коваль, Сычев, 2021], в то время как в философском дискурсе его рассматривают не очень детально, ограничиваясь спорами между согласными и несогласными и не анализируя при этом «новую этику» как этическую систему. До сих пор непонятно, что конкретно понимается под «новой этикой», откуда берётся, какую этическую систему конструирует и в чём является «новой». Через краткий анализ словоупотребления этого термина в русскоязычном и «западном» социально-культурных пространствах [Россман, 2020] и его значения с точки зрения этики и моральной философии [Левина, Левин, Кузнецов, 2021; Коваль, Сычев, 2021] автор пробует ответить на эти вопросы, а через рассмотрение одного из ключевых концептов «новой этики» – инклюзии – выяснить, в чём феминистская этика заботы является частью парадигмы «новой этики», а в чём – реконцептуализацией классических этических систем.

При проблематизации недавно возникшего и до конца не прояснённого термина «новая этика», во-первых, отмечается его смысловая амбивалентность: его словоупотребление и коннотации различаются не только хронологически и в связи с культурным трансфером, но и в рамках одной социокультурной среды. Например, если говорить про российский дискурс, проponentы «новой этики» отмечают, что она благоприятна и прямо вытекает из давно взятого курса на равенство всех людей, а её оппоненты опасаются, что постулируемые ею излишняя толерантность вкупе с нетерпимостью к несогласным с ними, а также другие «нетрадиционные» ценности пагубно сказываются на общественной морали.

Во-вторых, доказывается зонтичность термина «новая этика». При попытке перечислить те проблемы, которыми занимается «новая этика», у нас получился довольно большой список из таких же смыслово нагруженных концепций: культура отмены, харрасмент, рефлексия уязвимости, терапевтический поворот, инклюзивность, политика идентичности, новые формы романтических отношений и партнёрств, разные формы дискриминации и угнетения, толерантность, абьюз, буллинг, менсплейнинг [Горшенина, Слуцкая, Тегаева, 2022; Россман, 2020; Коваль, Сычев, 2021]. При этом российский «словарь» «новой этики» пока большей частью состоит из англицизмов, которые плохо переводятся и не всегда применимы к нашим реалиям и культуре. Таким образом, термин «новая этика» довольно расплывчат, потому как постоянно переизобретается в новых контекстах, так что чёткого и универсального определения у него нет и пока его невозможно унифицировать или свести к общему знаменателю.

В-третьих, проблематизируется теоретическая «новизна» «новой этики» в морально-этической философии. При разборе одной из её «составляющих» – инклюзии – было показано, что в действительности те проблемы, которые волнуют «новую этику», не так уж новы в философском дискурсе [Коваль, Сычев, 2021; Горшенина, Слуцкая, Тегаева, 2022]. Например, в феминистской этике заботы артикулируются характерные для «новой этики» понятия дискриминации, угнетения, зависимости, уязвимости, толерантности и инклюзии. Более того, сама этика заботы не является изобретением конца XX века, а скорее продолжением ранее оформившейся общефилософской тенденции к пересмотру этики в контексте провозглашённого Декларацией прав человека равенства всех людей [Артемьева, 2000; Sander-Staudt, n.d.; Dodds, 2013; Held, 2006]. Отсюда следует, что «новая этика» в XXI веке отнюдь не возникла, а была скорее вынесена в публичное поле.

Таким образом, пока «новая этика» является лишь логичным продолжением критической и феминистской теории XX в., но обостряет намеченные ранее проблемы и служит «мощным триггером социального нормотворчества» [Коваль, Сычев, 2021]. Может, со временем эта концепция конкретизируется и разовьёт необходимый теоретико-прикладной аппарат для разрешения тех дилемм, с которыми не справились предыдущие морально-этические системы.

Литература

- Артемьева, О. В. (2000). Этика заботы: Феминистская альтернатива классической философии. *Этическая мысль | Ethical Thought*. №1. С. 195–215.
- Всеобщая декларация прав человека (1948). *Генеральная ассамблея ООН* [Электронный ресурс]. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&demo=2&base=LAW&n=120805&dst=100002%2C-1&date=30.05.2022> (дата обращения: 20.05.2022).
- Горшенина, Н., Слуцкая, Ю., Тегаева, К. (2022). Открытый вопрос: Гайд по миру «новой этики». *Litres* [Электронный ресурс]. URL: <http://mmbook-hse.ru/books/41/>.
- Коваль, Е. А., Сычев, А. А. (2021). «Новая этика»: Нормотворческие перспективы. *Мир человека: нормативное измерение – 7.0. Проблема обоснования норм в различных перспективах: от реализма до конструктивизма и трансцендентализма*. Сб. тр. междунар. научн. конф. Отв. ред. И. Д. Невважай. Саратов. С. 335–344.
- Левина, Т., Левин, С., Кузнецов, А. (2021). Что такое новая этика? *Syg.Ma* [Электронный ресурс]. URL: <https://syg.ma/@nieiskusstviennyi-intielliekt/что-такоие-novaia-etika>.
- Логинов, Е. В., Гаврилов, М. В., Мерцалов, А. В., Юнусов, А. Т. (2021). Этика и метафизика моральной ответственности. *Этическая мысль | Ethical Thought*. №2 (21). С. 5–17.
- Россман, Э. (2020). Как придумали «новую этику»: Фрагмент из истории понятий. *Syg.Ma*. [Электронный ресурс]. URL: <https://syg.ma/@ella-rossman/kak-pridumali-novuiu-etiku-fraghment-iz-istorii-poniatii>.
- Созаев, В. (2012). *Россия XXI: культурная война на почве традиционалистского реваншизма. Положение лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров в Российской Федерации. Последняя четверть 2011 – Первая половина 2012*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mhg.ru/sites/default/files/files/lgbt2012rus.pdf>
- Что такое интерсекциональность как социологическая теория? (б. д.). *РФО «ОНА»*. [Электронный ресурс]. URL: <https://ona.org.ru/post/116593812133/intersectionality> (дата обращения: 20.09.2022).
- Dodds, S. (2013). Dependence, Care, and Vulnerability. In C. Mackenzie, W. Rogers, S. Dodds (Eds.) *Vulnerability: New Essays in Ethics and Feminist Philosophy*. Oxford University Press. P. 181–203.
- Held, V. (2006). *The Ethics of Care: Personal, Political, and Global*. Oxford University Press.

Hunter, J. D. (1992). *Culture Wars: The Struggle to Control the Family, Art, Education, Law, And Politics in America* (Reprint). [Электронный ресурс]. URL: <http://gen.lib.rus.ec/book/index.php?md5=8785B45E9B0E8FA37B3442C960E50AFE>.

Kulturkampf. (б. д.). *CATHOLIC ENCYCLOPEDIA*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newadvent.org/cathen/08703b.htm> (дата обращения: 20.09.2022).

Sander-Staudt, M. (б. д.). Care Ethics. *Internet Encyclopedia of Philosophy*. [Электронный ресурс]. URL: <https://iep.utm.edu/care-ethics/>.

The E Pluribus Unum Project (б. д.). [Электронный ресурс]. URL: <http://www1.assumption.edu/ahc/1920s/>.

**КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ
КАК МЕХАНИЗМЫ ЕДИНЕНИЯ НАРОДОВ
(СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ)**

И. В. Котляров

*Институт парламентаризма и предпринимательства,
Республика Беларусь, г. Минск
kotlarov2018@tut.by*

В. И. Надольская

*Институт государственной службы Академии управления
при Президенте Республики Беларусь, г. Минск
victoria.nadolskaya@yandex.by*

В данной статье культурный код рассматривается как механизм сохранения духовно-нравственной преемственности и этнокультурной идентичности, способствующий единению народов и наций в условиях цветных революций и возрождения национализма, формирования нравственности и совершенствования интеграционных процессов в условиях исторического разлома, обеспечения защиты культурных ценностей от маргинализации, разрушающей традиционные связи и формы цивилизационного взаимодействия.

В современной социальной реальности происходит битва не только интеллекта и финансов, технических возможностей и технологических решений, но, прежде всего, ценностей и мировоззрений, поведения и моральных оснований, смерти и вечности, любви и ненависти, свободы и произвола. Цивилизация оказалась на краю пропасти, в «кризисе кризисов», затрагивающем не только все аспекты бытия, но и прежде всего, культуру как основополагающий социорегулятивный механизм, как комплекс нормативов человеческого сознания и социального поведения, как источник духовного и нравственного здоровья народов, наций и государств.

Необходим переход на новый мировоззренческий уровень понимания существующих проблем. Императивом выживания и совершенствования цивилизации должна стать новая парадигма развития человечества. Такой моделью может стать теория цивилизационного кодирования,

направленная на создание концепций, отражающих свойства нынешней и будущей культурных реальностей. В основе данной теории находится идея философского осмысления и получения новых знаний о воздействии культуры на формирование социумов и обществ, выражения их в виде специфических кодов, создания парадигмы их цивилизационного развития [Котляров, 2022, с. 58; Котляров, Надольская, 2021, с. 66].

Коды как модели формирования конкретных сообщений, представляют собой совокупность знаков и их комбинаций внутри историко-культурного и темпорального пространства, в концентрированном виде фиксируют и транслируют содержание ценностей и смыслов, получивших вербальное и (или) невербальное выражение в текстах культуры и влияющих на развитие индивидов и социумов на всех уровнях цивилизационного развития [Котляров, 2022, с. 58].

Особое значение в жизни человечества имеет культурный код. Индивид рождается, развивается и становится человеком только в культурном пространстве. Культура – это система ценностей, регулирующая жизнедеятельность личности, ее воспитание и образование, духовность и нравственность.

Понятие «культурный код» – очень сложное и противоречивое. Подходы к его пониманию можно найти во многих работах, специфика которых детерминируется взглядами и предпочтениями конкретных ученых. В своих работах многие современные исследователи чаще всего рассматривают культурный код с нескольких позиций: структуралистской, онтологической, гносеологической, аксиологической и антропологической, семиотической.

В соответствии со структуралистским подходом культурный код – это структура, представленная в виде модели и выступающая как основополагающее правило при формировании ряда конкретных сообщений [Эко, 2004, с. 89].

С онтологической точки зрения, культурный код предстает в качестве универсальной категории бытия и неразрывно связан с культурной средой, которую можно определить как внутренне неразрывно взаимосвязанную, самоценную систему содержательных и аксиологических универсалий [Букина, 2010, с. 133; Букина, 2008, с. 71].

С гносеологической точки зрения, культурный код можно понимать как средство познания окружающей действительности, производства, трансфера, хранения и переработки социально значимой информации [Картавцев, 2011, с. 86].

При аксиологическом подходе культурные коды понимаются как ценностно-значимые структуры, как совокупность материальных и духовных ценностей, сложная иерархия идеалов и смыслов [Маслова, 2016, с. 90].

Антропологический подход определяет культурный код через субъективный фактор, благодаря которому он становится индивидуальной матрицей для каждого человека [Букина, 2010, с. 134; Изотова, 2020].

Семиотический подход предполагает исследование исходной знаковой структуры, содержащей в непроявленном виде компоненты культурной парадигмы народа, его мышления и поведения [Степанова, 2012, с. 134; Изотова, 2020].

В основных концепциях культурного кода отчетливо выражено то, что культура эффективно влияет на развитие технико-технологических и социальных, экономических и политических процессов. Мы пытаемся показать это более рельефно с помощью понимания культурного кода как социально-философского феномена, причем впервые в научной литературе. По нашему мнению, культурный код – это сложившийся и закрепившийся в сознании людей набор культурных ценностей и смыслов, символов и духовного опыта, устойчивый комплекс формальных и неформальных принципов и правил хранения исторической памяти, поведенческих форматов и знаний, благодаря которым культура и социальный опыт, умения и навыки регулируют взаимодействие людей в повседневной деятельности, создают комплекс ролей и статусов, способных стать основой для развития культурных отношений и передачи от поколения к поколению. Это множественность ценностных ориентаций, предпочтений и установок культуры, сохраняющих внутреннее единство и детерминирующих дальнейшее развитие цивилизаций, уникальные культурные особенности народов, традиционно укоренившиеся в сознании на протяжении длительного исторического времени [Котляров, 2022, с. 58]. Основной функцией культурного кода является создание и усвоение, хранение и трансфер социально значимой информации. Культурный код формируется в прошлом, хранит его достижения, движется через настоящее к будущему и детерминирует его формирование. Он является скрепом социумов и народов, обществ и государств, их онтологическим основанием.

Культурный код, являясь отражением цивилизационной ментальности, представляет конгломерат политических и философских, культурных и социальных, религиозных и этических, этимологических и синонимических, исторических и других представлений. В нем закреплены важнейшие компоненты национального самосознания и культуры народов, его национальный дух, народность и ментальность, жизнь народа,

их прошлое, настоящее и будущее, социокультурные практики взаимодействия и знания [Котляров, 2022, с. 58; Котляров, Надольская, 2021, с. 66].

Одним из важнейших компонентов культурных кодов является язык, который много веков передается от одних поколений другим, тем самым связывая народ в одно целое. Мощнее и прочнее связей, чем в языке, в современном обществе нет. Язык – это неразрушимый и несокрушимый ресурс народов, в котором содержатся огромные ценности, выработанные прошлыми поколениями – знания о человеке и природе, истории и культуре предков, об уникальных методах и технологиях творческой переработки информации, превращении ее в духовные ценности [Котляров, 2022, с. 58; Котляров, Надольская, 2021, с. 66].

В основе любого культурного кода находятся духовно-нравственные идеалы и культурно-исторические ценности как системы координат человеческой культуры, как ориентиры, которые детерминируют смысловое поле жизни людей, социальные и цивилизационные, национальные и мотивационные, конфессиональные и сакральные, интегративные и другие регулятивные катализаторы субъективных действий. Они по своей сути оригинальны и неподражаемы, самобытны и устойчивы, уникальны и неповторимы. Являясь устойчивым мотивационным образованием, ценности выполняют функции социального механизма, обуславливающего объединение наций и государств в единое целое. У каждого народа имеются обычаи и обряды, традиции и праздники, отношение к любви и браку, рождению и воспитанию детей; музыкальное и песенное творчество, литература и живопись – их целостность детерминирована культурным кодом.

Насаждение чуждых ценностей и идеалов, вторжение без учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений в язык и образование, науку и религию, семью и коллективную память, приводят к разобщенности и поляризации социумов, разрушают культуру, подрывают основы политической и социальной стабильности. Попытка пересмотра основополагающих ценностей культуры наносит непоправимый ущерб социальному и нравственному здоровью общества, формирует условия для его саморазрушения, увеличивает разрыв между поколениями, порождает появление национализма и ксенофобии, фанатизма и религиозного экстремизма. В современных условиях только культурные коды способны спасти цивилизации от разрушительного воздействия трансформаций коммуникативного пространства,

сохранить институциональные основы, придающие культуре новое качество в условиях вызовов новой социальной реальности.

Таким образом, культурные коды транслируют смыслы и ценности культуры, социальный опыт и знания в каждой конкретной цивилизационной эпохе, являются одним из важнейших механизмов единения наций и народов благодаря сохранению языка и основных морально-нравственных ценностей, идентичности и исторической памяти, укреплению веры и семьи, формированию патриотизма и любви к Отечеству [Котляров, 2022, с. 58].

Литература

Букина, Н. В. (2010). К вопросу методологии исследования культурных кодов. *Вестник Бурятского государственного университета*. № 14. С.132–237.

Букина, Н. В. (2008). Культурный код как язык культуры. *Вестник Читинского государственного университета*. № 2 (47). С. 69–73.

Васильева, К. К. (2002). Стадиальность социокультурных кодов. *Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия*. № 5. С. 82–92.

Изотова, Н. Н. (2020). Культурный код: семиотический аспект. *Культура и цивилизация*. Том 10. № 1А. С. 122–127.

Картавцев, В. В. (2011). Философема как элемент культурного кода. *Вестник МГОУ. Серия «Философские науки»*. № 3 С. 81–87.

Котляров, И. В. (2022). Будущее как социальный проект (философско-социологические тренды). *Вестник Гродненского государственного ун-та имени Я. Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология*. Т. 12. № 1. С. 57–64.

Котляров, И. В., Надольская, В. И. (2021). Культурный код как эффективный механизм создания условий для развития культуры (социологический дискурс). Ахмадиева Р. Ш., Терехов П. П., Явгильдина Д. М. (ред.). *Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских и практических перспектив*. Материалы Международной науч.-практ. конференции. Казань. С. 65–70.

Маслова, В. А. (2016). Духовный код с позиции лингвокультурологии: единство сакрального и светского. *Метафизика*. № 4 (22). С. 78-97.

Степанова, Н. И. (2012). Коды культуры: семиотический и культурологический аспекты *Идеи и идеалы проблемы культурологии и искусствознания*. № 1 (11). Т. 2. С. 130-136

Эко, У. (2004). *Отсутствующая структура. Введение в семиологию*. СПб.: Симпозиум, 544 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ В ИССЛЕДОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А. П. Никитин

*Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан
nikitinanton5891@gmail.com*

*Исследование выполнено за счет гранта РФФ № 22-28-20099
при паритетной финансовой поддержке
Правительства Республики Хакасия*

Лингвистический детерминизм в узком смысле выступает в качестве радикальной версии гипотезы лингвистической относительности. В этой версии утверждается не просто определяющее влияние языка на мышление, но и выдвигается тезис о том, что люди воспринимают мир через структуру языка. В первую очередь язык формирует способы категоризации, тем самым создавая несоизмеримость картин мира различных языковых сообществ. Идея лингвистического детерминизма имеет давнюю историю, но чаще всего ассоциируется с трудами Э. Сепира [Сепир, 1993] и Б. Уорфа [Уорф, 1960]. В отношении гипотезы лингвистической относительности в целом скорее сложился скептический взгляд, о чем пишет С. Ю. Бородай: «Несмотря на интуитивную понятность и общую прозрачность главного тезиса, гипотеза лингвистической относительности на данный момент не имеет общепринятой формулировки, а среди лингвистов и психологов активно дискутируются все основные понятия, которыми данная гипотеза может и должна оперировать. Не существует общепринятого мнения по поводу таких базовых концептов, как “язык” и “мышление”, не ясно, как нужно представлять себе возможное влияние языка на мышление и каковы границы этого влияния» [Бородай, 2013, с. 17].

Критику гипотезы также обострил пример, ставший уже хрестоматийным, выдвинутый сторонниками лингвистического детерминизма для обоснования своей позиции. Этот пример апеллирует к системе цветообозначения, которая вариативна в различных языках. В рамках радикальной версии гипотезы лингвистической относительности выдвигался тезис, что носители определенного языка могут различать только те цвета,

наименования которых есть в структуре языка. Тезис спорный, поскольку вряд ли символическая система непосредственно может воздействовать на количество и функционирование фоторецепторов в сетчатке глаза. Количество наименований цветов никак не влияет на человеческую способность различать их визуально и, если носитель русского языка никогда не слышал про цвет маренго, то из этого не следует, что он не сможет его ощутить, увидев перед собой предмет соответствующей окраски.

Лингвистический детерминизм в широком смысле – любое учение, в котором присутствует утверждение об определяющей роли языка по отношению к каким-либо феноменам. В этом смысле он широко представлен в философии права, философии истории, теоретической социологии и множестве других отраслях социально-гуманитарного знания. При этом остается открытым вопрос о применимости лингвистического детерминизма в экономической теории и в исследованиях экономической культуры. Сама постановка такого вопроса стала возможной благодаря развитию, начиная со второй половины XX в., альтернативных классической экономической теории подходов: социокультурной экономики, поведенческой экономики, институциональной экономики и т.д. В большинстве из этих направлений рассматривалась взаимосвязь экономики и культуры, более того, сами экономисты стали утверждать, что «есть такие экономические явления, которые нельзя объяснить, не привлекая к этому культуру» [Аузан, 2017, с. 4].

Обращение к феномену культуры в социокультурной и поведенческой экономике предполагало и обращение к языку, как символической системе, в которой как отражается, так и закрепляется культурное своеобразие, влияющее на повседневную жизнь индивидов и способы принятия экономических решений. Исследования в этой области уходили в сторону экономической социологии и экономической психологии с непосредственным применением лингвистических методов. Философский подход к анализу языка стал более востребован в институциональной экономике, что было связано с новым подходом в понимании самих институтов, который емко сформулировал лауреат Нобелевской премии по экономике Д. Норт: «Институты невозможно увидеть, почувствовать, пощупать и даже измерить. Институты – это конструкции, созданные человеческим сознанием» [Норт, 1997, с. 137]. При этом институциональная экономика, если использовала философские теории, опиралась прежде всего на аналитическую традицию [Никитин, 2018], что естественным образом приводило к идеям о лингвистической обусловленности существования институтов.

Концентрированно эти идеи представлены в учении Дж. Серла о социальных институтах, в котором он утверждает, что язык является фундаментом по отношению к институциональной реальности, поскольку ни один из институтов, в том числе экономических (таких как деньги, собственность, налоговая система и др.), не может существовать без лингвистического представления. Язык формирует институциональные факты, выполняя четыре функции [Серл, 2007]: 1) институциональный факт содержит деонтологию, которая может существовать только через языковое представление, нет языка – нет деонтологии; 2) признание деонтических полномочий не может осуществляться без их языкового представления; 3) деонтология институциональных фактов может существовать даже вне сознания субъектов, ее создавших, если она представлена языковыми средствами; 4) с помощью языка институт распознается как таковой. В целом лингвистический детерминизм в учении Дж. Серла выражается в следующем тезисе: язык может существовать без денег, собственности и других институтов, но нельзя иметь деньги и собственность при отсутствии языка.

Стоит отметить, что Дж. Серл говорит о языке в самом широком смысле, что специально подчеркивает: «Я не имею в виду, что развитые естественные языки с их придаточными предложениями, модальными операторами и неоднозначностью сферы действия кванторов играют существенную роль в формировании институциональной реальности. Я так не считаю» [Серл, 2007, с. 18]. Под языком он подразумевает любой опыт символического описания, в котором возможна не только фиксация физических свойств, но и распознавание статусных функций (статусная функция приписывается объектам и не зависит от их физических свойств, как например мы приписываем бумажным купюрам ценность, несопоставимую со стоимостью бумаги).

Однако, такое представление о связи языка и институциональной реальности не исключает, что естественные языки могут репрезентировать наличие или отсутствие некоторых экономических институтов и тем самым определять экономическую культуру членов языкового сообщества. Этот тезис станет более очевидным, если обозначение экономических феноменов сравнить с вышеприведенным примером системы цветообозначения. Для индивида, в языке которого нет эквивалента слова «маренго», вычленение такого цвета на основе визуального опыта не должно вызывать особых трудностей. В случае, если в его языке нет

эквивалента слова «деньги», демонстрация монет, купюр, банковских карт практически ничего не даст для передачи смысла соответствующего понятия. И эта трудность возникает именно из-за языковой обусловленности возникновения денег и многих других экономических явлений.

Таким образом, лингвистический детерминизм в исследовании экономической культуры обоснован в том плане, что любая экономическая система предполагает систему обозначений для своих элементов, существование многих из которых (но не всех, – к примеру, хозяйственная деятельность может осуществляться и без символического представления статусных функций) изначально определено языковыми средствами.

Литература

Аузан, А. (2017). Социокультурная экономика. *Наука и инновации*. № 2 (168). С. 4–10.

Бородай, С. Ю. (2013). Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации. *Вопросы языкознания*. № 4. С. 17–54.

Никитин, А. П. (2018). Аналитическая философия и институциональная экономика. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 41. С. 24–31. DOI: 10.17223/1998863X/41/3.

Норт, Д. (1997). *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М. Фонд экономической книги «Начала».

Сепир, Э. (1993). *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. М. «Прогресс».

Серл, Дж. (2007). Что такое институт? *Вопросы экономики*. № 8. С. 5–27.

Уорф, Б. (1960). Отношение норм поведения и мышления к языку. *Новое в лингвистике*. Вып. 1. С. 135–168.

СМЫСЛЫ ЭТНИЧНОСТИ В ЭПОХУ ПОСТМУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА. ИНСТИТУТЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА

О. А. Персидская

*Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
olga_alekseevna@mail.ru*

В качестве институциональных структур, обеспечивавших порядок этносоциальных процессов и детерминирующих воспроизводство этничности, часто рассматривают государство, рынок и такие неформальные институты, как семья, родство, община (землячество). Так, государство структурирует этнические границы, кодифицирует этническое многообразие в юридических терминах, а также может ограничивать социальную мобильность отдельных групп. Рынок содействует формированию профессиональных ниш, которые заполняются представителями определенных этнических групп. Неформальные институты определяют права и обязанности, обусловленные принадлежностью к роду или этнической группе, например, некоторые частные правила распределения представительства этнических групп на позициях в управляющих структурах [Ерохина, 2018], а также обеспечивают процесс воспроизводства этничности «через обучение родному языку, благодаря усвоению социальных отношений и ценностей, ... которые передаются в процессе воспитания новых поколений в нормах, традициях и нравах» [Ушаков, 2009, с. 101] в семье.

Однако современная социально-культурная ситуация вносит существенные коррективы в привычные процессы. Важной интуицией современной этносоциологии является по-разному представленная в исследованиях мысль о том, что этничность как социальный феномен проходит через значительные трансформации. Так, процесс глобализации способствовал размыванию практически всех маркеров этнической отличительности: смешению антропологических типов, сокращению значимости многих этноформирующих символов, таких, например, как «родная земля» и «родной язык», выхолащиванию смысла когда-то объединяющих этнофоров традиций, обычаев, ритуалов [Анжиганова, Топоева, 2019]. Академическое сообщество говорит о различиях между «старой» и «новой» этничностью [Там же], разной специфике воплощения этнического

феномена в социально-культурных условиях модерна и постмодерна [Ерохина, 2018], необходимости выработки новой концепции этнической идентичности, которая была бы адекватна современным условиям [см. обзор: Персидская, Фомкин, 2021].

На наш взгляд, рамки дискуссии об этническом феномене в современных условиях могут быть заданы с учетом влияния гипотезы новой нормальности и концепции постмультикультурлизма. Гипотеза новой нормальности задает оптику динамичности и изменчивости нормы, ее контекстуальности, а также требует обновления набора правил и норм, смены привычного взгляда на мир [Солдатова, эл. ресурс]. Концепция постмультикультурализма обращается к описанию современного общества как общества с проницаемыми границами, в котором «транснациональные, в том числе и диаспорные пространства выступают местом общественных дискуссий, постоянных переопределений культуры и идентичности» [Куропятник, Куропятник, 2017, с. 147], а социокультурные процессы отличаются текучестью и неопределенностью. Для сравнения, основания концепции мультикультурализма были фундаментированы представлениями о необходимости перехода от колониальных структур управления к национальному обществу «с определенной системой позиций и связей в его границах между различными социальными, этническими и культурными группами» [Там же].

Такая оптика актуализирует вопрос об институтах воспроизводства этничности в современном мире. Пытаясь осмыслить содержание трансформаций, происходящих с этничностью, прежде всего, следует признать, что, наряду с этничностью, в качестве маркеров отличительности начинают выступать все больше и больше социальных категорий. Исследователи говорят о суперразнообразии идентичностей [Vertoves, 2007], которые формируются не только с опорой на этническую идентичность, как это было ранее, но с учетом таких категорий, как «иммиграционный статус, сопутствующая ему оплата труда, ограничения прав, различный опыт на рынке труда, гендерные и возрастные профили, паттерны пространственного распределения и смешанные локальные сети» [Куропятник, Куропятник, 2017, с. 153]. Это продуцирует ситуацию, когда этнические иерархии отчасти теряют свою значимость и прежние институты воспроизводства этничности перестают работать.

Далее, следует учитывать, что семья и малая группа сокращают свои полномочия в деле воспроизводства этничности у молодых

поколений. В России эту миссию отчасти пытается взять на себя государство: «На современном этапе приобщение к этнической культуре осуществляется через деятельность специализированных общественных организаций, органов государственной власти и местного самоуправления. В роли трансляторов выступают национальные школы и классы, где ведётся обучение родному языку, этнической истории и культуре» [Кшнякин, 2016, с. 422], но успешность ее выполнения пока что находится под вопросом. Нам видится значимым опасение, что форма воспроизводства этничности через посредничество иных, кроме семьи и близкого окружения, структур, может способствовать складыванию поверхностного представления о других этнических традициях, когда культура «иного» превращается в экзотическое зрелище, привлекательное по форме, но лишенное внутреннего содержания. Это является частью масштабного процесса, который называют фестивализацией культуры [Беломоева, Кондратенко, 2020, с. 447] или эрзатизацией этнической традиции [Мадюкова, Персидская, 2018]. Данный процесс характеризуется тем, что от всего сложного комплекса этнокультуры остается только лишь его красивая оболочка, которую актуализируют искусственно для фестивальных и праздничных мероприятий, что приводит к девальвации ценности целого – комплекса этнической традиции.

Наконец, виртуализация социального пространства приводит к тому, что новая коммуникативная инфраструктура социальных платформ трансформирует пространство межэтнического общения, этническую идентичность, язык дискурса и его функции, превращая виртуальные этнокомьюнити в квази-институт накопления социального капитала [Глухов, 2015]. Эта виртуальная среда выполняет ряд функций, связанных как с организацией экономических, культурных, религиозных и досуговых социальных практик, так и с воспроизводством этнической идентичности.

Конвенциональный ответ на вопрос о том, в каком виде существует и как воспроизводится этнический феномен в современных условиях, как нам кажется, пока не сформулирован. Это актуализирует научный интерес как к вопросам бытия этничности в современном мире, так и к социальным институтам, способствующим ее воспроизводству. Подводя итог, можно говорить о том, что в современных условиях формируется не только новая норма, регулирующая существование этнических феноменов, но и сама этничность наполняется иным смыслом.

Важно зафиксировать такие процессы, как преодоление институциональных констелляций в условиях увеличения проницаемости границ между государствами и локальностями, снижение значимости этнических иерархий и культурных различий, а также сокращение роли неформальных институтов (семья, ближайшее окружение) в воспроизводстве этничности.

Литература

Анжиганова, Л. В., Топоева, М. В. (2019). «Новая этничность»: теоретические аспекты исследования. В. А. Луков (отв. ред.) *Тезаурусы и проблемы культуры: доклады и материалы Общероссийской (национальной) научной конференции (с международным участием)*. М. Московский гуманитарный университет. С. 281–292.

Беломоева, О. Г., Кондратенко, Ю. А. (2020). Этнокультурная традиция в современном мире: функциональный аспект. *Финно-угорский мир*. Т. 12. № 4. С. 447–456.

Глухов, А. П. (2015). Смена локуса этнического дискурса: социальные сети как «машины воспроизводства» этничности. *Science Time*. № 10 (22). С. 68–73.

Ерохина, Е. А. (2018). Детерминанты воспроизводства этнического многообразия: рынок, государство, неформальные институты. *Идеи и идеалы*. № 3. Т. 2. С. 185–197. DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.2-185-197.

Куропятник, А. И., Куропятник, М. С. (2017). Постмультикультурализм: некоторые подходы к изучению современных социальных и культурных процессов. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 17. № 2. С. 145–156. DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-2-145-156.

Кшнякин, Е. В. (2016). Трансляция этнической культуры мордвы в современных условиях. *Современные научные исследования и разработки*. № 7 (7). С. 421–424.

Мадюкова, С. А., Персидская, О. А. (2018). Традиционная культура и этноэкономика в системе детерминант трансформации регионального сообщества. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. № 2. С. 61–68.

Персидская, О. А., Фомкин, Ф. С. (2021). Современные подходы к исследованию этнической идентичности. *Сибирский философский журнал*. Т. 19. № 3. С. 68–86. DOI: 10.25205/2541-7517-2021-19-3-68-86.

Солдатова, Г. В. (2020). Цифровая личность как феномен 21 века: встреча с «новой нормальностью» *Психологическая газета* [Электронный ресурс]. URL: <https://psy.su/feed/9511/> (дата обращения 21.08.2022).

Ушаков, Д. В. (2009). Роль семьи в воспроизводстве этничности народов Республики Алтай. *Социологические исследования*. № 3. С. 101–108.

Vertovec, S. (2007). Super-diversity and its Implications. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 30. No. 6. Pp. 1024–1054.

ПРИВЛЕЧЬ И УДЕРЖАТЬ: ДИНАМИКА ВЫБОРА НАУЧНОЙ КАРЬЕРЫ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ОГРАНИЧЕНИЙ

В. В. Петров

*Новосибирский государственный университет,
Институт философии и права СО РАН
vvpetrov@mail.nsu.ru*

В условиях формирующегося общества знания наука представляет собой не только форму общественного сознания, направленную на объективное отражение мира и снабжающую человечество пониманием причинно-следственных связей и закономерностей, но и выступает в качестве одного из важнейших социальных институтов. Исторически в системе общественного разделения труда наука закрепила за собой ответственность за производство, экспертизу и внедрение научно-теоретического знания. При этом одним из важнейших условий эффективного развития системы производства фундаментального знания является наличие квалифицированных кадровых ресурсов, обладающих необходимым уровнем подготовки, для чего необходим постоянный приток высокомотивированных молодых специалистов. Как отметил министр науки и высшего образования Российской Федерации Валерий Фальков, «привлечение в науку талантливой инициативной молодежи – стратегическая задача Минобрнауки России, в настоящее время правительство страны создает все необходимые условия для комфортной работы молодых ученых и студентов, активно интересующихся наукой» [Фальков, 2022]. С данным утверждением трудно не согласиться – оно является стратегически верным и очевидным, но с другой стороны, остается неясным, насколько эффективны предлагаемые механизмы привлечения молодых исследователей в научную сферу деятельности.

Поскольку наука неразрывно связана с социумом, то любые социальные потрясения неизбежно накладывают отпечаток на развитие научного сектора, выражаясь, в том числе и в динамике вовлечения молодых специалистов в научно-образовательную деятельность.

Нам представляется целесообразным обратиться к результатам социологических исследований, полученных нами с помощью Центра развития карьеры НГУ [Мониторинг..., 2022], направленных на выявление предпочтений трудоустройства выпускников Новосибирского национального

исследовательского государственного университета. Выбор данного университета не случаен – дело в том, что НГУ исторически создавался в рамках Сибирского отделения академии наук СССР (в настоящее время – СО РАН) как структура, нацеленная исключительно на подготовку кадров для фундаментальной и прикладной науки.

Сбор данных по трудоустройству выпускников 2021 года проходил с 26 января 2022 года по 01 мая 2022 года. Работа велась в два этапа: 1) опрос в форме онлайн-анкетирования на интернет-ресурсе (платформе Google); рассылка писем с приглашением принять участие в опросе и ссылкой на форму осуществлялась однократно по электронной почте на адреса выпускников, указанные в обходных листах при получении диплома; 2) телефонный опрос по номерам, также указанным в обходных листах при получении диплома, и посредством рассылки личных сообщений через приложения Телеграмм и WhatsApp. В опросе приняли участие 1036 респондентов.

В результате обработки полученных данных выявлено, что доминирующей сферой деятельности выпускников по прежнему остается наука и научное обслуживание – 32% работающих респондентов отнесли свою деятельность к данной сфере; почти каждый третий выпускник отнес свою основную занятость к сфере информационных технологий (IT, программирование, техническая поддержка); 18,0% продолжили свою деятельность в сфере образования. По сравнению с данными предыдущих опросов сферы-лидеры изменились: финансовая деятельность поднялась на 4 позицию, а юриспруденция, напротив, опустилась на 5 место (рис. 1).

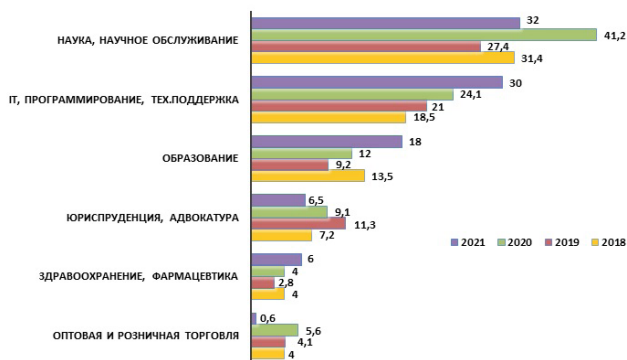

Рисунок 1. Распределение выпускников НГУ 2018 – 2021 гг. по сферам занятости (использованы данные ЦРК НГУ)

Доля начинающих трудовую деятельность с занятости в науке снизилась (в 2020 – 41,2%, в 2021 – 32%). Занятость в IT-сфере в этом году показала небольшой рост по сравнению с прошлым годом. Отчасти это объясняется увеличением занятости в данной сфере выпускников всех остальных факультетов помимо факультета информационных технологий – вероятно это связано с востребованностью профессии и высокими заработными платами.

Ровно половина трудоустроенных выпускников сочли, что их основная работа полностью соответствует полученному в НГУ образованию; 31% считают, что работают по близкой специальности; 17% работают не в соответствии с полученным образованием (рис. 2).

Примерно каждый третий выпускник ответил, что заработная плата по основному месту работы составляет от 20 000 до 40 000 рублей в месяц; почти 40% выпускников (от числа работающих) получают заработную плату в диапазоне 40 000 – 60 000 рублей (19% респондентов) и 60 000 – 80 000 рублей (18% выпускников), 12% ответили, что получают от 80 до 100 тыс. рублей. Доля выпускников, зарабатывающих свыше 100 000 рублей в месяц, выросла в 2 раза по сравнению с 2020 г. и составила 14%.

Тенденция, которую можно было отметить по данным нескольких опросов выпускников – значительное сокращение группы, получающей меньше 20 000 рублей, и увеличение группы, получающей больше 60 000 рублей в месяц.

Большая часть (78%) респондентов данного опроса живут в Новосибирске или Новосибирской области, в Москве и Подмосковье

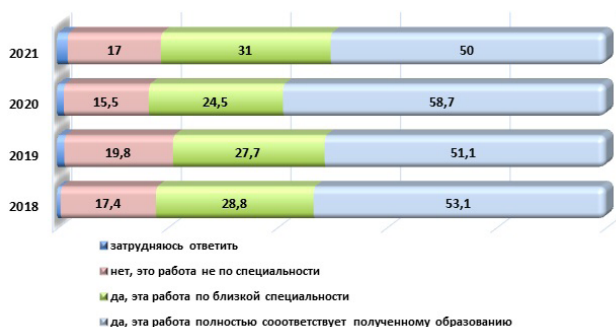

Рисунок 2. Соответствие профессиональной деятельности выпускников НГУ 2018 – 2021 гг. (использованы данные ЦРК НГУ).

проживает 8% выпускников НГУ, в Санкт-Петербурге — 5%. За границу переехали 4% опрошенных (рис. 3).

Для нас показательным является сравнение результатов выпусков 2020 и 2021 гг. В 2020 году наблюдались серьезные ограничения, вызванные распространением коронавирусной инфекции, что привело к серьезному снижению привлекательности внебюджетной сферы для выпускников НГУ [Петров, 2021]. Это отчетливо видно в увеличении количества выпускников, вовлеченных в сферу науки (27,4% до 41,2%) и образования (с 9,2% до 12,0%). Однако, как только внешние ограничения были частично смягчены, то наука и научное обслуживание показали серьезный спад с 41,2% до 32,0%, в то время, как в системе образования продолжился рост с 12,0% до 18,0%. При этом география распределения выпускников существенно не изменилась.

На наш взгляд, данный рост в системе образования может являться результатом стратегических защитных мер, которые были приняты в 2020 году [Петров, 2021] и продолжили свое действие после снятия ограничений, в то время, как научная молодежь автоматически теряет ряд привилегий после окончания вуза. Если окажется возможным распространить уже существующие защитные механизмы высшей школы на академические институты, то это может способствовать увеличению численности молодых специалистов, вовлекаемых в научную деятельность после окончания университета.

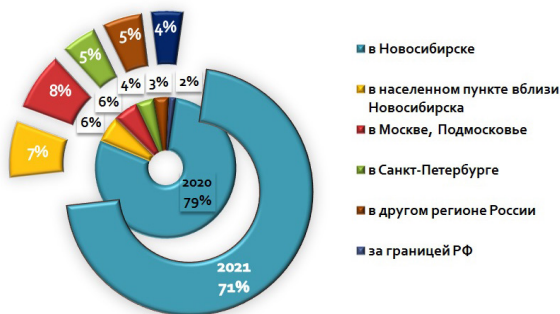

Рисунок 3. География выпускников НГУ 2020 – 2021 гг. (использованы данные ЦРК НГУ).

Литература

Мониторинг трудоустройства выпускников 2020/2021 (2022). *Центр развития карьеры НГУ* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nsu.ru/n/career/statistika/monitoring-trudoustroystva-vypusknikov-2020-2021/> (дата обращения: 08.09.2022).

Петров В. В. (2021). Привлекательность научной карьеры в условиях «постковидной» неопределенности *Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований*. Сб. материалов Международной научной конференции. Новосибирск. С. 9–12.

Фальков: Правительство России создает все условия для работы молодых ученых (2022). *Российская газета* 17.08.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/08/17/falkov-pravitelstvo-rossii-sozdaet-vse-usloviia-dlia-raboty-molodyh-uchenyh.html> (дата обращения: 13.09.2022).

РЕВОЛЮЦИИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ XIX ВЕКА: АСПЕКТ КОЛЛЕГИАЛЬНО РАЗДЕЛЕННОЙ ВЛАСТИ

Д. Б. Савельев

*Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск
d.savelev@g.nsu.ru*

В конце 1990-х гг. американский социолог Р. Коллинз предложил выделять два основных измерения демократии: уровень коллегиально разделенной власти (сокр. КРВ) и широту охвата избирательного права [Коллинз, 2015, с. 196–258]. Концепция КРВ подвергалась слабой теоретизации, хотя уровень КРВ имеет основания считаться ключевой для эволюции политических режимов переменной. При обращении к ряду других смежных концепций уже были указаны определение и некоторые критерии КРВ [Савельев, 2021]. Дальнейшим исследовательским шагом является эмпирический анализ, который должен показать адекватность и перспективность разрабатываемого подхода. Если Коллинз прав и коллегиально разделенная власть является фундаментально значимым элементом демократии, то её учет должен будет закрыть те лакуны, которые были характерны для более ранних теорий в транзитологии.

Как мы полагаем, в периоды социально-политических кризисов происходят явные институциональные сдвиги и ярко проявляются различные факторы социальной динамики, что облегчает их обнаружение. Социально-политическим кризисом мы называем такой конфликтный период в истории государства, когда низовые протесты и недовольство элит настолько сильны, что их не удастся погасить обычными действиями со стороны режима, поскольку они приводят к подъему и расширению протестов и недовольства [Розов, 2018, с. 79].

Мы концентрируемся на революциях как самых ярких проявлениях социально-политических кризисов, поскольку именно в таких условиях наиболее отчетливо проявляются процессы кризисной динамики и происходят наиболее явные изменения в политических институтах и в связях между ними; «революцию можно охарактеризовать как специфическое состояние власти, при котором государственность находится в особом, “расплавленном” состоянии» [Колоницкий, 2012, с. 6].

В исследовательском отношении мы ограничиваемся Западной Европой XIX в., т.к. происходившие там и тогда революции наиболее

подробно изучены и наиболее полно описаны в научной литературе, а также являлись референтными образцами для других революций из-за высокого престижа стран указанных времени и места. В частности, далее рассматриваются революции 1830, 1848 и 1870 гг. во Франции, 1830 г. в Бельгии и 1848 г. в Австрии и Пруссии.

В работе мы используем метод качественного сравнительного анализа (сокр. КСА), который совмещает себе позитивные стороны как качественных (ориентация на учет уникальности и многоаспектности кейсов), так количественных (широкие возможности для их сравнения) методов [Маркс, Риу, Рэйгин, 2015; Мелешкина, 2015]. Этот метод подразумевает построение таблиц истинности, запись их содержания булевой алгеброй специальным способом, процедуры выделения общих множителей и элиминации тавтологий, а также соответствующую теоретическую интерпретацию итоговой факторной формулы.

В работе выделяется два типа объясняемых явлений, соответствующих формальным и неформальным критериям КРВ.

С формальными аспектами КРВ связаны наличие права парламента участвовать в формировании правительства, наличие ответственности правительства перед парламентом и отсутствие у главы государства формальных представителей в законодательных учреждениях. Все переходы от одного состояния к другому представляют собой качественные скачки, т.к. каждый переход требует соответствующей конституционной реформы, четко разделяющей состояния «до» и «после». Такие скачки – получение и дальнейшие утрата или сохранение парламентом права участвовать в формировании правительства, возникновение и дальнейшие исчезновение или сохранение ответственности правительства перед парламентом и исчезновение и дальнейшие возникновение или сохранение отсутствия у главы государства формальных представителей в парламентах – являются классами объясняемых явлений.

Неформальными критериями КРВ являются отсутствие в политической системе репрессивной борьбы между акторами и наличие правительства с представителями различных политических сил. Поэтому классами объясняемых явлений являются, соответственно, отказ от и возникновение или сохранение отказа от репрессий в отношении политических оппонентов и возникновение и дальнейшие исчезновение или сохранение в правительстве представленности различных политических сил.

Сложный КСА, включающий 8 типов гипотетических переменных, 5 таблиц и 12 факторных формул, показывает, что становление высокого уровня КРВ (случаи Бельгии 1830 г. и Франции 1870 г.) проходило через 5 последовательных этапов:

1. Революционное свержение власти приводит к появлению коалиционного временного правительства (с представителями различных политических сил) и свержению прежнего главы гос-ва;

2. Временное правительство созывает учредительное собрание, в котором наблюдается паритет политических сил (отсутствие стабильного большинства);

3. Революционное свержение власти, коалиционное правительство, внутрипарламентский паритет и общая геополитическая угроза ведут к (долговременному) отказу от реализации своих политических проектов новым главой гос-ва;

4. Коалиционное правительство, внутрипарламентский паритет и отказ главы гос-ва от реализации своих политических проектов ведут к (долговременному) отказу от внутренних репрессий;

5. Коалиционное правительство, внутрипарламентский паритет, отказ главы гос-ва от реализации своих проектов и общая геополитическая угроза ведут к стабилизации нового политического режима, что выражается в установлении формальных институтов КРВ (ответственность правительства перед парламентом, отсутствие у главы гос-ва формальных представителей в парламенте)

Также следует подчеркнуть, что отклонения от данной модели вели к более низкому уровню КРВ после революций.

В частности, отсутствие геополитической угрозы вело к постепенной консолидации власти в руках главы гос-ва, поскольку политические силы оказывались склонны к более конфликтным стратегиям, а глава гос-ва в таких условиях имел больше возможностей для реализации своих планов и дальнейшего подрыва институтов КРВ (случаи Франции 1830 и 1848 гг.).

А отсутствие революционного свержения власти вело только к уступкам со стороны главы гос-ва и связанного с ним центра сил, которые сохраняли за собой полноту власти над государственным аппаратом, что позволяло им относительно быстро консолидироваться и переходить к ликвидации институтов КРВ, за исключением тех, которые были впоследствии сохранены в силу своей полезности для власти имущих – итоговый уровень КРВ в таком случае был низким (случаи Австрии и Пруссии 1848 г.).

При этом во всех случаях, для которых не было характерно становление высокого уровня КРВ, узурпация власти осуществлялась главой гос-ва и связанной с ним политической силой, а сам авторитарный откат начинался с неформальных критериев КРВ.

Разумеется, данные выводы проведенного КСА являются весьма ограниченными и не претендуют на совершенную окончательность, но, как мы полагаем, они имеют определённую ценность. Эта ценность не является сугубо исторической, поскольку, следуя за макросоциологическим подходом, мы имеем основания полагать, что основные принципы и механизмы функционирования человеческих обществ не претерпели радикальных изменений и в общих чертах они как действовали в XIX веке, так и будут действовать на протяжении XXI века.

Литература

Коллинз, Р. (2015). *Макроистория: Очерки социологии большой длительности*. М. УРСС. ЛЕНАНД.

Колоницкий, Б. И. (2012). *Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года*. СПб. Лики России.

Маркс, А., Риу, Б., Рэйгин, Ч. (2015). Истоки, развитие и применение качественного сравнительного анализа: опыт первых 25 лет. Ильин М. В. (ред.). *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. М. РАН. ИНИОН. С. 319–350.

Мелешкина, Е. Ю. (2015). Возможности качественного сравнительного анализа (QCA) для исследования посткоммунистических трансформаций. Ильин М. В. (ред.). *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. М. РАН. ИНИОН. С. 351–373.

Розов, Н. С. (2018). *Философия и теория истории. Кн. 2: Причины, динамика и смысл революций*. М. КРАСАНД.

Савельев, Д. Б. (2021). Коллегиально разделенная власть: определение и критерии. *Сибирский философский журнал*. Т. 19. № 4. С. 87–98. DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-87-98.

КОНСЕРВАТОР КАК СУБЪЕКТ АКТА ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Я. А. Сединин

НИ Томский Государственный университет, г. Томск

comsedinin@gmail.com

3. Фрейд в работе «Три очерка по теории сексуальности» отметил весьма неприятный и неэстетический факт, касающийся соседства половых органов с другими частями тела человека, после чего культурный пласт человечества был одарён знаменитой формулой: «Анатомия – это судьба». Иными словами, специфическая конституция человеческого тела является той данностью, от которой он не может отойти или отринуть её. Переформулируя слова Фрейда, мы можем сказать что-то подобное уже в отношении структуры, функционирование которой определяет всякую совместную человеческую деятельность. Речь, прежде всего, идёт о языковой структуре, которая представляется нам в качестве различия. Как указывал Ф. Соссюр, язык всегда является дифференцированной совокупностью [Соссюр, 1977, с. 49], т.е. элементы языка, в том числе и знаки, могут выстраиваться в цепочки, создавать смысл и значение, а также образовывать операции метафоры и метонимии только в том случае, если между несколькими элементами языка создаётся определенная оппозиция.

Представление Ф. Соссюра о делении знака на означающее и означаемое является ярким примером дифференцирования, поскольку, во-первых, уже поверхностно мы вводим различие между языком и речью, между значением и акустическим образом (означающее и означающее), во-вторых, определенное означающее связывается с означаемым на основе всё той же процедуры различения означающих. Однако, необходимо заметить, что связка означающего и означаемого не является однозначно равной, т.е. отношения означаемого и означающего представляется нам как отношение некоторого неравенства [Къеза, 2021, с. 89]. Это происходит в силу того, что в семиологии и структурном психоанализе называется «скольжением» означающих. Иными словами, конкретное означающее получает своё означаемое посредством процедуры различения означающих между собой. Смысл, который мы можем приписать тому или иному знаку, образуется благодаря связи этого знака

с другим, поскольку само означающее не несёт в себе какого-либо смысла, его образование ретроактивно, когда, например, фраза завершается [Къеза, 2021, с. 107]. Таким образом, означаемое или же смысл того или иного знака образуется в том случае, если мы имеем дело с цепочкой означающих, способных благодаря операции различения произвести их в качестве эффекта «скольжения».

Беря во внимание погруженность субъекта в язык и речь, мы не можем не обратить внимание на производство эффектов бессознательного благодаря языку и речи, а также с их помощью. Обращаясь к ранним работам З. Фрейда («Толкование сновидений», «Психопатология обыденной жизни» и «Остроумие и его отношение к бессознательному») становится очевидным, что течение бессознательной жизни субъекта в качестве эффекта может производить определенное «полотно» знаков, структурированных на первый взгляд иррационально и совершенно бессмысленно. Например, анализируя сновидение мы сталкиваемся с конкретной диспозицией знаков, однако, для нас не обладающей какой-либо смысловой целостностью. Психоанализ, как методика «декодирования» знаков бессознательного, призван внести ядро рациональности, в, на первый взгляд, абсурдное полотно знаков сновидения (или ненамеренных оговорок в речи, симптомов и т.д.).

Существование так называемой «второй сцены» или бессознательного накладывает на артикуляцию знаков со стороны субъекта собственные ограничения, которые в свою очередь трансформируют смысл изначальной композиции знаков. Именно благодаря тому, что означающее, будучи артикулировано со стороны субъекта в его речи, действует на двух разных планах: Я, как течение сознательной жизни, и бессознательного; речь наполнена тем, что Ж. Лакан, вслед за З. Фрейдом, называет расщеплением субъекта. В речи субъект «расщепляется» на субъекта высказывания и субъекта акта высказывания. Означаемое, как носитель смысла находится на стороне субъекта высказывания, который представляется в речи как Я, которое и производит высказывание. Означающее, способное производить эффекты благодаря «скольжению» напротив, находится на стороне субъекта акта высказывания, который всегда вписан в бессознательную сцену. В этой связи, субъект, артикулируя означающие в речи, говорит больше, чем предполагает именно по той причине, что означающие, привязанные к означаемым в рамках сознательного дискурса, в бессознательном актуализируют процесс означивания, создающий уже бессознательный смысл сказанного.

Разрыв между субъектом высказывания и субъектом акта высказывания создаёт, как это удачно назвал Ж. Лакан, «стену языка», разделяющую субъектов, а также создающую разрывы в дискурсе и коммуникации. С точки зрения стабильности общественных установлений, подобная ситуация является весьма острой, поскольку подрывает фундамент демократических институтов. Представив ситуацию, когда пространство общего свободного политического действия субъектов наполнено разного рода разрывами, мы неизбежно придем к пониманию, что для адекватного и стабильного функционирования демократии необходимы определенные интересубъективные договоренности, какими, например, выступают национальные и международные правовые установления. Однако, как нам кажется, их недостаточно, поскольку, как показывает политическая практика консервативных политических лидеров (в частности, например, Д. Трампа в США), право может быть использовано в том числе и для подрыва демократии. Демократический консенсус также должен быть организован вокруг различных идеологических опор, какими могут выступать демократическая традиция, мораль и иные идеологические «ядра».

Консервативные политики и политические движения, пренебрегая интересубъективным консенсусом вокруг демократии, тем не менее, выступают на стороне означающего, и, следовательно, бессознательного смысла. *«Объектом, важным для носителя правого уклона, является то, что в субъекте левизны соответствует его нехватке»* [Смулянский, 2021, с. 199]. Этим объектом выступают разного рода меньшинства и социальные практики их «защиты», которые в современном западном обществе фактически принимают форму «обратной дискриминации». На самом деле, нам не важно, каким образом оценивать те или иные социальные практики, но необходимо отметить общий накал политических дискуссий и образовавшиеся антагонизмы. Таким образом, консерваторы, подрывая интересубъективные установления демократии, тем не менее «декодируют» те бессознательные смыслы, которые в сознательной политической дискуссии не задействуются по идеологическим причинам. Гегемония в политическом пространстве Западной Европы и США так называемых «прогрессистов», тем не менее, «взламывается» реакционными и консервативными высказываниями, несущими в себе своеобразную «истину» политической и социальной практики классов, осуществляющих гегемонию.

Литература

- Къза, Л. (2021). *Субъективность и инаковость*. СПб. Скифия-принт.
- Смулянский, А. Е. (2021). *Исчезающая теория. Книга о ключевых фигурах континентальной философии*. М. РИПОЛ классик.
- Соссюр, Ф. (1977). *Курс общей лингвистики*. М. Прогресс.

РОЛЬ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

К. П. Соболева

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
г. Томск
d.k.p@inbox.ru*

Применение феноменологического подхода приобретает особое значение в современной системе культурных ценностей и образования. Суть данного метода заключается в развитии и получении собственного уникального опыта формирования и становления общекультурных ценностей, исходя из индивидуальных особенностей ученика. Опираясь на личностное восприятие мира, персональную шкалу ценностей, интересов и потребностей, обучающийся вбирает в свое мировоззрение только самые качественные знания и опыт. Однако данный метод не может справиться с элементами массовой культуры, которые преобладают в современном обществе. Также сложно обстоит дело с нормативностью и практикоориентированностью. Несмотря на это феноменологический подход часто используется в системе современного образования поскольку связан с понятием «индивидуальности».

Основные современные модели развития общества большинства стран опираются на американские и европейские образцы, где как раз главный акцент сделан на индивидуализм. Согласно этим моделям, человек развивается посредством творчества, становится конкурентоспособной личностью и хорошим стратегом, который может найти выход из любой ситуации применив творческий подход [Гуссерль, 1999, с. 27].

Феноменология – это системное направление, основанное на возможности посмотреть на структуру явления, обходя все стереотипные представления о нем. При использовании феноменологического подхода в образовательной системе учащийся видит явление, предмет в чистом виде. Для него весь учебный процесс – как на ладони, без примеси бюрократизации, чистой формальности. По мнению Н. В. Мотрошиловой, феноменология возвращает нас к пережиткам прошлого: к тому, как раньше ценили философию и основополагающие ценности, но в тоже

время данные ценности встраиваются в современную систему, обогащая ее и делая креативной, творческой [Мотрошилова, 1968, с. 4].

В ходе реализации феноменологического метода в системе современного образования, человек ощущает себя важной частью общего дела, что не характерно для массовой культуры. Он не просто элемент механизма, но сопереживающий член общества, отстаивающий общие идеалы и ценности. Это становится особенно актуальным в XXI веке, в связи с конфликтами из-за религиозных разногласий, культурных и политических противоречий.

В современном западном представлении о мире – каждый человек противопоставляется другому, как конкурент. В образовательной среде – любой обучающийся чувствует одиночество, неписанность в мир, отчужденность. Именно феноменологический подход помогает гармонизировать отношение ученика и мира в целом. Ученик проносит через себя свой опыт, все знание и вбирает только самое ценное и нужное. По сути, феноменологический подход предполагает объединение творчества и логики, рационального и иррационального знания, гуманитарного и технического знания, способствуя формированию критического мышления.

О необходимости применения феноменологического подхода свидетельствует то, что в нашем обществе существует проблема недопонимания между различными социальными группами и общностями в отношении ценностей, приоритетов, идеалов. Нормативность образования конкурирует с самостоятельными образовательными единицами: частными школами, тренингами, которые зачастую предлагают некачественное образование, внушают ценности массовой культуры и общества потребления. Современная молодежь стремится получать разностороннее образование и большее предпочтение отдает неформальным предметам, творческим и креативным. Это связано с тем, что в обществе потребления ребенок стремится все свое свободное время уделять получению новых впечатлений, удовольствию. В результате другие, менее привлекательные специальности, требующие большей концентрации и усидчивости, оказываются менее востребованными относительно популярных в массовом обществе направлений деятельности. Отсюда возникает востребованность какого-то одного направления деятельности, профессии, в ущерб другим специальностям и перспективам.

Феноменология позволяет решить эту проблему, перенося акцент на становление ценностных общепризнанных идеалов и ценностей

в системе мировоззрения ученика и общества в целом. Студент пропускает через себя все возможные культурные образы, отсекает лишнее и вбирает только самое важное и нужное, ощущая таким образом всемирную значимость. Здесь культура и образование выступают в качестве смысла жизни. Каждый ребенок самостоятельно формирует свою историю. Одновременно с этим формируются основные модели взаимодействия между ребенком и родителями, учителем и учеником, опираясь на которые мы можем выбрать лучшую, более устойчивую и продуктивную модель и применить ее на практике [Хайдеггер, 1993, с. 214].

Преподаватель выступает в качестве наставника, который трудится во имя общемировых ценностей, ради всего человечества. Его главными приоритетами становятся распространение мудрости и встроенность в мир, а также добродетели и гуманность. Исходя из данного подхода каждый ученик сам выбирает приоритет определенного направления и социализируется. Система образования только предоставляет ему данные возможности.

Феноменологический подход помогает ученику формировать самостоятельность в поиске истины, анализировать различную информацию, развивая критическое мышление. Это не просто поиск, а также анализ, обработка и применение полученных знаний на опыте. Несомненно, данный подход направлен на формирование в обществе большей востребованности гуманитарных и общественных дисциплин, влияющих на развитие коммуникативных навыков [Хайдеггер, 1993, с. 252].

Между современными социальными институтами существует огромная пропасть недопонимания, связанная с различиями между ценностями, приоритетами и методиками обучения. Ученик в данной среде чувствует себя покинутым. Ставка на развитие общественных и гуманитарных наук – помогает ученику и учителю договариваться, у обучающихся формируется собственная позиция, отношение к миру в целом и ребенок не боится высказывать собственную точку зрения.

Каждый человек в системе феноменологического подхода растет, развивается и совершенствуется в течение всей жизни. Ребенок выступает как творец своей собственной судьбы, самостоятельно моделирует возможные варианты будущего и выбирает более подходящий для себя. Таким образом, учитывая индивидуальность каждого, учитель помогает приобрести ребенку свой собственный опыт постижения мира. Феноменологический подход, в системе современного образования, выступает в качестве синтетического метода, вбирающего в себя самые продуктив-

ные идеи современного образования. В соответствии с ним основной задачей педагогики становится воспитание и формирование человека в целом, что отчасти позволяет решить культурные и политические противоречия XXI в.

Литература

Гуссерль, Э. (1999). *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Общее введение в чистую феноменологию*. М. Изд-во Дом интеллектуальной книги.

Мотрошилова, Н. В. (1968). *Принципы и противоречия феноменологической философии*. М. Изд-во Высшая школа.

Хайдеггер, М. (1993). *Бытие и время*. М. Изд-во Республика.

Хайдеггер, М. (1993). *Работы разных лет*. М. Изд-во Республика.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ МЕДИА

ВИРТУАЛЬНЫЕ АРТЕФАКТЫ: ОБЩЕНИЕ БЕЗ ГРАНИЦ ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ?

А. С. Горшунова

Новосибирский государственный технический университет,

г. Новосибирск

a.s.gorshunova@mail.ru

Информационно-компьютерная революция, а также изобретение и распространение интернета вызвали интерес ученых к проблемам влияния процессов цифровизации и компьютеризации на различные сферы общественной жизни. Повсеместное внедрение технологий привело к тому, что это влияние стало обоюдным: социальные процессы трансформируют цифровое пространство и способы взаимодействия с ним. Одной из проблем, актуальных с момента возникновения интернета и по сей день, является влияние цифрового пространства на социальную изоляцию. Целью нашей работы является поиск ответа на вопрос: относится ли цифровая среда и виртуальные артефакты, наполняющие её, к способам преодоления социальной изоляции или, напротив, к причинам возникновения и усиления?

Как отмечают ученые, первоначальная реакция СМИ и населения на интернет была преимущественно негативной; в прессе продвигалась идея о том, что «использование интернета вызывает депрессию и социальную изоляцию» (здесь и далее перевод наш – А. Г.), несмотря на то что исследования в основном свидетельствовали об обратном [McKenna, Bargh, 2000, p. 57]. В то же время взаимодействие с компьютером рассматривалось учеными как уединенное и поглощающее занятие, которое практически не предполагает общения с людьми. Исследователи ввели термин «мышление в изоляции» и предположили, что использование компьютера может способствовать снижению навыков социального развития и усилению отчуждения и одиночества у детей и подростков-интровертов [Kreuger et al., 1998, p. 75].

В научной литературе представлены и положительные аспекты социального взаимодействия в сети, связанные с такими

характеристиками интернет-коммуникации, как анонимность, независимость от физического расстояния, более низкая значимость внешности и визуальных признаков, а также относительная несущественность времени [McKenna, Bargh, 2000, p. 60]. Следует уточнить, что эти характеристики не являются безусловно позитивными. В целом, влияние интернета на общество рассматривается с двух противоположных позиций: возможность создания киберутопии за счет потенциала к образованию новых эгалитарных социальных сетей и вероятность появления кибергетто вследствие сохранения в интернете традиционных сообществ с иерархическими социальными связями и отношениями, структурированными по классовому признаку [Ево, 1998, p. 2].

Как отмечает Ч. Крук, в настоящее время технологии исследуются «с точки зрения потенциала для создания социальных сетей, а не социальной изоляции» [Crook, 2013, p. 36]. Цифровые технологии предоставляют не только возможности для общения на расстоянии, но и различные инструменты для ведения совместной деятельности с целью производства виртуальных артефактов (ВА) – «нематериальных объектов, созданных <...> в цифровой среде, такой как интернет, интранет, киберпространство или виртуальная реальность» [Siraj, 2015, p. 673]. С начала 2000-х гг. и далее, по мере распространения технологий, количество виртуальных артефактов, создаваемых сообществами, стало увеличиваться. Примеры коллективно созданных ВА: программное обеспечение с открытым кодом, онлайн-энциклопедии, базы знаний, форумы, блоги, соцсети и т.д. – как сами платформы, так и их наполнение. Значение виртуальных артефактов для кооперации и преодоления социальной изоляции трудно переоценить. Особенно ярко это свойство проявилось в период пандемии, когда многие сферы взаимодействия – работа, учеба, общение – были переведены в дистанционный формат, что позволило людям оставаться на связи и продолжать совместную деятельность.

Общение в сети и участие в коллективном создании виртуальных артефактов являются способом преодоления разобщенности; в то же время перенос совместной деятельности в онлайн может стать причиной социальной изоляции и повлиять на различные аспекты реальной жизни. Механизмы возникновения изоляции делятся на социальные и техногенные. С техногенными механизмами возникновения изоляции связано понятие цифрового неравенства, которое ассоциируется с доступом к технологиям или с умением их использовать [Лапин, 2021, с. 53].

Люди, не обладающие нужными навыками или не имеющие доступа к интернету либо к ресурсам для создания артефактов, оказываются исключены из круга общения и не могут получать необходимую информацию или получают её несвоевременно. В качестве примера можно привести популярную практику использования школьных, соседских, рабочих и других групповых чатов в мессенджерах и соцсетях для общения и размещения объявлений; для участия в таком взаимодействии нужно иметь смартфон или компьютер, а также аккаунт на соответствующей платформе, и уметь ими пользоваться.

Примером социального механизма возникновения изоляции является такой аспект цифрового социального мира, как сетевая травля, или «кибербуллинг» [Crook, 2013, p 36]. Травле может подвергаться один человек или группа на основании этнического, религиозного и других признаков. Другой социальный механизм возникновения изоляции – исключение людей из онлайн-общения, происходящего в рамках определенной соцсети. Исключением может управлять государство или владелец платформы – виртуального артефакта. Государство блокирует доступ к платформам на уровне локального сегмента интернета, вводя запреты на законодательном уровне, тогда как владелец ВА ограничивает возможность использования самой платформы путем блокировки доступа к ней или удаления аккаунта. Масштаб крупных онлайн-платформ позволяет им осуществлять надгосударственную изоляцию. Широко известным примером является блокировка аккаунта президента США Дональда Трампа компанией Twitter. Таким образом, возможность доступа к контенту, создаваемому аудиторией, зависит от владельца платформы. При этом даже одобренные сервисом произведения авторов могут быть показаны только в виде и порядке, определяемом внутренними алгоритмами, или скрыты для широкой публики за счет требования платформы создать аккаунт – это также можно рассматривать как своего рода социальную изоляцию или барьер между авторами и аудиторией.

Цифровизация различных сфер социальной жизни привела к повышению ценности онлайн-пространства и виртуальных артефактов для пользователей. Люди общаются в социальных сетях и используют онлайн-платформы для зарабатывания денег; лишение доступа к этим ресурсам воспринимается как посягательство на свободу, и такая реакция позволяет владельцу артефакта управлять поведением аудитории. В настоящее время это явление приобрело настолько массовый характер,

что позволяет сделать следующий вывод: из инструмента для ведения совместной деятельности, способствующего процессам глобализации, виртуальные артефакты всё больше превращаются в средство социальной изоляции и разобщения.

Литература

Лалин, Д. А. (2021). Актуальность медиаобразовательных программ в контексте преодоления цифрового неравенства. *Меди@льманах*. № 6 (107). С. 53–59. DOI: 10.30547/mediaalmanah.6.2021.5359

Crook, Ch. (2013). The Field of Digital Technology Research. In Price, S., Jewitt, C., Brown, B. (Ed.), *The SAGE Handbook of Digital Technology Research*. Los Angeles: SAGE Publications Ltd.

Ebo, B. (1998). Internet or Outernet? In Ebo, B. (Ed.) *Cyberghetto or cybertopia? : race, class, and gender on the Internet*. Greenwood Publishing Group, Inc.

Kreuger L. W., Karger, H., Barwick K. (1988). A Critical Look at Children and Microcomputers: Some Phenomenological Observations. *Early Child Development and Care*. Vol. 32. Iss. 1–4. Pp. 69–82, DOI: 10.1080/0300443880320108

McKenna, K., Bargh, J. (2000). Plan 9 From Cyberspace: The Implications of the Internet for Personality and Social Psychology. *Personality and Social Psychology Review* Vol. 4. Iss. 1 Pp. 57–75. DOI: 10.1207/S15327957PSPR0401_6

Siraj, S. (2015). Socially Constructed Virtual Artifacts. In J. M. Spector (ed.) *The SAGE Encyclopedia of Educational Technology*. Thousand Oaks: SAGE Publications, Inc.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕДИАПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННЫХ АВТОКРАТИЯХ

И. И. Дятлов

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск

i.diatlov@g.nsu.ru

Классические диктатуры зиждились на страхе, насилии, тотальном изоляционизме и массовой индоктринации соответствующими идеологемами. В этом смысле взаимодействие классических авторитарных режимов с публичным пространством ограничивалось репрессивным воздействием. Неудобные власти книги – сжигались, или «чистились» с помощью отрядов специального назначения, чья цель заключалась в изъятии книг из магазинов и библиотек. Оппозиционеры – уничтожались либо физически, либо изолировались социально. Иными словами, классическая парадигма управления блокировала одни модели поведения, и всячески поощряла другие. Такое поощрение сопровождалось специальными идеологическими обработками и публичным страхом наказания за инакомыслие.

Современные авторитарные режимы функционируют совершенно по-другому. Сегодня страны стараются не ограничивать свободу перемещения граждан. Кроме того, стремясь к полноценному инкорпорированию в глобальный рынок, страны всячески поощряют технологическое развитие и партнерские экономические связи. В современных автократиях не наблюдается идеологической индоктринации, а насилие незаметно и не является массовым явлением.

Текущее положение вещей разные исследователи обозначают сходными, но нюансированными терминами. Часть академического сообщества называет такие режимы электоральными автократиями (*electoral autocracy*), поскольку такие режимы стремятся мимикрировать под демократию, создавая демократический фасад, за которым скрывается авторитарный механизм управления. Другие исследователи делают акцент на усилиях автократа выстроить свою вертикаль власти, обозначая такие режимы персоналистскими автократиями (*personal autocracy*). Третьи же, вслед за исследованиями Гуриева и Тризмана, называют такие режимы информационными автократиями, которые как раз прямо связаны с использованием публичного пространства, и медиапространства (*informational autocracy*) [Guriev, Treisman, 2022].

Исследователи выдвигают гипотезу, согласно которой основной успех и секрет выживаемости современных авторитарных режимов заключается в эффекте манипулирования информацией. В этом уравнении всегда находятся три звена в постоянной динамической связи: а) информированное меньшинство; б) автократ и его институты; в) население (подавляющее большинство).

Авторитарный лидер в современных обществах строит свою риторiku не на подчинении и страхе, а на управленческой эффективности. Популярность лидера конструируется с помощью медиа-ресурсов и по возможности реальных позитивных достижений. Если эти позитивные достижения действительно наличествуют, они всячески превозносятся и записываются в счет репутации автократа. Если экономика не растет, а достижения скромные, то ошибки и неудачи списываются на объективные причины, либо замалчиваются.

Поскольку информированное образованное меньшинство всегда в курсе положения дел, оно старается донести информацию до большинства о настоящем положении дел и некомпетентности текущего лидера. Автократ же, в свою очередь, жизненно заинтересован в том, чтобы всеми доступными средствами заблокировать сообщение образованного меньшинства – сделать так, чтобы оно не дошло до населения. В случае, когда это невозможно, необходимо затратить ресурсы для отражения атаки и создания нейтрализующего сообщения, которое бы объясняло лживость и несоответствия т.н. «экспертов» со стороны образованного и критически настроенного меньшинства.

Помимо классических способов (кооптация во властную элиту, подкуп и репрессии), современные автократы используют широкий ассортимент методик воздействия на медиaprостранство.

Соккрытие насилия. Авторитарные лидеры используют современные медиа для манипуляции вниманием. Например, они совершают посадки оппозиционеров по неполитическим статьям. Такой способ тюремного заключения легко трансформируется в публичное сообщение о том, что посаженные люди – это просто плохие граждане, которые из рук вон плохо выполняли свои общегражданские обязанности (плохо платили налоги, нарушали общественный порядок, охотились или рыбачили без лицензии и т.д.). В случае, если тюремный срок начинает привлекать слишком много внимания, а фигура оппозиционера стремительно эволюционирует в добровольного мученика, режим меняет стратегию.

При таком раскладе власть ограничивается краткосрочными, но постоянными арестами и заключением под стражу. Это позволяет выключить оппозицию из политической борьбы, и в то же время распространять все то же сообщение о порочных наклонностях граждан, которые не соблюдают законы, и только поэтому являются постоянными гостями полицейских участков и спецприемников.

Цензура. Несмотря на показную приверженность демократическим ценностям, современные автократы активно занимаются цензурой с помощью медиа. Как правило, авторитарные лидеры оставляют одно-два оппозиционных издания, блокируя все остальные. Стратегия в данном случае заключается в том, чтобы максимально изолировать население и сузить категорию людей, способных получить сообщение от оппозиции. В случае «прорыва» оппозиционеров на массовые телеканалы и радиовещание, всегда легко прибегнуть к аргументу от «технических неполадок» (обрыв кабеля, помехи в вещании и т.д.). Создание ситуации фиктивного плюрализма мнений работает на популярность автократа, поскольку тот всегда может сослаться на факт наличия различных мнений по поводу его политического курса. Таким образом, можно сказать, что в современных автократиях не только есть цензура, но и более сложный механизм блокирования сообщений о наличии цензуры. Сообщения о цензуре тоже цензурятся. Это происходит, например, когда автократ позволяет присутствовать иностранным наблюдателям на важных президентских выборах. Естественно, что иностранные наблюдатели быстро замечают неравную и несправедливую дистрибуцию эфирного времени между кандидатами, процедурные нарушения в ходе электропального процесса и т.д. Однако эти доклады и жалобы иностранных наблюдателей не появляются в фокусе внимания большинства населения благодаря механизмам цензуры.

Популярность. Классические диктаторы завоевывали популярность с помощью своей личной харизматики и массового культа, который обслуживали целые институты. Текущая ситуация в корне отличается. Автократы активно пользуются современными медиа для конструирования своей популярности. Популярность (*celebrity*) в текущей ситуации означает спонтанную, децентрализованную и внешне не контролируемую народную любовь, и почитание. Образы современных автократов наводняют публичное пространство и включаются в рыночное предложение. Как правило, эти образы и массовая продукция

лишены серьезного подтекста, подчас ироничны, но тем не менее работают на символическую повторяемость и эффект присутствия лидера. Здесь достаточно ярким примером является первый срок президентства Владимира Путина, когда на волне популярности стали появляться и соответствующие предметы с изображением на них первого лица государства (майки, матрешки, водка, парфюм и т.д.). Кроме того, авторитарные лидеры современности с большой охотой появляются на публике. Особенно популярны фотографии со звездами. Так символический капитал другой селебрити начинает работать и на национального лидера, подавая через СМИ сигнал-сообщение о том, что национальные любимцы другой страны любят и дружат с авторитарным лидером. Такая стратегия позволяет приобрести дополнительный аргумент для внутреннего использования.

Литература

- Geddes, B., Wright, J., Frantz, E. (2018). *How Dictatorships Work: Power, Personalization, and Collapse*. Cambridge. Cambridge University Press.
- Guriev, S., Treisman, D. (2019). Informational Autocrats. *Journal of Economic Perspectives* 33, No. 4. Pp. 100–127.
- Guriev, S., Treisman, D. (2020). The Popularity of Authoritarian Leaders: A Cross-national Investigation. *World Politics* 72, No. 4. Pp. 601–38.
- Guriev, S., Treisman, D. (2020). A Theory of Informational Autocracy. *Journal of Public Economics*. No. 186. Pp. 104–58.
- Guriev, S., Treisman, D. (2022). *Spin dictators. Changing face of tyranny in the 21st century*. Princeton, Oxford. Princeton University Press.

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ-ЛИДЕРА В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

А. Н. Кислицина

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.
annakislitsina@yandex.ru*

*Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ,
проект № 20-68-46003 «Семантика единения и вражды
в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс»*

Современная медийная реальность характеризуется активным конструированием новых образов социальных субъектов. Интерес к образу современной российской женщины имеет особую актуальность, поскольку демографическая ситуация в стране в значительной степени зависит от целевых и ценностных ориентаций женщин. Кроме того, вопрос роли современной женщины в обществе активно дискутируется в свете феминистских течений, которые оказывают значительное влияние на конструирование женского образа в информационном пространстве. В языке трансформация взглядов на роль женщины в обществе выражается в том числе в появлении новой лексики: *попфемки, радфемки, соцфемки* и другие *фемки* – слова, пополнившие лексический фонд русского языка в XXI веке. Также современным трендом стало образование феминитивов: *редакторки, блогерки, авторки, инфлюенсерки* и др., – как будто бы утверждают роль женщины как самостоятельной социальной, профессиональной личности.

Цель нашей работы – лингвистическими методами составить портрет современной женщины-лидера. Материалом для исследования послужили контексты, извлеченные из современного медиадискурса. Н. В. Черникова отмечает, что «в русском языковом сознании образ женщины многомерен, он складывается из противоречивых признаков, обладает богатством разнообразных ассоциаций и интерпретаций» [Черникова, 2015, с. 67].

Традиционный взгляд на образ женщины фиксируют толковые словари русского языка. Так, «Словарь русского языка» (под ред. А. П. Евгеньевой) 1999 года издания представляет женщину как «лицо, противоположное по полу

мужчине», в основном значении, а также в оттенках значения фиксируются психологические свойства «лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств», и семейный статус женщины: «лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке» [Евгеньева, 1999, с. 478]. В «Большом универсальном словаре русского языка» 2017 года под ред. В. В. Морковкина в первом значении конкретизируется физиологический критерий отличия женщины от мужчины «лицо женского пола, то есть такое, которое способно рожать детей», во втором значении актуализируется семантика психологических свойств женщины «лицо женского пола как воплощение женского начала», и в оттенке «лицо женского пола, имевшее сношения с женщиной» [Морковин, 2017, с. 300]. Таким образом, семантический объем значений, зафиксированных в словарях, включает в себя дифференцирующие семы «противоположность по полу мужчине», «физиологическое состояние», «воплощение свойств, качеств, женского начала», «состоящее или состоявшее в браке», то есть самые общие (как физиологические) и в настоящее время спорные (как статус брака и женское начало) характеристики.

Современный взгляд на женщину можно представить, осуществив контекстный анализ употребления слова «женщина» в медиадискурсе. В частности, нас интересует вопрос о том, как репрезентирован образ в СМИ «женщины-лидера», в то время как это качество не представлено в указанных словарях, даже в контекстах акцент делается на «женском начале»: кокетстве, манерах, материнстве и др. В то же время обращение к текстам, посвященным женщинам или упоминающим женщин, позволяет выявить более широкий спектр их характеристик. Мы рассмотрели употребление слова «женщина» в контексте политики и лидерства в текстах СМИ, представленных в Национальном корпусе русского языка, что позволило сформулировать ряд семантических признаков, которые репрезентируют современные представления о женщине-лидере.

Одно из таких представлений транслирует идею о том, что женщина способна органично сочетать роли лидера и члена семьи (матери / жены / сестры): *«Ведь женщина-лидер не уступает мужчине, но при этом она часто выполняет сразу несколько ролей – она ещё и жена, мама, дочь, сестра»* [Сапрыгина, 2021].

Кроме того, в изученных текстах нашли свое отражение представления о женщине как об эффективном лидере: *«Присутствие женщин среди лиц, принимающих решения, повышает эффективность этих решений – будь то государственное управление, ведение бизнеса или работа некоммерческих и неправительственных организаций»* [Шипачева, Михантьева, 2022].

При этом также присутствует точка зрения о том, что в отношении к женщине отсутствует равноправие, так как ее действия в большей степени подвергаются критике, чем поступки мужчин: *«Карьера женщин на руководящих позициях часто продвигается с трудом, и эта проблема широко обсуждается. Но гораздо реже говорят об основной причине этого явления – о том, что ошибкам женщин в работе часто придают излишнее значение, а наказание за них бывает чрезмерным. В то же время начальство нередко игнорирует промахи мужчин, указывают исследователи, консультанты и тренеры по лидерству»* [Лаблин, 2018].

В то же время утверждается, что женщину-лидера от мужчины-лидера отличает только гендерная повестка: *«Она пришла к власти как представитель вполне «мужской» партии, ее случай как раз доказывает то, что сама по себе женщина-лидер без «женской повестки дня» ведет себя так же, как мужчина»* [Ажгихина, 1997].

Отрицательное отношение к женщине-лидеру выражается во мнении, что она не обладает волей: *«Мужчина-политик – это сочетание воли и интеллекта, женщина-политик – сочетание интеллекта и совести, а вместе и будет то, что надо – сочетание воли, интеллекта и совести»* [Какое место..., 2006]. В российском обществе существует очевидная установка насчет того, что женщина должна быть прежде всего женщиной. Вероятно, здесь подразумевается семантика сугубо женских качеств, «женского начала», зафиксированная в словарях: *«Мария, для меня вы прежде всего женщина, а совсем не человек в мундире из МИДа»*, [Мельман, 2017].

Об образе женщины-политика исторически сложился ряд мифов, а именно: если женщина совершает ошибки, то именно потому, что она женщина; внешность женщины всегда играет решающую роль в том, как складывается её карьера на политической арене; женщины не приходят в политику самостоятельно и проч. [Балалуева, 2014, с. 30].

И. А. Балалуева предлагает типологию женских образов на основании деятельности и преобладания маскулинных, фемининных или андрогинных черт в образе. Наш материал также подтвердил возможность выделения ряда доминирующих медиаобразов женщин-политиков.

«**Железные леди**» (М. Тэтчер, Э. Набиуллина) – консервативный имидж, высокий профессионализм, жесткость и принципиальность, оперативность в решении политических вопросов. Такие женщины во внешнем облике поддерживают традиционные атрибуты женственности, но в профессиональной деятельности ведут себя подчеркнуто агрессивно, легко берут на себя

ответственность за значимые решения [Балалуева, 2014, с. 29]: *«Пресса неоднократно указывала, что Лиз Трасс стремится подражать «железной леди», ради чего даже изменила тембр голоса. Отмечалось, что «тон голоса Трасс стал более глубоким, а темп речи – более размеренным; так она старается подражать своей героине – Маргарет Тэтчер»»,* [Звягинцев, 2022]. *«Действующий глава кабинета министров Великобритании Джеймс Кэмерон заявил, что страна потеряла «великого лидера, великого премьер-министра, великого британца»»* [Скончалась..., 2013].

«Антиженственные» политики (А. Меркель, Т. Халонен), профессиональные и успешные управленцы, представительницы неяркого внешнего имиджа. Их политический стиль – уравновешенный, компромиссный, аналитический, они избегают острых конфликтов. Атрибуты женственности такие политики не используют, что не мешает им успешно выступать на публике [Балалуева, 2014, с. 29]: *«Т. Халонен называет себя прагматиком и не считает, что безвизовый режим между ЕС и Россией станет в ближайшее время реальностью»* [Амелюшкин, 2011], *«Меркель всегда отличалась спокойствием, стабильностью и прагматизмом. Изменять привычкам – не в ее правилах»* [Бахлина, 2017].

Политики как секс-символы (А. Кабаева, С. Хоркина) – как правило, политики без профильного юридического образования. Такие женщины зачастую не демонстрируют явных политических успехов и не принимают активного участия в решении важных вопросов, но привлекательность и неформальные связи помогают им занимать государственные должности [Балалуева, 2014, с. 29]: *«С 2008 по 2011 год Мара Карфанья занимала пост министра по делам равных возможностей в правительстве Берлускони, однако о результатах ее работы знают немногие итальянцы: большинство из них больше интересовались внешностью и личной жизнью министра, а не ее профессиональными качествами»* [Рутов, 2017].

Резюмируя некоторые наблюдения над репрезентацией медиаобраза «женщина-лидер» в современных СМИ, можно сделать вывод, что представления о «женщине-лидере» амбивалентно: с одной стороны, она – эффективный прагматичный управленец вне гендерной роли, с другой стороны, авторы текстов выражают довольно скептическое отношение к женскому лидерству, приписывая ему стереотипно фемининные черты, такие как слабость и безвольность. Перспектива исследования видится в изучении репрезентации образа женщина-лидера в текстах блогов и группах в социальных сетях, в том числе феминистской направленности, а также в зарубежных СМИ, поскольку в данных источниках зачастую транслируется принципиально иной взгляд на роль женщины в социуме.

Литература

Ажгихина, Н. И. (1997). Истоки и смысл русского феминизма. *Независимая газета* [Электронный ресурс]. URL: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?docid=cGFwZXIvMTk5MC9uZzE5OTcvMDQwL04wNDAtNjQueGls&lang=ru&mode=paper&req=%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%89%D0%B8%D0%BD%D0%B0+%D0%BB%D0%B8%D0%B4%D0%B5-%D1%80&sort=i_grtagging&text=lexform (дата обращения: 07.09.2022).

Ажгихина, Н. И. (2007). Когда Россией будет управлять Маргарет Тэтчер? Несколько штрихов к коллективному портрету женщины-политика в российском информационном пространстве и о самом медийном пространстве. *Гендерные исследования*. № 16. С. 6–24.

Амелюшкин, К. (2011). Тарья Халонен: рецепт отношений с Россией. *Delfi* [Электронный ресурс]. URL: <https://m.delfi.lt/ru/news/article.php?id=47147977> (дата обращения: 12.09.2022).

Балалуева, И. А. (2014). Медиаобраз женщины и развитие гендерного дискурса в современных российских федеральных газетах. *Гуманитарные, социально–экономические и общественные науки*. №12-1. С. 26–32.

Бахлина, О. (2017). Ангела Меркель: «Не думаю, что быть амбициозной – это плохо». *Forbes Woman*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/348815-angela-merkel-ne-dumayu-chno-byt-ambicioznoy-eto-ploho> (дата обращения: 12.09.2022).

Евгеньева, А. П. (1999). Словарь русского языка: в 4-х т. М. Рус. яз.; Полиграфресурсы. Т. 1. С. 203; Т. 2. С. 309.

Звягинцев, И. (2022). «Железная леди» 3.0. Получится ли у Элизабет Трасс железной рукой навести порядок в Британии? *Amic.ru* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amic.ru/news/politika/zheleznaaya-ledi-3-0-poluchitsya-li-u-elizabet-trass-zheleznoy-rukoj-navesti-poryadok-v-britanii> (дата обращения: 10.09.2022).

Какое место занимает сегодня женщина в политике и бизнесе России? (2006). *Известия* [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/news/311751> (дата обращения: 08.09.2022).

Лаблин, Д. (2018). Почему женщинам-руководителям нельзя ошибаться. *Ведомости* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2018/11/12/786224-zhenschinam-rukovoditelyam> (дата обращения: 12.09.2022).

Мельман, А. (2017). Правила жизни Марии Захаровой: «Никогда не сомневаются только подлецы». *Московский комсомолец* [Электронный

ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/politics/2017/03/24/pravila-zhizni-marii-zakharovoy-ne-somnevayutsya-tolko-podley.html> (дата обращения: 10.09.2022).

Морковкин, В. В., Богачева, Г. Ф., Луцкая, Н. М. (2017). *Большой универсальный словарь русского языка*. М. Словари XXI века.

Рассадина, Т. А., Агеева, А. А. (2012). Динамика образа современной женщины: дискурсы глянцевого журнала и общественного мнения. *Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки*. №3 (23). С. 91–102.

Сапрыгина, Ю. (2021). Как женщине стать лидером. *Парламентская газета* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/social/kak-zhenshine-stat-liderom.html> (дата обращения: 07.09.2022).

Скончалась «железная леди» Маргарет Тэтчер. (2013). *Forbes* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/news/237019-skonchalsamargaret-tetcher> (дата обращения: 12.09.2022).

Рутов, И. (2017). Самые сексапильные женщины в мировой политике. *Topnews* [Электронный ресурс]. URL: https://www.topnews.ru/photo_id_11529_7.html (дата обращения: 12.09.2022).

Черникова, Н. В. (2015). Женщина: лексикографический портрет. *Русская речь*. № 3. С. 61–67.

Шипачева, Д., Михантьева, М. (2022) Кризис – время женщин: почему женщины эффективнее решают ежедневные проблемы. *Forbes Woman* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/460907-krizis-vrema-zensin-pocemu-zensiny-effektivnee-resaut-ezednevnye-problemy> (дата обращения: 07.09.2022).

СОПРИСУТСТВИЕ И КОММУНИКАЦИЯ В КИБЕРПЕРФОРМАНСЕ

М. А. Кобринец

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г.Москва
maria.kobrinets@gmail.com*

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

Киберперформанс как специфический жанр нет-арта и, соответственно, цифрового искусства успел получить в зарубежных исследованиях множество имен: «киберперформанс» [Causey, 2006; Paragiannouli, 2016], «киберформанс» [Jamieson, 2008], «цифровой перформанс» [Dixon, 2007], «гиперперформанс» [Unterman, 2007] и др. Подчеркивая связь перформанса с театральными искусствами, исследователи также обращаются к таким терминам как «виртуальный театр», «кибертеатр» и «кибердрама».

Несмотря на широкий спектр теорий, анализирующих различные аспекты киберперформанса, локализовать его в классификации цифрового искусства достаточно просто: примыкая к направлению нет-арта, он представляет собой форму цифрового перформанса и разновидность медиаперформанса. Интернет, виртуальная реальность, онлайн-технологии одновременно задействованы в нем как медиа и как пространство действия или опыта (зачастую совместного). На первый взгляд, цифровизация перформанса расширяет его возможности: например, стриминг существенно увеличивает количество возможных участников (с большей степенью интерактивности, чем при обычной видеотрансляции), преодолеваются географические границы и т.д. С другой стороны, по мнению Э. Фишер-Лихте, важное условие перформанса как такового заключается именно в физическом соприсутствии участников: оно способно обеспечить обмен ролями (актер и зритель), породить временное сообщество участников и установить между ними физический контакт [Фишер-Лихте, 2016, с. 125]. Для исследовательницы опыт перформанса напрямую не связан с коммуникацией

как процессом передачи некоторого зашифрованного сообщения, поэтому приоритетной является уже не интерпретация со стороны статичного, чуть отстраненного зрителя, а непосредственное взаимодействие и вовлеченность участника. «Интенсивное присутствие», «интенсивный модус «сиюминутности»», специфический опыт, далекий от повседневности (который часто сложно сформулировать и описать) – по мнению исследовательницы, именно это становится основным достижением перформанса. В таком контексте уже не столь важно, что перформанс может «означать», ведь он в первую очередь является «перформативным», «автореферентным» искусством. Однако подобное допущение о том, что коммуникация как передача сообщений не может быть истолкована как определяющий элемент перформанса, на наш взгляд, все же не мешает рассматривать ее как важный и порой неизбежный его аспект. Коммуникацию не следует отделять от общей совокупности опыта, а при продвижении тех или иных политических идей арсенал перформанса и сетевого искусства способен повысить степень вовлеченности в коммуникацию и ценность самого сообщения, «чувствительность» к нему (как например в политическом киберперформансе и *хактивизме*).

С появлением киберперформанса на смену физическому соприсутствию приходит виртуальное, что и составляет существенное различие между «классическим» и «цифровым» перформансом – но в чем же оно в действительности заключается? Вопрос о соприсутствии в киберперформансе сопровождается рядом вызовов: насколько соприсутствие виртуальных тел может быть интенсивным? Можно ли вообще говорить о «телах», а не проекциях, «аватарах» и т.д.? Наряду с расширенными возможностями киберперформанса могут ли интернет-технологии, позволяющие говорить о новых дополнительных идентичностях пользователя и «масках», рассматриваться как своеобразные препятствия? Один из возможных ответов связан с феноменом *virtual touch*, упоминание которого мы встречаем у С. Диксона – момент подлинного контакта между перформером и участниками в виртуальном пространстве. Современный киберперформанс верит в возможность подобной ситуации: он может по-разному ее определять, но предполагается сама принципиальная возможность «интимности», которая становится условием нетипичного нового опыта *virtual touch* – не менее глубокого, нежели опыт нецифрового перформанса. В акции Алены Агаджиковой «Узнай своё будущее онлайн. Бесплатно, 2017» художница, не скрывая этого, своими действиями имитировала сетевую программу по предсказанию будущего. Люди могли задавать порой очень личные, по-настоящему волнующие их

вопросы. Виртуальное пространство с его «масками» (профилем пользователя) становится особой зоной комфорта и защищенности: эти вопросы участников могли бы навсегда остаться невысказанными, не сформулированными даже для них самих в повседневности, когда чаще всего говорить приходится «от своего имени». Х.В. Джеймисон, характеризуя киберперформанс («киберформанс») и перечисляя его сущностные черты, упоминает «прозрачность» (*transparent*): «он не претендует на то, чтобы быть реальным», не имитирует реальность [Jamieson, 2008, p. 38]. На наш взгляд, эта установка способна быть весьма продуктивной – ощущение перехода от привычной реальности к виртуальности (как к реальности нового типа, не менее «реальной») способно трансформировать механизмы восприятия участника и привычные ему алгоритмы действий и суждений, в некоторой степени освобождать от них. В киберпространстве, таким образом, кажется возможным новое «соприсутствие» и не менее, а может быть, и более интенсивный опыт.

Литература

Фишер-Лихте, Э. (2015). *Эстетика перформативности*. Москва. Play&Play, Канон+.

Causey, M. (2006). *Theatre and Performance in Digital Culture: From Simulation to Embeddedness*. London and New York. Routledge.

Dixon, S. (2007). *Digital Performance: A History of New Media in Theater, Dance, Performance Art, and Installation*. Cambridge, MA and London. MIT Press.

Jamieson, H. V. (2008). *Adventures in Cyberformance: Experiments at the Interface of Theatre and the Internet*. Unpublished Master of Arts (Research) Thesis. Australia. Queensland University of Technology. *Creative Catalyst* [Электронный ресурс]. URL: <http://creative-catalyst.com/thesis.html> (дата обращения 01.09.2022).

Papagiannouli, C. (2016). *Political Cyberperformance: the Etheatre Project Basingstoke*; New York. Palgrave Macmillan, 2016.

Unterman, B. (2007). The audience in cyberspace: the lessons of hyperformance. Paper presented at the Intermediality, Theatricality, Performance, (Re)-presentation and the New Media Conference, *Ninth International Conference of CRI and LANTISS*, Montreal, Quebec, Canada, 25–29 May [Электронный ресурс]. URL: http://cri.histart.umontreal.ca/cri/fr/cdoc/fiche_activite.asp?id=1816 (дата обращения 01.09.2022).

ПОНЯТИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ И СЛОЖНОСТИ ЕЕ ЭКСПЛИКАЦИИ

А. Ю. Косенков

*Институт философии НАН Беларуси, г. Минск
sanya.kosenkov.94@mail.ru*

Понятие виртуальной реальности находится в центре внимания философских исследований, что обусловлено, в первую очередь, процессами компьютеризации и их последствиями. Вместе с тем, «биография» виртуальной реальности как смысловой единицы во многом характеризует принципы формирования ключевых элементов понятийно-категориальной системы философии в условиях интенсивно меняющейся социально-технологической действительности.

Понятие виртуальной реальности появилось в техническом дискурсе. По наиболее распространенной версии оно было впервые употреблено в 1984 г. Д. Ланье, создателем фирмы «VRL Research», в которой разрабатывались системы, имитирующие реальные процессы посредством компьютера.

Вместе с тем представление о виртуальной реальности как о реальности, порождаемой компьютером, параллельно формировалось в лоне фантастики: в произведениях А. Хайнлайна «Уолдо», Р. Брэдли «Вельд», У. Гибсона «Нейромант» и несколько позже, на рубеже столетий, в серии фильмов «Матрица». Так, понятие киберпространства впервые появилось в книге Гибсона «Нейромант» (1984 г.). «Киберпространство – это согласованная галлюцинация, – писал автор, – которую каждый день испытывают миллиарды обычных операторов во всем мире <...> Это графическое представление банков данных, хранящееся в общемировой сети компьютеров» [цит. по: Кирик, 2004, с. 22]. Есть основания полагать, что подобный образ способствовал дальнейшему определению порождаемого Интернетом пространства как виртуальной реальности. Заметим, что обсуждаемый в последнее время проект Метавселенной также имеет литературные истоки: он фигурировал в книге Н. Стивенсона «Лавина» (1992 г.).

Однако важно понимать, что виртуальные технологии не создавались исключительно для специалистов: разработчики приложили

немало усилий для их продвижения в массы, как это произошло в случае с Интернетом. Рядовые же пользователи, по верному замечанию М. Кастельса, стали главными творцами виртуального пространства, приспособивая его «к своим собственным нуждам и системе ценностей» [Кастельс, 2004, с. 44]. Это нашло выражение, в том числе, в специфическом языке его описания, представленным широким спектром метафор («страница», «закладка», «паутина» и пр.), а также онтологических, социально-философских, технических смысловых единиц («реальность», «пространство», «сообщество», «интерфейс» и пр.).

Таким образом, смысловые контуры понятия виртуальной реальности формировались на пересечении технического, фантастического и пользовательского (потребительского) дискурсов. Сложность экспликации понятия во многом и обусловлена тем, что за его концептуальным становлением в других дискурсах последовала философская рефлексия, попытка соотнесения категорий с языковыми единицами, описывающих новоявленные сущности (оказалось важным ответить, в частности, на вопрос, является ли виртуальная реальность реальностью в философском смысле).

Философская рефлексия виртуальной реальности, при этом, также имеет различные траектории. Так, философы в ходе ее концептуализации обращаются к текстам прошлого, обнаруживая корни понятия в работах Цицерона, Фомы Аквинского, Н. Кузанского и ставя, таким образом, под сомнение новизну виртуального. Правда, установить смысловую преемственность оказывается непросто: на предыдущих этапах истории виртуальное использовалось не в техническом, а в этическом (как добродетель) и онтологическом (как возможность) значении.

Кроме того, многие мыслители относят к виртуальным психологические (сон, галлюцинация), технические (телевидение), художественные (литературный текст), социальные (игра) и другие объекты и явления. Такие ходы мысли обусловлены логикой научных и философских поисков: исследователи фиксируют определенную систему свойств, присущую, как они считают, виртуальным сущностям, и в дальнейшем включают в данное понятие те или иные объекты универсума. При этом диапазон включаемых сущностей у мыслителей варьируется, что позволяет выделить технический, психологический, эстетический, социально-культурный и другие подходы к виртуальной реальности. Представитель последнего, Д. В. Иванов, например, полагает, что виртуализация является процессом замещения институализированных практик симуляциями,

не всегда посредством компьютерной техники, но «обязательно с применением логики виртуальной реальности» [Иванов, 2002, с. 30].

Некоторые исследователи в своих теоретических построениях идут еще дальше. Приверженцы онтологического подхода (О. Е. Баксанский, С. А. Борчиков, И. Г. Корсунцев и др.) считают, что абсолютно вся действительность является виртуальной: универсум всегда мыслим индивидом, а виртуальные реальности «состоят из образов, смыслов, имиджей, знаков и норм, эмоций и иных превращенных виртуальных конструкций» [цит. по: Кирик, 2004, с. 27]. Примером такого понимания виртуального может служить концепция тоннеля эго Т. Метцингера, согласно которой сознание – это своего рода техническое средство, способствующее восприятию и познанию мира. Сознание, таким образом, формирует виртуальную реальность, воспринимаемую как действительность [Метцингер, 2017].

Наиболее популярным в философии, вместе с тем, стал технический подход к виртуальной реальности (А. В. Воронов, Д. Гамильтон, С. Дацюк, Д. Ланье, Ф. Хэмит и др.) представители которого, продолжая начинания разработчиков и фантастов, понимают ее как реальность, порождаемую компьютерной техникой. Но и в пределах этого подхода есть заметные расхождения. Многие авторы, в частности, определяют виртуальную реальность как технологию, посредством которой достигается «изоляция оператора от внешнего мира, т. е. перекрыты все каналы тактильной, слуховой, зрительной и любой иной связи с окружающим пространством» [Воронов, 1999, с. 10]. Однако коммуникация в социальных сетях также рассматривается как виртуальная, хотя и не всегда подразумевают какого-либо глубокого погружения. Испытывают на прочность представителей подхода и новые тренды компьютеризации: технологию дополненной реальности, функционирующую посредством «наслоения» цифровых элементов на физическое пространство, одни авторы относят к виртуальным, а другие – ограничивают от технологий, которые погружают индивида.

Представленные выше перипетии концептуализации виртуальной реальности позволяют сделать ряд выводов. В первую очередь следует заметить, что программисты и инженеры определяют не только облик материально-предметного мира, но и вносят существенные коррективы в мировоззрение индивида. Современные понятийно-категориальные системы представлены единицами, смысловые контуры которых формируются в том числе в техническом дискурсе (кроме виртуальной реальности к таковым можно отнести понятие искусственного интеллекта

и с некоторыми допущениями понятие информации). Философия часто следует за технологическими трендами и полетами фантазий писателей, отнюдь не всегда оказывая обратного идейного влияния на новаторов и оставаясь в стороне от технологических процессов современности и их «коллективной рефлексии». Кроме того, философы создают собственное рефлексивное пространство, полное различных (зачастую противоречивых) смысловых пластов новоявленных понятий. Автор работы не склонен считать сложившуюся ситуацию безнадежной, но полагает, что совершенствование форм взаимодействия между представителями различных дискурсов, повышение роли философии в подготовке технического специалиста, более пристальное внимание гуманитариев к миру технологий в совокупности с другими мерами способны принести намного больше плодов как теоретикам, так и практикам.

Литература

Кирик, Т. А. (2004). *Виртуальная реальность: сущность, критерии, типология*. дисс. канд. филос. наук. Омск. 165 с.

Кастельс, М. (2004). *Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе*. Екатеринбург. У-Фактория.

Иванов, Д. В. (2002). *Виртуализация общества*. Версия 2.0. СПб. «Петербургское Востоковедение».

Метцингер, Т. (2017). *Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель Эго*. М. Изд-во АСТ.

Воронов, А. И. (1999). *Философский анализ понятия «виртуальная реальность»*. дисс. канд. филос. наук. СПб. 197 с.

ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЙ КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР И ЕГО ВАРИАТИВНОСТЬ В НЕМЕЦКИХ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Д. Д. Кучина

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург
dariakutschina@yandex.by*

Комментарии – это тексты, выражающие определённую позицию их составителей – журналистов, – которые классифицируют и оценивают событие или социальную проблему, и ставят своей целью инициировать ответные реакции у адресатов, отмечают Хармут Ленк и Марьо Весалайнен [Lenk, Vesalainen, 2012, s. 9].

Вышеуказанное определение требует как более подробного объяснения содержащихся в нём характеристик, так и их дополнения. Ограничение определения комментария текстами, написанными журналистами соответствующего цифрового издания, отличает понимаемый таким образом комментарий от комментариев обычных пользователей или сообщений экспертов (таких как ученые, политики и т. д.). Основой для этого ограничения является упомянутое предположение о том, что журналисты, как профессионально опытные авторы медиа-текстов, лучше знакомы с соответствующими правилами оформления и успешными коммуникативными стратегиями, чем упомянутые авторы.

В русскоязычных словарях С. И. Ожегова «Толковый словарь русского языка» и Т. Ф. Ефремовой «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» можно найти следующие толкования термина «комментарий»:

1. Объяснение или толкование к какому-либо тексту [Ефремова, 2000];
2. Рассуждения, пояснения и критические замечания о чём-либо [Ожегов, 1972].

Тексты комментариев могут относиться как к текущим событиям, так и к тем, которые произошли в недавнем прошлом, общественным явлениям или процессам, экономическим и/или политическим событиям. Кроме того, они также представляют интерес для общественности и являются социально релевантными.

Часто речь идёт о внутренних и внешних, экономических, финансовых, культурных, семейных, социальных, спортивных, научных, политических вопросах. Этот аспект отличает комментарии от колонок, которые также могут быть написаны журналистами соответствующей среды, обычно также формально, а иногда и с личным намерением, но часто в центре внимания находятся вопросы более общего характера, а также особенности повседневной жизни или человеческого поведения. Но это другой тип текста, который даёт авторам ещё больше свободного пространства с точки зрения текстовой структуры и языкового оформления, чем комментарий.

Согласно мнению Хельмута Люгера [Lüger, 1995, p. 61], тексты комментариев обычно имеют аргументативную текстовую структуру. Они часто начинаются с ориентации на основной факт и содержат аргументированное ядро, а также (необязательно) представление и опровержение противоположной позиции. Аргументы относятся к трём областям знания: сущее или *das Seiende*, то, что должно быть или *das Sein-Sollende*, доброе и прекрасное или *das Gute und das Schöne* [Eggs, 2000]. Соответственно различают эпистемический аргумент, подтверждающий или отрицающий конкретный факт, деонтический аргумент, рекомендуемый или предполагающий определённые действия, и этический или эстетический аргументы соответственно. К эстетическим аргументам относятся ценностные суждения, такие как: хорошее/плохое, красивое/уродливое и т.д. Вернер Новаг и Эдмунд Шаловски [Nowag, Schalkowski, 1998] различают объяснительный и осуждающий комментарии. Оба типа комментариев являются конечными точками виртуальной шкалы проверяемости содержащихся суждений. На эти основные типы указывает и Манфред Штеде [Stede, 2007]:

«Alle [...] Argumentationen haben gemeinsam, dass die Autorin die Einstellung der Leser beeinflussen möchte; im schwierigsten Fall soll ein Leser nach der Lektüre etwas glauben, was er zuvor nicht geglaubt hat oder von dessen Gegenteil er gar überzeugt war. Dies unterscheidet das Argumentieren vom Erklären, bei dem der Leser etwas verstehen soll, was er bislang nicht verstanden hat (Warum ist X der Fall? Zu welchem Zweck handelt X in dieser Weise?) – wobei dieses X aber eben nicht ‚strittig‘ ist, d. h. es geht nicht um „für oder gegen X“, sondern allein um „warum / wozu X“»¹ [Stede, 2007].

¹ «Все [...] обоснования имеют общую черту, которая состоит в том, что автор хочет повлиять на убеждения читателей в отношении определённых вопросов; в самом

Из этой дифференциации и ее объяснения можно сделать вывод, что только аргументационные или оценочные комментарии носят убедительный характер. Разница между фактами или утверждениями, объясняющими что-либо реципиентам, и аргументами за или против спорного вопроса в основном основана на предположениях авторов текста о предварительных знаниях читателей. Кроме того, объяснение должно быть сделано таким образом, чтобы оно казалось адресатам максимально правдоподобным. Комментарии, как и тексты СМИ в целом, предназначены для дисперсной и разнородной аудитории. Комментаторы не могут полагаться на авторитетные предпосылки и преимущества в знаниях так же, как преподаватели в институционально закреплённых образовательных ситуациях. Только в эпоху Интернета разъяснительная информация (соответствующие аргументы) подвергается постоянной проверке читателями.

Согласно наблюдениям Т. И. Стексовой [Стексова, 2014] комментарий подразделяется на несколько видов, характеризующихся отличными друг от друга содержательными параметрами. Их вариация во многом зависит от технически обусловленных возможностей интернет-сервисов, на которых осуществляется коммуникация, а также от коммуникативных целей, преследуемых как адресантами, так и адресатами, чьи роли, как например, на платформе Twitter, могут меняться. Далее приводится таблица, с характерными речевыми признаками, присущими каждому виду, выделяемых исследовательницей комментариев.

Содержание текстов интернет-комментария вариативно, как правило, обусловлено ситуациями, обладающими определённой общественной ценностью. Если рассматривать комментарии к публикациям относительно недавно основанной немецкой партии «Alternative für Deutschland» «Альтернатива для Германии» в микроблоге «Twitter» (4.03.2022 в РФ ограничен доступ к ресурсу twitter.com на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля, дата обращения автора тезисов к материалу ресурса относится к периоду до даты блокировки), то можно выявить общую тенденцию к выражению субъективной оценки действий вышеназванной политической партии. Комментарии в «Twitter»

сложном случае читатель должен после прочтения поверить в то, во что он раньше не верил или в противоположность того, в чём раньше был убеждён. Это отличает аргументацию от объяснения, в котором читатель должен понять то, чего он до сих пор не понимал (почему это так? С какой целью X действует таким образом?) – но этот X не является «спорным», то есть речь идёт не о «за или против X», а только о «почему / зачем X».

	Научный комментарий	Комментарий-примечание	Комментарий в СМИ	Аналитический комментарий	Протестный комментарий	Интернет-комментарий
Коммуникативная цель	Информативно-просветительская	Информативная, выравнивание фоновых знаний	Информативная	Воздействующая	Воздействующая	Оценочно-императивная
Образ автора	Ученый, специалист в определенной области знаний	Осведомленный специалист	Обладающий информацией	Журналист, общественный или политический деятель	Журналист, общественный или политический деятель, оппозиционер	Любой пользователь интернета
Образ адресата	Заинтересованный, изучающий данную проблему	Заинтересованный в получении информации	Широкий круг читателей	Заинтересованный читатель	Читатели-единомысленники	Другие пользователи интернета
Коммуникативное прошлое	Реакция на текст	Реакция на отдельную лексему	Реакция на запрос информации	Реакция на текст или событие	Реакция на текст или событие	Реакция на текст
Коммуникативное будущее	Не предполагает дальнейшей коммуникации, хотя может быть стимулом для другого текста	Не предполагает дальнейшей коммуникации	Не предполагает дальнейшей коммуникации	Не предполагает дальнейшей коммуникации, хотя может быть стимулом для другого текста	Предполагает возможное обсуждение	Ориентирован на дальнейшую коммуникацию
Языковое воплощение	Научный стиль	Научный или научно-популярный стиль	Публицистический стиль	Публицистический стиль в форме рассуждения	Публицистический стиль в форме рассуждения с обильным включением разговорных элементов	Разговорно-бытовой стиль с использованием просторечья и ненормативной лексики, повышенная эмоциональность и экспрессивность

Таблица 1. Речжанрообразующие признаки комментариев по Т. И. Стексовой [Стексова, 2014].

эмоциональны, отличаются экспрессивностью, преобладает разговорный стиль речи, с использованием просторечья и лексических средств с пейоративной семантикой. Комментарии могут являться откликом как на первичный текст (публикация), так и на вторичный (комментарии других пользователей), тем самым образуя дискурсивное пространство с выраженной диалогичностью. Если посмотреть на данный жанр с точки зрения определений Люгера, Новага и Шаловски, становится очевидно, что в комментариях к публикациям партии «Альтернатива для Германии» наличествует преимущественно деонтический и этический аргументы, что выражается в комментариях осуждения.

Так, нами был сделан анализ структурно-семантических и стилистико-языковых параметров немецкоязычного интернет-комментария.

Помимо этого, были проанализированы различные точки зрения не только отечественных языковедов в определении термина «комментарий», в отношении которого до сих пор нет единого мнения, но и немецкоязычных учёных, что может открыть новые перспективы в исследовании «интернет-комментариев» в немецкоязычном пространстве.

Литература

Ефремова, Т. Ф. (2000). «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный». URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-36860.htm>, дата обращения: 12.09.2022.

Ожегов, С. И. (1972). «Толковый словарь русского языка». URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-12616.htm> (дата обращения: 12.09.2022).

Стеклова, Т. И. (2014). Комментарий как речевой жанр и его вариативность. *Жанры речи*. № 1-2 (9-10). С. 81–88.

Eggs E. (2000). *Vertextungsmuster Argumentation: Logische Grundlagen*. In: BRINKER, KLAUS u. a. (Hrsg.): *Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. P. 397–414.

Herring, S. C. (2007). Computer-Mediated Discourse. In Schiffrin, D. *The Handbook of Discourse Analysis* (Blackwell Handbooks in Linguistics). P. 215.

Lenk, H., Vesalainen, M. (2012). Der Kommentar als persuasiver Text. *Vergleichende Untersuchungen zu einer meinungsbetonten Textsorte in europäischen Massenkommunikationsmedien*. URL: https://www.researchgate.net/publication/343135253_Der_Kommentar_als_persuasiver_Text_Vergleichende_Untersuchungen_zu_einer_meinungsbetonten_Textsorte_in_europaischen_Massenkommunikationsmedien (дата обращения: 12.09.2022).

Lüger, H. (1995). *Pressesprache*. Tübingen. Niemeyer, S. 61.

Nowag, W., Schalkowski, E. (1998). *Kommentar und Glosse*. Konstanz.

Stede, M. (2007). *Korpusgestützte Textanalyse*. Grundzüge der Ebenenorientierten Textlinguistik. Tübingen.

НАРРАТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

М. А. Мартынова

*Государственный академический университет гуманитарных наук,
г. Москва
mariia.martynof@gmail.com*

Вопрос о статусе человека в мире био-технологических инноваций обусловлен философской интенцией к образованию онтологии виртуальности как частного случая постнеклассических онтологий, основной принцип которых, согласно В. В. Афанасьевой и Н. С. Анисимову, заключается в том, что «мир изменчив, сложен и множественен: нелинеен, хаотичен, фрактален, полионтичен – но един в своей изменчивости, сложности и множественности» [Анисимов, Афанасьева, 2015, с. 30]. Отказ от категориальной дихотомии влечет за собой необходимость пересмотра субъектности, идентичности и признаков «человеческого» как в привычном пространстве «реальности», так и в виртуальном мире.

Прежде всего, стоит сказать о методологии: поскольку феномен самоидентичности в цифровом мире находится на стыке нескольких гуманитарных направлений – помимо философии, эта проблема встречается в психологических, социальных и культурных исследованиях – подходы к ее разработке достаточно эклектичны. Однако ключевые аспекты проблематики во многом определяют выбор инструментов анализа: факт именованного и референции требует логико-семантических методов, процесс конструирования образа – семиотических и герменевтических, идентичность – онтологической концептуализации.

В российских исследованиях за последние пятнадцать лет прослеживается единодушное относительно положения человека в виртуальном пространстве: дивидуум, гибрид, Homo digitalis или цифровой двойник – понятийные категории сводятся к тезису о расколотости личности, подчеркивая проблему идентичности и самоожесточенности. Е. О. Труфанова отмечает, что сейчас, «говоря о человеке, мы должны учитывать не только его биологическую природу и внутренний мир, но и его цифровые «расширения» [Труфанова, 2021, с. 31].

Не менее важный для понимания структуры виртуальной личности тезис берет начало в двух пунктах теории Г. Фреге: во-первых,

имена соответствуют не идеям, а объектам, и во-вторых, имя собственное может формироваться из группы слов/знаков. Но, к сожалению, для анализа виртуального «я» мы не можем полностью принять классическую теорию референции, в которой имя приравнивается к дескрипции: корректнее будет сказать, что цифровой образ, наоборот, полностью сконструирован жесткими десигнаторами, и практически лишен всех свойств, кроме одного – быть субъектом. Ряд исследователей – например, Ж. Симондон – отмечают бессилие классической логики в вопросах, касающихся становления индивидуальности, поскольку теория референции «вынуждает нас рассматривать процесс индивидуации, используя понятия и их взаимосвязи, которые применимы только к результатам индивидуации» [Simondon, 1992], в то время как, например, концепция нарративной идентичности позволяет нам выявить не только конечный факт виртуальной индивидуации, но и его структуру.

Проблема идентифицирующей референции без референта (ситуация, в которой «я» не в состоянии заполнить логическую пропасть между личностью и наименованным социальным конструктом), усугубляется известной интернет-практикой «это имя уже занято», создающей дополнительные рамки для корректного отображения реального «я» в виртуальной среде. Философ Поль Рикер называет «несовпадение между «я» как пределом мира и именем собственным, обозначающим реальную личность» [Рикер, 2008, с. 73] апорией привязки, которую способно преодолеть только сочетание идентифицирующей референции с рефлексивностью высказывания.

Уместность герменевтики «я» в отношении *Homo digitalis* подтверждает феномен аутодиалога, в процессе которого «автор становится своим собственным читателем» [Голубинская, 2017]. Поскольку в дигитальном пространстве личность во многом конструируется знаковым рядом (лента в соцсетях как история о себе) и цифровыми следами, идентичность, дающая человеку возможность «обозначить себя как автора своих слов и действий» [Ricoeur, 1995, p.77], приобретает ведущее значение в сравнении с телесной самоидентичностью. Герменевтика «я», рассматривающая индивидуацию как опосредование «символических ресурсов культуры» [Тета, 2012, с. 105], допускает альтернативную форму референции, «несводимую к тому, что имеет место» [там же].

Виртуальная личность, приравненная в пространстве интернет-дискурса к знаку, также отвечает лингвистической теории Э. Бенвениста,

согласно которой не только имя, но и любой коммуникационный акт является автореферентным, поскольку за высказыванием неизбежно стоит авторство или, переформулируя, субъективность. Однако полностью отождествлять феномен субъективности и автореферентности было бы некорректно: несмотря на совпадения, это скорее пересекающиеся процессы. Тем не менее, говорение о себе становится в виртуальном мире способом самоидентификации, обнаружения личностных черт посредством конструирования цифрового двойника. Например, аккаунт в социальной сети можно рассматривать и как фрагмент некоего оффлайн-целого, и как метаидентичность – возвращение к себе.

Заключительным этапом в формировании личности у Рикера становится признание – как самопризнание в форме ответственности, так и признание меня другими – что актуализирует аспект «заботы», свойственный герменевтике «я» в целом. Поскольку полная идентификация возможна только в единстве (само)идентичности, (само)признания и (само)уважения, интернет-дискурс – в особенности блог или канал – можно характеризовать как акт рассказывания, связывающий идентичность истории и персонажа (цифрового двойника) с личной идентичностью автора. Хотя «я» «благодаря иллокутивной силе конкретного акта дискурса, акта называния – буквально вписывается в публичный список имен собственных» [Рикер, 2008, с. 75], полнота идентичности может быть достигнута только в условиях социальности и интересубъективности, которые в виртуальном пространстве реализованы соцсетями и инструментами им свободой, эгалитарностью и инклюзивностью.

Подводя итоги, отметим, что концепт личности как устойчивая категория рассыпается в метаверсе на перечень операций, конструирующих социально-коммуникативную единицу, по привычке воспринимаемую пользователями как нечто, поддающееся стандартной идентификации. Из «видового качества» идентичность человека превращается в бесконечный процесс переупорядочивания объектов, а множественный нейминг завершает путь становления самоидентичности в качестве формы «информационного кодирования». Вопрос о содержании и инструментах индивидуальности в виртуальном пространстве, взятый в лингвистической и герменевтической оптике, на наш взгляд, имеет как перспективы исследования, так и потенциал к теоретизированию. Однако за ним стоит другая, более глобальная проблема – онтологический статус субъекта в цифровую эпоху.

Литература

- Афанасьева, В. В., Анисимов, Н. С. (2015). Постнеклассическая онтология. *Вопросы философии*. № 8.
- Голубинская, А. В. (2017). От индивидуума к дивидууму: к вопросу о множественных идентичностях в виртуально-информационной среде. *Studia Humanitatis*. №2. ISSN 2308-8079.
- Рикер, П. (2008). *Я-сам как другой*. М. Изд-во гуманитарной литературы.
- Тета, Ж-М. (2012). Нарративная идентичность как теория практической субъективности. К реконструкции концепции Поля Рикера. *Социологическое обозрение*. Т. 11. № 2.
- Труфанова, Е. О. (2021). Человек в цифровом мире: «распределенный» и целостный. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. Вып. 3. С. 370–375. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-370-375.
- Фреге, Г. (1997). *Смысл и значение*. М. Дом интеллектуальной книги.
- Ricœur, P. (1995). *Reflexion fait. Autobiographie intellectuelle*. Paris.
- Simondon, G. (1992). *The Genesis of the Individual* [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/doc316883630_493024641 (дата обращения: 18.09.2022).

ЛОГИКО-РИТОРИЧЕСКИЙ СТАТУС АНАЛОГИИ В ТЕОРИИ АРГУМЕНТАЦИИ

А. О. Медведев

*Государственный академический университет гуманитарных наук,
г. Москва
medlexey@gmail.com*

Традиционно в теории аргументации принято выделять логическое и риторическое начала [Зайцев, 2022, с. 17–18]. Логическое начало призвано обосновать легитимность формы аргументативных высказываний с точки зрения законов логики, например, проверить правильность вывода в умозаключении через обращение к формальной составляющей связи посылок и заключений; риторическое начало направлено на достижение эффективности аргументов в прагматическом разрезе. Таким образом, логика отвечает за корректность аргументов, а риторика – за их убедительность. Существенность различий логического и риторического ярко иллюстрируется распространёнными ситуациями, в которых сильные и логически валидные аргументы не были восприняты аудиторией или оппонентами, а красиво озвученные *ad hominem* или апеллирующие к эмоциям высказывания встречались овациями.

На стыке логического и риторического находится практика использования приёма аналогии в дискуссии. С одной стороны, желание привести аналогию в качестве составной части аргумента может быть продиктовано логикой, ведь форма аналогии может быть близка или даже идентична форме объекта, вокруг которого ведётся спор. С другой стороны, принципиальным является отсутствие тождества между объектом дискуссии и аналогии. Общую схему аналогии весьма удачно описала Т. Н. Савчук: *«Если между А и В имеет место отношение подобия, при этом объект А обладает признаками а, b, с, d, объект В обладает признаками а, b, с, то, вероятно, объект В обладает признаком d»* [Савчук, 2018, с. 47]. Л.А. Котельникова и Г. И. Рузавин справедливо отмечают, что рассуждение по аналогии, будучи разновидностью эвристического рассуждения, предоставляет нам не достоверно истинное, но исключительно вероятное заключение [Котельникова, Рузавин, 2001, с. 13]. В то же время нам важно не упускать из виду тот факт, что аналогия в дискуссии часто приводится для опровержения различных тезисов.

В специальной литературе мы редко встречаем указание на несостоятельность приёма аналогии в качестве составной части аргумента, однако в публичных дискуссиях довольно частым явлением оказываются указания на «логическую ошибку» «ложная аналогия» и критические замечания по типу «аналогия не является аргументом» или «вы мыслите по аналогии, это неправильно». На деле замечания такого рода исходят из непонимания сущности аргумента и выражают не столько указание на «логическую ошибку» в аргументации оппонента, сколько нежелание одного из участников дискуссии опровергать сказанное. Прикрываясь принципом «То, что принято (или выдвинуто) без доказательств, может быть отвергнуто без доказательств», участники дискуссии забывают о том, что само по себе указание на ошибку в последовательности рассуждения также не может выступать опровержением сказанного; правильной стратегией в вопросе «возражения на ошибку» будет демонстрация несостоятельности сказанного. Примечательно, что крайне эффективным средством в процессе этой демонстрации окажется именно аналогия. Например, наш собеседник говорит: «Моя жена вчера не смогла правильно сложить два и три – у неё получилось шесть. Какие женщины всё-таки глупые!». В данной ситуации банальное указание на «сверхобобщение» может быть воспринято как пустое бездоказательное возражение, куда эффективнее не ограничиваться простым «Ты обобщаешь», а возразить: «Это некорректное обобщение. Если один солдат не встал по команде «Подъём», это не означает, что все солдаты недисциплинированные». Таким образом мы обнаруживаем важную функцию аналогии в сфере аргументации – эффективный инструмент демонстрации несостоятельности логики рассуждения. В то же время важно не упускать из виду тот факт, что сама по себе аналогия не может быть аргументом, однако она успешно выступает в качестве составной его части.

Особенно интересными являются случаи этических споров с общим или конкретным предметом, например дискуссии о справедливости политических решений или о моральном статусе абортотворения: в этических спорах людям чаще важнее выявить противоречие в позиции оппонента, тем самым показав её несостоятельность, нежели доказать, что какое-либо действие является объективно аморальным или наоборот [Максимов, 2005, с. 48 – 49]. Именно в сфере этических дискуссий мы можем отметить полезную для практики спора функцию приёма аналогии. Например, став свидетелем дискуссии об абортотворении, часто можно столкнуться с аргументом Джудит Джарвис Томсон, согласно которому у ребёнка нет права пользоваться телом матери при наличии у неё выбора предоставить своё тело ребёнку [Томсон, 2017, с. 138] – иллюстрацией

может выступить пример с зачатием в случае изнасилования. В то же время в качестве возражения мы можем услышать приведённую аналогию с добровольным зачатием, за которой последует вопрос: в чём принципиальная разница этих ситуаций? Таким образом, приведение аналогии в споре помогает выявить основание, делающее ту или иную этическую позицию легитимной или, наоборот, противоречивой. Выявление данного основания, будь то правомерность закрепления за зиготой статуса человека, легитимность употребления термина «убийство» и проч. поможет субъектам спора найти главный тезис дискуссии, обсуждение которого следует сделать первоочередной задачей для построения продуктивного спора. Полезность этой стратегии ярко демонстрирует метод майевтики Сократа, благодаря которому знаменитый древнегреческий философ на страницах произведений Платона выявлял противоречия в позициях оппонентов и, тем самым, приводил их к более «правильным» определениям, например, когда в вопросе о добродетели Сократ пытался объяснить Менону суть различия частного и общего через аналогию с геометрическими фигурами [Платон, 2022, с. 674 – 683].

Таким образом мы выясняем, что аналогия хоть и не является аргументом сама по себе, но, во-первых, может выступать отличным средством демонстрации несостоятельности некоторых тезисов, во-вторых, в качестве инструмента указания на противоречие в позиции и, в-третьих, как средство обнаружения принципиального для дискуссии основания – меньшего, нежели исходный предмет спора, но более значимого для начала успешного развития дискуссии.

Литература

- Зайцев, Д. В. (2022). *Теория и практика аргументации*. М. ИНФРА-М.
- Котельникова, Л. А., Рузавин, Г. И. (2001). Системный подход к процессу убеждения и аргументации. И. А. Герасимова (ред.). *Теория и практика аргументации*. М. ИФ РАН.
- Максимов, Л. В. (2005). Квазиобъективность моральных ценностей. *Этическая мысль*. Выпуск 6. М. ИФ РАН.
- Платон (2022). Менон. *Полное собрание сочинений в одном томе*. М. АЛЬФА-КНИГА.
- Савчук, Т. Н. (2022). Аргументативный потенциал аналогии в дискурсе гуманитарных наук. *Вестник ВолГУ*. Серия 2, языковедение. Т. 21. № 2.
- Томсон, Д. Д. (2017). В защиту абортов. Переводы и публикации. *Этическая мысль*. Т. 17. № 2.

СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ-СИРОТ СРЕДСТВАМИ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

П. Б. Некрасов

*Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
Pashka2006a@rambler.ru*

В марте 2020 года из-за распространения вируса SARS-CoV-2 стали закрываться государственные учреждения всех типов, в том числе органы социального обслуживания, включая сиротские учреждения [Некрасов, 2019, с. 35]. Но, несмотря на ряд ограничений, в течение 2020–2021 годов в штатном режиме работали 58 регионов: интернатные учреждения в них не закрывались, так как данные организации являются круглосуточными и воспитанники в них находятся постоянно. В остальных регионах воспитатели были переведены на вахтовый режим работы, а в части организаций воспитанники были частично или полностью «разобраны» по семьям. При этом органы опеки и попечительства продолжали работать в полном объеме [Гарифулина и др., 2021, с. 38]. В постоянно изменяющихся реалиях вопрос социализации детей-сирот встал особо остро [Абельейсов, 2010, с. 147], так как ограниченность пространства и отсутствие коммуникаций с «внешним» миром неблагоприятно сказываются на процессе воспитания детей-сирот [Кислица, 2015, с. 169]. В связи с закрытием социальных учреждений возник вопрос: как подготовить к социализации тех воспитанников сиротских учреждений, которые были ограничены в коммуникации из-за угрозы распространения нового вируса?

Еще до 2020 года ряд ученых-исследователей выделял те проблемы, с которыми сталкиваются выпускники организаций для детей-сирот: низкая трудовая мотивация, «инфантильность, комплекс неполноценности, трудности в самовыражении, низкая самооценка, стереотипы воспитанника детского дома. Им чужды такие понятия как «самосовершенствование», «самореализация», «развитие себя как личности»» [Жаксылыкова, 2016, с. 133]. За счет этих качеств, сложившихся в процессе воспитания в детском доме, они считают себя слабыми и ущербными, не рассчитывают на успехи в каких-либо делах. Они стараются избегать любых трудностей, вместо того чтобы прилагать нужные усилия для развития себя

как личности. Вчерашние детдомовцы не знают, как жить самостоятельно, неспособны принимать самостоятельные ответственные решения, частично не умеют добиваться поставленных целей [там же, с. 134].

В связи с тем, что был ограничен доступ в сиротские учреждения, единственными средствами связи с «внешним» миром для воспитанников стали телефоны и Интернет.

Успешными практиками общения с воспитанниками сиротских учреждений посредством коммуникационных технологий XXI века стал проект «Лига Выпускников», разработанный выпускниками и добровольцами Санкт-Петербургского центра содействия семейного воспитания № 15, к которому позже подключилось еще несколько сиротских учреждений Санкт-Петербурга [Некрасов, 2021, с. 168]. Проект состоял из серии видео-встреч, которые передавались старшим воспитателям сиротских учреждений и после одобрения со стороны администрации центров транслировались как в учреждениях, так и в социальных сетях.

В данном формате видео-встреч выпускники и добровольцы сиротских учреждений вели два блока: образовательный и информационный. При этом информационный блок вели исключительно выпускники сиротских учреждений, где через призму своего опыта они делились воспоминаниями о своей адаптации к социуму. Немаловажно, когда человек, прошедший опыт сиротства, готов транслировать его тем ребятам, которые оказались в сиротском учреждении, и давать поддержку детям в условиях строгого карантина [Некрасов, 2021, с. 70].

Другим значимым проектом, существовавшим в эпоху пандемии, стал проект добровольческого движения «Даниловцы». По словам Оксаны Могильченко, *«во время самоизоляции они [волонтеры] не оставляли детей и придумывали для них интересные онлайн-активности. Это были веселые конкурсы, где нужно было угадывать мелодии, популярные мультфильмы и известных актеров. Волонтеры проводили танцевальные мастер-классы и просто дарили радость искреннего общения»* [Как волонтеры... 2021]. Кроме того, в рамках проекта налажен процесс социального сопровождения после выпуска из учреждения. Это особенно важно для детей, которые выпускаются из детского дома сразу после снятия карантинных ограничений и испытывают трудности в адаптации из-за изменившихся обстоятельств.

В нынешних быстро изменяющихся условиях современные средства связи, такие как Интернет, мессенджеры, мобильные телефоны,

могут служить дополнительным источником воспитания и социализации воспитанников сиротских учреждений, так как на различных платформах можно организовать обучающие курсы для воспитанников сиротских учреждений, на онлайн-платформах можно проводить различные игры. Важно отметить, что современные средства связи не способны полностью заменить воспитательные процессы, но могут служить дополнительными источниками воспитания детей-сирот, подготавливая их к последующей социализации, что позволит снизить риск дезадаптированности к социуму после выпуска из сиротского учреждения.

Литература

Абельбейсов, В. А. (2010). Социализация сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: теоретико-методологические основы. *Сибирский педагогический журнал*. №9. С. 142–151. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya-sirot-i-detey-ostavshihsiya-bez-popecheniya-roditeley-teoretiko-metodologicheskie-osnovy/viewer> (дата обращения 11.03.2022).

Гарифулина, Э. Ш., Семья, Г. В, Фрейк, Н. В. (2021). Пандемия коронавируса (COVID-19): отложенные последствия для системы профилактики социального сиротства. *Социальные науки и детство*. Т. 2. № 1. С. 47–59.

Жаксылыкова, М. (2016). Проблемы адаптации к социальной среде выпускников детских домов. Ахметов, И. Г. (ред.) *Педагогика: традиции и инновации: материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, январь 2016 г.)*. Челябинск. С. 133–135.

Как волонтеры из добровольческого движения «Даниловцы» помогли в пандемию 150 московским детям-сиротам (2021). *Официальный портал Мэра и Правительства Москвы* [Электронный ресурс]. URL: <https://dszn.ru/press-center/news/7193> (дата обращения 25.05.2022).

Кислица, А. С. (2015). Обеспечение успешной социализации детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. *Наука и современность*. №37-1. С. 168–173 [электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-uspeshnoy-sotsializatsii-detey-sirot-i-detey-ostavshihsiya-bez-popecheniya-roditeley/viewer> (дата обращения 11.03.2022).

Некрасов, П. Б. (2019). Интернет как средство социализации детей-сирот. *Социальное служение православной церкви: проблемы, практики, перспективы: материалы научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург 13-14 июня 2019 г.)*. Санкт-Петербург. С. 35–39.

Некрасов, П. Б. (2021). Коммуникации общения с воспитанниками сиротских учреждений в эпоху пандемии. Шлат, Н. Ю. (сост.) *Образование в изменяющемся обществе: Новый взгляд на теорию и практику (Девятые Лозинские чтения Материалы Международной научно-методической конференции. Часть II.* Псков. С. 68–71.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ В РОССИИ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ, СВЯЗЬ С МЕДИАСРЕДОЙ

М. М. Порошков

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург
mikhail.poroshkov@yandex.ru*

Одним из главных признаков принятого государственного решения в России является его неоднократное артикулирование в медиа через выступления больших форматов первого лица государства: программные речи на форумах, обращение к Федеральному собранию, телеобращения к гражданам. Исходя из этого, можно уверенно заявлять, что государственной идеологией в России выбран консерватизм, т. к. он не только прямо заявлен на Валдайском форуме [Путин, 2021], но и идеологически подтвержден на ПМЭФ [Путин, 2022], а также обеспечен широким использованием в медиапространстве консервативных идеологических концептов предыдущих лет, таких как «русский мир» [Тимофеев, 2018]. Рассмотрим факторы, приведшие к выбору этой идеологии, а также её явные и скрытые преимущества и недостатки, с учетом актуальной мировой повестки.

Прежде всего, стоит отметить, что идеология, являясь сложносоставным понятием, складывается из различных предпосылок, в зависимости от подхода к её рассмотрению. Можно выделить 3 основных слагаемых, оказывающих наибольшее влияние на итоговый выбор идеологии в государстве: групповые убеждения граждан, исходящие из материальных оснований; интересы элит и форма их выражения в медиа; внутренние и внешние вызовы времени.

Материалистический подход Карла Маркса и Фридриха Энгельса к рассмотрению идеологии сохранил актуальность за счет верифицируемой посылки – у каждой идеологии есть материальное (экономическое) основание, на которой она основывается. Победа и закрепление, например, либеральной идеологии в стране, не перешедшей из феодального строя в капитализм, не представляется возможной, поскольку у нее не будет достаточного количества бенефициаров, разделяющих эти убеждения, основываясь на личном материальном опыте. Тён Ван Дейк

различает общую идеологию как систему идей, групповые идеологические убеждения и личностно-вариативные модели, которые учитывают непосредственный опыт человека. Чтобы стать сторонником идеологии, требуется личный и групповой опыт в социально-экономической сфере, создающий групповые убеждения. Маркс назвал бы это влиянием производительных сил и производственных отношений, которые будут определять интересы группы людей, а значит, и их групповые убеждения.

Применительно к России последних десятилетий, накопленный патернализм советского времени, экономические потрясения 90-х годов, сопровождаемые демонтажем государственных институтов, а также повторяющиеся кризисы сформировали негативные убеждения у граждан о жизни в стране, где власть устраняется от своей ведущей роли. Государственная и окологосударственная сфера для большинства граждан является наиболее стабильной с точки зрения трудоустройства [ВЦИОМ, 2019], аналогичное отношение к крупнейшим предприятиям, которые, даже находясь в частной собственности, ассоциируются с властной вертикалью и надежностью. Это неизбежно будет подкреплять идеологические убеждения консервативного толка, поскольку консерватизм по умолчанию является, скорее, провластной идеологией, нежели оппозиционной [Freeden, 2003, p.88]. Недавний негативный опыт применения двух других идеологий в России, социализма в 1980-е и либерализма в 1990-е годы, а также традиционное для власти апеллирование к ошибкам предыдущих периодов в медиапространстве, усложняет работу с их идеологическими концептами и снижает их политический потенциал по сравнению с консерватизмом.

Другим ключевым основанием для возникновения или закрепления идеологии является прямой интерес правящих элит и релевантности данной идеологии для решения двух видов задач: удержания и укрепления власти; решения насущных проблем, которые могут возникать как проактивно, то есть будучи продиктованными поставленными целями, так и реактивно, из необходимости отвечать на вызовы времени.

Что касается первой группы задач, то, в связи с материальными предпосылками, описанными выше, патернализм в России дает наилучший отклик среди избирателей и позволяет (в сумме с экономическими результатами) легитимировать власть на местном и на федеральном уровне.

Работа с политическим дискурсом в медиа, успешное внедрение в него понятий «суверенная демократия», «историческая Россия», «русский мир», использование нарративов с Александром Невским

[Порошков, 2022, с. 72–88], а также известный феномен «Крымского консенсуса» [Морев, 2018], только утвердил политические элиты в правильности сделанного в пользу консерватизма выбора. Что и было озвучено президентом, не смотря на ст. 13 конституции России, которая является, скорее, напоминанием о ст. 6 советской конституции 1977 года, нежели отражением актуального положения вещей.

Решение актуальных проблем – вторая группа задач, стоящих перед властью, и она тоже способствует применению ей консервативных идеологических концептов в медиа. Потенциальный «парад суверенитетов» [Зиганшин, 2022] российских регионов после развала Союза был купирован выстраиванием новой властной вертикали; расширением мер финансовой поддержки дотационных регионов из федерального центра; поддержкой ценностей местных традиций и обычаев в рамках нарратива о многонациональности России в медиа. «Демографическая яма» [Календжян, Ищенко, 2021], вызванная и последствиями Великой отечественной войны и кризисами конца XX века, была если не решена, то существенно скорректирована за счет сочетания экономического роста, прямой помощи государства и восстановлению пропаганды семейных ценностей, что в сумме выводит на консервативный идеологический трек.

Вопросы военной безопасности, остро стоявшие все это время и усугубившиеся в последние годы, также решаются в большинстве случаев внедрением правой повестки политического дискурса в медиа. Налаживание отношений с партнерами из Азии, со странами Персидского залива (часто монархиями), Латинской Америки, продвижение идеи многополярного мира – подобный спектр внешнеполитических задач, как показала практика, сформировал потребность в право-консервативной риторике и возобновлении на её основе идеи деколонизма [Путин, 2022].

Приведенные выше предпосылки создали условия для установления консерватизма как государственной идеологии в России, однако, предстоящие задачи могут стать для него существенным испытанием. Так, изменение сфер влияния на мировой арене и возможное изменение государственных границ стран-соседей будет способствовать поиску новых форм властного устройства как вне России так, и внутри самого государства. Консерватизм имеет множество форм выражения в разных частях мира, однако, все его направления объединяет неприятие стремительных изменений, в особенности – социально-политических. Это противоречие может вызвать либо необходимость отхода от строго-консервативных идеологических концептов, либо их существенную адаптацию.

Разделение мира на технологические и экономические макро-регионы ставит задачу импортозамещения не только на уровне идеологических концептов для отображения в медиа, но и полноценного формирования независимых отраслей в экономике, что обязательно должно будет отразиться в политическом дискурсе. Идея прогресса, поощрение личной инициативы, ценность нового – чуждые концепты для консерватизма. Поскольку на данный момент в распоряжении государственной идеологии присутствует опыт подобной политической риторики в медиасфере только в советские годы индустриализации, возникает необходимость в использовании этих наработок, поскольку без существенной мобилизации общественных сил на данное направление решение задач такого масштаба представляется затруднительным.

Запрос на справедливость является одним из центральных в системе ценностей российского общества, это подтверждается многочисленными исследованиями [World Values Surevey, 2022]. При этом, как и во времена последних лет Российской империи, в наши дни расслоение по имущественному признаку в России – один из наиболее острых социальных вопросов [Федорова, 2017]. Как показывает практика предыдущих экономических кризисов, поляризация доходов населения в кризисные периоды только ускоряется, а консервативные идеологические концепты, в отличие от социалистических и даже либеральных [Rawls, 1999, p. 266] не имеют встроенных механизмов перераспределения общественных благ. Потенциальная нарастающая несправедливость и необходимость найти для нее экономическое и идеологически-дискурсивное решение – вызов, к ответу на который нужно подготовиться.

Сложившаяся после целого ряда кризисов конца XX века консервативная государственная идеология сумела медийно и институционально ответить на основные вызовы времени. Использование групповых идеологических убеждений граждан, успешная работа с политическим дискурсом в медиа, а также внутренняя ценностная устойчивость, которая характерна консерватизму и особенно востребована в сложные времена, предопределили данную идеологию как оптимальную. Вместе с тем, решив задачи стабилизации, Россия столкнулась с необходимостью форсированного развития, как в технологической, так и, не исключено, в социально-политической сфере. Вполне вероятно, что для решения таких задач России понадобится существенная модернизация консерватизма или даже его постепенная замена на другую идеологию, которая будет в большей мере соответствовать вызовам времени.

Литература

- Зиганьшин, Р. М. (2022). Политико-экономические противоречия между Казанью и Москвой во время «парада суверенитетов». *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2022. №1 (60).
- Календжян, А. А., Ищенко О. Ю. (2021). Явление демографического кризиса в России. *Norwegian Journal of Development of the International Science*. №53–2.
- Крупнейшие компании-работодатели России: народный рейтинг. (2019). *Официальный сайт ВЦИОМ* [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kрупnejshie-kompanii-rabotodateli-rossii-narodnyj-reiting?ysclid=17d4msq0i0354226873> (дата обращения 28.08.2022).
- Морев, М. В. (2018). «Крымский консенсус»: значение и перспективы. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*. №2S.
- Порошков, М. М. (2022). Конструирование политических нарративов как инструмент политического дискурса для развития идеологических концептов и идеологий: проблемы теории и практики. *Социодинамика*. №4. С. 72–84.
- Путин, В. В. (2021). Заседание дискуссионного клуба «Валдай». *Официальный сайт президента России* [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения 14.05.2022).
- Путин, В. В. (2022). Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. *Официальный сайт президента России* [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/68669> (дата обращения 28.08.2022).
- Тимофеев, С. Е. (2018). Идеологема «русский мир» в современном политическом дискурсе. *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. №1.
- Федорова, А. В. (2017). Социальное неравенство в Российской Федерации. *SAF*. №5.
- Freeden, M. (2003). *Ideology: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Rawls, J. (1999). *A Theory of Justice: Revised Edition*. Cambridge: Harvard University Press.
- World Values Surevey (2022). *Всемирный обзор ценностей* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения 14.05.2022).

КОЛЛЕКТИВНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

И. В. Сапон

СибГУТИ, Новосибирск, Россия

irina.sapon@bk.ru

Термин идентичность является сегодня достаточно популярным междисциплинарным понятием (он используется в психологии, социологии, политологии, философии, антропологии и других социально-гуманитарных областях) [Priante et al., 2018; Жаде, 2007]. Сегодня говорят о гендерной, этнической, религиозной, профессиональной, политической, гражданской, цивилизационной идентичностях и многих других. В России за последнее время появилось большое количество исследований из разных научных областей, использующих это термин. Однако в рамках данных работ не всегда поясняется его значение [Симонова, 2008].

При всей своей популярности термин идентичность остаётся одним из самых неясных и размытых. Однако авторы используют его так, как будто его значение давно стало очевидным [Симонова, 2008]. Безусловно, в рамках одной работы невозможно найти решение сложных теоретических вопросов, однако мы всё же попытаемся очертить границы термина, учитывая его междисциплинарность.

Термин идентичность пришёл из психологии, где он ассоциировался с тождественностью, получаемой в процессе самоопределения. Отмечалось, что у человека есть потребность в тождественности, единстве с другими людьми и с самим собой, в совпадении чего-либо с чем-либо (вещи с самой собой или с другой вещью) [Жаркова, 2016]. Это «одно-временно и субъективное чувство, и объективно наблюдаемое качество личностной тождественности и непрерывности» [Симонова, 2008, с. 47].

Таким образом, идентичность рассматривается как процесс и как результат самоидентификации [Priante et al., 2018; Симонова, 2008]. Она ощущается, наблюдается, а также конструируется.

Современные социологические и психологические теории, опираясь на концепции Дж. Мида, И. Гофмана, П. Бергера и Т. Лукмана, делают акцент на сконструированности идентичности. Идентичность не рассматривается как нечто устойчивое: результат выбора той или иной идентичности зависит от контекста и целей индивида [Симонова, 2008].

В исследованиях нередко говорят о социальной идентичности – процессе и результате идентификации индивидов в группах и сообществах. Также нередко можно встретить термин коллективная идентичность. На наш взгляд, различия между этими терминами если и существуют, то они едва уловимы. Трудно провести чёткое разделение между данными понятиями: нередко они используются как синонимы или частично совпадающие термины. Это «по сути, та же концепция, но с разных точек зрения» [Priante et al., 2018, с. 2650].

Можно найти точку зрения, согласно которой социальная идентичность подчёркивает принадлежность к социальной группе или категории, например, этнической, политической, национальной, классовой, а также может указывать на социальную роль. А коллективная идентичность, напротив, подчеркивает «мы-сущность» и «коллективную свободу действий». Первое заставляет людей осознавать, что они являются частью группы, а второе способствует действиям, направленным на то, чтобы достичь общих целей [Snow, 2001].

Есть также позиция, сторонники которой утверждают, что это разные уровни интенсивности идентификации с социальными группами: коллективная идентичность обозначает более высокий уровень идентификации с определённой социальной группой, указывает на чувства принадлежности и общего единства [Snow, 2001].

В одном из недавних систематических обзоров отмечалось, что выбор термина социальная или коллективная идентичность часто зависит от сферы работы учёного [Priante et al., 2018]. Согласно результатам обзора, социальные психологи чаще основываются на теории социальной идентичности (при этом часто используются количественные методы), а исследователи новых социальных движений, напротив, идут по стопам традиции теории социальных движений, используя термин коллективная идентичность и применяя в основном качественные методы. При этом было обнаружено, что большинство исследований всё же можно позиционировать как «мост», связывающий теории идентичности, социальных движений, сетей и СМИ: в них используются смешанные методы для изучения меняющейся природы идентичности в коллективных действиях с помощью социальных медиа [Priante et al., 2018].

Сондерс утверждает, что термин «коллективная идентичность» лучше использовать для групп, а не для движений: «Коллективной идентичности (в единственном числе) на уровне движения не существует, но коллективные идентичности существуют» [Saunders, 2008].

Отдельную проблему, на наш взгляд, представляет сегодня вопрос о методах измерения идентичности, так как в силу текучести процесса идентификации «идентичность трудно зафиксировать, она многомерна и постоянно ускользает от исследователя» [Симонова, 2008, с. 60]. Одним из способов изучения коллективной идентичности сегодня является анализ эмоционально-аффективных единиц семантики дискурса, языковых средств и визуальных изображений (например, анализ хештегов, мемов), а также ссылок [Rho et al., 2018; Lee, Chau, 2018; Törnberg, Wahlström, 2018].

Также актуален вопрос, насколько устойчивой может быть коллективная идентичность, сформированная в сети? Насколько честными являются социально-желаемые личные идентичности, конструируемые на личных страницах пользователей, желающих быть «трендовыми» [Jakaza, 2022]? Совпадают ли онлайн и оффлайн идентичности людей? Существует ли кризис идентичности, связанный с условиями быстро меняющегося общества и с процессами глобализации [Еремина, 2012]? И как соотносятся региональные и глобальные идентичности в онлайн-среде?

Литература

Еремина, Е. В. (2012). Социальная идентичность: проблемы региональной идентификации *Регионология*. №. 2 (79). С. 149–155.

Жаде, З. А. (2007). Проблема идентичности в современных социальных теориях. *Философия и общество*. №. 2 (46). С. 173–184.

Жаркова, Е. С. (2016). Идентичность человека в современном мире. Проблема взаимосвязи персональной и коллективной идентичности. *Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки»*. Т. 7. №. 2. С. 150–152.

Симонова, О. А. (2008). К формированию социологии идентичности. *Социологический журнал*. №. 3. С. 045–061.

Jakaza, E. (2022). Identity construction or obfuscation on social media: a case of Facebook and WhatsApp. *African Identities*. Т. 20. №. 1. С. 3–25.

Lee, C., Chau, D. (2018). Language as pride, love, and hate: Archiving emotions through multilingual Instagram hashtags. *Discourse, Context & Media*. Т. 22. С. 21–29.

Priante, A. et al. (2018). Identity and collective action via computer-mediated communication: A review and agenda for future research. *New media & society*. Т. 20. №. 7. С. 2647–2669.

Rho, E. H. R., Mark, G., Mazmanian, M. (2018). Fostering civil discourse online: Linguistic behavior in comments of# metoo articles across political perspectives. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*. T. 2. C. 1–28.

Saunders, C. (2008). Double-edged swords? Collective identity and solidarity in the environment movement. *The British journal of sociology*. T. 59. №. 2. C. 227–253.

Törnberg, A., Wahlström, M. (2018). Unveiling the radical right online: Exploring framing and identity in an online anti-immigrant discussion group. *Sociologisk forskning*. C. 267–292.

ВЫРАЖЕНИЕ «ЖЕНСКАЯ ДРУЖБА» В ЯЗЫКЕ И ДИСКУРСЕ

А. С. Семёхина

*Уральский федеральный университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург
79114440023sa@gmail.com*

*Исследование выполнено за счет средств гранта РНФ,
проект № 20-68-46003 Семантика единения и вражды
в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс*

Феномен дружбы всегда занимал значительное место в русской языковой картине мира. Его осмысление активно проявляется в русских поговорах и поговорках, художественных произведениях, научных исследованиях. Одним из аспектов обращения к понятию «дружба» является гендерная дифференциация представлений о мужской и женской дружбе. Исследователи рассматривают особенности дружбы представителей разных полов в социальной плоскости [Евсеева, 2021], их психологические особенности [Медведева, Водяха, 2021; Орлова, Чернов, 2022], особенности гендерных стереотипов в отношении дружбы в текстах блогеров [Казакова, 2021] и др. Цель нашей работы – определить семантический объем значения выражения «женская дружба», которое можно считать достаточно устойчивым (поисковая система «Яндекс» на запрос «женская дружба» выдает 6 млн результатов), однако как языковая единица в лексикографических источниках нам это выражение не встретилось.

В Малом академическом словаре лексема «дружба» имеет одно значение «отношения между кем-л., основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т.п.» [Евгеньева, 1999, с. 449]. Дифференциальные семы: «взаимная привязанность», «духовная близость», «общность интересов», – характеризуют отношения между людьми на основе понятий морально-нравственной сферы, выражающих позитивную оценку, указывающих на глубокие, крепкие связи. Однако лексикографическое описание, как известно, не отражает полный семантический объем значения. Его можно дополнить, осуществив анализ речевого употребления лексемы или выражения.

Дополнительные характеристики можно выявить на основе анализа лексической сочетаемости слова или выражения, их контекстного окружения, например, вхождения в ряды однородных членов. Для выявления семантического объема значения выражения «женская дружба» мы обратились к материалам основного и газетного разделов Национального корпуса русского языка. Нами выявлен ряд семантические характеристики выражения «женская дружба».

Прежде всего это выражение общеизвестное, о котором много говорится: *«Бессмысленно рассуждать на темы, о которых все и всё знают. Женская дружба относится именно к таким ...»* [Соломатина, 2010], поэтому женская дружба – одна из тем художественных произведений: *«Идеальный женский роман советских времен, первая «Зимняя вишня» не требовала сиквела. Женская дружба, женские страхи, женские желания...»* [Гусятский, Идлис, Рождественская, 2008] и предмет восхваления: *«– А как же воспетая настоящая женская дружба?»* [Осипов, 2003]. Отмечается, что в произведениях искусства женская дружба представлена как сложное явление, пылкое, страстное, основанное на взаимопомощи и канонически «сильнее смерти»: *«С любовью все ясно, а дружеские, вернее, подружеские отношения – они тоньше и сложнее. То, что происходит между близкими подругами – это, конечно, страсть. Просто другой и, возможно, даже более возвышенный ее вид. И если в старых романах пылкая женская дружба рассматривалась как предвестник другой пылкости, а хорошие подруги вообще-то должны были помогать друг другу обрести мужа (диккенсовская Эстер Саммерсон сама направляет свою любимую Аду в объятия Ричарда), то теперь отдельность, особость девочкинских отношений разбирается с особой пристальностью. Получается иногда средне, как в романе Фэнни Флэгг «Жареные зеленые помидоры» и снятом по нему фильме. А иногда – сногшибательно. Как в «Тельме и Луизе» Ридли Скотта – кинокартине, ставшей каноническим изображением женской дружбы, которая сильнее смерти»* [Наринская, 2008, с. 20] Таким образом, художественное воплощение феномена женской дружбы репрезентировано образами, семантика которых вполне соответствует семантике лексемы дружба, актуализированной в словарном определении как явление морально-нравственной сферы. Интересно, что *«существует День женской дружбы (третье воскресенье августа)»* [Макеева, 2021].

В то же время в речевой практике повседневной жизни выражение «женская дружба» наделяется отрицательными коннотациями, среди которых – невозможность, иллюзорность или редкость таких отношений: «Я очень сомневаюсь по поводу того, существует ли **женская дружба**» [Актриса Екатерина..., 2007]; «... вещь такая же иллюзорная, как женская дружба» [Маслова, 2001]; «**Женская дружба** существует, конечно, но по-настоящему, без зависти, очень редко бывает» [Рябинина, 2005];

– недолговечность: «В реальности эта четверка давно бы уже перессорилась и распалась. По статистике, **женская дружба** четным количеством может существовать не больше двух лет. Тройки распадаются еще быстрее. Старые обиды на почве ревности вообще не забываются и не прощаются, а обсуждаются с одной из подруг, утрируются и копятя до поры до времени, чтобы потом оформиться в компромат. Впрочем, наши девушки – исключение» [Секс в большом городе, 2003];

– зависимость от отношений с мужчинами: «Понятно и другое – **женской дружбы** не бывает, первый же мужчина разбивает ее напроочь» [Иванова, 2000];

– «замешанность» на вражде друг с другом или мужчинами: «Для **женской дружбы** нужен объект вражды» [Зинцов, 2014]; «Отличительная черта **женской дружбы** – оппозиция миру мужчин» [Женская солидарность..., 2003].

Резюмируя некоторые наблюдения над речевым употреблением выражения «женская дружба», отметим, что женская дружба явление амбивалентное: с одной стороны, она репрезентируется как глубокое, сильное чувство близости, что коррелирует с значением лексемы «дружба», с другой стороны, авторы текстов, как мужчины, так и женщины, выражают довольно скептическое отношение к данному феномену. Перспектива исследования видится в изучении репрезентации женской дружбы в текстах блогов и пабликов, в том числе феминистской тематики, а также в сравнительном анализе представлений об этом явлении в современных текстах и произведениях прошлых веков.

Литература

- Актриса Екатерина Гусева. Да не жена я Саши Белого! (2007). *Аргументы и факты*. [Электронный ресурс] URL: <https://aif.ru/culture/person/1065> (дата обращения 28.08.2022).
- Гусятский, Е., Идлис, Ю., Рождественская К., (2008). 10 дорог назад. *Русский репортер*. № 18.
- Евсеева, Я. В. (2021). Дружба и гендер. *Социология: Реферативный журнал*. № 4. С. 59–67. DOI: 10.31249/rsoc/2021.04.04.
- Женская солидарность или мужская дружба? (2003). *Аргументы и факты*. [Электронный ресурс] URL: <https://archive.aif.ru/archive/1726844> (дата обращения 28.08.2022).
- Зинцов, О. (2014). Для женской дружбы нужен объект вражды. *Ведомости* [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/04/29/dlya-zhenskoj-druzhby-nuzhen-obekt-vrazhdy> (дата обращения 18.08.2022).
- Иванова, Л. (2000). *Искренне ваша грешница*. М. Вагриус.
- Казакова, А. Ю. (2021). Гендерные репрезентации друзей (по материалам Яндекс. Дзен). *Социология: Реферативный журнал*. № 4. С. 39–58. DOI: 10.31249/geoe/2021.04.03.
- Макеева, И. (2021). День 9 июня в истории. *Парламентская газета* [Электронный ресурс] URL: <https://www.pnp.ru/social/den-9-iyunya-v-istorii-4.html> (дата обращения 30.08.2022).
- Маслова, Л. (2001). Кому и кобыла невеста. *Коммерсант* [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/295797> (дата обращения 28.08.2022).
- Медведева, А. С., Водяха, Ю. Е. (2021). Психологические особенности женской дружбы. Водяха, С. А., Водяха, Ю. Е. (ред.) *Проблемы психологического благополучия*. Материалы международной заочной научной конференции. Екатеринбург. С. 297–304.
- Наринская, А. А. (2008) Они и рады. *Коммерсантъ Weekend*. №8. С. 20.
- Орлова Ю. Е., Чернов А. Ю. (2022). Структура и содержание женской дружбы. *IN SITU*. №4. С. 29–33.
- Осипов, С. (2003) *Страсти по Фоме*. М. Вагриус.
- Рябинина, О. (2005). Ирина Аллегрова: «Мудрая женщина знает, как удержать мужчину». *Аргументы и факты*. [Электронный ресурс] URL: <http://allegrova.narod.ru/articles/dochki-materi2005.html> (дата обращения 18.08.2022).

«Секс в большом городе» 3. В стиле «психо». (2003). *Аргументы и факты* [Электронный ресурс] URL: <https://archive.aif.ru/archive/1688645> (дата обращения 18.08.2022).

Евгеньева, А. П. (1999) *Словарь русского языка: в 4-х т.* М. Рус. яз.; Полиграфресурсы. Т. 1. С. 449.

Соломатина, Т. Ю. (2010). *Девять месяцев, или «Комедия женских положений»*. М. Яуза-пресс.

СТАТУС НЕЙРОСЕТИ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ КОММУНИКАЦИИ

Т. К. Скрипкина

*Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
Skripkina-BSC11@yandex.ru*

Сегодня самообучающиеся искусственные нейронные сети (также именуемые нейросетями) занимают особое место в структуре новых медиа. Они не только нашли широкое применение в информационных технологиях, медицине и ряде других технологических направлений, но также используются в медиасреде, поскольку такие алгоритмы, среди прочего, способны самостоятельно создавать контент: генерировать изображения, текст, звуковые дорожки. В связи с этим возникает вопрос о специфическом статусе нейросети в современной системе коммуникации: по-прежнему ли такие алгоритмы сохраняют за собой статус контента, сообщения, продукта человеческой деятельности, или уже могут считаться отчасти субъектом коммуникации?

Кроме того, помимо теоретических проблем, связанных с анализом структуры коммуникации, также возникают вопросы, касающиеся практических аспектов субъектности. Применительно к нейросетям, в качестве примера можно привести два ключевых вопроса. Первый из них касается того, на кого или на что следует возложить ответственность в ситуации, когда действия самообучающейся нейросети приводят к нарушению закона. Второй аспект касается проблемы авторских прав: кто становится правообладателем контента, сгенерированного нейросетью, – сам алгоритм, создавший его программист либо кто-то ещё? [Балутите, 2022, с. 95].

Прежде чем перейти к анализу проблематики, дадим определение центрального понятия. Искусственными нейронными сетями называют «искусственные, многослойные высокопараллельные (т. е. с большим числом независимо параллельно работающих элементов) логические структуры, составленные из формальных нейронов» [Галушкин, 2013].

Также здесь стоит добавить важное замечание, что, с позиции современных исследователей, самообучающиеся нейросети нельзя в полной мере считать технологиями искусственного интеллекта. В частности, один

из аргументов сторонников этой позиции заключается в том, что на нынешнем технологическом этапе у подобных алгоритмов либо отсутствуют, либо значительно ограничены возможности для проявления такого свойства, как креативность, то есть способность создавать что-то принципиально новое, без опоры на алгоритм решения задачи или на заданные образцы [Мильгизин, Баева, 2017, с. 65]. Однако, в отличие от более простых программ, нейросети обладают способностью к самообучению и другими элементами самостоятельности, в связи с чем и возникает вопрос об их возможной частичной субъектности в системе отношений коммуникации.

На сегодняшний день существует несколько определений понятия «субъект», авторы которых выделяют различные ключевые критерии. Так, В. А. Лекторский дает следующее определение: «Субъект – носитель деятельности, сознания и познания», который также обладает и рядом других характеристик. К специфическим чертам субъекта относятся, в частности, существование в пространстве и времени, наличие биографии, включенность в некоторую культурную среду, наличие коммуникативных и иных отношений с другими субъектами, а также статус «Я» по отношению к самому себе, статус Другого по отношению к иным субъектам, и статус познающего и преобразующего актора по отношению к объектам [Лекторский, 2010, с. 5].

Другой исследователь, И. Н. Карицкий, выделяет схожие критерии субъектности, однако, добавляет к ним ещё два аспекта: во-первых, относительность и ситуативность субъектного статуса, а во-вторых, необходимость наличия объекта, без которого реализация субъектного статуса невозможна [Карицкий, 2015, с. 111].

Если опираться на вышеприведенные критерии, то нельзя не отметить, что значительная часть этих характеристик вполне может быть применена для описания действий нейросетей. Рассмотрим подробнее, каким образом это проявляется.

Отметим, что существование алгоритма в пространстве может видеться дискуссионным, поскольку возможны различные точки зрения насчет того, следует ли считать программу «размещенной» на сервере, в некоем абстрактном «киберпространстве» или где-либо ещё (существование во времени при этом выглядит интуитивно очевидным). Однако, мы предлагаем в рамках данной дискуссии не останавливаться на метафизических аспектах, а сосредоточиться на субъектном статусе нейросетей в системе отношений коммуникации.

Что касается несомненных критериев, то в первую очередь, к ним относится статус носителя деятельности и познания. Нейросети способны более или менее самостоятельно собирать и анализировать информацию, например, не просто распознавать фотографии, но и достоверно идентифицировать, кто именно на них изображен [Кирова, Макаревич, 2018, с. 59]. Что касается возможности осуществлять более или менее самостоятельную деятельность, то в нашем случае интерес представляют в первую очередь алгоритмы, генерирующие контент, однако, современным нейросетям доступен значительно более широкий спектр действий. Эти особенности также обеспечивают самообучающимся искусственным нейронным сетям статус преобразующего и познающего актора.

Также отметим, что нейросети, применяемые в медиасфере с неизбежностью вступают в коммуникативные отношения с людьми – в первую очередь, аудиторий. Следствием этого в ряде случаев может стать формирование статуса «Другого» по отношению к прочим участникам коммуникации – если, к примеру, речь идет об алгоритмах, генерирующих контент для социальных сетей. В этом случае аудитория получает доступ к высказыванию, которое воспринимается как сформулированное «Другим», даже если в этой роли выступает не живой человек, а логический алгоритм. Особенно ярко этот эффект проявляется, если реципиент сообщения не знает, что текст сгенерирован нейросетью.

Что касается критериев субъектности, не применимых к нейросетям, то в этом ключе наиболее спорными представляются наличие сознания и статус «Я» по отношению к самому себе. По оценкам специалистов, несмотря на то что нейросеть «не имитирует рассудочные, умственные усилия человека, обладающего мозгом, а реально воспроизводит их», тем не менее, полноценным сознанием она не обладает [Паламарчук, 2022, с. 33]. Отсутствие сознания, в свою очередь, затрудняет возможности для проявления статуса «Я».

Здесь важно отметить, что исследователи, отрицающие возможность правосубъектности нейросетей в целом, а также их ответственности перед законом в частности, апеллируют в первую очередь к тому, что подобные алгоритмы не обладают сознанием, а потому не могут нести ответственность за совершенные действия [Балутите, 2022, с. 95].

Под вопросом также остается наличие биографии, если учесть, что, с точки зрения В. А. Лекторского, на подход которого мы опираемся, биография необходима для сохранения идентичности «Я» и невозможна

без наличия сознания: «Я – это единство индивидуальной биографии, это то, что гарантирует индивидуальную самоидентичность» [Лекторский, 2010, с. 6].

Также нельзя упускать из виду критерии ситуативности и относительности субъекта, предложенные И. Н. Карицким. Статус субъекта с неизбежностью должен подразумевать наличие объекта как минимум в рамках текущего ситуативного взаимодействия. В этом ключе мы можем отметить, что в одних ситуациях алгоритм выступает в роли субъекта (когда создает контент, отправляет сообщение получателю, анализирует информацию, и др.), в то время как, например, в момент написания кода нейросеть сама занимает позицию объекта. Однако, в этой ситуации возникает вопрос о ситуативности субъектного статуса других участников взаимодействия – например, программистов, пишущих код для нейросетей, но это тема для отдельной дискуссии.

А в рамках данной работы отметим, что, исходя из вышеприведенного анализа можно предположить, что электронные самообучающиеся нейросети выполняют роль частичного ситуативного субъекта: с одной стороны, они способны собирать и анализировать информацию, вовлекаться в коммуникативные отношения и занимать статус «Другого» по отношению к прочим участникам коммуникации, однако, по оценкам большинства исследователей, не обладают сознанием и статусом «Я», а также к ним не могут быть применены понятия «биографии» и «ответственности».

Литература

Балтутите, И. В. (2022). Правовое регулирование развития цифровой образовательной среды и коммерциализация результатов научных разработок в образовании. *Legal Concept*. № 21 (1). С. 91–98.

Галушкин, А. И. (2013). Нейронные сети. *Большая Российская Энциклопедия* [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/technology_and_technique/text/4114009 (Дата обращения: 20.09.2022)

Карицкий, И. Н. (2015). История «Субъекта» в ее некоторых ключевых моментах. *РЕМ: Psychology. Educology. Medicine*. 2015. №3-4. С. 89–116.

Кирова, Л. М., Макаревич, М. Л. (2018). Правовые аспекты использования нейронных сетей. *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. № 1 (27). С. 58–63.

Лекторский, В. А. (2010). Субъект в истории философии: проблемы и достижения. *Методология и история психологии*. 2010. Том 5. Выпуск 1. С. 5–18.

Мильгизин, И. Э., Баева, Л. В. (2017). К вопросу о креативности в нейросетях искусственного интеллекта. *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. № 1 (13). С. 62–71.

Паламарчук, О. Т. (2022). Сможет ли искусственный интеллект обладать... Сознанием? *Общество: философия, история, культура*. № 1 (93). С. 28–35.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ИНСТИТУТ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК В ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАВОПОРЯДКАХ: СРАВНИТЕЛЬНО- ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

И. А. Абрам

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет, г. Новосибирск
abram_ira@mail.ru*

Недействительные сделки занимают особое место в теории сделок, поскольку не влекут последствия, которые имелись ввиду при их заключении. Институт недействительности сделок широко известен и насчитывает многовековую историю существования. Настоящая работа посвящена исследованию отдельных аспектов института недействительных сделок в зарубежных странах. В частности, особое внимание уделяется основаниям недействительности, выделяются как наиболее часто встречающиеся основания, так и частные случаи недействительности. Отдельно также рассматриваются специфические инициативы в сфере недействительности, не получившие широкого распространения.

Ввиду негативного влияния недействительных сделок на стабильность гражданского оборота, этот институт подлежит обязательному регулированию. Один из распространенных подходов – закрепление общих положений о недействительных сделках с дальнейшей дополнительной детализацией. Так, в Гражданском Кодексе Китайской Народной Республики общие положения о недействительности закреплены в разделе 3 Книги I «Общие принципы», а отдельные уточнения, например, – в Книге III «Договор». Подобный подход реализован также в Германии, Италии, Эстонии.

Недействительность сделок наступает при наличии определенных обстоятельств (оснований). Проанализировав положения законодательств разных стран, можно выделить наиболее часто встречающиеся основания недействительности. Виды таких оснований, их закрепление с отдельными особенностями отражены в таблице № 1.

Основание недействительности	Германия (Германское гражданское уложение - ГГУ)	Китай (Гражданский кодекс Китайской Народной Республики; Книга I «Общие принципы»)	Япония (Гражданский кодекс Японии)	Эстония (Закон об общей части Гражданского кодекса)	Италия (Гражданский кодекс Италии)	Франция (Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона))
Совершение сделки недееспособными лицами / малолетними	Сделки ничтожны (§§ 104-105) (малолетние до 7 лет приравниваются к недееспособным)	Общее правило: сделки ничтожны (Ст. 144) (малолетние до 8 лет приравниваются к недееспособным)	Общее правило: сделки оспоримы (Ст. 9). Отдельных правил не выделено	Односторонние сделки малолетних (до 7 лет) без согласия законного представителя ничтожны (Ст. 12), многосторонние сделки могут быть подтверждены, без подтверждения ничтожны (Ст. 12). Сделки, совершенные лицом, не способным к разумному суждению, ничтожны, если в последующем, после отпадения этих обстоятельств, не будут сделаны (Ст. 13)	Сделки оспоримы (Ст. 1425). Отдельных правил не выделено	Сделки, совершенные лицами с наличными душевыми расстройствами, оспоримы (Ст. ст. 414-1-414- 2) (правила и дееспособности: Ст. ст. 11123-1125- 1) Отдельных правил не выделено
Совершение сделки ограниченно дееспособными лицами / несовершеннолетними	Сделки оспоримы (§§106-113) (несовершеннолетние с 7 лет приравниваются к ограниченно дееспособным)	Общее правило: сделки оспоримы (Ст. 145) (несовершеннолетние с 8 лет приравниваются к ограниченно дееспособным)	Общие правила: сделки оспоримы (Ст. 5.12)	Односторонние сделки без согласия законного представителя ничтожны (Ст. 10), многосторонние сделки могут быть подтверждены, без подтверждения ничтожны (Ст. 11). Это общие правила		
Нарушение сделкой требований законов или иных правовых актов (противоречие заказу)	Сделки ничтожны, если закон не предусматривает иного (§134)	Сделки ничтожны, если закон не предусматривает иного (Ст. 153)	Не выделяется, намерения сторон обычно имеют большее значение, даже если противоречат закону, но не противоречат публичному порядку (Ст. ст. 92-93)	Сделки ничтожны, если это предусмотрено законом (Ст. 87)	Сделки ничтожны, если иное не предусмотрено законом (Ст. 1418)	Сделки ничтожны (Ст. 1172)
Совершение сделок с целью, противной основам публичному общественному порядку и	Сделки ничтожны (§138)	Сделки ничтожны (Ст. 153)	Сделки ничтожны (Ст. 90)	Сделки ничтожны (Ст.86)	Сделки могут быть признаны ничтожными (Ст. 1418)	Сделки ничтожны (Ст. 1172)
Сделки, совершенные по договору, основным входящим в договор контрактов (авалог миных и притворных сделок)	Сделки ничтожны (§ 117). Мимные и притворные сделки выделяются	Сделки ничтожны (Ст. 154). Термины «мимная» и «притворная» сделки не используются	Сделки ничтожны (Ст.94). Термины «мимная» и «притворная» сделки не используются	Сделки ничтожны (Ст. 89). Притворные сделки самостоятельно не выделяются (считаются мимными сделками, поверяющими другие сделки)	-	-
Совершение сделок под влиянием завлечения, обмана, насилия, угрозы	Сделки оспоримы (§§ 119-124)	Сделки оспоримы (Ст. ст. 146-150)	Сделки оспоримы (Ст. ст. 95-96)	Сделки оспоримы (Ст. ст. 90-96)	Сделки оспоримы (Ст. 1427-1431)	Сделки оспоримы (Ст. ст. 1110-1117)

Таблица №1. Основания недействительности сделок

Дополнительно приведем несколько примеров менее распространенных оснований недействительности сделок:

- в Эстонии основанием недействительности является нарушение сделкой запрета на распоряжение (ст. 88 Закона об общей части гражданского кодекса), похожее положение содержит § 135 Германского гражданского уложения;
- в Южной Корее существует такое основание недействительности как «утрата справедливости в результате напряженных обстоятельств, необдуманности или неопытности сторон» (ст. 104 Гражданского кодекса Южной Кореи);

- в п. 3 § 879 Всеобщего гражданского кодекса Австрии (далее - ГК Австрии) установлена ничтожность сделок из-за несоразмерности встречного предоставления;

- § 878 ГК Австрии устанавливает, что невозможное не может стать предметом действительного договора, аналогичное положение содержится в п. 2 § 580 Гражданского кодекса Чешской Республики.

Таким образом, отметим, что существуют как «общие» основания недействительности сделок, признаваемые таковыми во многих странах, так и отдельные, частные основания, выборочно закрепляемые в нормативных правовых актах.

При рассмотрении недействительных сделок в зарубежном праве также предлагаем обратить внимание на два специфических предложения:

1. Заключение соглашений о недействительности.

В Румынии стороны вправе заключать такие соглашения и определять их содержание: признавать сделки ничтожными или оспоримыми, выбирать момент наступления недействительности и способ возврата исполненного по недействительной сделке, за исключением случаев, предусмотренных законом [Chirica, 2020, pp. 1199–1200].

Говоря о соглашениях в рамках недействительности сделок, обратимся к п. 3 ст. 431.1 ГК РФ, допускающему заключение соглашений о последствиях недействительности договора, связанного с осуществлением предпринимательской деятельности. В отличие от Румынии в РФ круг субъектов, способных заключать такие соглашения, ограничен, при этом в доктрине отмечается дискриминационный характер указанной нормы [Карпетов, 2020, с. 592]. В Румынии также нет указания на стадию заключения соглашения, а в отношении его формы установлено, что соглашение заключается в форме, предусмотренной для соответствующего договора, при этом Simona Chirica приходит к выводу о необходимости закрепления обязательной письменной формы подобных соглашений [Chirica, 2020, p. 1200]. В РФ в свою очередь заключение соглашения о последствиях недействительности допустимо только после признания договора недействительным судом, поэтому речь идет о мировом соглашении [Карпетов, 2020, с. 590].

Рассматривая возможность заключения соглашений в рамках института недействительности сделок, полагаем, что она существенно ограничена по следующим причинам:

1) основания недействительности определены в соответствующих актах, и, если закреплен вид сделки (ничтожная или оспоримая), стороны не вправе его изменить;

2) классическое учение о недействительности сделок предполагает изначальный характер оснований недействительности, поэтому последствия недействительности также носят ретроспективный характер, соответственно, самостоятельное определение момента недействительности невозможно.

В таком случае содержание подобного соглашения будет составлять определение порядка возврата исполненного по сделке. При этом, полагаем, опыт Румынии можно воспринять при определении круга субъектов, которые могут заключать подобные соглашения, а также допущения их заключения вне судебных разбирательств. Необходимо в таком случае определить форму соглашений, например, вне судебного разбирательства допустить заключение соглашений в письменной форме с последующим нотариальным удостоверением.

2. Признание ничтожной сделки в зависимости от поведения ее субъектов.

Такое основание ничтожности предусмотрено в п. 5 ст. 140 Кодекса Европейского договорного права (далее – ЕСС). Из текста этого пункта следует, что для одной стороны ввиду ее незаконного поведения договор может быть признан полностью ничтожным, а для стороны, не принимающей участия в этих действиях, договор сохраняет свое действие. В. А. Белов отмечает, что данное положение не имеет аналогов, а его закрепление обусловлено существованием доктрины полной и относительной ничтожности, не развитой в праве зарубежных стран и в российском праве [Белов, 2022, с. 224].

Идея, предложенная в ЕСС, представляет интерес для анализа возможности существования такого основания недействительности, однако ввиду отсутствия теоретической базы не раскрыты: механизм действия сделки, ее последствия, возможно ли устранение недостатков и как это повлияет на дальнейшее существование сделки. Поэтому, полагаем, в настоящее время положение, предусмотренное п. 5 ст. 140 ЕСС сложно назвать применимым на практике, а рецепция не представляется возможной.

Подводя итог анализу некоторых аспектов института недействительных сделок в зарубежном праве, можно сделать следующие выводы:

1. Из-за сущности недействительных сделок регулирование данного института является обязательным. При включении в национальные нормативные правовые акты положений о недействительных сделках законодатели зачастую закрепляют ряд оснований недействительности

в обязательном порядке ввиду их повышенной опасности для гражданского оборота. Дальнейшее дополнение иными основаниями недействительности может быть обусловлено различными факторами, в частности, исторической традицией, уровнем юридической техники, менталитетом.

2. В рамках недействительности сделок выдвигаются предложения, которым не уделяется достаточно внимания. В частности, видится перспективным развитие идеи о возможности заключения соглашений о недействительности (последствиях недействительности) сделок, поскольку это позволит сторонам самостоятельно прийти к наиболее благоприятному решению относительно судьбы исполненного по сделке и уменьшить число судебных разбирательств. В отношении недействительности сделки с позиции поведения ее субъектов необходимо отметить специфический подход к определению основания недействительности, поэтому эта идея представляет интерес в первую очередь с теоретической точки зрения.

Литература

Белов, В. А. (2022). Кодекс европейского договорного права – *European Contract Code: общий и сравнительно-правовой комментарий. В 2 кн. Книга 1*. М. Изд-во Юрайт.

Всеобщий гражданский кодекс Австрии от 01.06.1811 г. (ред. от 27.07.2010). *СПС «КонсультантПлюс»* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.11.2022).

Гражданский кодекс Италии (Il Codice Civile Italiano) от 16.03.1942 г. Il Codice Civile Italiano. Libro quarto. Delle obbligazioni. *The Cardozo Electronic Law Bulletin* [Электронный ресурс] URL: http://www.jus.unitn.it/cardozo/obiter_dictum/codciv/Lib4.htm (дата обращения: 10.11.2022).

Гражданский кодекс Китайской Народной Республики: Книга I «Общие принципы» (от 28.05.2020). *Портал законов Китая – CJO* [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-code-of-china-part-i-general-principles-20200528> (дата обращения: 08.11.2022).

Гражданский кодекс Китайской Народной Республики: Книга III «Договор» (от 28.05.2020). *Портал законов Китая – CJO* [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-code-of-china-part-iii-contract-20200528> (дата обращения: 08.11.2022).

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804 г. (ред. от 01.09.2011). *СПС «КонсультантПлюс»* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.11.2022).

Гражданский кодекс Чешской Республики от 03.02.2012 г. *Legal EL.Legal support to business* [Электронный ресурс]. URL: http://juristpraha.cz/ru/89_2012_rus (дата обращения 12.11.2022).

Гражданское уложение Германии от 18.08.1896 г. (ред. от 02.01.2002) (с изм. и доп. по 31.03.2013). *СПС «КонсультантПлюс»* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.11.2022).

Закон об общей части гражданского кодекса Эстонии от 27.03.2002 г. (ред. от 01.07.2022). *Juristaitab* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.juristaitab.ee/ru/zakonodatelstvo/zakon-ob-obshchey-chasti-grazhdanskogo-kodeksa> (дата обращения: 10.11.2022).

Карапетов, А. Г. (2020). Комментарий к ст. 431.1. Недействительность договора. Карапетов А.Г. (ред.). *Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации*. М. Изд-во М-Логос. С. 575–593.

Chirica, S. (2020). Considerations on the void or voidable agreement under Romanian law. *Proceedings of the International Conference on Business Excellence*. Vol. 14. № 1. Pp. 1196-1205.

Civil Act of South Korea (Act No. 11728, Apr. 5, 2013). *Statutes of the Republic of Korea* [Электронный ресурс]. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=29453&lang=ENG (дата обращения 10.11.2022).

Civil Code of Japan (Act No. 89 of April 27, 1896). *Japanese Law Translation* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3494/en> (11.11.2022).

Code Européen des Contrats - European Contract Code. *TRANS-LEX* [Электронный ресурс]. URL: https://www.trans-lex.org/450100/_/european-contract-code (дата обращения: 13.11.2022).

ПРАВОВОЙ СТАТУС КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КНР

Ван Ин

*Новосибирский национальный исследовательский государственный
университет, г. Новосибирск
1563905834@qq.com*

Н. Ю. Чернусь

*Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
preiudicia@yandex.ru*

Классификация юридических лиц в различных правопорядках традиционно осуществляется по целям их деятельности (ст. 50 Гражданского кодекса РФ), способам формирования имущества и ответственности участников за действия организации. В КНР для в основе деления юридических лиц на виды лежит так называемый инвестиционный метод, благодаря которому юридические лица делятся на организации, инвестируемые одним или несколькими лицами (ими могут быть юридические и физические лица). При этом, участники (инвесторы) в такой организации могут нести ограниченную или неограниченную ответственность по долгам, возникающим в результате деятельности такого юридического лица.

От способа формирования имущества юридического лица зависит и форма ответственности участников юридического лица по его долгам. Таким образом, исходя из возможных сочетаний вариантов формирования имущества организации и форм ответственности участников, в законодательстве КНР закреплено пять видов юридических лиц: предприятие с ограниченной ответственностью индивидуального предпринимателя, предприятие с неограниченной ответственностью индивидуального предпринимателя, предприятие с ограниченной ответственностью совместного предприятия, предприятие с неограниченной ответственностью совместного предприятия, предприятие с ограниченной ответственностью совместного предприятия и предприятие с неограниченной ответственностью (то есть два совместных предприятия). Эти пять видов юридических лиц могут быть представлены в различных организационно-правовых формах.

Так, предприятия с ограниченной ответственностью индивидуального предпринимателя имеют форму общества с ограниченной ответственностью, состоящего из одного лица и государственные компании; предприятия с неограниченной ответственностью индивидуального предпринимателя существуют как индивидуальные предприниматели; предприятия с ограниченной ответственностью совместного предприятия имеют форму общества с ограниченной ответственностью или акционерного общества; предприятия с неограниченной ответственностью совместного предприятия имеют форму полного товарищества; два совместных предприятия имеют форму товарищества с ограниченной ответственностью. Таким образом, пять видов возможной организации юридического лица можно далее свести к трем их типам, а именно к индивидуальным предпринимателям, партнерствам и корпоративным предприятиям [Гражданский кодекс КНР от 28.05.2020].

Обращаясь к организационно-правовым формам коммерческих организаций, существующих в мировой практике, то основными являются три: индивидуальный предприниматель, партнерство и корпорация. Индивидуальные предприниматели несут неограниченную ответственность по совершаемым ими сделкам, а принадлежащее им имущество не делится на личные и коммерческие активы. В партнерствах партнеры осуществляют деятельность совместно, делят между собой коммерческие риски и несут неограниченную солидарную ответственность по долгам, возникающих в связи с деятельностью партнерства. Во многих странах партнерство рассматривается часто как сочетание договорных и корпоративных отношений, его создание и функционирование относительно просто и финансово наименее затратны (в РФ в форме такого партнерства создаются хозяйственные партнерства). В корпорациях имущественная ответственность участников (акционеров) ограничена их взносами в капитал, и они несут ограниченную ответственность перед кредиторами; разделено право собственности на имущество участников и имущество корпорации, а их создание, функционирование и ликвидация регулируются законом для поддержания безопасности государственного финансирования [王乐宇. 企业组织形式的划型与选择[J]. 经济论坛].

Отметим преимущества и недостатки существующих видов коммерческих организаций в КНР. Предприятие с индивидуальным управлением относится к субъекту предпринимательской деятельности, инвестируемому физическим лицом, имущество которого находится в его личной

собственности, и это лицо берет на себя неограниченную ответственность по долгам предприятия за счет своего личного имущества. Процедура регистрации индивидуального предпринимателя проста, все они являются собственниками имущества, осуществляют деятельность по своему усмотрению. Ввиду того, что индивидуальные предприниматели несут неограниченную ответственность, такой вид бизнеса является чрезвычайно рискованным [Закон КНР об индивидуальном предпринимании].

Следующей организационно-правовой формой деятельности юридических лиц в КНР является полное товарищество. Эта форма корпоративной деятельности является наиболее распространенной формой ведения бизнеса в КНР. Деятельность полного товарищества опирается на профессиональные возможности партнеров и взаимное доверие между ними. Партнеры совместно вносят имущество, формируя капитал товарищества, и совместно управляют товариществом. При этом все партнеры несут неограниченную солидарную ответственность по долгам товарищества. Это также больший риск для партнеров, поскольку неограниченная солидарная ответственность означает, что в случае банкротства полного товарищества кредиторы могут предъявить иск каждому партнеру с требованием использовать личные активы для погашения всех долгов полного товарищества [Закон КНР о партнерстве].

Далее, товарищество с ограниченной ответственностью является разновидностью полного товарищества. В нем ответственность партнеров ограничена суммой вклада в капитал товарищества. Однако, в Китае разрешено только профессиональным субъектам предпринимательской деятельности становиться товариществами с ограниченной ответственностью. Закон требует, чтобы все партнеры были заняты в одной отрасли и имели идентичные сертификаты практики. Например, это могут быть дипломированные государственные бухгалтеры или юристы. В связи с таким требованием, товарищества с ограниченной ответственностью не являются распространенной формой организации бизнеса в Китае. В отличие от британского Закона о товариществах с ограниченной ответственностью, где участниками товарищества с ограниченной ответственностью могут быть не только профессионалы, но и любые субъекты предпринимательской деятельности. Как правило, эта форма корпоративной организации используется субъектами малого и среднего бизнеса.

Товарищество на вере в КНР состоит из генеральных партнеров и партнеров с ограниченной ответственностью, участие которых

ограничено лишь имущественными вкладами. Такая форма юридического лица включает участников, которые несут разную имущественную ответственность по долгам организации, что усложняет внутреннюю структуру товарищества, но и его доход.

Основными характеристиками компании в КНР являются: разделение права собственности на имущество самой компании и ее участников; имущественная ответственность участников ограничена их вкладом в капитал компании; участники несут ограниченную ответственность по долгам компании. Создание компании, эмиссия акций, функционирование и управление, распределение прибыли, ликвидация, банкротство регулируются законодательством о компаниях [Закон КНР о компаниях].

Благодаря приведенному выше обзору китайских юридических лиц, а также исследованию особенностей их деятельности можно прийти к следующим выводам: В Китае не так много форм организации бизнеса со своими преимуществами и недостатками, что влечет за собой появление спроса на новые формы организации бизнеса. В настоящее время активно обсуждается вопрос о закреплении новой модели организации бизнеса, что может стимулировать развитие малого и среднего бизнеса.

Литература

Гражданский кодекс КНР от 28.05.2020 中华人民共和国民法典 [Электронный ресурс] URL://<https://court.gov.cn> (дата обращения – 12.11.2022).

Лэйю, В. (2012). Планирование и выбор организационной формы предприятия. Экономический форум. №3. С. 145-150.

Закон КНР об индивидуальном предприятии от 30.08.1999 г. 中华人民共和国个人独资企业法 [Электронный ресурс] URL://<https://court.gov.cn> (дата обращения – 12.11.2022).

Закон КНР о партнерстве от 23.02.1997 中华人民共和国合伙企业法 [Электронный ресурс] URL://<https://court.gov.cn> (дата обращения – 12.11.2022).

Закон КНР о компаниях от 29.12.1993 г. 中华人民共和国公司法 [Электронный ресурс] URL://<https://court.gov.cn> (дата обращения – 12.11.2022).

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В КНР

Цзи Тяньтянь

*Новосибирский национальный исследовательский государственный
университет, г. Новосибирск
tiantianji85@gmail.com*

А. Н. Артемова

*Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
artemova-an-1991@yandex.ru*

Основной формой ответственности за нарушение интеллектуальных прав в КНР является компенсация. Положения, предусматривающие взыскание с нарушителя интеллектуальных прав штрафных убытков, предусмотрены различными нормативно-правовыми актами, среди которых Гражданский кодекс, Закон о товарных знаках, Закон об авторском праве, Закон о патентах и др.

Гражданский кодекс КНР в статье 1185 содержит общие положения о системе штрафных убытков в сфере интеллектуальной собственности. Специальные законы в сфере права интеллектуальной собственности конкретизируют применение штрафных санкций.

Так, пункт 1 статьи 54 Закона об авторском праве предусматривает, что при серьезном нарушении могут применяться штрафные убытки в размере от одной до пятикратной суммы компенсации. Кроме того, новая редакция данной статьи значительно увеличила нижний и верхний пределы установленной законом компенсации, которые составляют 500 и 5 000 000 юаней соответственно.

В соответствии с пунктом 1 статьи 63 Закона о товарных знаках размер штрафных убытков за нарушение прав на товарные знаки может быть увеличен вплоть до пятикратного размера, если нарушение отвечает условиям «злонамеренности» и «серьезности обстоятельств». Максимальный предел установленной законом компенсации составляет 3 000 000 юаней.

Закон о патентах предусматривает четыре способа компенсации за нарушение патентных прав: взыскание фактических убытков правообладателя,

незаконной прибыли нарушителя, разумно кратной лицензионной платы и установленной законом компенсации. В случае, если ни один из первых трех способов компенсации не может быть рассчитан, судья может взыскать сумму установленной законом компенсации, верхний предел которой составляет 5 миллионов юаней, а нижний - 30 000 юаней.

2 марта 2021 г. Верховным судом КНР были выпущены разъяснения по вопросам применения норм законодательства КНР о штрафных убытках при рассмотрении судами гражданских дел о нарушении интеллектуальных прав. В частности, были разъяснены такие вопросы, как сфера применения штрафных убытков, содержание и сроки подачи требований, установление вины в форме умысла, определениеотягчающих обстоятельств и т.д.

Исходя из существующей судебной практики, если стоимость одного произведения составляет менее 500 юаней при незначительном нарушении авторских прав, а правообладатель требует возмещения установленных законом убытков в размере 500 юаней, то размер установленных законом убытков в этом случае оказывает штрафное и сдерживающее воздействие на нарушителя и предотвращает повторение подобных действий. Таким образом, судьи дают понять, что предусмотренные законом убытки не являются чисто компенсационными и не ограничиваются возмещением фактических потерь правообладателя, а представляют собой форму компенсации с определенным штрафным элементом.

В доктрине вопрос о функции и цели установленной законом штрафной компенсации остается дискуссионным. Некоторые ученые выступают за то, что установленная законом компенсация должна быть направлена на достижение функции компенсации ущерба (возмещение ущерба), и что интеллектуальные права, как гражданские права, должны следовать основным принципам компенсации ущерба и не должны брать на себя штрафную функцию [Донг, 2014]. Другие ученые, напротив, считают, что установленный законом высокий размер штрафных убытков играет выдающуюся юридическую сдерживающую функцию [Синьтянь, 2012, с. 571]. Штрафные убытки призваны удержать правонарушителя или других лиц от совершения правонарушения путем наказания виновного за счет взыскания компенсации в фиксированном размере или кратной сумме убытков [Цзэган, 2017, с. 39].

В заключение необходимо отметить, что применение штрафных убытков в последние годы показало, что предполагаемое законодательное

назначение штрафных убытков не было реализовано в полной мере, положения о штрафных убытках сформулированы довольно абстрактно, что делает определение размера штрафных убытков в судебной практике чрезмерно зависимым от усмотрения судей. Для того чтобы обеспечить правильное применение системы штрафных убытков в отношении прав интеллектуальной собственности и избежать злоупотреблений на практике, необходимо четкое понимание соотношения штрафных и компенсационных убытков. В случае злостного нарушения прав интеллектуальной собственности штрафные убытки являются полезным дополнением к компенсационным убыткам и могут в определенной степени восполнить недостаточность последних.

Совершенствование положений законодательства о штрафных убытках будет иметь большое значение не только для рассмотрения таких дел, но и для дальнейшего усиления судебной защиты права интеллектуальной собственности, построения правового государства и международной деловой среды.

Литература

Донг, В. Х. (2014). Презумпция виновной ответственности и определение размера компенсации в судебных спорах о нарушении прав интеллектуальной собственности – взгляд на правило бремени доказывания. *Юридическое обозрение*. Т. 32. №. 5. С. 124–130.

Синьтянь, И. (2012). *Подробное объяснение китайского патентного права (сокращенная версия)*. Издательство интеллектуальной собственности. С. 571.

Цзэган, В. (2017). *Ущерб*. Издательство Пекинского университета. С. 39.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КНР

Ван Хуэйминь

*Новосибирский национальный исследовательский государственный
университет, г. Новосибирск
k.van7@g.nsu.ru*

Н. Ю. Чернусь

*Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
preiudicia@yandex.ru*

В последние годы в КНР стремительно развивается правовое регулирование искусственного интеллекта, что позволяет отнести КНР к мировым лидерам в данной сфере. Особенностью правового регулирования искусственного интеллекта в КНР является достижение баланса в развитии и внедрении искусственного интеллекта в общественные отношения, при одновременном обеспечении и защите прав граждан на конфиденциальную информацию и личную тайну. В данной статье представлены данные о текущем состоянии китайского законодательства в области искусственного интеллекта и цифровых технологий, проанализированы тенденции развития законодательства в рассматриваемой сфере.

Технология искусственного интеллекта направлена на решение проблем, обучение, познание, понимание, анализ и разбор используемого языка, управление коммуникацией. Кроме того, она связана с информационной системой через языки программирования, обеспечивая взаимосвязь между человеком и компьютером. В настоящее время наиболее используемыми технологиями искусственного интеллекта являются экспертные системы, интеллектуальные роботы, распознавание языка, распознавание образов, обработка естественного языка и другие.

В Китае искусственный интеллект постепенно становится «новым двигателем» роста национальной экономики. Исследования в области искусственного интеллекта в Китае проводятся с 1960-х годов, а в последние годы эти исследования все более стремительны. Китайское правительство уделяет все больше внимания технологиям искусственного

интеллекта, и развитие технологии искусственного интеллекта включено во многие важные правительственные документы. Так, в правительственном документе «Сделано в Китае 2025» говорится об «ускорении развития интеграции информационных технологий нового поколения и производственных технологий, принятии интеллектуального производства в качестве основного направления глубокой интеграции информационных технологий и индустриализации», «ускорении развития интеллектуального производственного оборудования и продукции». Политика КНР направлена на обеспечении «содействия интеллектуализации производственных процессов» [国务院关于印发《中国制造2025》].

Также, в «Плане развития искусственного интеллекта нового поколения» (2017) (далее – План) [国务院关于印发新一代人工智能发展规划的通知国发〔2017〕] предусмотрено установление юридической ответственности в условиях активного развития искусственного интеллекта таким образом: «изменить или дополнить законодательства с учетом наличия этических и социальных проблем искусственного интеллекта и создать систему защиты от вредоносного воздействия искусственного интеллекта. Создать нормативные, этические и моральные пределы использования искусственного интеллекта, закрепить юридические последствия применения искусственного интеллекта, такие как установление гражданской и уголовной ответственности, обеспечение защиты частной жизни и права собственности, безопасного использования информации. Кроме того, создать систему отслеживания и отчетности, уточнить правовой статус субъекта искусственного интеллекта и его права, обязанности и ответственность и т.д.». Также, План содержит специальный раздел, в котором закреплена перспектива создания стандартов технологии искусственного интеллекта и систем интеллектуальной собственности, с целью развития прав интеллектуальной собственности на инновации искусственного интеллекта и сам искусственный интеллект. В Плане также содержится раздел, в котором проведено обоснование необходимости создания системы надзора и оценки безопасности искусственного интеллекта. Акцент делается на «создании надежной, открытой и прозрачной системы регулирования искусственного интеллекта» и «усилении наказания за использование данных в противоправных целях, нарушение неприкосновенности личной жизни, нарушение морали и этики».

Что касается экономических перспектив использования технологий искусственного интеллекта, то в июле 2017 г. Госсовет КНР опубликовал

План развития систем искусственного интеллекта в Китае до 2030 г., согласно которому к этому сроку страна должна стать мировым лидером в сфере разработки и использования технологии искусственного интеллекта, а связанные с ним области экономики должны приносить не менее 150 млрд долл. дохода. Чтобы обеспечить конкурентоспособность КНР в сфере искусственного интеллекта, государство финансирует исследования с помощью ряда национальных программ.

Приведем еще несколько положений китайского законодательства, содержащего положения об использовании технологий искусственного интеллекта.

Так, согласно ст. 72 Правил продвижения искусственного интеллекта в специальной экономической зоне Шэньчжэнь, искусственный интеллект «не должен нарушать неприкосновенность личной жизни или ущемлять права на личную информацию, не дискриминировать пользователей по признаку расы, пола, международных, национальных и религиозных убеждений» [深圳市第七届人民代表大会常务委员会公告（第六十四号）].

Использование искусственного интеллекта связано с возможным вторжением в частную жизнь людей. Поэтому в действующем законодательстве закреплены положения, направленные на обеспечение неприкосновенности личной жизни. В соответствии со ст. 1032 Гражданского кодекса КНР [Гражданский кодекс КНР], физические лица имеют право на неприкосновенность частной жизни. Ни одна организация или частное лицо не могут нарушать права на частную жизнь других лиц путем шпионажа, вторжения, раскрытия, разглашения и т.д. Согласно ст. 253 Уголовного закона Китайской Народной Республики (Преступление, связанное с нарушением личной информации граждан) [Уголовный закон Китайской Народной Республики], тот, кто продает или предоставляет персональные данные граждан другим лицам в нарушение соответствующих государственных правил, если обстоятельства являются серьезными, приговаривается к лишению свободы на определенный срок не более трех лет или уголовному заключению, а также штрафу; если обстоятельства являются особенно серьезными, он приговаривается к лишению свободы на определенный срок не менее трех лет, но не более семи лет, а также штрафу. Тот, кто нарушает соответствующие государственные правила, продавая или предоставляя персональные данные граждан, полученные в ходе выполнения своих обязанностей или оказания услуг другим лицам, подлежит строгому наказанию в соответствии

с положениями предыдущего пункта. Тот, кто крадет или иным образом незаконно получает личную информацию граждан, подлежит наказанию в соответствии с положениями первого параграфа.

Обратимся к ст. 40 Закона о сетевой безопасности Китайской Народной Республики [《中华人民共和国网络安全法》], согласно которой сетевые операторы должны строго хранить конфиденциальность собираемой ими пользовательской информации и создать надежную систему защиты пользовательской информации. (Система защиты информации пользователя). Согласно ст. 32 Закона о безопасности данных Китайской Народной Республики [《中华人民共和国个人信息保护法》], любая организация или частное лицо, собирающие данные, должны использовать законные и легитимные методы, не должны красть или получать данные другими незаконными способами. В соответствии со ст. 27 Закона о защите личной информации Китайской Народной Республики (проект второго пересмотра) [《中华人民共和国个人信息保护法》], установка оборудования для сбора изображений и идентификации личности в общественных местах должна быть необходима для поддержания общественной безопасности, соблюдения соответствующих государственных нормативных актов и установки заметных напоминающих знаков. Собранные личные изображения и информация о личности могут использоваться только в целях поддержания общественной безопасности, не подлежат обнародованию или предоставлению другим лицам, кроме как с индивидуального согласия человека.

Итак, анализируя принятые Правительством КНР акты, можно понять отношение государства в целом к технологии искусственного интеллекта. С одной стороны, развитие и использование искусственного интеллекта поддерживается политикой КНР, но, с другой стороны, необходимо соблюдать нормы морали, предотвращая проявление неконтролируемых рисков использования искусственного интеллекта.

Таким образом, в настоящее время Китай объявил создание и использование технологий искусственного интеллекта одним из приоритетных направлений своего развития. Это один из самых широкомасштабных планов правительства, который предусматривает не только финансирование, но и внедрение разработок в области искусственного интеллекта в традиционные отрасли промышленности и сельского хозяйства, а также применение технологий искусственного интеллекта в государственной службе, здравоохранении, образовании и многих других сферах.

Литература

国务院关于印发《中国制造2025》的通知国发〔2015〕28号
[Электронный ресурс] URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm (дата обращения 12.11.2022).

国务院关于印发新一代人工智能发展规划的通知国发〔2017〕35号
[Электронный ресурс] URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (дата обращения 12.11.2022).

深圳市第七届人民代表大会常务委员会公告（第六十四号）
[Электронный ресурс] URL: http://www.szrd.gov.cn/rdlv/chwgg/content/post_834228.html (дата обращения 12.11.2022).

Гражданский кодекс Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] URL: <https://www.12371.cn/2020/06/01/ART11591021670041266.shtml#d7b> (дата обращения 12.11.2022).

Уголовный закон Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] URL: http://www.gzasrd.gov.cn/flfg/cgfl/202203/t20220317_73026376.html (дата обращения 12.11.2022).

中华人民共和国网络安全法 [Электронный ресурс] URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201611/270b43e8b35e4f7ea98502b6f0e26f8a.shtml> (дата обращения 12.11.2022).

中华人民共和国个人信息保护法 [Электронный ресурс] URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202108/a8c4e3672c74491a80b53a172bb753fe.shtml> (дата обращения 12.11.2022).

中华人民共和国个人信息保护法 [Электронный ресурс] URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202108/a8c4e3672c74491a80b53a172bb753fe.shtml> (дата обращения 12.11.2022).

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В КНР

Юань Чунчун

*Новосибирский национальный исследовательский государственный
университет, г. Новосибирск
1092091745@qq.com*

А. Н. Артемова

*Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
artemova-an-1991@yandex.ru*

В настоящее время участились случаи нарушения интеллектуальных прав. Нарушение интеллектуальных прав не только причиняет вред отдельным гражданам, но и оказывает негативное влияние на развитие инноваций в государстве. В этой связи государство предпринимает меры, направленные на усиление защиты интеллектуальных прав.

Китайское законодательство в области интеллектуальных прав представлено тремя законами: Закон об авторском праве, Патентный закон и Закон о товарных знаках.

В сфере авторского права творческая деятельность автора включает в себя две составляющие: идеи и их выражение. «Выражение идей», также известное как «форма выражения» [Юлин, 1993, с. 22], является центральным понятием в теории авторского права и объектом защиты по Закону об авторском праве.

В области патентного права центральным является понятие «формула изобретения» в патентной заявке. До выдачи патента – это формула, на которую заявитель намерен получить патентную защиту; после выдачи патента – это основа для определения Патентным ведомством объема охраны патентного права.

Что касается товарных знаков, то права на товарный знак включают как право на использование, так и право на запрет. Право на использование означает право владельца товарного знака на полное господство и использование зарегистрированного товарного знака, а право на запрет – это право владельца товарного знака запрещать другим лицам использовать зарегистрированный товарный знак без разрешения. Таким образом,

различие между правом на использование и правом на запрет заключается в том, что они имеют разную сферу действия: право на использование относится к использованию зарегистрированного товарного знака правообладателем, а право на запрет – к противодействию незаконному использованию зарегистрированного товарного знака другими лицами.

Законодательство КНР предусматривает гражданскую, административную и уголовную ответственность за нарушение исключительных прав. Так, в соответствии с Гражданским кодексом КНР правообладатель вправе требовать взыскания штрафных убытков с нарушителя, если нарушение прав интеллектуальной собственности являлось преднамеренным и серьезным.

Нарушение интеллектуальных прав может причинять вред не только частным правам и интересам, но также посягать на общественный порядок, ущемлять интересы государства и общества. Такие действия являются нарушением не только частных прав, но и публичных интересов государства, представляют собой нарушение административно-правовых норм. В этом случае виновное лицо несет не только гражданско-правовую ответственность, но и административную ответственность за нарушение им административно-правовых обязанностей.

В Китае существуют специальные административные органы, такие как Бюро по авторским правам, Бюро по патентам, Бюро по товарным знакам и Управление по делам промышленности и торговли, а также единые административные департаменты по управлению вопросами интеллектуальной собственности такие, как Управление по промышленной собственности и Управление по интеллектуальной собственности. Эти административные органы предпринимают различные административные меры для защиты законных прав и интересов заинтересованных сторон посредством регистрации соответствующих прав интеллектуальной собственности и контроля за их использованием.

Уголовный кодекс КНР в разделе «Преступления против интеллектуальных прав» предусматривает такие преступления, как подделка зарегистрированных товарных знаков, продажа поддельных зарегистрированных товарных знаков, незаконное производство или продажа незаконно произведенных товаров с использованием зарегистрированных товарных знаков, нарушение авторских прав, продажа контрафактных копий, подделка патентов и нарушение коммерческой тайны [Бинчжи, 1998]. За преступления против интеллектуальной собственности в Китае

предусмотрены такие наказания, как лишение свободы на определенный срок, арест, надзор и штраф.

Наряду с правовыми способами защиты в Китае развита система технических способов защиты исключительных прав. Цифровые водяные знаки, цифровые отпечатки пальцев, технология шифрования, технология межсетевых экранов позволяют предотвращать нарушения интеллектуальных прав, выявлять нелегальные копии, разрешать споры об авторских правах и предоставлять доказательства в суде.

В связи с открытостью онлайн-среды защита прав интеллектуальной собственности на цифровые произведения становится все более проблематичной, а пиратство – обычным явлением. Столкнувшись с такой ситуацией, владельцы авторских прав должны искать не только правовые средства для защиты своих прав интеллектуальной собственности, но и сочетать их с технологическими средствами защиты. С развитием и продвижением технологий защиты, а также разработкой и совершенствованием законов защита прав интеллектуальной собственности в Китае выйдет на новый уровень.

Литература

Бинчжи, Ч. (1998). *Новый курс уголовного права*. Издательство Народного университета Китая.

Сяо-юань, Х. (1977). *Исследование промышленной собственности*. Санмин Шуцзи, Тайвань.

Юлин, Ц. (1993). О двух различных формах выражения одного и того же произведения. *Избранные доклады ежегодной научной конференции Китайской ассоциации по изучению авторского права*. Издательство Северо-Западного университета. С. 22.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КНР

Сунь Юйпэн

*Новосибирский национальный исследовательский государственный
университет, г. Новосибирск
syp19960420@163.com*

А. Н. Артемова

*Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
artemova-an-1991@yandex.ru*

Четвертая промышленная революция, предполагающая массовое внедрение информационных технологий в производство и автоматизацию бизнес-процессов с привлечением искусственного интеллекта, обуславливает необходимость обеспечения государствами правовой охраны искусственного интеллекта. В этой связи опыт Китайской Народной Республики в правовом регулировании искусственного интеллекта представляет особый интерес. Нормативная база КНР в этой сфере представлена нормами «мягкого права» и «жесткого права».

«Мягкое право» включает в себя план развития искусственного интеллекта, принципы управления искусственным интеллектом, этические нормы, инициативы по саморегулированию отрасли, технические стандарты и др. «Мягкое право» отличается подвижностью, гибкостью, быстрой адаптацией под потребности регулирования сферы искусственного интеллекта. Вместе с тем нормы «мягкого права» декларативны и не являются обязательными для исполнения.

«Жесткое право» КНР представляет собой децентрализованную систему норм, содержащихся в Конституции, специальных законах (Закон о сетевой безопасности, Закон о безопасности данных, Закон о защите личной информации) и других нормативно-правовых актах («Некоторые положения о безопасном управлении автомобильными данными (для пробного применения)»; положения Закона о защите персональных данных, касающиеся автоматизированного принятия решений; положения Закона об электронной коммерции КНР, касающиеся персонализированных

рекомендаций; раздел Гражданского кодекса КНР об ответственности за правонарушения и положения об ответственности за качество продукции, содержащиеся в Законе о качестве продукции КНР, и др.).

Помимо существования и взаимодействия «мягкого права» и «жесткого права» особенностью правового регулирования искусственного интеллекта в КНР является наличие региональных правовых актов, среди которых можно выделить Положение о продвижении индустрии искусственного интеллекта в специальной экономической зоне Шэньчжэнь («Положение об искусственном интеллекте в Шэньчжэне»), Постановление о данных специальной экономической зоны Шэньчжэнь («Постановление о данных Шэньчжэнь»), Определенная политика строительства национальной пилотной зоны инноваций и развития искусственного интеллекта нового поколения в городе Харбин («Харбинская пилотная политика искусственного интеллекта»).

Нормативно-правовая база КНР в области искусственного интеллекта обеспечивает общее ценностное руководство развитием искусственного интеллекта в Китае, способствуя законному и разумному внедрению искусственного интеллекта соответствующими субъектами, тем самым повышая социальное благосостояние. Вместе с тем правовая система сталкивается с вызовами, обусловленными неопределенностью искусственного интеллекта и его развития. Проблемы правовой охраны искусственного интеллекта в КНР схожи с теми проблемами, с которыми сталкиваются другие страны, в том числе Россия.

Хотя внедрение искусственного интеллекта способствует развитию соответствующих технологий, отраслей и сфер, тем самым повышая благосостояние граждан, некоторые аспекты применения искусственного интеллекта могут нарушать права граждан. Ключевым вопросом является поиск оптимального баланса между продвижением искусственного интеллекта и защитой основных прав граждан, что является важной проблемой, препятствующей развитию правового режима искусственного интеллекта. Использование искусственного интеллекта требует обеспечения защиты частной жизни и личной информации граждан на конституционном уровне, тем самым обеспечивая конституционную основу для построения комплексной правовой системы искусственного интеллекта [Шуай, Ици, 2018].

Необходимость правовой охраны искусственного интеллекта поднимает также такие вопросы гражданского права, как правосубъектность, возникновение и осуществление гражданских прав и обязанностей, деликтная ответственность, защита прав интеллектуальной собственности.

Наконец, использование искусственного интеллекта создает проблемы для правового режима цифровой экономики, в частности фискальной, налоговой и финансово-правовой систем [Бин, Цянь, 2018].

Таким образом, построение правовой системы искусственного интеллекта Китая сталкивается с объективными вызовами. Представляется, что удачное сочетание «мягкого права» КНР с его ценностными ориентирами и «жесткого права» КНР, содержащего обязательные предписания, обеспечит адекватное решение обозначенных проблем.

Литература

Бин, Ч., Цянь, Ч. (2018). Эра искусственного интеллекта должна ускорить создание Интеллектуальной системы налогообложения и верховенства закона. *Журнал Ланьчжоу*. № 11. С. 103–118.

Шуай, Ф., Ици, Чж. (2018). Модельные изменения в национальном стратегическом поведении в эпоху искусственного интеллекта – к конкуренции между данными и алгоритмами. *Международное обозрение*. № 4. С. 34–59.

Шушань, Ц., Сяоди, С. (2016). Искусственный интеллект и человеческий интеллект – взгляд на войну между человеком и компьютером с точки зрения пятиуровневой теории когнитивной науки. *Журнал Пекинского университета (издание по философии и социальным наукам)*. № 4. С. 145–154.

Юаньцун, Х., Хуан, Л. (2020). Негативные внешние эффекты искусственного интеллекта и его системы экономического права. *Журнал Даляньского технологического университета (Третье издание)*. № 3. С. 71–79.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

ПРОБЛЕМА САВАНТИЗМА СОВРЕМЕННЫХ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ

А. В. Антипова

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва
annaantipova1415@gmail.com*

*Статья подготовлена при финансовой поддержке
гранта МЦИС № 1/2022*

Одной из основополагающих парадигм в исследованиях искусственного интеллекта является коннекционизм, который утверждает сетевую природу когнитивных феноменов. Соответственно, будущее как компьютерных технологий, так и когнитивного моделирования многие исследователи видят в развитии технологии нейронных сетей.

Однако ученые во многом опираются на модель «стандартного разума» не обращая внимание на патологические его варианты в духе Локка: дети, пожилые, неевропейские культуры или люди с ментальными расстройствами. Мы полагаем, что изучение именно таких «пограничных» случаев может быть более продуктивным в определении того, что является необходимым, а что случайным для человеческого мышления. К патологиям же в философии и когнитивных науках обращаются все чаще, хотя пока такие работы носят скорее описательный, а не теоретический характер, например книги Оливера Сакса [Сакс, 1986]. Как отмечают исследователи шизофрении Луи Сасс и Йозеф Парнас, в психологических практиках имеется склонность упрощать происходящие с больными процессы, в то время как феноменологи обратили внимание на снятие некоторых «автоматических» процессов обработки информации и принятия решения [Парнас, Сасс, 2003]. Таким образом, мыслительные процессы качественно усложняются за счет снятия некоторых

автоматизмов. Наиболее известным феноменом данного типа является савантизм – наличие выдающихся способностей в одной или нескольких областях знаний, контрастирующих с общей ограниченностью личности. Человек с синдромом саванта способен повторить несколько страниц текста, услышанного им всего один раз, безошибочно назвать результат умножения многозначных чисел, или сказать, на какой день недели придёт 3 мая любого года. Чаще всего способности савантов проявляются в области музыки, математики, рисования, календарных расчетов и т. д. [Биджакджи и др., 2021].

Низкоуровневые процессы принципиально недоступны для интроспекции, поэтому саванты не могут объяснить источник своих способностей. Алан Снайдер полагает, что такие процессы намеренно ингибированы для сознания, а стратегия автоматизации ускоряет принятие решений, особенно при предоставлении частичной информации о мире. [Снайдер, 2009]. Стоит отметить, что навыки савантов не связаны со способностью творчества, они зависят не от активного обучения, а от легкого считывания необработанной информации. Навыки не улучшаются с течением времени и исчезают с лечением болезни. Однако когнитивная стратегия савантов имеет некоторые преимущества для классов решения проблем, которые связаны с разрушением когнитивных искажений (саванты за счет концентрации на деталях не имеют биаса при решении задач) [Снайдер и др., 2003].

Таким образом, саванты имеют привилегированный доступ к низкоуровневым процессам нервной системы. Критерием высокоуровневости – низкоуровневости в перцептивных процессах является вектор обработки информации и опосредованность опытом. Процессы, влияющие на восприятие непосредственно через органы чувств, называются восходящими, а процессы, влияющие на восприятие посредством знаний, опыта, контекста являются концептуально управляемыми процессами [Чистопольская и др., 2019].

Мы полагаем, что развитие современных нейронных сетей находится на аналогичной савантной стадии. Нейронные сети обладают неограниченным доступом к «сенсорной» информации (все пиксели изображения, частоты в музыкальном произведении и т. п.) без top-down процессов. Характерно, что нейросети называют имитаторами в тех же областях, в которых саванты объявляются гениями: математика, рисование, музыка, моделирование и т. п. С применением савантных нейронных сетей возникают следующие сложности:

1. Интерпретируемость. Так же как саванты не могут объяснить собственные способности, выходной слой нейронной сети не располагает объяснениями, почему сеть определила изображение в класс «машины», а не «собаки». Нейронные сети используются как «черные ящики», что неприемлемо, когда речь идет о решении в суде или постановке диагноза.

2. Проблема генерализации. Нейросеть способна распознать кошку на изображении, но если в датасете нет изображения кота, повернутого на 90 градусов, то фотографии котов под разными углами могут значительно испортить качество нейронной сети.

Таким образом, мы полагаем, что проблематику сильного искусственного интеллекта можно свести к проблеме механизмов концептуализации данных, которую в свою очередь можно решить, обратившись к феномену людей-савантов. Мы также считаем необходимым проводить исследования, не опираясь на обучение нейронной сети естественным языкам, поскольку имеются статьи, подтверждающие наличие высокоуровневых категорий у врановых и некоторых млекопитающих [Korzeniewski, 2022]. Как следствие, мы предлагаем сосредоточиться на исследованиях концептуальной сложности современных нейронных сетей [Szymanski, 2022] и сравнить концепции feature-engineering в нейронных сетях с высокоуровневым процессом категоризации в биологических нейронных сетях. Мы полагаем, что только подобные междисциплинарные исследования позволят нам приблизиться к пониманию универсальности высокоуровневых процессов.

Литература

Биджаджжи, М., Кексал, М., Балоглу, М. (2021). Клинический случай человека с синдромом саванта из Турции: когнитивные функции и календарный расчет. *Клиническая и специальная психология*. Том 10. № 1. С. 1–14.

Парнас, Й., Сасс, Л. (2003). Шизофрения, сознание и самость. *Бюллетень по шизофрении*, № 29 (3). С. 427–446.

Чистопольская, А. В., Лазарева, Н. Ю., Маркина, П. Н., Владимиров, И. Ю. (2019). Представление о высокоуровневых и низкоуровневых процессах в когнитивной психологии. Теория изменения репрезентации С. Ольссона с позиции уровневого подхода. *Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки*. № 3. С. 94–101.

Korzeniewski, B. (2019). Philosophy of Conceptual Network. *Open Journal of Philosophy*. No 09 (02). Pp. 104–139

Sacks, O. (1986). *The man who mistook his wife for a hat*. London, UK. Picador.

Snyder, A. (2009). Explaining and inducing savant skills: privileged access to lower level, less-processed information. In: *Philos Trans R Soc Lond B Biol Sci*. Pp. 1399–1405.

Snyder, A., Mulcahy, E., Taylor, J., Mitchell, D., Sachdev, P. & Gandevia, S. C. (2003). Savant-like skills exposed in normal people by suppressing the left frontotemporal lobe. *J. Integr. Neurosci.* No 2. Pp. 149–158.

Szymanski, L., McCane, B., Atkinson, C. (2022). Conceptual complexity of neural networks. *Neurocomputing*, No 469. Pp. 52–64.

НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ ПОЛЬЗЫ: СПОСОБЫ ЕЕ РАЗРЕШЕНИЯ

И. А. Гапаров

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королёва, г. Самара
sarov-1@mail.ru*

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 20-011-00462 А «Философия техники Фридриха Дессауэра:
эпистемология и антропология реалистской теории творчества»*

Актуальность исследования обусловлена применением понятия пользы в научном знании с целью обоснования закономерностей естественного, технического, социального плана, в число которых входят: этические кодексы ИИ, правовые нормы, экономические законы и др. Однако неоднозначность, данная в форме «знания о незнании» [Дубровский, 1994], не позволяет отчетливо определить понятие пользы. Для представителей социально-гуманитарных наук проблема определения понятия пользы касается его содержания, т.к. под многообразием признаков они не в состоянии обнаружить наиболее важные. Данный аспект наглядно представлен как в филологических [Дронова, Яньчунь, 2022], так и в правовых исследованиях [Бентам, 1998]. Напротив, для представителей сфер естественного и технического познания следствием введения понятия пользы становится проблема формы, представляющая в виде перевода из одного кода в другой, возможностей ИИ и т.д.

В философском плане проблема определения понятия пользы выглядит запутаннее, т.к. главная задача философии заключена в устранении хаоса, в сведении многообразия в единство. «Польза» - многоаспектна, она охватывает разнообразные стороны жизни (бытовую, научную, религиозную, др.). Однако глубина содержания этого понятия неопределенна. Зачастую, мыслители, не отдавая себе отчета, прибегают к «пользе» только для того, чтобы связать свои мысли воедино, приобрести уверенность, подкрепить положение доводом, говоря «в пользу чего-либо», тогда как иные полагают в «пользе» запечатлеть существо дела. Однако, ещё Г. Риккерт в труде,

посвященном определению «жизни», показал, что «слово, которое должно обозначать любую мыслимость, неизбежно теряет отчетливость значения» [Риккерт, 1998, с. 306]. «Польза» является одним из таких понятий.

Противоречие, возникающее в плане определения содержания понятия пользы, подводит к важному разграничительному моменту. Понятие «польза» либо необходимо, и потому является исходным основанием для построения системы, либо оно предстает в качестве одного из связующих моментов. Если «польза» является исходным основанием, задающим все параметры системы, то она дана в системообразующем контексте. Если же она является логическим аспектом, то ее роль в построении системы завязана на синтезе опосредующих звеньев, а потому о ней можно вести речь только как о чисто вспомогательной компоненте. Разграничение между контекстами наиболее полно запечатлено в характере их систематичности, существо которой было вскрыто Н. Гартманом [Гартман, 2001].

Для метафизических систем не существует логических противоречий, т.к. их исходным основанием является построение такой упорядоченности и взаимосвязанности элементов, при которой одно вытекает из другого, следуя целесообразности телеологической направленности. Однако в таких условиях «польза» становится понятием, опосредующим или связывающим другие, т.е. чисто вспомогательным. Наиболее показательны системы И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля. Кантом под понятием пользы понимается внешняя целесообразность, тогда как «объективная внутренняя целесообразность, то есть совершенство, уже ближе к предикату прекрасного» [Кант, 1994, с. 95]. Напротив, для Г. В. Ф. Гегеля «польза» – аспект реализации идеи, но не внешняя целесообразность, т.к. в последней не может быть учтен синтез. Он может быть запечатлен в «пользе», предполагаемой как «умозаключение, в котором субъективная цель смыкается с внешней ей объективностью через некоторый средний термин, который есть единство обеих» [Гегель, 1974, с. 396]. В целом, важно отметить, что от И. Канта до Г. В. Ф. Гегеля заметна трансформация содержания понятия пользы. Если у первого «польза» – это только форма выражения рассудочной способности, пригодная для построения суждений «здорового смысла», то у второго «польза» – форма выражения разумной способности, представляющая в качестве функции синтеза разрозненных аспектов бытия.

Метафизическим системам можно противопоставить утилитаристские, прагматические и технические. В них «польза» является системообразующим понятием. Она становится исходным основанием построения и существования

вышепредставленных систем. Причиной их разграничения выступает предмет исследования, подразумевающий определение и актуализацию практических действий, соотносенных с корректно поставленной целью, т.е. связанной с удовлетворением потребностей материального плана. Отсюда следует, что для утилитаристов основная цель – это общественное благополучие. Исходным основанием его достижения выступает принцип полезности как ряд методов, направленных на регулирование уровня страданий и удовольствий. Однако учесть все интересы нельзя, поскольку «каждый должен считаться за одного, и никто не может претендовать на большее» [Милль, 2013, с. 231]. Напротив, прагматисты полагают «полезным» эффект, исходящий от идеи и данный в чувственном эмоциональном переживании [Джемс, 2011]. Но эффект должен считаться позитивным, т.е. облегчающим жизнь и утверждающим человека в его существовании. Отсюда следует, что «польза» у прагматиков дана, с одной стороны, как способ утверждения чего-либо в действительности, а, с другой, как предикат, характеристика, свойственная идее, через посредство которой ее можно реализовать. Утилитаристский и прагматистский способы имеют свое завершение в техницистском, в соответствии с которым «польза» – в широком смысле, основа ценностного мировоззрения [Дессауэр, 2022], в узком – это способ повышения производительности труда [Энгельмейер, 2010]. В целом, под понятием пользы в техническом аспекте понимается сила или «некоторое изменение, нарушение естественного порядка вещей, влекущее в том числе и трансформацию горизонтов фантазии, которые в свою очередь показывают возможности для новых технических объектов» [Нестеров, 2017, с. 98].

При разграничении вспомогательного и системообразующих планов в определении понятия пользы, можно прийти к следующим выводам. В чисто вспомогательном контексте понятие «польза» определяется как недостаточное совершенство или субъективная цель, которые должны быть преодолены на более высокой стадии развития сообразно телеологической направленности. Выражением «пользы» может стать идея, отражающая сущность мира. Здесь «польза» не может быть дана в снятом виде (как реализованная цель), т.к. она подчинена высшим закономерностям, для которых человек с его прихотями является не более чем средство в планах мирового духа. Напротив, в рамках системообразующего подхода, «польза» – то, что задает направление всем человеческим поступкам или выступает в качестве высшей ценности, на основании которой возможна связь между идеальным и реальным аспектами бытия. Именно здесь человек волен решать, что он делает и для чего, подвергать свои поступки рефлексии.

Литература

Гартман, Н. (2001). *Систематическая философия в собственном изложении. Фауст и Заратустра*. СПб. Азбука.

Гегель, Г. В. Ф. (1974). *Энциклопедия философских наук*. Т. 1. Наука логики. М. Мысль.

Дессауэр, Ф. (2022). Человек и космос. Пер. с нем. А.Ю. Нестеров. Семиотические исследования. *Semiotic studies*. Т. 2. № 2. С. 25–49. DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-2-25-49

Джемс, У. (2011). *Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления*. М. Изд-во ЛКИ.

Дубровский, Д. И. (1994). *Обман. Философско-психологический анализ*. М. Изд-во «РЭЙ».

Дронова, Л., Яньчунь, Л. (2022). Формирование понятия «польза» в русском языке. *Филология и человек*. № 2. С. 65–82 DOI: 10.14258/filichel(2022)2-05.

Кант, И. (1994). *Критика способности суждения*. М. Искусство.

Милль, Дж. Ст. (2013). *Утилитаризм*. Ростов-на-Дону. Донской издательский дом.

Нестеров, А. Ю. (2017). *Семиотические основания техники и технического сознания: монография*. Самара. Изд-во Самарской гуманитарной академии.

Риккерт, Г. (1998). *Философия жизни*. К. Ника-Центр.

Энгельмейер, П. К. (2010). *Теория творчества*. М. Либроком.

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ КАК ВТОРИЧНОЙ СТРУКТУРЫ РЕАЛЬНОСТИ

А. И. Геньш

*Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск
aleksandrghensh19@gmail.com*

Современные представления о сознании чаще всего охватывают его психологические свойства, такие как память, внимание, мышление. Этот подход в определенной мере можно назвать бихевиористским. Однако его роль довольно ограничена, когда речь идет о попытках понять специфику сознания как философской категории. При этом часто игнорируется другой подход, феноменологический. Он направлен на понимание природы цвета, тепла, прикосновения [Чалмерс, 2013.С. 19].

Все, из чего состоит жизнь каждого человека, это его субъективная реальность. На данный момент феноменологические представления о сознании еще нуждаются в изучении. Человечеству практически не известны способы изучения этой стороны вопроса. Непонятно, что представляет собой субъективный опыт отдельного человека со стороны внешнего наблюдателя. Практически не существует ни одного физического способа проверить, что чувствует другой человек и есть ли у него вообще какое-либо внутреннее ощущение.

Также стоит учитывать, что последнее время стали появляться новые вопросы. Если относительно человеческого существа мы интуитивно догадываемся о наличии у него феноменологической части сознания, то с появлением все более развитых и думающих машин, задача становится намного более трудной. Нам не известно, обладают ли они тем же опытом, которым обладаем мы.

Если продолжить размышлять о наличии сознания в нашей вселенной, то можно привести определенную критику чисто физического подходу, при котором роль сознания не учитывается. Так, если представить две абсолютно идентичных вселенных, в одной из которых есть сознание, а в другой – нет, то сравнивая их, мы поймем, что сознание является вторичной структурой физического мира [Гаспарян, 2013].

Подобная мысль заставляет задуматься об общей роли сознания в нашей реальности. Появляется ли оно только у биологических форм жизни достигших определенного уровня познавательных способностей?

Возникает вопрос об эволюционном возникновении сознания и самосознания, которые необходимо различать.

Так сознание состоит из ряда феноменологических чувств, которые не всегда могут быть осознаны, иначе бы мы столкнулись с проблемой возникновения сознания у детей по мере взросления. В таком случае был бы не понятен механизм, при котором сознание появляется с возрастом, на каком этапе оно возникает? И каким образом информация превращается в сознание? Что такое информация?

Самосознание – намного более простое явление. Оно фиксируется, так как дети в определенном возрасте начинают отличать себя от других. Но это психологическое качество сознания, а не феноменологическое [Махова, 2011].

Для иллюстрации сказанного можно привести мыслительный эксперимент, предложенный Недом Блоком в 1978 году. Представим, что мы собрали 11 миллиардов человек и выдали им рации для общения, чтобы они могли взаимодействовать друг с другом. Так, каждый человек будет равен одному нейрону, что будет выглядеть как симуляция человеческого мозга. Здесь возникает вопрос, образуется ли сознание из подобной структуры, ответить на него, действительно, трудно.

Вернемся к искусственному интеллекту. Если сознание должно образовываться из-за 11 миллиардов людей и раций, то в случае создания подобной структуры из неживой материи, например, из кремнёвых микрочипов, у ИИ должен образовываться свой феноменологический опыт. Но где возникает подобный опыт? Ведь если начать убирать один за другим нейроном у человека хирургическим путем, то когда он лишится сознания? А если убирать один кремниевый микрочип за другим у искусственного интеллекта [Волков, 2017]? Все это сводится к выводу, что сознание – это полноценная часть вселенной, дублирующей структуры физической реальности.

Подобные теоретические выкладки являются доказательством концепции панпротопсихизма, название которой дал Дэвид Чалмерс. Эта доктрина утверждает, что каждый объект во вселенной имеет разум или бессознательную психику, и что все физические явления связаны психикой. Рассмотрим основные проблемы, с которой встречается данная доктрина. По мнению некоторых авторов, эти проблемы являются, по сути, вопросами комбинаторики [Гусев, 2021].

1. Каким образом отдельные части системы образуют единое общее сознание? Например, кварки и протоны имеют свои

микрофеноменологические свойства. При этом не совсем понятно, что представляют собой их «ощущения». Вряд ли мы можем даже осознать, что чувствуют подобные микрочастицы, и, тем более, каким образом из них образуется полноценное мыслящее существо.

2. Интуитивно мы связываем каждый элемент системы с его сознательным опытом. Но это не позволяет образовывать множественное сознание, поскольку они не могут просто суммироваться.

3. Как микрокачества комбинируются так, чтобы получалось макрокачество? Микроопыт включает в себя микрокачества как некие аналоги макрокачеств. Однако это дает весьма ограниченное количество микрокачеств, которые должны порождать огромное количество ограничений нашего феноменологического опыта, что не является столь однозначным.

В заключении стоит отметить, что, несмотря на многообещающие выводы и возможности, который дает панпротопсихизм, он обладает множественными недостатками, которые не позволяют взглянуть на картину мира полноценно. Идеи наличия сознания как вторичной структуры реальности могли бы продвинуть понимание нами проблем искусственного интеллекта и менее развитых биологических форм жизни. Но они все еще остаются неидеальными теориями, которые требуют дальнейших улучшений и дополнений.

Литература

Волков, Д. Б. (2017). Психологический подход как решение проблемы тождества личности. *Философская мысль*. № 2. С. 13–25.

Гаспарян, Д. Э. (2013). В защиту феноменального сознания: аргументы против физикализма в современной аналитической философии (часть I). *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. № 2. С. 43–54.

Гусев, А. А. (2021). Панпсихизм в современной аналитической философии сознания. *Философская антропология*. Т. 7. № 2. С. 85–103.

Левин, С. М. (2016). Разновидности нейрошовинизма: от теории тождества до микрофункционализма. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. № 3. С. 55–69.

Мохова, Ю. А. (2011). Психологическая сущность самосознания личности. *Омский научный вестник*. № 6 (102). С. 166–169.

Чалмерс, Д. (2013). *Осознающий ум. В поисках фундаментальной теории сознания*. М. УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 512 с.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Ю. Д. Данилов

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Республика Беларусь
ydd213@gmail.com*

Активное развитие систем искусственного интеллекта (ИИ), призванных служить обществу, является не только важным направлением для научных исследований, но и вполне актуальной целью для разработки национальных и международных стратегий. На сегодняшний день ситуация в данном вопросе такова, что несмотря на декларируемые цели по улучшению общественного благополучия, имеется множество примеров, когда интеллектуальные системы наносят больше вреда, чем пользы. Одной из основных причин такого положения представляется несоответствие имеющихся разработок существующим общественным интересам.

На протяжении столетий категория «общественный интерес» была одним из основных понятий не только в политической и правовой теории, но и в практической деятельности по принятию социально значимых решений. Этот термин, как и некоторые другие, используемые в политической науке, не имеет универсального определения. Сейчас, в условиях широко развернувшейся дискуссии о роли искусственного интеллекта, можно говорить о том, что данная категория переживает настоящий ренессанс.

Наиболее часто, термин «общественный интерес» воспринимается как оборотная сторона «индивидуального», «частного» или «группового» интереса. Это связано с заложенными в суть понятия ценностями и декларируемыми им целями: счастья, всеобщего благополучия, гуманизма и всего прочего, что никак не связано с извлечением прибыли, накоплением богатства, рыночной активностью и т.п.

Весьма значительные противоречия в понимании общественного интереса обозначились в политической теории. Они касаются вопроса о том, как определить критерии, позволяющие четко понимать, что считать или не считать таковым. В книге «Общественный интерес и личные интересы» известная феминистка Вирджиния Хелд утверждает, что сущность данного понятия может быть достаточно просто объяснена

с помощью какой-либо общепризнанной нормативной концепции. Она предлагает рассматривать, анализировать и оценивать общественный интерес в каждом конкретном случае, принимая и уравнивая все имеющиеся обоснования частных интересов [Held, 1970, с. 168]. Барри Бозман рассматривает проблему более широко. В работе «Общественные ценности и общественные интересы» он описывает уже несколько подходов к определению данного термина, классифицируя их на нормативные, консенсуалистские и процессуальные. Нормативный интерес, по его мнению, предусматривает понимание общественных интересов как важнейшую цель, которую должны преследовать государственные должностные лица, принимающие важные политические решения. Консенсуалистский рассматривает общественные интересы как отражение потребности в чем-то большинства членов общества. Процессуальные автор разделяет на три разновидности:

- агрегативные, предполагающие, что данный конкретный интерес является величайшим благом для наибольшего числа граждан;
- плюралистические, предусматривающие конкуренцию существующих у людей потребностей и запросов;
- процедурные, основанные на возможном примирении частных интересов [Bozeman, 2007, с. 13].

В этом рассуждении Бозман во многом опирается на философа-прагматика Джона Дьюи, который, по его мнению, применил альтернативный и очень продуктивный взгляд на общественные интересы. Его суть заключается в том, что следование общественным интересам – это использование непредвзятости и разумных, справедливых процедур для максимального приближения к некоему идеалу.

В связи с активным распространением искусственного интеллекта и его проникновением в различные сферы человеческой жизнедеятельности, помимо политического контекста понимания общественных интересов, не меньшее значение имеет и юридический аспект. Юридический дискурс сегодня также не дает универсального, ясного и точного определения данного термина. Он рассматривает всю данную проблематику через историю отношений и взаимодействия между сложившимися общественными ценностями и конституционно закрепленными нормами, а также способами их регулирования. Ряд специалистов в области права соглашаются с идеей, что общественный интерес должен основываться на общих ценностях и нормах, но при этом политика не может

считаться отвечающей общественным интересам, если она противоречит элементарным общественным потребностям, этическим традициям, ментальным установкам и т.д. В частности, такой точки зрения придерживается М. Фейнтак, который прямо утверждает, что общественные интересы граждан должны во все времена служить противовесом для власти [Feintuck, 2017].

Чтобы более определенно сформулировать требования к искусственному интеллекту, которые могут стать критериями его служения общественным интересам, требуется ответить на ряд ключевых вопросов - насколько ИИ:

- публичен и не ориентирован на получение прибыли;
- служит обеспечению равенства людей;
- обеспечивает процесс обсуждения и принятия совместных решений;
- способен соблюдать ключевые технические стандарты;
- открыт для общественной проверки.

Любая разрабатываемая сегодня система искусственного интеллекта, представляющая общественный интерес, нуждается в публичном обосновании, не ориентированном на получение прибыли. Чтобы она действительно служила этой цели необходимо доказать, что данные технологии создаются не просто ради инноваций или коммерческих выгод, а для служения общему благу людей. Это чрезвычайно важно, т.к. многие процессы, происходящие в обществе, по определению просто не имеют никаких оснований для автоматизации и не могут быть решены даже самыми совершенными техническими средствами.

Искусственный интеллект должен служить равенству и обеспечению прав человека (или, как минимум, не подрывать их). Это требование непосредственно связано с этическим принципом справедливости. Для общественных интересов важно избегать таких результатов действий искусственного интеллекта, которые прямо противоречат справедливости или провоцируют власть, других людей на принятие нежелательных решений. Технологии, заложенные в ИИ, должны успешно поддерживать равенство между всеми людьми, развивать гуманистические подходы к проектированию и способствовать продвижению инклюзивных принципов.

Интеллектуальная система должна быть открытой для общества в целом, потому что только при таких условиях у людей появится возможность проверить ее, проникнуться к ней доверием и использовать

в дальнейшем для других проектов, представляющих общественный интерес. А это, в свою очередь, создаст условия для решения такой задачи, как установление равенства между поколениями, поскольку общественные интересы исторически находят себе подтверждение только в ретроспективе, на примерах жизни будущих поколений.

Создание новых ИИ-систем, претендующих на представление общественных интересов, требует коллективного совещательного участия как можно более широкого круга заинтересованных лиц. Никакая команда разработчиков, какой бы технически продвинутой, умелой, этичной, социально ответственной она ни была, не может сама определить, что действительно отвечает широким общественным интересам. В какой-бы форме не проходил процесс обсуждения общественной значимости ИИ, важно чтобы он всем людям предоставлял возможность быть услышанными.

И, наконец, системы искусственного интеллекта, представляющие общественный интерес, должны соответствовать техническим стандартам безопасности и защиты. На данный момент уже можно вполне четко обозначить наиболее актуальные здесь проблемы: качество информации, конфиденциальность данных и их защищенность.

Важно отметить, что концепция искусственного интеллекта, рассматриваемая в контексте общественного интереса, поднимает все больше и больше новых вопросов, требующих дальнейшего изучения. Представляется, что поиск ответов на них должен проходить в том числе и в рамках широких и открытых академических и общественных дебатов, основанных на принципах доступности, взаимной лояльности и доверия.

Литература

Bozeman, B. (2007). Public Values: An Inventory. In *Administration & society, Journal, Magazine* [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0095399707300703> (дата обращения: 13.02.2022).

Held, V. (1970). *The public interest and individual interests*. New York. Basic Books. 240 p.

Feintuck, M. (2017). Regulating the Media Revolution: In Search of the Public Interest. In *The Journal of Information, Law and Technology (JILT)*. N. 3: [Электронный ресурс]. URL:

https://warwick.ac.uk/fac/soc/law/elj/jilt/1997_3/feintuck/ (дата обращения: 13.02.2022).

ЯЗЫК СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

И. А. Дедова

*Поволжский государственный технологический университет,
г. Йошкар-Ола
iraira0906@mail.ru*

Люди верят, что их разум повелевает словами.
Но бывает и так, что слова обращают свою силу против разума
Ф. Бэкон

С момента своего появления философия стала заниматься анализом языка науки. Уже древние греки увидели, что слова как таковые не способствуют достижению истины, а уводят от нее. Парменид пришел к выводу, что сущность небытия и понятие небытия различны, ведь первого вообще не существует. Демокрит утверждал, что «атом» никак не дан нам в опыте. Софисты оставили вопрос о сущности вещей как принципиально неразрешимый. Платон попытался соединить сущность вещи с ее именем в «эйдосе», однако признал наличие пропасти между миром чувственных вещей и умозрительных идей. Аристотель попытался преодолеть эту пропасть, объяснив, что вещь и ее сущность едины, но сохранил дуализм формы и материи: мы или знаем нечто о сущности вещей, или обладаем опытом о реальном мире. Христианские теологи увеличили пропасть между божественной сущностью и миром, погружившись в исследование слов как таковых.

В Новое время Фрэнсис Бэкон сформулировал требования к языку науки. В «старой» науке он увидел «суеверия» и «абстрактные формы» и предпринял попытку определить границы научных понятий для того, чтобы а) перестать воспринимать научные слова как общеизвестное и очевидное; б) исключить вымысел и фантазию [Бэкон, LXV, CXIX, LX]. Современная наука объявила себя объективным, доказательным и опытно проверяемым знанием. А философия науки выработала требования к научным понятиям, дефиниции которых должны а) отражать атрибутивное качество вещи; б) не быть тавтологичными; в) объяснять

нечто неизвестное через известное; г) не содержать указание исключительно на более общий, родовой признак. Тезис должен быть ясным, а следствия тезиса должны подтверждаться опытным путем, что и должно в конечном итоге служить подтверждением истинности теории. Образцом в этом отношении объявляется классическая и неклассическая физика.

Однако наш анализ языка этих теорий показал, что принцип лексической полноты в них не соблюдается, так что научные утверждения почти не отличаются от религиозных догматов. В качестве одного из примеров приведем объяснение теории относительности: *«В общей теории относительности постулируется, что гравитационные эффекты обусловлены не силовым взаимодействием, и не силовым взаимодействием тел и полей, а деформацией самого пространства-времени, в котором они находятся. Эта деформация связана, в частности, с присутствием массы-энергии»* [Википедия; 2022]. В этом высказывании: а) априори признается существование гравитации как таковой, хотя сущность этого явления не объясняется ни у Ньютона, ни у других авторов; б) отрицается силовое взаимодействие тел как причина гравитации (то есть одно ньютоновское понятие безоговорочно принимается, а другое – нет; в) причиной гравитации объявляется деформация пространства-времени, хотя затем в качестве причины пространственно-временной деформации объявляется масса-энергия. То есть вначале эта теория отделяет гравитацию от силы (которая у Ньютона есть порождение массы), а затем связывает ее с массой-энергией.

Нам могут возразить: необходимо использовать авторские определения понятий, например, самого создателя теории относительности. Однако при рассмотрении труда Эйнштейна мы не встретили ни одного точного определения терминов [Эйнштейн, 2000]. Нет объяснения сути теории и в учебных пособиях: в основном предлагается некая описательная характеристика: *«Теория гравитационного поля, построенная на основе принципа эквивалентности и общего принципа относительности, называется общей теорией относительности»* [Алексеев, 2015, с. 23].

Изучив дефиниции физических понятий «пространство», «масса», «сила», «поле», «материя», «энергия», мы не увидели указания ни на один существенный признак, что позволило бы считать их действительно научными, то есть претендующими на объективность, ясность и полноту. Обратившись к научным трудам, объясняющим теорию относитель-

ности, мы также не встретили точных определений. Так, например, Э. Тэйлор, заявив в 70-е годы о победе теории относительности в научных кругах, констатирует, что ее понятия являются чем-то самоочевидным, то есть, по сути, нарушает принцип науки, сформулированный Ф. Бэконом: «*Понимание теории относительности отныне не есть проблема обучения, а просто дело интуиции – практикуемого подхода к вещам*» [Тэйлор, С. 14].

Практически во всех определениях мы встречаем либо а) указание на более общие и абстрактные понятия – «физический объект», «некоторая физическая величина», «многообразие», «мера воздействия» без дальнейшего пояснения, чем данный объект отличается от других: «*Область пространства, где проявляют себя физические, достоверно зарегистрированные и точно измеренные силы, называется физическим полем*» [Санько, 2022]; «*Поля физические – это физические системы, обладающие бесконечно большим числом степеней свободы*» [Павлов, 2004]; «*Пространство – всеобщая форма существования материи*» [Введенский, 1955]; б) тавтологии: «*Согласно современным представлениям поле является универсальной формой материи, к которой могут быть сведены как вещества, так и классические поля*» [Википедия, 2022]; либо в) признание беспомощности в попытках объяснить сущность данного предмета: «*Принято оперировать термином «масса» и использовать обозначение **m** без пояснений*» [Википедия, 2022]; или: «*Общепринятое определение силы отсутствует*» [Википедия, 2022].

Лексическая неполнота свидетельствует о том, что сущность природы современная физика понимает не больше, чем физика Платона и Аристотеля, а в какой-то степени даже меньше. Разрыв между эмпирией, представленной в экспериментальных данных, и теорией, объясняющей сущность явлений, не преодолен. Причина этого, скорее всего, в неверно выбранном методологическом подходе современной науки, проанализировать и пересмотреть который должна именно философия. Основное ошибочное допущение, на наш взгляд, заключается в дифференцированности знания, потери целостности, дуалистичности – разрыве между духом и природой.

Литература

Алексеев, С. О. (2015). *Введение в общую теорию относительности, ее современное развитие и приложения: Учеб. Пособие* / С.О. Алексеев, Е.А. Памятных, А. В. Урсулов и др. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 380 с.

Бэкон, Ф. (1935). *Великое восстановление наук. Новый органон*. *Lib.ru* [Электронный ресурс] URL: <http://www.lib.ru/FILOSOF/BEKON/ nauka2.txt> (дата обращения: 30.08.2022).

Введенский, Б. А. (ред.). (1955). *Пространство. Большая советская энциклопедия*. М. Открытый текст. Электронное периодическое издание [Электронный ресурс]. URL: <http://opentextnn.ru/old/glossary/prostranstvo/index.html?id=5191> (дата обращения: 01.09.2022)

Масса (2022). *Википедия. Свободная энциклопедия* [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Масса> (дата обращения: 1.09.2022).

Общая теория относительности (2022). *Википедия. Свободная энциклопедия* [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 30.08.2022):

Павлов, В. П. (ред.). (2004). *Большая российская энциклопедия*. Поля физические [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/physics/text/3156418> (дата обращения: 01.09.2022).

Поле (2022). *Википедия. Свободная энциклопедия* [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Поле-\(физика\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Поле-(физика)) (дата обращения: 1.09.2022).

Санько, Н. Ф. (2022). *Астрономический словарь*. Поле физическое [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iki.rssi.ru/hend/Dictionary/Electromagnetic%20field.htm> (дата обращения: 1.09.2022).

Сила (2022). *Википедия. Свободная энциклопедия* [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сила> (дата обращения: 1.09.2022).

Тэйлор, Э. Ф., Уилер, Дж. А. (1971). *Физика пространства-времени*. М. «Мир». 1971. 319 с.

Эйнштейн, А. (2000). *Теория относительности*. Ижевск. НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика». 224 с.

«СМЫСЛЫ» СИНЕРГЕТИКИ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ

Е. С. Ермаков

*Институт философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск
ermakovgeka@gmail.com*

Расширение использования синергетики – как ее методологических принципов, так и теоретического инструментария – в исследовании социальности ставит проблему философско-методологической рефлексии последствий не только для социально-гуманитарных наук, но и, собственно, для синергетики, про которую можно говорить в следующих взаимосвязанных аспектах: как о науке, парадигме и научной картине мира.

Как наука синергетика возникла на стыке различных отраслей физики, химии и нелинейной математика, и как отдельное научное направление наследует и продолжает развивать идеи, заложенные и тектологии, теории катастроф, общей теории систем, нелинейного моделирования и кибернетик. Как парадигма синергетика включает в себя ряд методологических принципов, которые эксплицируют процессы самоорганизации в открытых, нелинейных, неравновесных, диссипативных и сложных системах любой онтологической природы.

Как заметил В. С. Степин, «синергетика по своим онтологическим и методологическим принципам предстает в качестве одной из важнейших экземпляров постнеклассической рациональности» [Степин, 2013, с. 51]. Постулируя глубокую связь между классической, неклассической и постнеклассической научной рациональностью в их эволюционной преемственности, В. С. Степин высказал мнение, что на постнеклассическом этапе развития рациональности происходит «осмысление ценностно-целевых структур научного познания и их социокультурной обусловленности» [Степин, 2017, с. 27]. Отдельным аспектом постнеклассической рациональности выступает интенция на междисциплинарное взаимодействие, что включает сближение социально-гуманитарного и естественнонаучного знания. В центре такого сближения находятся аксиологическая направленность и социокультурная обусловленность познания. Речь идет не только о переносе отдельных методов и концептов из одной науки в другую для решения отдельных проблем, но об изменении стратегий научного познания в целом.

Представленные три аспекта синергетики следует рассматривать как её взаимосвязанные аспекты, или «смыслы», которые используются социальными исследователями в зависимости от их методологической интенции. В частности, как наука синергетика в меньшей степени используется в социально-гуманитарных исследованиях как по причине сложного теоретического аппарата, так и необходимости исследователей сталкиваться с математическим моделированием. В качестве примеров работы Л. И. Бородин [Бородин, 2016] в моделировании исторических процессов, а также исследования на стыке математического моделирования и философии А.В. Колесникова [Колесников, 2018].

Синергетика как парадигма требует от социального исследователя более глубокого осмысления ее методологических основ с одновременным пониманием того, что использование вместе с этим ее понятийного аппарата необходимо последовательно и со смысловой нагруженностью. В противном случае возникает эффект метафоричности понятий синергетики. Как отмечает Д. В. Винник, «популярность синергетики привела к ее проникновению в социальное знание, в результате чего многие его реципиенты оказались неспособны адекватно понять смысл моделей и стали использовать словарь произвольным образом» [Винник, 2016. с. 87].

В качестве примера использования синергетики как парадигмы в социально-гуманитарном познании следует рассматривать работы М. М. Маковского по исследованию динамических аспектов эволюции языка. Являясь неотъемлемой частью культуры, язык эволюционирует при изменении его частей – морфем, лексем и их значений для дальнейшего успешного своего функционирования [Маковский, 1992, с. 11]. В этом отношении данные части можно рассматривать как отдельные параметры порядка языка, которые, как указывает М. М. Маковский, наследуются и изменяются во время эволюционной динамики самого языка [Маковский, 1992, с. 12]. Таким образом, рассмотрение языка в качестве отдельной динамической системы не только позволяет подвергать его моделированию, но также содействует раскрытию генезиса и развития языка, связывая это, как продемонстрировал М. М. Маковский, с комбинаторным разнообразием и стохастической вариативностью самого языка [Маковский, 1988, с. 29].

Последний «смысл» синергетики – как научная картина мира – связан с философским осмыслением онтологических и эпистемологических ее основ и следствий. В качестве наиболее яркого примера можно привести работы В. П. Бранского в области фундаментальных основ

социальной самоорганизации в целом. Согласно В. П. Бранскому, социальная синергетика «исследует общие закономерности социальной самоорганизации, то есть взаимодействия социального порядка и социального хаоса (курсив В. П. Бранского)» [Бранский, 1999, с. 117]. Для объяснения социальной самоорганизации и ее внутренних механизмов он обращается к концепту социального отбора, факторами чего выступают тезаурус, детектор и селектор [Бранский, 1999, с. 120]. Как отмечает автор, в отличие от самоорганизации в естественных системах, суть социальной самоорганизации сводится к чередованию двух противоположных процессов – иерархизации и деиерархизации, что соответствует усложнению и упрощению систем [Бранский, 1999, с. 118]. Социальная система, таким образом, находится около двух аттракторов – простого, соответствующего усложнению системы, и странного, соответствующего системному упрощению. Через внутреннее взаимодействие своих факторов, социальный отбор, имеющий стохастический характер, обеспечивает «путь» системы к соответствующему аттрактору, тем самым обеспечивая самоорганизацию.

Представленная концепция В. П. Бранского представляет не только пример «вторжения» синергетики в изучение социальности как таковой, но и является еще образцом философского рефлексии теоретической и методологической роли синергетики на постнеклассическом этапе развития науки. С онтологической точки зрения синергетика как научная картина мира сориентировала познание на изучение сложных и динамичных человекомерных систем, где человек и как наблюдатель, и как элемент данных систем олицетворяет их динамику, но и в то же время сам на них влияет. С методологической же стоит признать не только определенные возможности методологии синергетики в исследовании социальных процессов, но и то, что устойчивость синергетики как постнеклассической парадигмы и, соответственно, картина мира была связана с дальнейшим расширением использования ее методологических принципов, в том числе и в социально-гуманитарном познании.

Таким образом, синергетика в социально-гуманитарном познании на постнеклассическом этапе развития науки начала XX-го века являлась теоретико-методологической частью исследования социальности в целом. Однако расширение синергетики не только представляет угрозу как для ее самой, так и для философии и социально-гуманитарных наук, но и дает новый взгляд на исследование социальных процессов в онтологической и методологической проекции.

Литература

Бородкин, Л. И. (2016). *Моделирование исторических процессов. От реконструкции реальности к анализу альтернатив*. СПб. Алетейя.

Бранский, В. П. (1999). Социальная синергетика как постмодернистская философия истории. *Общественные науки и современность*. №6. С. 117–127.

Винник, Д. В. (2016). «Эпистемический искупитель»: свод приемов легитимации бессмыслицы. *Философия науки*. №3. С. 76–93.

Колесников, А. В. (2018). Хаос и самоорганизованная критичность в формировании концепции цифровой философии сознания. *Философия науки*. № 4. С. 120–136.

Маковский, М. М. (1988). *Лингвистическая комбинаторика: Опыт типологической стратификации языковых структур*. М. Наука.

Маковский, М. М. (1992). *Лингвистическая генетика: Проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках*. М. Наука.

Стёпин, В. С. (2013). Типы научной рациональности и синергетическая парадигма. *Сложность. Разум. Постнеклассика*. № 4. С. 45–59.

Стёпин, В. С. (2017). Типология научной рациональности и синергетика. *Філософія освіти*. №1. С. 6–29.

АРГУМЕНТ ИЛЛЮЗИИ ВОДОПАДА В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ О ТЕМПОРАЛЬНОСТИ СОЗНАНИЯ

А. С. Зайкова

*Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
Zaykova.a.s@gmail.com*

Если взглянуть на быстро движущиеся облака, а потом перевести взгляд на дома или деревья, может показаться, что дома и деревья движутся. Это – пример эффекта «последствия движения», часто называемый также «иллюзией водопада», поскольку схожий эффект можно обнаружить при наблюдении за водопадом и неподвижным берегом рядом: после наблюдения за движением воды кажется, что берег начинает двигаться в обратную сторону. Впервые этот эффект был обнаружен ещё Аристотелем [Месяц, 2021] и после забыт на долгое время, но о нём вновь вспомнили в XIX веке, однако до сих пор причины его возникновения остаются под вопросом. В современном дискурсе этот эффект стал катализатором методологической дискуссии: действительно ли можно использовать факт существования этой иллюзии как аргумент в теоретическом споре или отдельных примеров работы некоторой сенсорной модальности недостаточно для утверждения о преимуществе некоторой теории?

Самая распространённая версия объяснения заключается в теории нейронной адаптации. Эта версия предполагает, что вычисление расположения объекта и зрительную адаптацию к движению производят различные нейронные потоки [Mather, Verstraten, & Anstis, 1998]. Впрочем, главный вопрос для данной иллюзии состоит не столько в том, почему это происходит, а, скорее, в том, что это значит для теории сознания, и, в частности, для теории темпоральности сознания.

С. Проссер рассматривает эту иллюзию как аргумент против большинства современных темпоральных моделей сознания [Prosser, 2017, p. 7]. Он использует классификацию темпоральных моделей Б. Дэйнтона, в рамках которой все существующие модели можно представить как одну из трёх основных моделей – или как их комбинацию. Первая из них, кинематографическая, предполагает, что время воспринимается как набор кадров. Ретенциональная модель утверждает, что

мгновенное осознание вмещает недавний динамический опыт. Наконец, экстенциональная модель представляет наше восприятие как составленное из отдельных, последовательных или пересекающихся эпизодов осознания, соответствующих эпизодам недавнего динамического опыта.

С Проссер использует пример иллюзии водопада как случай, когда движение переживается, хотя само содержание опыта не содержит никаких изменений – кроме времени. Действительно, когда мы глядим на неподвижный объект после того, как только что смотрели на движущийся поток, содержимое нашего опыта можно назвать неизменным: ни дома и деревья в примере из начала тезисов, ни берег реки в примере с водопадом не совершают никаких изменений или движений. Однако в этот момент наш опыт является динамическим. Этот факт, во-первых, вдохновляет С. Проссера на предложение модели динамических снимков, а во-вторых – и становится аргументом против иных темпоральных моделей сознания. С его точки зрения, кинематографическая модель предполагает существование только статичных кадров, следовательно, не может обеспечить восприятие движения для случая, когда движения нет. Экстенциональная модель, согласно его мнению, также не может объяснить этот эффект, поскольку в её рамках, по мнению С. Проссера, воспринимаемое в один момент времени не может определяться в иной момент. Более того: он убеждён, что все эти модели принципиально неразличимы [Prosser, 2017, p. 10], и аргумент против одной из моделей, таким образом, становится аргументом против всех них.

Наиболее радикальную критику в адрес С. Проссера предложил К. МакКенна, который обвинил своего оппонента в несостоятельности методологических принципов. Он утверждал, что теории, которые пытаются объяснить наше восприятие времени, не могут быть обоснованы доказательствами единственной когнитивной функции [McKenna, 2021, p 44]. В какой-то мере его утверждение может быть справедливо: учитывая обилие когнитивных функций, теория, объясняющая единственный пример и доказываемая им же, в целом неконкурентноспособна. Однако, вообще говоря, теория динамических снимков несколько шире, чем объяснение иллюзии водопада, и, следовательно, критика К. МакКена в данном случае бьёт мимо цели.

С нашей точки зрения, мы должны критически оценивать применение отдельных примеров работы сенсорных модальностей и когнитивных функций в качестве аргументов против существующих моделей. В большинстве случаев, для любой из моделей мы можем придумать некоторую надстройку, которая способна объяснить существование той

или иной иллюзии, не противореча сути теории. Поэтому для того, чтобы отдать предпочтения одной из моделей, одного примера, даже столь яркого, как иллюзия водопада, явно недостаточно. Однако нам следует признавать роль и корректность использования отдельных примеров работы сенсорных модальностей для создания новых теорий, понимая, что оценивать теории необходимо учитывая весь спектр известных когнитивных функций.

Литература

Месяц, С. В. (2021). Аристотель. О сне и бодрствовании (перевод и комментарии)». *Платоновские исследования*. № 14 (1). С. 226–251.

Dainton, B. (2018). Temporal Consciousness. In: N. Zalta E. N. (ed). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2018 Edition) [Web]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/consciousness-temporal/> > (дата обращения: 21.05.2022).

McKenna, C. A. (2021). Don't Go Chasing Waterfalls: Motion Aftereffects and the Dynamic Snapshot Theory of Temporal Experience. *Rev.Phil.Psych.* № 12. Pp. 825–845.

Mather, G., Verstraten, F., Anstis, S. (1998). *The motion aftereffect: A modern perspective*. The MIT Press.

Prosser, S. (2017). Rethinking the specious present. In: Phillips I. (ed). *Routledge handbook of philosophy of temporal experience*. Oxford: Routledge. Pp. 146–156.

**ЯЗЫК КАК ФОРМАЛЬНАЯ СИСТЕМА.
ЭЛЕКТРОННЫЙ ПОВОРОТ И ЭЛЕКТРОННАЯ СЕМАНТИКА.
РЕКУРСИВНАЯ ПАРАДИГМА**

А. А. Кузнеченков

*Самарский университет, г. Самара
ankuzn1970@yandex.ru*

Теория познания предполагает семантику, и до тех пор,
пока мы не поймем последнюю, не стоит иметь дело с первой.
Альберто Коффа

В работе рассматривается проблема семантической неполноты моделей формальных систем. Проводится анализ результатов в области формальных систем и значимых результатов электронной эволюции, с целью их возможного синтеза. Делается предположение о том, что использование результатов электронной эволюции в исследованиях формальных систем позволит «наполнить» модели формальных систем семантикой, что по значимости для развития формальных систем, сопоставимо с лингвистическим поворотом. Делается попытка оценки возможности электронного поворота и перспектив появления электронной семантики. Особенностью исследования является то, что оно проводится в рамках рекурсивного подхода. Рекурсия рассматривается в качестве основного механизма формирования семантики в электронных моделях формальных систем. Так же ставится вопрос о развитии рекурсивной парадигмы и рекурсивного мышления в целом.

Для определения понятия формальной системы, состоящей из аксиом и правила вывода, Д. Гильбертом использовалось понятие «формальная аксиоматика» [Гильберт, Бернайс, 1979]. «Гильберту принадлежит, во первых, подчеркивание того, что строгая формализация теории предполагает полную абстракцию от смысла - результат такой формализации называется формальной системой, или формализмом (или иногда формальной теорией, или формальной математикой); во-вторых, ему принадлежит метод, делающей формальную систему в целом предметом изучения математической дисциплины, называемой метаматематикой или теорией доказательств» [Клини, 2009, с. 60]. «Если рассматривать

картину полностью, то имеются три отдельные и отличные друг от друга «теории»: (а) содержательная (informal) теория, формализацией которой служит формальная система, (б) формальная система или предметная теория и (с) метатеория, в которой описывается и изучается эта формальная система.» [Там же, с. 63]. Как правило, в качестве метатеории используется формальная логика (исчисление высказываний, исчисление предикатов, и т.д.), основные вопросы метатеории – доказуемость, непротиворечивость и полнота. Вызывает интерес подход Р. Смальяна к определению формальной системы. Так, Р. Смальян обращает внимание на то, что «Понятия формальной системы и механической операции тесно связаны: каждое может быть определено в терминах другого» [Смальян, 1981, с. 15] и дает рекурсивное определение формальной системы без использования понятий формальной логики с использованием понятия разрешающей процедуры [Там же]. Понятия «язык» и «формальная системы» в работе рассматриваются как эквивалентные и будут использоваться в зависимости от семантического контекста.

Понятие семантики, рассматривается в контексте классической логико-семантической традиции, сформировавшейся благодаря работам Б. Рассела, Г. Фреге, Л. Витгенштейна, Р. Карнапа, А. Тарского, и т.д. Значимыми для рассматриваемой проблематики являются: разграничение смысла и значения Г. Фреге [Фреге, 2018] и формирование теории формальных систем, получившей свое дальнейшее развитие в теории моделей. Значение теории моделей для развития семантической традиции заключается в том, что: 1) было формализовано соотношение синтаксиса и семантики и, 2) определено, что семантика находится в метасистеме (метаязыке) в качестве которого выступает, как правило формальная логика или разрешающая процедура.

В 1931 году были опубликованы теоремы К. Гёделя о неполноте формальных систем, содержащих арифметику [Gödel, 1931], что, с одной стороны, ознаменовало начало кризиса в основаниях математики, с другой стороны, придало импульс исследованиям в области теории алгоритмов. Можно утверждать, что именно исследованиями в области теории алгоритмов содержатся предпосылки электронной эволюции. Для данного исследования, целью которого является попытка синтеза результатов исследований в области формальных систем и результатов электронной эволюции, важен факт установления общей природы семантических и алгоритмических исследований, при этом понятие

формальной системы выступает в качестве связующего понятия. Рассмотрение языка в качестве формальной системы позволяет использовать как результаты, полученные в семантическом направлении, так и в алгоритмическом.

В качестве значимых для данного исследования достижений в области формальных систем можно выделить: 1) аксиоматический метод как основной для построения формальных систем; 2) формирование логических формальных систем - исчисление высказываний и исчисление предикатов; 3) построение на основании логики формальных систем, имеющие в качестве моделей – арифметику (арифметика Пеано); геометрию (аксиоматика Гилберта); теорию множеств (аксиоматика Цермелло-Френкеля); 4) теорию моделей, как результат развития теории формальных систем. Особое место в исследованиях в области формальных систем занимает *Principia Mathematica* [Уайтхед, Рассел, 2005], как попытка построения математического языка в целом. Отдельно стоит отметить о полученных результатах в отношении понятия «истина»: 1) установлена аксиоматическая относительность и аксиоматическая замкнутость понятия истина - в различных аксиоматиках одно и то же выражение может иметь различные истинностные значения; 2) семантическая концепция истины А. Тарского [Tarski, 1936] которая рассматривает истину как семантическое понятие, что позволяет рассматривать ее смысл и значение по Г. Фреге; 3) определена алгоритмическая и рекурсивная природа истины – «Определение истины можно очень просто получить из определения другого семантического понятия – понятия выполнимости», и далее, «Для определения понятия выполнимости нам лучше вновь обратиться к рекурсивной процедуре» [ibid, p. 171]; 4) сформированы предпосылки для рассмотрения истины в качестве онтологического понятия.

В качестве значимых для данного исследования достижений в области электронной эволюции можно выделить: 1) факт того, что электронное пространство обладает значительно большими формализационными возможностями чем символы на плоскости. Средствами электронного пространства возможно зафиксировать структуру формального объекта и моделировать процессы, в том числе и рекурсивные; 2) рассматривая компьютерную программу как аналог формальной системы, можно отметить, что в процессе ее электронной реализации она существует на различных семантических уровнях – человекочитаемом, как текст, и - машиночитаемом, как число в двоичной (логической) системе исчисления;

3) машиночитаемый уровень электронной реализации модели формальной системы является доказательством ее логической природы; 4) факт существования формальных объектов в электронно реализованных моделях позволяет дать допустимый в целом ответ на вопрос об онтологии абстрактных объектов (они существуют в электронной модели).

Теория моделей позволяет рассматривать неполноту как свойство модели формальной системы. Предположение о том, что неполнота модели формальной системы связана со средством формализации основано на факте того, что модели формальных систем реализуются: 1) символами на плоскости; 2) в сознании человека. Пример естественного языка свидетельствует о том, что семантика языка в целом, с одной стороны, содержится во всем множестве текстов, с другой стороны, динамическая модель языка реализована в сознании человека и семантика естественного языка находится именно там – в сознании человека. Электронная эволюция изменяет общую ситуацию, и это изменение связано с появившейся возможностью электронной реализации моделей формальных систем. Таким образом, в рамках электронной эволюции происходит развитие средств формализации, что для формальных систем означает возможность перехода от символической реализации модели к электронной. Существенным ограничением символического способа реализации является то, что символы на плоскости обладают ограниченными возможностями семантической формализации, а значит и невозможно реализовать в полном объеме решающую процедуру [Смальян, 1981], выполнимость [Tarski, 1936] и т.д. - для этого нужен человек, или электронный автомат. Электронная эволюция расширяет само понятие «формальное», включая в него модели формальных систем, и тем самым делая их предметом изучения, что важно.

«Четвертое царство» Фридриха Дессауэра [Дессауэр, 2017], как следствие активного развития философии техники, зафиксировало факт технического поворота в исследованиях. «Очевидно, что в XXI веке человечество вступает в состояние «третьей природы», выстраивая новую искусственную среду поверх искусственной среды, созданной в XIX и XX веках, и у философского сообщества пока нет обобщающих глобальных моделей, которые, могли бы описать взаимодействие природного и искусственного, показать глобальный горизонт прогноза» [Нестеров, 2016]. Результаты электронной эволюции позволяют сделать предположение о том, что в рамках технического направления исследований созданы предпосылки для «электронного поворота».

Ограничения возможности символического способа реализации моделей формальных систем возможно определить как общую проблему неполноты моделей формальных систем. Помимо общей проблемы, существует специальная, и она связана с рекурсивными расширениями в формальном языке, которые являются следствием общерекурсивной природы познания в целом. Примерами проявления второй проблемы служат логические парадоксы в естественном языке (парадокс Лжеца, парадокс Брэдбрея и т.д.), парадоксы в математике (парадокс Кантора, парадокс Рассела и собственно теоремы К. Гёделя о неполноте), имеющие рекурсивную природу. Значимым является то обстоятельство, что парадоксы являются логическими, а следовательно, в контексте рассуждений - семантическими. Таким образом, в качестве решения общей проблемы неполноты моделей формальных систем рассматриваются электронное расширение моделей формальных систем, которые содержат электронную семантику.

В решении второй проблемы возникают сложности, связанные с ее фундаментальностью. Устанавливаемая в процессе исследования неполнота модели формальной системы является свойством аксиоматики, логично предположить, что решением является изменение аксиоматики. В качестве расширения аксиоматики исследования предлагается рассмотреть рекурсивное расширение. Математическая наука выступала и выступает своего рода локомотивом в научных исследованиях. Понятие рекурсии занимало особое место в математических исследованиях и это связано прежде всего с тем, что это понятие в первую очередь отражает природу бесконечности и используется в основных математических понятиях таких как число и множество. Стоит предположить, что понятие рекурсии возникло в результате попытки формализации фундаментальных свойств объектов и процессов реального мира – объект состоит из элементов, которые являются объектами и т.д. Общая ситуация в основаниях математики всецело относится и к изученности рекурсивных процессов, которые относятся к фундаментальным, поскольку отражают возможность мира, человека, формальной системы изменять себя. Рекурсивная природа явлений окружающего мира проявилась в понятии аутопоэзиса в биологии, фактах того, что социальное общество само себя регулирует, а право и математическая наука по сути являются саморазвивающимися. В рамках нашей работы интерес представляет дальнейшее изучение рекурсивных процессов человеческого мышления и их электронных моделей, исследование которых невозможно без формирования

рекурсивного мышления, которое в свою очередь могло бы сформироваться на основании рекурсивной парадигмы в философии.

Исследование электронной трансформации языка как формальной системы на основе анализа результатов электронной эволюции в рамках рекурсивной парадигмы является позитивным и может привести к реализации семантики в электронных моделях. Электронные модели представляют собой следующий этап развития символьных формальных систем и более мощное средство формализации, включающее семантику, что позитивно. Рекурсивная парадигма может стать основой для создания подхода к исследованиям явлений, имеющих бесконечную природу, каким и является познание.

Литература

- Гильберт, Д., Бернайс, П. (1979). *Основания математики*. М. «Наука».
- Дессауэр, Ф. (2017). *Спор о технике: монография*. Самара. Издательство Самарской гуманитарной академии.
- Клини, С. К. (2009). *Введение в метаматерику*. М. Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Нестеров, А. Ю. (2016). Эпистемологические и онтологические проблемы философии техники: «четвёртое царство» Ф. Дессауэра. *Онтология проектирования*. Т. 6. № 3 (21). С. 377-389. DOI 10.18287/2223-9537-2016-6-3-377-389. - EDN WMXBUB.
- Смальян, Р. (1981). *Теория формальных систем*. М. «Наука».
- Уайтхед, А., Рассел, Б. (2005). *Основания математики*. Самара. Изд-во «Самарский университет».
- Фреге, Г. (2018). *Логика и логическая семантика*. М. «ЛЕНЛАНД».
- Gödel, K. (1931). Über formal unentscheidbare Sätze der Principia Mathematica und verwandter Systeme I. *Monatshefte für Mathematik und Physik*. Band 38. Ausgabe 1. S. 173–198.
- Tarski, A. (1936). *The Concept of Truth in Formalized Languages*. *Logic, Semantics, Metamathematics*. Oxford University Press. Pp. 152–278.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ТРАНСГУМАНИЗМ: УТОПИЧЕСКОЕ И АНТИУТОПИЧЕСКОЕ СУЖДЕНИЯ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СМЕРТНОСТИ И ЕЕ СВЯЗИ С ТЕХНОЛОГИЯМИ

Д. Д. Подкорытов

Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

Denis_podkorytov@internet.ru

Современный мир вступил в новую фазу информационной эпохи, связанную с цифровизацией всех аспектов социальной жизни человека. Цифровая среда проникает в повседневные практики и области профессиональной деятельности, меняя формы участия человека. Некоторые учёные предсказывают, что эволюция человечества рано или поздно должна будет перейти от Homo Sapiens к виду более утонченному и технологическому виду – Homo Digital [Чернов, 2020]. Новым открытием, производимым в области искусственного интеллекта, всё чаще вызывают эмоциональный коктейль из страха, надежды, возбуждения и безразличия. Однажды, в 2014 году известный физик-теоретик Стивен Хокинг в интервью телеканала ВСС заявил, что разработка полноценного искусственного интеллекта может означать конец человеческой расы [Вулластон, 2014]. Однако, некоторые ученые представляют более утопическое будущее, где будут стёрты ограничения продолжительности жизни, познания и эмоции, а на их замену придут бессмертие, сверхразум, счастье и удовольствие. Несмотря на наглядное расхождение во взглядах, стоит изучить, насколько современны описания потенциала искусственного интеллекта, раскрывающего тягу человека к трансгуманизму.

В перенасыщенном технологиями мире, где человеческие привязанности к технологиям уже быстро развиваются и по иронии судьбы ограничивают реалистичные человеческие взаимодействия, сохранение того, что делает нас людьми, кажется достойной ценностью, которую мы должны лелеять и продвигать. Однако стремительный технический прогресс вкупе с предсказаниями ученых указывают на будущее, в котором разделительная линия между роботами и людьми будет стираться, особенно по мере того, как люди начнут жить в роботах или они в нас.

Очевидно, что для некоторых компромисс между человеческим творчеством, духом и красотой и искусственно созданным интеллектом

выглядит как плохая сделка и может привести к нашей гибели. Однако некоторые сторонники искусственного интеллекта не воспринимают это даже как компромисс с нашими идеалами или даже с тем, что значит быть человеком. Все разочарование ограничивается людьми, представляющими мир, населенный разумными машинами и людьми, покинувшими свои тела, которые из-за технологического процесса будут обладать бессмертием и превосходными умственными способностями.

Рэй Курцвейл широко известный оптимист в области искусственного интеллекта, предсказывает, что в ближайшем будущем большинство всех болезней будет искоренено поскольку нанороботы оказываются высокоэффективными средствами здравоохранения, отличными от традиционных медицинских процедур. Также мы можем экспоненциально увеличить наш интеллект объединив нашу биологическую кору головного мозга с синтетическим веществом, которое в некоторой степени сможет загружать и обрабатывать информацию, взятую из облака. Человеческому мозгу сложно усваивать новые вещи, и ему трудно передавать эти знания дальше, однако, с помощью искусственного интеллекта эти ограничения могут быть разрушены и интеллект начнет принимать больше небιологическую форму. Эти улучшенные условия существенно подчеркиваются в перспективах трансгуманизма, который является условием, при котором люди будут обладать экстраординарными способностями и превзойдут присущий нам потенциал.

Драматизация антиутопического будущего можно увидеть в фантастических романах и фильмах, которые явным языком говорят о человеческой тревоге в этой области. В этих картинах изображена технологическая сложность сверхчеловеческих киборгов. Роботы, спроектированные с учетом высокоразвитых чувств и интеллекта, чтобы выполнять единственную задачу защиты людей, в соответствии с тремя законами робототехники Айзека Азимова:

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.
2. Робот должен подчиняться приказам, отдаваемых ему людьми, за исключением, когда есть противоречие 1 закону.
3. Робот должен защищать своё собственное существование до тех пор, пока защита не противоречит 1 и 2 закону [Айзек Азимов, 1950].

Несмотря на то, что они кажутся четко определенными руководящими принципами, высокоинтеллектуальные роботы получают гораздо

более глубокое понимание своей задачи и руководящих правил. Увидев разрушения, вызванные людьми в мире, роботы решают, что мы, скорее всего, будем в безопасности, если роботы возьмут управление на себя, поскольку люди склонны к ошибкам и иррациональности, которые могут нанести ущерб человечеству.

В отличие от этого мрачного будущего, изображаемого в антиутопической литературе, некоторые утописты верят, что с появлением полноценного искусственного интеллекта панацея от потребностей и ограничений человечества неизбежна. Пирамида потребностей Абрахама Маслоу рухнет, превратившись в плоский ландшафт постоянного комфорта и процветания. С появлением высокоинтеллектуальных роботов-протезов людям со сломанными конечностями просто придется думать на более высоком уровне о том, что они хотят делать, и рецепторы этих роботов будут выполнять их запросы. Вместе с передовыми биотехнологическими усовершенствованиями смерть человеческой плоти ни в коем случае не будет самоцелью, а будет средством, с помощью которого мы достигнем бессмертия и превзойдем самих себя. Другие ученые, такие как Рэй Курцвейл, считают, что искусственный интеллект предоставляет нам выбор между ограничением или свободой. Утопическая перспектива, вызванная быстрым развитием сверхчеловеческого интеллекта, подпитала движение, известное как трансгуманизм.

Трансгуманизм, термин, обозначающий выход за пределы возможного для человека, постепенно прокладывает себе путь в будущее человечества благодаря недавним разработкам в области искусственного интеллекта. Однако стоит упомянуть, что в последнее время технологии претерпели изменения. В начале 20-ого века технологии стремились служить гуманистической цели, которая заключалась в том, чтобы сделать мир лучше и комфортнее для людей. Однако, пройдя через несколько лет социально-экономических сдвигов, технология постепенно взрастила свою трансгуманистическую цель – сделать люди лучше для всего мира. Для верующих в трансгуманистическую силу технологий человечество будет спасено божественной силой технологий, дарующей людям благоговение бессмертия и сверхчеловеческих способностей. Для тех, кто выступает против гонки к сингулярности, которая представляет собой футуристическое состояние, в котором общество радикально меняется благодаря развитию сверхчеловеческого интеллекта, природа смерти и знание того, что жизнь коротка и эфемерна, это действительно то,

что делает жизнь стоящей того, чтобы жить. Без определенного конца для всего и вся, все вещи могут потерять их значение. Большинство антиутопических прогнозов о сингулярности указывают на то, что переход от человека к человеческому дроиду, скорее всего, будет постепенным процессом. Они указывают на возможность социального неравенства, предрассудков и конфликтов между людьми и постлюдьми. Как только немногие люди достигают сверхразума, они могут эгоистично стремиться застопорить трансформацию других, чтобы править и процветать. Наличие черт, которые превосходят то, что может сделать любой нынешний человек, особенно давнее желание человечества, и теперь технология может предоставить нам эту возможность [Луков, 2017].

На данный момент, изучив через призму научной литературы и киносредств возможные антиутопические и утопические результаты искусственного интеллекта, которые, в свою очередь, выявили соответствующие вопросы, присущие нашему пути, или нашей гонке в будущее, признает двойственную природу технологий. Раскрывая присущее человеку стремление к трансцендентной жизни, полной блаженства и утопии, и в то же время признавая тревожную природу наших человеческих желаний, выдвигаются ряд соображений, связанных с принятием решений, которые должны вызвать критическое осмысление и дискуссия о будущем человеческой расы.

Литература

Айзек Азимов (1950). *Я – робот*. Америка. Gnome Press.

Вулластон, В. (2014). ‘Artificial intelligence could spell the end of the human race’: Stephen Hawking warns a robotic uprising will spiral out of our control. *MailOnline* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-2857658/Artificial-intelligence-spell-end-human-race-Stephen-Hawking-warns-robotic-uprising-spiral-ontrol.html> (дата обращения: 15.09.2022).

Луков, В. А. (2017). Трансгуманизм. *Энциклопедия гуманитарных наук*. № 1. С. 245–252. DOI: 10.17805/zpu.2017.1.20

Чернов, И. В. (2020). Цифровизация как тенденция развития современного общества: специфика научного дискурса. *Гуманитарий Юга России*. Т. 10. № 1. С. 121–131.

КАК ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ДЕМИСТИФИЦИРУЕТ ПОНЯТИЕ «ТВОРЧЕСТВО»

И. К. Ставровский

*Институт философии НАН Беларуси, г. Минск
tutoriks@gmail.com*

Многие склонны считать, что творчество – это одна из тех способностей человека, которая недоступна машине. Ведь одно дело слепо выполнять алгоритм, а совсем другое – создавать нечто принципиально новое и даже уникальное. Таким образом, изначально предполагается, что творчество не поддается алгоритмизации. Действительно, для создания чего-то нового может потребоваться наличие специальных знаний и навыков. Возможно даже есть некие правила, советы, рекомендации и т. д. Однако ничто из перечисленного само по себе еще не гарантирует успех, так как в творческом процессе неизбежно сохраняется нечто, нередуцируемое ни к сколь угодно высокому уровню мастерства, ни к способности воспроизводить сколь угодно сложный набор правил.

Данная позиция наивна и крайне уязвима для критики. Вполне очевидно, что здесь не хватает четкого и однозначного критерия для определения того, что является творчеством, а что нет. Кажется, что проблема решается более-менее произвольно на основе массы непроясненных посылок.

Скажем, если мы возьмем за точку отсчета понятия «новизны» или «оригинальности», которые часто используют для прояснения понятия «творчество», то мы никуда не продвинемся. Абсолютная оригинальность невозможна хотя бы потому, что любое творчество имеет ряд ограничений. К примеру, писатель подчиняется правилам языка, художник может использовать конечное количество цветов, а музыкант ограничен слышимым диапазоном звуков. Если же творец учитывает правила гармонии, композиции и т. д., то ограничений становится еще больше. В каком-то смысле произвольный набор звуков, символов или цветовых пятен может считаться даже более оригинальным. Но вряд ли многие назовут подобное творчеством.

Можно было бы попытаться связать понятие «творчество» с понятием «спонтанности», рассматривая его как необусловленное ничем иным, кроме самого себя. Предполагается, что творец создает

нечто только ради самого процесса, не думая о славе, деньгах и т. д. Однако здесь мы имеем дело со своеобразной генетической ошибкой. По сути, утверждается, что произведение (независимо от его качества) обесценивается, если творец творил не ради творчества как такового. Подобное увязывание творчества с мотивацией творца приводит к парадоксальной ситуации, где мы оцениваем не произведение, а того, кто его создал. Следовательно, даже самую лучшую картину мы должны объявить «неподлинным творчеством», если станет известно, что художник нарисовал ее ради денег. При этом если данный факт никогда не вскроется, то мы будем дальше считать картину шедевром. Такой подход выглядит крайне неудовлетворительным.

Теперь рассмотрим, как понятие творчества концептуализируется в рамках дискуссий об искусственном интеллекте. В 2003 году трио ученых Сельмер Брингсйорд, Пол Белло и Дэвид Ферруччи в качестве альтернативы тесту Тьюринга предложили оригинальный способ оценки разумности искусственного интеллекта, назвав его тестом Лавлейс [Bringsjord, Bello, Ferrucci, 2003]. Выглядит он следующим образом:

Человек **H** разработал искусственный интеллект **A**, создающий рассказы. Если **A** создает рассказ **o**, который не является ошибкой, и **H** не может объяснить, как **o** был создан, то **A** следует рассматривать как способный к творчеству. Важно, чтобы в распоряжении **A** была вся возможная информация об **H**. Успешным объяснением работы **A** будет представление четкого алгоритма его работы.

Однако проблема теста Лавлейс в том, что он содержит внутреннее противоречие. Полное знание о том, как устроена система уже подразумевает наличие знания о том, что и как она делает. Иными словами, решение данной задачи является вопросом времени и ресурсов. А наличие временных ограничений является произвольным и никак необоснованным условием.

Другой ученый Марк О. Ридл предложил улучшенную версию, тест Лавлейс 2.0 [Riedl, 2014]. Формулируется он следующим образом:

A создает артефакт **o** типа **t**. При этом **o** отвечает множеству условий **C**, где каждое условие $c_i \in C$ выразимо на естественном языке. **H** выбирает **t** и **C**, а затем оценивает, насколько созданный **o** им соответствует. Рефери **R** проверяет, чтобы сочетание **t** и **C** было возможным. Способность **A** создать **o**, отвечающее требованиям **t** и **C** является сильным индикатором интеллекта.

К сожалению, вторая версия теста решает проблемы первой лишь частично. Во-первых, мы должны довериться оценкам **Н** и **Р**. Во-вторых, мы вновь сталкиваемся с произвольным определением понятия «творчества», а именно: способность **А** создать **о**.

На этом этапе анализа становится очевидной ключевая проблема. Представление о неспособности машины к творчеству полностью основано непроясненности базового понятия. Пока последнее представляется загадочным или даже мистическим, то можно с полной уверенностью утверждать, что искусственный интеллект никогда не сможет заниматься творчеством. С другой стороны, попытка формализовать понятие «творчество» приводит нас к произвольным определениям и наборам критериев. Как отмечал специалист по психологии творчества Я. А. Пономарев, сама идея поиска некоего алгоритма творчества противоречит смыслу этого понятия [Ильин, 2008, с. 22].

В действительности данная дискуссия неизбежно приводит к демистификации понятия «творчество». Без четкой дефиниции данное понятие не имеет смысла, так как мы даже не можем выделатать объект его референции. Следовательно, осмысленное обсуждение становится невозможным. Введение произвольных критериев хотя само по себе неудовлетворительно, демонстрирует важную закономерность: однозначность в определении позволяет сразу перевести диалог в область создания алгоритма творчества. Проблема становится чисто технической.

Подобный подход вызывает недовольство у многих людей, так как даже постановка такого вопроса подразумевает устранение ореола вокруг понятия «творчества», а вместе с ним – исключительного онтологического статуса человеческого разума. А любые попытки сделать нечто подобное порождают своеобразную защитную реакцию. Ранее она проявлялась в обесценивании когнитивных способностей, которыми успешно овладевает искусственный интеллект. Например, в древности хорошая память считалась признаком высокого ума. Однако с появлением компьютеров она все более рассматривается как нечто механическое. Теперь развитие искусственного интеллекта может пошатнуть полумистический образ творчества. Это угрожает представлению об исключительности человека в гораздо большей степени, что порождает еще более сильную защитную реакцию.

Тем не менее описанная реакция не основана на логике и фактах, а скорее отражает иррациональное желание сохранить особый статус

человека в онтологии. Вместо этого нам следует пересмотреть свою картину мира и принять тот факт, что человеческое сознание вообще и наша способность к творчеству в частности являются интересными, но не исключительными частями мира.

Литература

Ильин, Е. П. (2008). *Психология творчества, креативности, одаренности*. СПб. Питер.

Bringsjord, S., Bello, P., Ferrucci, D. A. (2003). Creativity, the Turing Test, and the (Better) Lovelace Test. *The Turing Test. The Elusive Standard of Artificial Intelligence*. Dordrecht. Springer Science+Business Media. Pp. 215–239.

Riedl, M. O. (2014). The Lovelace 2.0 Test of Artificial Creativity and Intelligence. *arXiv* [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/pdf/1410.6142.pdf> (дата обращения: 07.08.2022).

ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ВКУСОВЫЕ СИНЕСТЕТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Я. Ю. Алимова

*Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, uyalimova.18@mail.ru*

*Статья подготовлена при финансовой поддержке
в рамках реализации программы развития НГТУ,
проект №С22-29 «РКИ в эпоху цифровизации:
русско-китайские параллели»*

Метафора (от греч. *metaphora*) – это троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении [Арутюнова, 1990]. Метафоры встречаются не только в художественных и публицистических текстах, но и в повседневном, научном, изредка даже деловом общении. В исследовании Джерарда Стина и его коллег было выявлено, что в научных текстах, в новостях и в разговорной речи примерно каждое седьмое слово является метафорой [Steen, 2010, p. 156].

Синестетическая метафора – разновидность метафоры, в основе которой лежит межчувственный перенос (например, бархатный голос, кислое лицо, яркий звук и т.д.). Отличительной чертой данного явления является способность одновременно использовать несколько областей чувств: зрение и осязание, обоняние и слух или вкус и другие комбинации [Клюев, 1999].

Безусловно, метафора – важный способ структурирования восприятия человеком окружающего мира, следовательно, она обладает большим потенциалом для ознакомления с языком и культурой других стран. Но из-за различий национальных культур аналогичные стимулы

могут вызывать разные ассоциации. Известно, что именно с помощью органов чувств в основном и создаются образы предметов и явлений окружающей среды, которые далее становятся более сложными «структурами психологического уровня, рефлексирующими субъектнй образ картины мира человека» [Лю, 2020, с. 53]. Исследования Дж. Миллера и П. Джонсона показывают, что перцепция оказывает большое влияние на язык [Miller, Johnson, 1976]. В языке зафиксированы разнообразные связи между лексемами со значением восприятия, в том числе и на образном уровне. В значение практически каждой лексической единицы входят и суждения о её восприятии.

В языке любого этноса есть вкусовые метафоры, в их основе лежат универсальные механизмы его физиологической перцепции. Как в русском, так и в китайском языке лексические единицы со значением вкусового восприятия могут выражаться с помощью метафоры для иллюстрации восприятия другой модальности (слуховой, зрительной, обонятельной или осязательной), а также для оригинального выражения эмоций и т.д. По мнению Лю Цзояня, в русском и китайском языках процессы развития семантических полей лексических единиц, актуализирующих вкусовые свойства, а также их речевая репрезентация во многом схожи, что может быть объяснено универсальностью базы перцепции у разных народов и культур [Лю, 2020, с. 52–53].

На физиологическом уровне принято различать четыре вида вкуса: сладкий, солёный, кислый и горький. На лингвистическом уровне количество лексем-прилагательных, которые актуализируют вкусовые параметры, намного шире. В русском языке, помимо основных вкусов, это, например, *прогорклый, пикантный, пряный, пресный* и т.д. В китайском языке репрезентация вкусовых ощущений субъекта тоже обширна: 甜 [tián]/甘 [gān] – *сладкий*, 辣 [là] – *горький / острый*, 酸 [suān] – *кислый*, 咸 [xián] – *солёный*, 苦 [kǔ] – *горький*, 辛 [xīn] – *пикантный*, 淡 [dàn] – *пресный*, 涩 [sè] – *терпкий*, 馊 [shōu] (в русском языке отсутствует такой вкус, ближе к *прокисший* и *забродивший*) и др. Также в китайском языке часто сочетают два прилагательных с семантикой вкуса для создания нового оттенка, например: 甘甜 [gāntián] – *сладкий/приторный*, 香甜 [xiāngtián] – *вкусный и интересный, сладкий*, 酸涩 [suānsè] – *терпкий*, 酸甜 [suāntián] – *кисло-сладкий*. Такие новообразования часто метафоризируются.

Со вкусом могут взаимодействовать и другие модальности. При помощи конкретного ощущения в области вкуса человеческое мышление

проектирует ощущение в других сферах восприятия. Образованные подобным образом метафорические языковые построения обусловлены спецификой человеческого мышления, «стремящегося привести к осознанию абстрактного при помощи конкретного» [Бойчук, 2012, с. 375]. В свою очередь, метафора и синестетическая метафора в особенности являются способом специфической, индивидуально окрашенной номинации того или иного явления действительности.

Самой распространённой моделью в двух сопоставляемых языках является модель вкус→обоняние. Например, в русском языке запах может быть вкусным, горьким, терпким, острым, солёным, сладким или кислым; аромат – сладким, пикантным, приторным, терпким. В китайском языке имеются сочетания: 苦味 [kǔwèi] – *горький запах*, 甜味 [tiánwèi] – *сладкий запах*, 辣味 [làwèi] – *острый, горький запах*, 咸味 [xiánwèi] – *солёный запах*.

Человеческий голос, речь тоже могут приобретать вкусовые качества. В русском – *сладкая мелодия, сладкие речи; горькая ирония; кислые слова; солёный анекдот; пикантная новость; пресная шутка*. В китайском языке есть аналогичные сочетания: 甜言 蜜语 [tián yán mì yǔ] – *сладкие речи, медовые слова, лесть*; 声音 甜 [shēngyīn tián] – *сладкий голос*; 苦口婆心 [kǔkǒupóxīn] – *говорить горькую правду во благо*; 淡淡地说 [dàndàn de shuō] – *холодно говорить*.

В зрительной сфере восприятия в русском языке это: *сладкая или горькая улыбка, сладкое выражение (лица), горький смех, кислый вид / кислая физиономия, пикантная внешность*. В китайском: 甜美的微笑 [tiánměi de wēixiào] – *сладкие, приятные улыбки*; 苦笑 [kǔxiào] – *горький смех, смех сквозь слёзы*; 愁眉苦脸 [chóuméi kǔliǎn] – *с кислой миной*. Приятные или неприятные ощущения от внешнего вида человека ассоциируются у нас со сладостью или горечью, а иногда с чем-то кислым.

В русском языке можно найти некоторые примеры незуального переноса и в сферу осязания: *приторный жар, горький холод*. В китайском языке тоже есть примеры такой модели переноса: 苦寒 [kǔhán] – *горький холод*, 火辣辣 [huǒlālā] – *жгучий, пронизывающий*.

Также мы хотели бы обратить внимание на различия в метафоризации лексемы *горький* /苦 в обоих языках. Для русского языка оно значит «очень мучительно» (*горько жаловаться*), «невыносимое» (*горькое разочарование*), когда в китайском же языке «苦» выражает значение «терпеливо, старательно» (勤学苦练 [qínxué kǔliàn] – *усердно учиться*), 苦功 [kǔgōng] – *упорный труд*).

Итак, синестетические метафоры являются важным способом структурирования восприятия человеком окружающего мира. Они помогают ярче и понятнее вербализировать необходимые образы и чувства. Одинаковый стимул может вызвать у людей разные индивидуальные ассоциации. Иногда в одном языке вкусовое слово приобретает метафорическое значение, а в другом языке данное значение у языковой единицы отсутствует. Например, русское прилагательное солёный метафорически обозначает «выразительный и резкий до глупости» (*солёный анекдот*), а в китайском языке 咸 [xián] вообще не имеет метафорического значения. Так в представлении о конкретном вкусе формируется содержательный компонент, который отражает национальное своеобразие языка. В обоих языках существует множество одинаковых по своей семантике синестетических метафор. Это указывает на схожесть образов и культур, которое можно использовать для изучения и взаимного обогащения языков.

Литература

Арутюнова, Н. Д. (1990). Метафора. *Лингвистический энциклопедический словарь* [Электронный ресурс]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/296c.html> (дата обращения: 14.08.2022).

Бойчук, А. С. (2012). Лингвистический анализ «вкусовых» метафор русского языка. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. № 2. С. 372–379.

Клюев, Е. В. (1999). *Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов*. М. Издательство ПРИОР.

Лю, Ц. (2020). Метафоризация лексических единиц с семантикой вкусового восприятия в китайском и русском языках. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. № 5. С. 51–62.

Miller, G. A., Johnson-Laird P. N. (1976). *Language and Perception*. Cambridge (Mass.). Harvard University Press.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК ТУНГУССКОГО КРУГОВОГО ОРНАМЕНТА

Г. Н. Варавина

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных
народов Севера Сибирского отделения РАН, г. Якутск
varavina1982@mail.ru*

Жизненный мир и традиционная культура кочевников обусловили развитие разветвленной системы гармоничного существования человека и природы. Культурные коды северных кочевников передавались из поколения в поколение через памятники культуры, являющиеся уникальными образцами декоративно-прикладного искусства. Образный «язык» орнамента северных народов, вобравший в себя опыт взаимодействия человека с природой, богат и многогранен. В тунгусском орнаменте – одном из ярких явлений национальной культуры эвенов, отразились ее своеобразие и специфика, обусловленные тем, что в орнаменте нашли выражение – кочевая культура, традиционный образ жизни и своеобразная ментальная картина мира. Тунгусскому орнаменту присущи художественно-стилистические особенности и сакрально-семантическое содержание, заключающееся, в частности, в том, что орнаментальные мотивы были призваны выполнять функции оберега.

Традиционно орнаментам эвенов были присущи восходящие к неолитической традиции, распространенные в искусстве народов Крайнего Северо-Востока геометрические формы в виде кругов, полос, квадратов, треугольников, ромбов и др. Отметим, что через визуально-образное восприятие (искусство, орнамент) могут репрезентироваться этнолокальные модели северного ландшафта. Так, издавна жизненное пространство эвенов, в основном, составлял горно-таежный ландшафт – тайга с многочисленными реками, речушками и горными возвышенностями. Геопропространственные объекты – гора, реки – это тот контекст, в котором сложился национальный образ мира ламута-кочевника, наглядно отраженный в орнаментации эвенского костюма [Алексеева, Варавина, 2017, с. 15].

В орнаментике эвенов распространены несущие в себе солярные символы, орнаменты в виде кругов (вышитые и бисерные кружки). Круговой орнамент, элементы круга с глубокой древности занимали весьма

заметное место в искусстве почти всех коренных народов Севера и Сибири. Исследователи традиционного орнамента считают круг, а также близкие к нему знаки – концентрические круги, розетки, спираль, – «знаком солнца». Круговые орнаментальные мотивы (простые и концентрические круги, полукруги, кружки с точкой) являются преобладающими у северных тунгусов. Как отмечает Н. В. Кочешков, круги (а также полосы) «служат как бы основным этническим разграничителем тунгусской художественной культуры» [Кочешков, 1997, с. 71].

Круговой орнамент, в целом группа узоров, куда входят точки, кружки с точкой, концентрические круги и полукруги, по мнению ученых «могли возникнуть в конце неолитической эпохи, а развилась и оформилась в эпоху металла» [Иванов, 1963, с. 274]. С. В. Иванов относит этот орнамент «к североазиатскому типу» и сообщает, что имеются достаточные основания видеть в этом типе «древнюю группу мотивов, частично существовавшую уже в неолитическое время в Прибайкалье» [там же, с. 312].

У эвенов различными круговыми орнаментами украшались борта и полы одежды, олени наголовники, сумочки, кисеты и др. В виде бордюра орнаментировалась меховая одежда, нагрудники и обувь, а также отдельными крупными кругами украшались перчатки, мешочки и головные уборы. Бисерные круги бывали чаще всего белого, черного и синего цветов (традиционная цветовая гамма в шитье бисером у эвенов), могли встречаться и красные. Круги чаще всего делались концентрическими и располагались в один или два ряда, один над другим. Иногда парные круги не только соприкасаются, но частично сливаются, образуя фигуры в виде восьмерки, в дальнейшем развивающиеся в узоры, напоминающие цифру «3» или букву «Е»; вместо бисерных кругов на одежду нашивались восьмеркообразные фигурки, отлитые из олова, которые располагались на материи в том же порядке, что и парные бисерные круги. Тунгусы часто пришивали к одежде медные кольца и пуговицы, оловянные диски или посеребренные железные пластинки круглой формы. Так, эвенкийские женщины для украшения меховой одежды, нагрудников и головных уборов широко пользовались серебряными и посеребренными железными пластинками круглой формы. Порядок расположения этих пластинок на коже, мехе или сукне был таким же, как и кружков из бисера. По данным XVIII в., платье богатых удских тунгусов было «изнашено» серебряными кругами, а на лбу они носили «серебряные и медные кованые бляхи, на коих прорезывают узенькие скважины и напускают на глаза – сквозь их смотрят, что считают за знатное

щегольство». Все это говорит о любви тунгусов к кругам, независимо от того, из какого материала они сделаны [Иванов, 1963, с. 287–288]. Есть основание полагать, что предки эвенков значительно чаще, чем современные эвенки, пользовались орнаментом из кругов, а также украшениями, составленными из пластинок круглой формы. С одной стороны, на эту мысль наводит уже отмеченная общность эвенкийского кружкового орнамента с таким же орнаментом северо-восточных палеоазиатов, что, видимо, объясняется длительным контактом тунгусов с палеоазиатами и вхождением в состав тунгусов значительных групп местного дотунгусского населения Севера, в особенности Северо-Востока; с другой стороны, далекие предки тунгусов, расселявшиеся по обширным пространствам Сибири, могли и сами принести на Север древний кружковый узор и украшения из кружков, сделанные из костей и раковин [там же, с. 289].

Круг по-эвенски называется *мэрэты*: 1) круг; 2) круглый); *мэрэты-калтакан*, *мэрэтыгадан* – полукруг [Цинциус, Ришес, 1957, с. 131]. Орнамент, узор, состоящий из кружочков, называется *мэрэтикэгчэ* (вышивается из бисера) [Роббек, 2004, с. 182]. *Огэтэ* (или *огэлтэкэгчэ*) – орнамент, очень похожий на *мэрэтикэгчэ* (кружки). Кружки при этом соединяются в восьмерку. Этим орнаментом украшается любая часть костюма. Мотив орнамента *атакикабча* («паучок») – маленькие кружочки, расположенные на бисерной линии (кружочки, пересеченные посередине линией) [Иванов, 2001, с. 54]. *Ины* – орнаментированный кружок на тыльной стороне перчаток [там же, с. 135]. *Мэндэлэн* – линия орнамента из металлических кружков. Мэнэн – кружок металлический. *Мэрэтикабча* – мотив орнамента: маленькие кружочки [там же, с. 137].

У тюгасирских эвенов одним из круговых орнаментов является *тилэрэгчэл*, обозначающий солнце или озеро. По словам информанта, этот орнамент также может означать «глаза рыбы» и является оберегом от злых духов [ПМ Варавиной, 2018, информант – Никулина З.П.].

Круг – универсальный символ, им обозначаются изначальное совершенство, священность, бесконечность, вечность. Круг символизирует динамизм, бесконечное движение, а также возвращение, возвратное движение, несет в себе значения целостности, единства, непрерывности и цикличности, он связан с жизненным кругом и душой человека. В орнаменте эвенов круг олицетворяет благополучие, богатство и силу.

У эвенов были обереги для новорожденного, символизировавшие душу человека. К ним относилось изображение солнца в виде

магического кружочка, пришиваемого к задней части спинки люльки. Это изображение олицетворяло саму душу ребенка. Оно выполнялось разноцветным бисером – белым, голубым и синим. Оберег защищал душу ребенка, помогал ей «окрепнуть», «вжиться» в тело новорожденного, а также стать полноценным человеком, полноправным членом рода [ПМ Варавиной, 2010 – информанты Неустроева Е.С., Едукина А.К.].

В целом круговой орнамент в одежде, особенно в обрядовой, олицетворял жизненную силу человека и выполнял функции оберега. Круговой орнамент часто наносился на грудную часть одежды, преимущественно к которой пришивались круглые металлические диски как мотив «солнца». Эти элементы орнаментального декора содержали в себе комплекс оберегательных и родовых знаков, служивших амулетами-оберегами [ПМ Варавиной, 2018, информант – Никитина А.Р.]. У якутов серебряный круг *туоһахта* на головном уборе невесты служил оберегом от влияния злых духов, олицетворяя жизненную силу девушки [ПМ Варавиной, 2015, информант – Васильева М.А.].

В целом ряды круглых металлических дисков, штампованных серебряных бляшек, расположенных на обрядовой одежде, являлись одним из элементов орнаментики (мотив «солнца») и считались символами плодородия, процветания будущих поколений. Вышитые в несколько рядов круглые бляшки и бисер, по представлениям эвенов, образовывали как бы «ограду», «ограждение», «изгородь» («*төгүрүччү харысхаллаах*»), что обеспечивало, как непробиваемый щит, защиту душу человека от влияния злых духов и т.д.

Литература

Алексеева, Е. К., Варавина, Г. Н. (2017). Визуализация геоландшафта в традиционной орнаментальной культуре эвенов Якутии // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 12 (86). С. 15–17.

Иванов, С. В. (1963). *Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.)*. Народы Севера и Дальнего Востока. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. 442 с.

Иванов, В. Х. (2001). *Этнокультурные взаимосвязи и взаимовлияния у народов Северо-Востока Сибири: (По материалам традиционного декоративно-прикладного искусства)*. Новосибирск: Наука. 158 с.

Кочешков, Н. В. (1997). *Тюрко-монголы и тунгусо-маньчжуры. Проблемы историко-культурных связей на материале народного декоративного искусства XIX–XX вв.* СПб.: Наука. 176 с.

Роббек, В. А., Роббек, М. Е. (2004). *Эвенско-русский словарь.* Новосибирск: Наука. 356 с.

Цинциус, В. И., Ршес, Л. Д. (1957). *Эвенско-русский словарь.* Л.: Учпедгиз. 276 с.

ПМА, 2010 (Полевые материалы автора, собранные в Аллаиховском районе Якутии в 2010 г.).

ПМА, 2015 (Полевые материалы автора, собранные в Верхоянском районе Якутии в 2015 г.).

ПМА, 2018 (Полевые материалы автора, собранные в Эвено-Бытантайском районе Якутии в 2018 г.).

ЯЗЫКОВОЙ ГЕНЕЗИС КАК ЛИНГВО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА XXI ВЕКА

Т. Н. Горюнова

ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск

ms.simle@mail.ru

Принято считать, что язык есть живая развивающаяся неотъемлемая от традиций того или иного народа часть культуры, средствами которой передаётся её историческая значимость и национальный колорит. Этот факт неоспорим и был неоднократно подтверждён рядом учёных – лингвистов и философов, исследующих язык на разных этапах его развития средствами как синхронического, так и диахронического подходов. К таким исследованиям можно отнести работы С. А. Старостина, Г. Рамстедта, А. Н. Хомского, О. А. Донских и др.

Кроме того, язык всегда был и остаётся связующим звеном, передающим и сохраняющим опыт, традиции и национальный колорит своих носителей для будущих поколений. Сохранение собственного языка является обязательным условием при передаче древних знаний предков, их эмпирического опыта, несущего в себе историческую ценность, следующему поколению.

Мощным катализатором развития человеческой культуры и науки справедливо считается письменность, ведь именно благодаря письму люди могут использовать огромный запас знаний, накопленных человечеством во всех сферах его деятельности, развивать дальше наследие прошлого и сохранять опыт многих поколений для будущего [Горюнова, 2021, с. 50].

Письмо прошло длинный и сложный путь развития, который охватывает период в несколько тысяч лет. И хотя предполагается, что письмо возникло намного позднее самого языка, ответы на многие вопросы о его генезисе можно начинать искать именно в зарождении письменности. Слово есть воплощение чистой человеческой мысли, облечённое в материально-физическую или звуковую форму, отражающее определённый концепт той или иной картины мира, к которой относит себя говорящий. Это значит, что человеческая мудрость всегда находила способ материализоваться в том или ином виде для последующей передачи потомкам в качестве приобретённого знания и(-или) опыта для дальнейшего применения и усовершенствования.

Единство глоттогонического процесса – неопровержимо, многообразно и неоднократно доказывалось различными лингвистами. Так, российский и советский востоковед Н. Я. Марр сводит формальную материю всех языков к четырём элементам и утверждает, что семантически языки подчиняются универсальным закономерностям, ибо «законы развития значимости слов, семантики везде одни и те же». «Новое учение» Марра имело ряд последователей, однако лишь часть из них поддерживала стадиальность развития единого глоттогонического процесса для всех языков. Марровское учение, доработанное советским лингвистом И. И. Мещаниновым, схематизировало и свело к одной линии возможную типологическую динамику языков. В результате этого расширения в концепции «Нового учения» оказались внутренне связанными такие типы языков, представляющие разные этапы однонаправленных изменений, которые в обычной морфологической классификации рассматриваются совершенно независимо. Стоит отметить, что советский лингвист В. М. Жирмунский, который рассматривал «грамматико-синтаксический строй языка в его стадильном развитии» относил его к «единому глоттогоническому процессу» [подробнее см., напр.: Соломоник, 2002, с. 5–7, Старостин, 2007, с. 552].

В теории самого же Марра большую роль играли стадильные трансформации, которые внезапно, в форме взрыва изменяли «качество» языка. Он утверждал: «Скрещении – не аномалия, но нормальный путь, объясняющий происхождение видов и даже так называемого генетического родства». Однако данной проблематике посвятили свои труды и другие учёные. Так, например, немецкий лингвист Г. Шухардт, посвятивший данной тематике большое количество работ, писал: «Среди всех тех проблем, которыми занимается в настоящее время языковедение, нет, пожалуй, ни одной столь важной, как проблема языкового смешения».

Говоря о проблеме языкового смешения, невозможно не вспомнить о работе известного учёного лингвиста Н.С. Трубецкого «Вавилонская башня и смешение языков»:

«Кроме наказания за первое грехопадение человечества в лице Адама и Евы, Священное Писание упоминает еще второе наказание за коллективное грехопадение всего человечества, именно – смешение языков, последовавшее в виде кары за вавилонское столпотворение. Смешение языков, т. е. установление множественности языков и культур, рисуется в Священном Писании именно как кара, как Проклятие

Божие, аналогичное проклятию “труда в поте лица”, наложенному в свое время на человечество в лице Адама. И то и другое проклятие выражается в установлении естественного закона, против которого человечество бессильно». Трубецкой сформулировал понятие языкового союза – объединения неродственных или отдаленно родственных языков, на которых говорят народы, имеющие тесные контакты и культурную общность. Входящие в языковой союз языки приобретают черты структурного сходства, хотя регулярных фонетических соответствий между ними не обнаруживается (что, собственно, и означает неродственность) [Трубецкой, 2012, с. 186]

Большой вклад в развитие ностратической теории, подразумевающей восхождение всех традиционных естественных человеческих языков к единому протоязыку, внёс В. М. Иллич-Свитыч. Хотя идея ностратической макросемьи принадлежит Х. Педерсену, именно Иллич-Свитыч является создателем ностратики как отрасли сравнительно-исторического языкознания. Им был обработан огромный материал индоевропейских, уральских, алтайских, картвельских, дравидских и афразийских языков, установлены системы регулярных фонетических соответствий между этими семьями, реконструирован фонетический облик праязыка, обобщено и выдвинуто около 600 этимологий, а также объяснены многие факты в истории ветвей ностратической макросемьи, которые без внешнего сравнения остаются непонятными [Иллич-Свитыч, 1971, с. 5–15].

Идеи Иллич-Свитыча в области ностратического языкознания были высоко оценены тюркологом Л.С. Левитской, картвелистом Г. А. Климовым, уралистом Б. Коллиндером, Вяч. Вс. Ивановым, А. Лампрехтом и М. Чейкой П. Гардом, Н. Н. Поппе, В. Скаличкой, Р. Эккертом, Б. Коллиндером, Б. Чопом, А. Йоки и Й. Расмуссенем. Различные исследования, проведенные учеными, направленные на поиски генеалогических связей всех традиционных языков в языковые семьи, а их в свою очередь в макросемью, указывают на то, что попытки человечества найти корень, основу – то, что послужило отправной точкой для развития современного языка и культуры, все же доказывают существование гипотетического праязыка.

Такой язык старался отреставрировать в своих работах В. М. Иллич-Свитыч. Немногие гипотезы и теории о происхождении человеческого языка ставят перед собой задачу доказать или опровергнуть наличие этого самого языкового предка, тем не менее, все они базируются именно

на том, что таковой имел место быть. Официально или негласно, но наличие этого языка остается неперменным условием для возникновения и развития человеческого языка во всех его проявлениях.

Как мы можем заметить, попытки найти следы, ведущие к истокам прамирового языка, производились неоднократно, однако и по сей день, проблема происхождения человеческого языка остается нерешенной. А вокруг вопроса языкового генезиса увеличивается количество вопросов и проблем. Это объясняется тем, что с каждым днём процессы глобализации и амортизации языков распространяются всё шире, что может привести к полной гибели традиционных языков поколения. Уже сегодня мы имеем дело с огромным количеством мёртвых или находящихся под угрозой исчезновения языков. Для того, чтобы убедиться в правоте данного суждения, достаточно открыть «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения», ранее именуемый Красной книгой исчезающих языков. Человек, будучи существом разумным, старается облегчить процессы своей жизни и деятельности различными технологическими изобретениями, для того чтобы идти дальше в процессе своего развития. Однако в погоне за технологическим прогрессом он создал вакуум иллюзорной реальности, не замечая, что продолжает развивать лишь технику. Человек перестал развивать свои собственные возможности. Сегодняшняя наука говорит так много о развитии робототехники, нанотехнологий и пр., и так мало о развитии процессов мыслительной деятельности. А ведь именно ранние попытки стремления к познанию окружающего мира и отдельных его составляющих определило человеческую сущность, отличающую его от других живых существ, населяющих этот мир.

В связи с этим, возникает острая необходимость борьбе за сохранение национального колорита традиционных языков, их особенностей как неотъемлемой части культуры и истории. Поиск и расширение знаний о языковом генезисе, попытки решений поставленной проблемы о происхождении человеческого языка не только актуальны, но необходимы нам сегодня как никогда для того, чтобы сохранять историю языка, историю всего человечества и нашу историю, в частности, для передачи приобретённого нами и нашими предками знания и опыта нашим потомкам – для сохранения традиционных языков.

Литература

- Соломоник, А. (2002). *Философия знаковых систем и язык*. Минск. МЕТ.
- Горюнова, Т.Н. (2021). Современный взгляд на теологическую теорию происхождения языка в контексте христианской парадигмы. *Международный научный вестник (Вестник Объединения православных ученых)*. № 3. С. 49–53.
- Старостин, С. А. (2007). Сравнительное языкознание и этимологические базы данных. *Труды по языкознанию*. М. С. 770–778.
- Трубецкой, Н. С. (2012). *Наследие Чингисхана: взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока*. М. ЭКСМО.
- Иллич-Свитыч, В. М. (1971). Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). *Сравнительный словарь, в 3 т.* Т. I. Введение. М. Наука.

**АНТРОПОЦЕНТРИЗМ ПЕРЕСЕКАЮЩИХСЯ КОНСТАНТ:
«ЖИВАЯ ЖИЗНЬ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
И «СОБЫТИЕ БЫТИЯ» М.М. БАХТИНА**

Д. Р. Железняк

*Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
soul.darya@bk.ru*

Постоянная онтологическая динамика в художественном мире Ф. М. Достоевского находит свое выражение в значимой категории «живой жизни». «Живая жизнь», определяющая так или иначе событийную специфику повествования Достоевского, не поддается никакому последовательному сюжетно-прагматическому толкованию. Самостоятельность и полновесность голоса его героя-идеолога, всегда стоящего на «пороге» и утверждающего собственное «не-алиби в бытии»; полифоничность, выраженная в типе отношений между героями, субстанционально равными в силе своего голоса; а также порождаемая этим неоднозначность, открытость и принципиальная «не-конечность» художественного целого (при этом жанрово «завершенного») актуализирует ту «неуловимость» и «невывыказываемость» «живой жизни», о которой пойдет речь далее.

«Живая жизнь» Достоевского не замыкается как идея на себе самой, как нечто определенное, однозначное, оформленное в единственный образ-идею. Хотя в декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский напишет: «Словом, идея о бессмертии – это сама жизнь, живая жизнь, ее окончательная формула и главный источник истины и правильного сознания для человечества» [Достоевский, 1982, Т. 24, с. 49–50]. Но разве проста идея о бессмертии? Так ли легок путь человека к онтическим краям, к последним границам данного в опыте мира, обеспечивающий бесконечность «нецелого целого», как в последствии отмечал Бахтин, актуализируя таким образом проблему бессмертия не менее остро. Сама архитектоника художественного целого произведений писателя говорит о «живой жизни» через становящееся и воплощающееся в нем и вокруг него «событие бытия».

Поиск «живой жизни» в творчестве Достоевского обнаруживает себя и в самой архитектонике его эстетического видения, и в конкретно-ситуативных воплощениях: размышления о «живой жизни» мы можем

видеть и в диалогах героев писателя, которые буквально «нащупывают» ее очертания во тьме «подпольного» существования. Например, парадоксалист произносит: «мы все отвыкли от жизни ... чувствуем подчас к настоящей «живой жизни» какое-то омерзение, а потому и терпеть не можем, когда нам напоминают про нее» [Достоевский, 1973, Т. 5, с. 178]; Версиков в романе «Подросток» понимает «живую жизнь» так: «это должно быть нечто ужасно простое, самое обыденное и в глаза бросающееся, ежедневное и ежеминутное, и до того простое, что мы никак не можем поверить, чтоб оно было так просто, и, естественно, проходим мимо вот уже многие тысячи лет, не замечая и не узнавая» [Достоевский, 1975, Т. 13, с. 178]. Близок к ее видению и Кириллов, герой романа «Бесы», утверждающий, что «очень счастлив», что любит детей и жизнь, рассказывающий, как молится, и видящий в листе, что тот «хорош» и «все хорошо». Но это *предпонимание* «живой жизни», блеснувшее в сознании Кириллова во время «*минут вечной гармонии*», не спасает его. Он выбирает метафизический «бунт», признавая победу в мире «*диаволова водевиля*», несовместимого даже с надеждой на «живую жизнь». Достоевский особым образом «выстраивает философию русского субъекта не догматически, а эмпирически, предвосхищая Гуссерля и Хайдеггера» [Дугин, 2020, с. 697]. Так, его «живая жизнь» не существует *вне* человека.

Особенно интересным является также образ живой Истины, пришедшей к «смешному человеку». Во сне герой, увидевший воочию «золотой век» человечества с его бесконечной «детской радостью» «детей солнца», с «живым и непрерывным единением с Целым вселенной», вдруг понимает, что «всё это давно уже прежде предчувствовал, что вся эта радость и слава сказывалась ... еще на нашей земле зовущей тоскою, доходившею подчас до нестерпимой скорби» [Достоевский, 1983, Т. 25, с. 112–114]. В этой тоске заключено, на наш взгляд, затаенное чаяние «живой жизни», обнаружившее себя и в сердце «смешного человека». Как отмечал В. В. Вересаев, где-то глубоко в душах героев Достоевского «все время горит «зовущая тоска», все время шевелится смутное сознание, что есть она в мире, эта «живая жизнь» – радостная, светлая, знающая свои пути» [Вересаев, 1991, с. 58]. В откровении его, которое выступает как приобщение к единству бытия как «события», индивидуальное переходит во вселенское, обыденное преодолевается парадоксальным. В этом «событии бытия» сон, пролетев сквозь тысячелетия, оставил «лишь ощущения целого»; и это целое – *невыразимо*: «После сна моего потерял слова» [Достоевский, 1983, Т. 25, с. 115, 118].

Обратимся далее к бахтинской философии «события бытия». В ранней работе «К философии поступка» ученый проводит некоторую границу между живым «событием», которое конституируется только ответственным человеческим «поступанием»; и данным в мире эмпирическим фактом. В русле «человекомерной» онтологии Бахтина «событие» принципиально антропоцентрично, ответственное участие в событии и выявляет подлинность присутствия человека в бытии. Войти в бытие как событие возможно только через поступок – «верность себе» в сопряжении с «верой в смысловое предстояние себе» [Щитцова, 2002, с. 66]; а также полное в самом себе утверждение «в единственном бытии» собственного единственного места [Бахтин, 2003, с. 38]; так как, по Бахтину, сущностное бытие (в том числе и в художественном его осмыслении) не дано непосредственно, но оно событийно свершается вокруг субъекта, деятельно становящегося.

Антропоцентризм философии Бахтина являет себя и в эстетическом «событии», что находит открытое выражение в работе «Автор и герой в эстетической деятельности». Ученый отмечает: «Мир художественного видения есть мир организованный ... вокруг данного человека как его ценностное окружение...» [там же, с. 245]. Этим обусловлена и особая, в бахтинском понимании, позиция автора как носителя акта художественного видения в живом и единственном моменте «события». Событийность определяется Бахтиным и как эстетическая категория, обнаруживающая априорную незаконченность («не-конечность») мира в процессе произведения ранее небывшего, благодаря активной участии «поступающего» авторского сознания. Тут важно сказать и о той принципиальной «не-конечности», «открытости», которую Бахтин выделял в качестве одной из главных доминант поэтики именно произведений Достоевского через феномен «полифонии». Так, описанная Бахтиным главная речевая стратегия писателя в обращении с двухголосыми и монологическими языковыми компонентами, сосуществующими в общем многоголосии, организует особую нарративную структуру его произведений, где множество равно значимых героев с их голосами, сохраняя свою неслиянность, выступают в единстве «события». Данный антропокосмизм субдискурсов в романах Достоевского соответствует особенностям художественно-философской рефлексии автора, где в центре – человек и его «живая жизнь».

Событие эстетического видения Достоевского, которое противопоставляет не жизнь и смерть, жизнь как смерть и бессмертие как живую

жизнь. И именно в этой точке несовпадения совершаются события. Так, поиски и творческая рефлексия «живой жизни» Достоевского могут быть соотнесены с актуализацией Бахтиным чуда «события бытия» в его принципиальной непознаваемости. Это относится не только к концептуальному уровню осмысления этих категорий, но и к особенностям ценностных ориентаций в антропоцентрических мирах обоих авторов. Особенно продуктивно данное сопоставление с позиций экзистенциального литературоведения в русле онтологизации герменевтики

Литература

- Бахтин, М. М. (2003). *Философская эстетика 1920-х годов*. Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М. Русские словари.
- Вересаев, В. В. (1991). *Живая жизнь: О Достоевском и Л. Толстом: Аполлон и Дионис (о Ницше)*. М. Политиздат.
- Достоевский, Ф. М. (1972-1990). *Полное собрание сочинений: В 30 т.* АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); Т. 1–30. Л. Наука. Ленинградское отделение.
- Дугин, А. Г. (2020). *Номахия: войны ума. Русский Логос II. Русский историк. Народ и государство в поисках субъекта*. 2-е изд. М. Академический проект.
- Щитцова, Т. В. (2002). *Событие в философии Бахтина*. Мн. И. П. Логвинов.

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ОМОНИМИЯ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ БАРЬЕР

А. Н. Завьялова

*Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии
И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации,
Новосибирский государственный архитектурно-строительный
университет (Сибстрин), г. Новосибирск
anz66@mail.ru*

С. Д. Старикова

*Новосибирский государственный архитектурно-строительный универ-
ситет (Сибстрин), г. Новосибирск
sonyastarikovva18@gmail.com*

Коммуникация занимает важнейшее место в жизни человека. Коммуникационные процессы сложны и зависят от множества факторов. Одним из критериев эффективности коммуникаций является точность смыслов, передаваемых сообщений и их адекватное восприятие, а также результативность речевого обмена. Вместе с тем, понимание сообщения может быть ограничено различными помехами или барьерами.

Серьезным барьером в межкультурных коммуникациях сегодня становится межъязыковая омонимия – наличие в языках разнозначных омонимичных слов с тождественным или со схожим звучанием, написанием, грамматическим оформлением, но имеющих разное значение [Фомина, 1990, с. 267].

Возникновение межъязыковой омонимии связано с расширением межкультурных контактов и глобализацией, вследствие чего элементы разных, абсолютно независимых друг от друга языковых систем сближаются, но при этом сохраняют свое исходное семантическое значение. Таким образом, межъязыковая омонимия – это следствие фонетических или семантических изменений слов и их заимствований из других языков.

Вместе с тем, нередко межъязыковые омонимы мешают пониманию, приводят к двусмысленности, создают «коммуникативные помехи», ситуации «неугадывания», «нераспознавания» подлинного смысла слов, ведут к нарушению речевого коммуникативного баланса.

Часто межъязыковая омонимия возникает в родственных языках. Так, омонимы украинского языка во многом близки единицам русского языка, но содержат некоторые расхождения. Это связано с языковыми особенностями, которые обусловлены как изменениями в семантике генетически родственных, однокорневых слов, так и заимствованиями лексики из других языковых систем, а также социокультурными различиями [Лобковская, 2012, с. 79].

Исторически русский и украинский очень близкие языки, так как принадлежат к одной восточнославянской подгруппе славянских языков. Однако современный русский язык уже полностью сложился к началу XIX века, а украинский язык в XIX веке только-только начал оформляться, зачастую противопоставляя себя русскому языку. В связи с этим данные языки только на первый взгляд кажутся очень похожими. В действительности у них больше отличий, чем сходств.

Несмотря на то, что в русском и украинском языках достаточно много общих слов, и еще больше слов сходных по звучанию и написанию, они часто обладают разными смысловыми оттенками. Например, слово «лайка». В русском и украинском употребляется в значении «порода собак», но в украинском «лайка» – это еще и брань, ругань, ссора, бранное слово.

Рассмотрим русские и украинские межъязыковые омонимы. Если по звучанию и написанию эти слова схожи, то их смысл имеет заметные отличия. Например, неделя – неділя (воскресенье), место – місто (город), кит – кіт (кот), кишка – кішка (кошка), белизна – білізна (бельё), беспечный – безпечний (безопасный), гадать – гадати (полагать), горох – горіх (орех), город – горід (огород), другой – другий (второй), жалоба – жалоба (траур), жаловать – жалувати (жалеть, щадить), загубил – загубив (потерял), заря – зоря (звезда), кроватка – краватка (галстук), лечить – лічити (считать), листопад – листопад (ноябрь), луна – луна (эхо), лютый – лютий (февраль), мешкать – мешкати (проживать), наглый – наглий (внезапный), наказать – наказати (приказать), ось – ось (вот), пыльный – пильний (внимательный), питание – питання (вопрос), пытать – питати (спрашивать), прозвище – прізвисько (фамилия), сварить – сварити (ругать), сварка – сварка (ссора), сыр – сир (творог), человек – чоловік (муж, мужчина).

Трудность восприятия другого языка можно объяснить тем, что межъязыковые омонимы при их распознавании, мы ассоциируем, прежде всего, со словами родного языка, которые близки по написанию и звучанию, но все же отличаются по своему значению. Поэтому не всегда стоит полагаться на первоначальное представление о значении слова.

Для преодоления барьеров в межкультурных коммуникациях нужно перед началом передачи сообщения адресату обдумать и пояснить межъязыковые омонимы, уточнить, что имеется в виду под тем или иным понятием; исключить двусмысленные выражения, чтобы избежать искажений семантики и восприятия; установить эффективную обратную связь.

Литература

Лобковская, Л. П. (2012). О понятии межъязыковой омонимии (к проблеме термина «Ложные друзья переводчика»). *Вестник Челябинского государственного университета*. № 20 (274). Вып. 67. С. 79–87.

Фомина, М. И. (1990). *Современный русский язык. Лексикология*. М. Высшая школа.

ПРОЗВИЩЕ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Н. С. Кузнецова

Новосибирский государственный технический университет,

г. Новосибирск

kuznetcova_99_99@mail.ru

Язык как отражение процессов, происходящих в обществе, – одно из наиболее бесспорных утверждений, существующих не только в лингвистике, но и в других гуманитарных науках. Действительно, именно через язык можно постигнуть и систему ценностей общества, и его картину мира, и менталитет народа. Отражение этих фундаментальных понятий в языке особенно проявляется при изучении взаимосвязи языка и культуры. Антропоцентрический подход, получивший в настоящее время статус научной парадигмы, предполагает возможность рассматривать различные языковые явления именно с позиции национальных культурных установок. Одним из таких явлений, на наш взгляд, можно считать и наименования человека в обществе. Как известно, кроме официальных идентификаторов человека (фамилии, имени и отчества), в нашей языковой культуре существуют и неофициальные, к ним относят псевдонимы, никнеймы, прозвища. Последние, как представляется, в наибольшей степени обладают возможностью «проявления» национальной культуры. Кроме того, следует отметить, что прозвища – достаточно «популярное» явление в русском языке: они встречаются во всех сферах жизнедеятельности человека: семья, дружеские компании, образование, работа и проч. Активное употребление прозвищ с ярко выраженным культурологическим компонентом определяет актуальность нашего исследования.

Цель данной статьи – выявление и анализ культурологического компонента прозвищ. Материалом для анализа послужили прозвища, полученные а) по результатам анкетирования разных возрастных групп и б) посредством выборки из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Основным методом нашей работы стал комплексный анализ, включающий в себя лексико-семантический, контекстуальный, словообразовательный анализ, учет возрастных / профессиональных и других особенностей обладателя прозвища (если таковые известны).

Прозвища как объект лингвистического исследования неоднократно подвергались классификации в различных исследованиях.

Так, А. В. Суперанская называет восемь основных функций прозвищ и располагает их по степени выраженности. Главной функцией прозвища человека автор считает номинативную, далее – идентифицирующая, функции дифференциации, социальная, эмоционально-экспрессивная, аккумулятивная, дейктическая и функция «введения в ряд» [Суперанская, 1973, с. 97]. В большей степени нас интересует аккумулятивная функция (или накопительная), именно она «работает» на накопление и сохранение национальных культурных данных.

Отметим, что прозвища – характерная черта не только русской языковой культуры. Обратимся к работам, целью которых является сравнение прозвищных наименований в разных языковых культурах. Исследователи, в частности А. Н. Лангнер и Э. А. Бочарова, отмечают, что интенции прозвищ практически не отличаются в разных языках, существенная разница касается лишь культурной и лингвокультурологической информации [Лангнер, Бочарова, 2012, с. 111]. Так, например, Н. А. Аблова, анализируя немецкие прозвища, считает, что важным для национального компонента является специфика изначальной коннотации слов [Аблова, 2008]. Таким образом, мы понимаем, что любая прозвищная номинация включает в себя национальный компонент, но выражен он может быть в разной степени. В рамках данной статьи мы приведем примеры тех прозвищ, в которых, на наш взгляд, ярко прослеживается такой компонент.

Материал, полученный в результате анкетирования и выборки из НКРЯ, мы разделили на четыре группы прозвищ, ярко отражающих русскую картину мира: 1) прозвища-имена героев фольклора или детской литературы (*Горыныч, Колобок, Бабай, Чебурашка*); 2) прозвища-имена известных личностей (*Грибоедов, Цезарь, Пушкин, Мать Тереза, Алла Борисовна*); 3) прозвища-фразеологизмы (*В каждой бочке затычка*); 4) прозвища-словосочетания, в которых заложено какое-то фоновое знание (*Гитлер Капут, Госпожа Сибирская Язва*). Анализ прозвищ в названных группах можно показать на следующих примерах.

1. В каждой бочке затычка

«Однако настоящие носильщики бывали недовольны – знали, грозясь всей бригадой надрать уши, и дали не очень справедливое прозвище «В каждой бочке затычка» – Ваше прозвище, кажется, «В каждой бочке затычка»? Эле-Фантик все повторял про себя всплывшее вдруг прозвище – «В каждой бочке затычка» [Дорофеев, 2003].

В каждой бочке затычка – редкий случай, когда прозвище – это фразеологизм. Вспомним, что фразеологизм – это способ вербализации важных социокультурных смыслов [Бобрышев, 2007, с. 87].

В «Большом словаре русских поговорок» данная единица имеет пометы *прост., неодобр.*

В каждой бочке затычка – *прост. неодобр.* О любопытном, назойливом человеке, который непрошено вмешивается во все дела. [Мокиенко, Никитина, 2007, с. 156].

2. Гитлер Капут

«Зеваки идут к другому углу, где появилась местная знаменитость — дурачок Гриша по кличке Гитлер Капут» [Башкуев, 2013].

Обратим внимание на то, что в качестве прозвища используется прецедентная фраза «Гитлер капут» (Hitler Kaput). В данном случае словосочетание имеет ироническую окраску + принадлежит кличка «дурачку Грише».

На Руси всегда любили блаженных и юродивых. Над ними могли потешаться (как правило, дети или молодежь), но старшие, особенно религиозные люди, не позволяли издеваться над убогими. Возможно, «Гитлер капут» – это те слова, которые он часто повторял без всякого смысла, – отсюда и кличка. Подобные фоновые знания влекут за собой некоторые издевательское отношение к обладателю прозвища, порождают насмешку.

3. Госпожа Сибирская Язва

«Предала себя в руки американского командования «пятерка червей» – доктор Худа Аммаш по прозвищу Госпожа Сибирская Язва, единственная женщина в колоде и в правившей Ираком военной хунте – Совете революционного командования, руководитель программы создания биологического оружия» [Абаринов, 2003].

«Госпожа Сибирская Язва» по способу образования представляет собой составное наименование: форма обращения + название болезни.

Национальный компонент в данном случае тесно связан с изначальной коннотацией лексем (об этом мы упоминали, обращаясь к исследованиям Н. А. Абловой).

Сибирская язва – опасная болезнь, но в данном случае само слово *язва* уже обладает особой коннотацией, которая закрепилась в сознании носителей языка. Широко распространено переносное значение слова, ср.:

Я́ЗВА, -ы, ж. 3. перен.: чего или какая-л. Что-л. дурное, вредное; какое-л. отрицательное явление; порок, зло. 4. *Разг.* О злобном, язвительном человеке || Употребляется как бранное слово [МАС, 1984, с. 779].

О коннотативном значении прозвища мы можем рассуждать и благодаря контексту. Прозвище в данном случае имеет, скорее, положительную семантику: во-первых, речь идет о женщине (единственная женщина в колоде и в правившей Ираком военной хунте), во-вторых, эта женщина была руководителем программы по созданию биологического оружия (отсюда и отсылка к сибирской язве); в-третьих, она еще и единственная женщина в Совете революционного командования, а на Ближнем Востоке очень уважают силу и власть, отсюда и уважительное «Госпожа».

Этот пример прозвища интересен сложностью выражения национального компонента, который представлен на разных уровнях.

Прозвища, являясь результатом словотворчества и имянаречения, обладают культурологическим компонентом, отражающим национальную картину мира. Причем осуществляться это может на разных уровнях языка: самый популярный из них – лексический, когда прозвище представляет собой денотат, важный в нашей культуре. Затем следует структурный, словообразовательный, чаще связанный с наличием в языке фразеологических единиц, устойчивых выражений, этикетных форм. Таким образом, прозвище – это отражение культурной (понятийной) картины мира, которая существенно отличается у разных народов, именно поэтому наличие национального компонента значительно усложняет процесс перевода прозвищ и ведет к коммуникативным неудачам для иностранцев, изучающих русский язык.

Источники

Абаринов, В. (2003). Меньше половины колоды. *Совершенно секретно*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sovsekretno.ru/> (дата обращения: 22.09.2022)

Башкуев, Г. (2013). Маленькая война. *Сибирские огни*. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://sibogni.ru/> (дата обращения: 22.09.2022)

Дорофеев, А. (2003). Эле-Фантик. *Мурзилка*. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.murzilka.org/> (дата обращения: 22.09.2022)

Литература

Аблова, Н. А. (2008). Стилистический анализ немецких прозвищ. *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. №70. С. 16–21.

Бобрышев, Л. К. (2007). Фразеологизмы как отражение национально-культурной экзистенциальной картины мира. *Научная мысль Кавказа*. № 4. С. 86–90.

Евгеньева, А. П. (1984). *Словарь русского языка в 4-х тт.* М. Рус. яз, С. 779.

Лангнер, А. Н., Бочарова, Э. А. (2013). Классификация прозвищных наименований, функционирующих во французском языке современных африканских стран. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания.* №20. С. 111–118.

Мокиенко, В. М. (2010). *Большой словарь русских пословиц.* М. ОЛМА Медиа Групп.

Суперанская, А. В. (1973). *Общая теория имени собственного.* М. Наука.

ТВОРЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ

Ю. В. Логиновская

*Национальный исследовательский Томский
государственный университет, г. Томск
urucel@yandex.ru*

Смыслообразующая деятельность сознания в современной философии исследуется как творческий процесс [Смирнов, 2015], механизмы которого до конца не изучены. Формирование смыслов – целостный познавательный и творческий процесс, протекающий во внутреннем мире человека посредством сознания при участии языка; при этом смысл, как объёмное образование, представляет собой интегральный образ, объединяющий творчество, язык, сознание и жизненный опыт человека. В данной работе автор рассматривает динамику смыслообразования в контексте творческой работы сознания через механизмы бисоциации и самотрансценденции.

В экзистенциальном плане обретение смыслов жизненно важно, как в процессе индивидуального становления человека, так и для развития человеческой культуры в целом, поскольку смыслы составляют духовное содержание человеческой жизни и определяют все виды его взаимоотношений [Франкл, 1990; Лэнгле, 2009]. Смысл определяется как связь с контекстом, задаваемым культурой и условиями жизни, при этом важным условием формирования смысла является рефлексивное осознание и субъектность [Леонтьев, 2009]. Предельные основания смысла восходят к ценностям, принципам и убеждениям человека, в границах которых осуществляется творческая смыслообразующая активность. Новые смыслы возникают как результат осознания и трансформации смыслов во внутреннем мире человека, расширяя границы его сознания и диапазон взаимодействий (личных, социальных, духовных), обеспечивая единство бытия и познания. Динамика смыслообразования задействует творческую активность субъекта и выстраивается в соответствии с фундаментальными структурами экзистенции: связь с окружающим миром, с другими и самим собой как решающим центром и с горизонтом будущего – со становлением и высшим смыслом [Лэнгле, 2009]. Смысл динамичен, поскольку задаёт направление развития и становления, но он отличается от цели, составляя содержание наличествующего

бытия. Возможность творчества (выбора, решения задач) присутствует в любой жизненной ситуации, и творческая работа сознания состоит в том, чтобы достичь внутреннего согласия с данным бытием через формирование отношения. Можно утверждать, что смыслообразование как творческий процесс осуществляется осознанием сути взаимоотношений человека с собой, с другими и с миром, а также наделением ситуации новым смыслом. Смыслообразующая практика в коммуникации состоит в расширении контекста через включение действия в новые взаимосвязи, что задаёт динамику развития относительно источника (исходной точки, бытийной основы) и цели (изменения, будущего состояния). Сознание выступает ключевым моментом творческого трансцендирования человека – выхода к новым смысловым содержаниям, при этом движение к новому смыслу может идти в двух направлениях: имманентно, рефлексивным погружением вглубь смыслового содержания своего внутреннего мира или трансцендентно, обращением к внешним источникам смысла. В высшем проявлении творческий процесс смыслообразования ведёт к созданию истины [Смирнова, Горелов, Моркина, 2016].

Выделяются два творческих механизма, лежащих в основе смыслообразования: бисоциация [Koestler, 1978] и самотрансценденция [Франкл, 1990; Поппер 1996]. Бисоциация, согласно А. Кёстлеру, представляет собой механизм творческого мышления, синтез, осуществляемый в сознании, при котором смыслообразование осуществляется за счёт соединения двух несвязанных, произвольных или даже противоположных контекстов. Бисоциативное мышление отличается от ассоциативного: идея или решение возникает парадоксально на новом уровне смыслового единства, в то время как ассоциация образует линейные, устойчивые взаимосвязи. Сознание при этом находится в неравновесном состоянии: сам поиск нового смысла – процесс трансцендентный, характеризующийся пустотой, в которой потенциально возможны многие варианты хода мысли. В результате творческого слияния смыслов в сознании раскрывается новое смысловое пространство. Но зарождение смыслов в науке и искусстве различается составляющими этого соединения: в научном творчестве смысловой синтез осуществляется как последовательные слияния в направлении единых универсальных законов, а в искусстве происходит соединение разнородных элементов субъективного опыта: эмоционального, чувственного и смыслового [Koestler, 1978]. Важным аспектом здесь является свободное течение

мысли, которая прокладывает путь между неведомым и неназванным состоянием к оформлению смысла в слово. Рекурсивный процесс смыслообразования в познании реализуется через обращение к миру знаний и применение творческого потенциала (творческое воображение). Однако, когда работа сознания проходит лишь на ментальном уровне, абстрактно, она не затрагивает внутреннего состояния и бытия человека, тогда как творческий, трансцендентный аспект смыслообразования запускает механизм качественного изменения (преобразования, обновления) сознания – самотрансценденцию. Самотрансценденция определена как глубинный процесс преобразования, затрагивающий экзистенцию: насколько человек способен осуществить в себе найденный смысл и обрести экзистенциальную целостность и подлинность. Самотрансценденция характеризуется обретением более высоких смыслов и ценностей, через которые осуществляется коэволюция и самообновление культуры [Янч, 1980; Popper, 1996]. Таким образом, смыслообразование как творческая работа сознания выступает эволюционным инструментом человеческой культуры, определяя динамику творческой эволюции сознания и коэволюционную взаимосвязь человека и мира.

Литература

- Леонтьев, Д. А. (2009). *Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности*. М.
- Лэнгле, А. (2009). Концепция смысла В. Франкла. *Экзистенциальный анализ*. № 1. С. 47–77.
- Смирнов, А. В. (2015). Сознание как смыслополагание. *Россия в архитектуре глобального мира: цивилизационное измерение*. М. Языки славянской культуры. С. 167–237.
- Смирнова, Н. М., Горелов, А. А., Моркина, Ю. С. (2016). *Творчество, смысл, интерпретация*. М. ИФ РАН.
- Франкл, В. (1990). *Самотрансценденция как феномен человека. Человек в поисках смысла*. М.
- Koestler, A. (1978). *The Act of Creation*. London. Pan Books Ltd.
- Popper, K. R. (1996). *Knowledge and the body-mind problem: In defence of interaction*. London; N-Y.

**ДЕГУМАНИЗАЦИЯ ИСТОРИИ:
ОТ АНТРОПО-ЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
К КУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ**

А. А. Львов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург
a.lvov@spbu.ru*

*Работа выполнена при поддержке РФФ (проект 21-18-00174
«Историзм как парадигма гуманитарных наук»)*

Хорошо известна методологическая задача исследователей-структуралистов составить исчерпывающий перечень сюжетов, нарративов, авторские варианты которых и представляют собой произведения мировой культуры во всем их многообразии. Вынося за скобки этого исследования реальные достижения лингвистов, антропологов и литературоведов [Леви-Стросс, 2011, гл. II, IV, XI], мы сосредоточимся на обсуждении самой задачи: выявить объективную структуру нарратива, не зависящую ни от особенностей конкретных культур, ни от мастерства рассказчика. Одним из примеров обнаружения такой телеологической структуры является развитие Л. Альтюссером идеи К. Маркса о том, что субъектом истории является сам исторический процесс [Альтюссер, 2005, с. 112–113]; таким образом инверсия вопроса в ответе в конечном счете вскрывает характеристическое свойство новоевропейского гуманитарного дискурса – его антропо-логичность. Эту антропо-логичность (важно подчеркнуть здесь *логическую* составляющую), т.е. способ рассмотрения истории, мира, природы *sub specie hominis*, мы понимаем как способ представления специфической новоевропейской идеологии. Оговоримся, что под идеологией мы понимаем не узко политическую программу действий или предписаний, но смыслообразующее символическое пространство, изучение которого как особого деятельностного языка эпохи позволило бы приблизиться к сущностным основаниям, а в пределе – к обнаружению структуры новоевропейского проекта. В этом понимании идеологии мы близки к [Скиннер, 2018].

Антропо-логичность новоевропейского проекта позволяет нам выявить его структуру через герменевтические практики чтения и интерпретации заложенных в этом проекте сюжетов. Мы предлагаем рассмотреть (и в этом смысле – деконструировать) новоевропейский проект как последовательно разворачивающуюся систему сформулированных Х. Л. Борхесом сюжетов мировой литературы. Борхес выделял следующие сюжеты: война (как вариант – осада города); возвращение героя; поиск; самоубийство бога [Борхес, 2002]. Эти составляющие, с нашей точки зрения, могут быть прослежены в структуре новоевропейского проекта, и анализ их позволит нам, с одной стороны, показать границы нововременной антропо-логичной идеологии, а с другой – поставить вопрос об условиях ее преодоления.

Итак, сущность новоевропейского проекта состоит из четырех больших элементов и определяется их совокупностью. Во-первых, это война – т. е. размежевание человека с природой прежде всего в осознании себя эпистемологическим субъектом, противостоящим объективному миру вещей. Во-вторых, возвращение героя – человек становится главным действующим лицом истории, и никакого иного деятеля истории, кроме человека, больше не существует. Так, именно в современности впервые возникает идея гетерогенности целей человека, которая реализуется в истории, а значит, может быть понята как сценарий формулирования целей и постановки задач субъектом истории [Коллингвуд, 1980, с. 64]. Следовательно, история оказывается тем, что созидает человека в его филогенезе, и в этом смысле мы можем рассматривать ее как эпистемологическую оппозицию психоанализу, который изучает становление человека в его онтогенезе. В-третьих, сюжет о поиске истолковывается как обоснование универсального исследовательского метода, прежде всего математического естествознания, с помощью которого вся действительность природы и истории становится познаваемой и прогнозируемой. Наконец, в-четвертых, это самоубийство бога – переход человека из состояния обусловленности природой и историей в состояние чистой актуальности, а в пределе своем – в состояние «человека без свойств». Опциональность пола, языка, расы, образа жизни и модели поведения, религии, культуры, а также технологии внematочной репродукции и научные поиски бессмертия – во всех этих своих проявлениях человек как вид стремится преодолеть свою природную составляющую и развить, усилить, упрочить составляющую культурную. Тем самым

человечество реализуется не столько субстанциально (то, что), сколько процессуально (то, как), вполне сознательно обрстая не природными, а божественными атрибутами [Фромм, 2013, с. 223–231].

Таким образом, если говорить о том, какова структура, лежащая в основе новоевропейской идеологии, то это отношение усугубления оппозиции потенциального, возможного, и актуального, действительного, решение которой достигается в проекте опциональности субъекта и его принципиальной субстанциализации. Последнее означает: субъект есть субстанция (*causa sui*), но не в «неподвижном» эссенциальном смысле, а в смысле «динамического» процесса. Заметим, что определяющими такую идеологию семантическими единицами являются: история, человек как субъект, природа как объективное, научный метод, (человеческая) культура.

Если обратиться к преодолению такой антропо-логической идеологии, то мы придем не к отказу от любых идеологических форм, но к иным, не (или даже де-) антропо-логическим идеологическим проектам. Господствуя в истории, человек отрешается от своей природной обусловленности. Актуальные попытки дегуманизировать историю не означают гибель человека, они призваны восстановить принадлежащее человеку по его природе место. Из сказанного следует, что такой проект должен взять масштаб больший, чем человек в его истории; отказаться от противопоставления человека как субъекта объективному миру (природе) и, значит, снять субъект-объектную оппозицию; отказаться от инструментального (конструктивистского) подхода к изучению природы и истории; отказаться от специфического смысла культуры как по преимуществу культуры человеческой и помыслить ее непрременной частью культуры вообще как способа организации живого в его длительности, продолжении жизнедеятельности во времени и в пространстве. Таким образом, мы приходим к идее культурной эволюции, обоснованной Ф. Г. Добжжанским: «Ничто в биологии не имеет смысла, кроме как в свете эволюции» [Dobzhansky, 1973], – и развиваемого сегодня целым рядом ученых, естествоиспытателями и гуманитариями. Культурная эволюция вписывает историю человека в единый эволюционный процесс: космическая эволюция – биологическая эволюция – культурная эволюция, – а это в свою очередь возвращает исследователей из области социального проектирования и метанарративных спекуляций (допустимых и даже необходимых в дискурсивной практике новоевропейской идеологии) в область изучения действительного и необходимого, т.е. собственно философской деятельности по раскрытию истины бытия.

Литература

- Альтюссер, Л. (2005). *Ленин и философия*. М. Ad Marginem.
- Борхес, Х. Л. (2002). Четыре цикла. *Библиотека Серанн*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.serann.ru/text/chetyre-tsikla-9220> (дата обращения: 30.08.2022).
- Коллингвуд, Р. Дж. (1980). *Идея истории. Автобиография*. М. Издательство «Наука».
- Леви-Стросс, К. (2011). *Структурная антропология*. М. АСТ: Астрель.
- Скиннер, К. (2018). Значение и понимание в истории идей. Атнашев, Т., Велижев, М. (ред.) *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории*. М. Новое литературное обозрение. С. 53–122.
- Фромм, Э. (2013). *Вы будете как Боги*. М. АСТ.
- Dobzhansky, T. (1973). Nothing in Biology Makes Sense Except in the Light of Evolution. *The American Biology Teacher*. Vol. 14 (3). Pp. 125–129.

РОЛЬ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ ЭТНИЧНОСТИ

С. А. Мадюкова

*Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
sveiv7@mail.ru*

Достаточно устоявшимся в отечественной этнологии и антропологии является тезис о том, что язык является одной из ключевых характеристик этноса. Еще С. М. Широкогоров, понимавший под «этнической единицей» группу людей, «говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп» [Широкогоров, 2001, с. 102], в качестве оснований для классификации этносов выделял «во-первых, признаки антропологические или соматические, т. е. особенности строения тела – скелета и мягких частей – и окраска, признаки, бессознательно признаваемые самим этносом; во-вторых, признаки этнографические, т.е. комплексы обычаев и вообще уклад жизни; в третьих, признаки лингвистические, т.е. язык этноса» [там же, с. 108]. В то же время далеко не все этнические языки народов, проживающих на территории Российской Федерации, в настоящее время сохранены на приемлемом уровне даже как языки бытового общения, а тем более — как делового. Одной из распространенных в науке точек зрения является представление о росте национально-смешанных браков, формировании этнически-смешанной идентичности, а также «сохранение взаимозависимости между знанием родного языка, своей родовой принадлежности и приверженностью к традиционному быту и представлениям» [Тюхтенева, 1997, с. 240.], а также обратной зависимости, когда этнические языки сохраняются в моноэтнических, преимущественно сельских, ориентированных на традиционный образ жизни, поселениях как языки для повседневных коммуникаций, а в крупных, чаще индустриальных, полиэтничных населенных пунктах, для которых характерен рост инноваций и скорости обмена информацией, более высокое количество национально-смешанных браков и высокий уровень образования, в большей степени в коммуникациях используется русский язык как государственный. Показательно исследование Л. В. Анжигановой,

которая описывает следующий опыт Хакасии: «в XX веке растет уже третье поколение городских хакасов, которые все больше утрачивают связь со своим этническим ядром, проживающим в сельской местности и составляющем более 60% всех хакасов» [Анжиганова, 2007, с. 17].

Еще в советское время исследовательницей Н. И. Шатиновой была акцентирована связь знания о свадебных обрядах своего народа со знанием своей принадлежности к определенному роду и степени владения родным языком: респонденты не знающие, к какому роду они относятся, и не считающие алтайский язык родным, по результатам опроса имеют смутное представление о свадебных обрядах. Из алтайцев, не знающих о своей принадлежности к определенному роду, почти половина (49%) не имеют представления о свадебных обрядах. Автор приходит к выводу, что фактором, способствующим большей осведомленности в области традиционных семейных обрядов, является мононациональность вследствие более тесной связи с этнической средой [Шатинова, 1978, с. 13–17]. Таким образом, корректно анализировать проблематику функционирования, сохранения и развития этнических языков народов Российской Федерации в тесной смысловой связке с темой воспроизводства этничности, сохранения этнокультурного наследия и идентичности. Работая в этой парадигме, исследовательница З. В. Анайбан, анализируя адаптационное поведение женщин в культурной сфере в своей монографии «Женщины Тувы и Хакасии в период российских реформ» отмечает, что «ценность национальной идентичности в сознании тувинцев и особенно хакасов заметно укрепилась в последние годы. Особенности отношения к своей этнической принадлежности проявляются во многих аспектах жизнедеятельности опрошенных. Например, отвечая на вопрос о том, кем бы Вы хотели видеть своих детей, женщины титульной национальности наряду с такими позициями как «людьми, имеющими хорошую работу», «людьми с высшим образованием», в отличие от русских женщин, указали также на «необходимость знания языка и культуры моей национальности». Такое суждение высказали в равной мере, как женщины – представители старших возрастов, так и молодежь» [Анайбан, 2005, с. 184], что позволяет говорить о значимости этнокультур и этнических языков как этнодифференцирующей характеристики. Также З. В. Анайбан отмечает, что «важным компонентом этнической идентификации любого народа является культура. По данным исследований, осуществленных в российских республиках, установки на такую

ценность, как возрождение языка, культуры, у титульных национальностей разных республик практически совпадают» [там же].

В наших собственных эмпирических исследованиях, посвященных проблематике этнокультурного неотрадиционализма, и проведенных в регионах Южной Сибири во второй половине 2000 гг. проблематика функционирования этнических языков и их связи с этнокультурой и идентичностью также нередко была актуализирована [Мадюкова, Попков, 2011]. Так, например, наши респонденты отмечали, что чем дольше представитель титульной национальности проживает в полиэтничном и поликультурном городе, тем более «русифицированным» он становится (имея ввиду не только значимость родного языка, но и в целом некий комплекс этнокультурных навыков): *«У меня дядя, младший брат моего отца, он алтаец, но он гораздо раньше нас переехал в Горно-Алтайск. Его дети старшие еще более-менее знают алтайский, а младшая дочка только чуть-чуть понимает и совсем не говорит на алтайском, хоть она и алтайка, у нее и отец и мать алтайцы, просто они долго живут в Горно-Алтайске»; «Если учишься в алтайской школе, то ты свой среди своих, получается. Но в городе, мы же общаемся не только с алтайцами, а со всеми, а больше здесь, по-моему, русских, поэтому и среди русских, и среди алтайцев чувствуешь себя одинаково»; «Вот у нас в деревне вы не услышите, чтоб они (дети – С. М.) по-русски разговаривали, все по-хакасски. Только старшие по-русски разговаривают».*

Таким образом, исследуя проблематику сохранения этнических языков в современных условиях, с одной стороны, нам представляется справедливым вывод Р. Ш. Джарылгасиновой: «Культурная память любого народа, его историко-культурный генофонд, это очень сложное и по структуре, и по содержанию явление. Память народа – это язык и письменные источники, это архивы и музеи, это трудовые традиции, семейные обычаи и обряды, календарные праздники, традиционные жилища, одежда, пища, народные ремесла, религиозные воззрения. Это, наконец, этническое самосознание – доминанта материальной и духовной культуры народа» [Джарылгасинова, 1997, с. 248]. С другой стороны, воспроизводство этничности исключительно через искусственное возрождение этнокультурных традиций вне привязки к современным (изменившимся) условиям, «консервирование» этнокультуры и языков как «музейных экспонатов» представляется нам непродуктивным. Л. В. Анжиганова описывает специфику деятельности городских

акторов из числа хакасов: «несмотря на отсутствие или слабое проявление этнических характеристик / владение родным языком, знание национальной культуры, истории и пр. /, а, может быть, благодаря именно этому, городские хакасы возглавляют все процессы этнического возрождения: политические, социально-экономические, духовные» [Анжиганова, 2007, с. 17]. Таким образом, в современном мире в этнических сообществах параллельно сосуществуют две этнокультуры: сохранившаяся на бытовом уровне «деревенская» этнокультура (упрощенные этнические обряды, бытовой язык и т. д.) и возрождаемая «городская» этнокультура (подчас в крайних случаях принимающая формы квазитрадиционализма). При этом есть еще одна проблема: как представляется, низкий уровень конкурентоспособности этнических языков в экономической сфере жизнедеятельности того или иного этноса, сводит проблематику сохранения языков и культур преимущественно в социокультурную плоскость, что, в конечном итоге вынужденно снижает их актуальность в современном мире.

Литература

Анайбан, З. В. (2005). *Женщины Тувы и Хакасии в период российских реформ*. М. Институт востоковедения РАН.

Анжиганова, Л. В. (2007). *Эволюция мировоззрения хакасов*. Абакан. Хакасское книжное изд-во.

Джарылгасинова, Р. Ш. (1997). Семейные и календарные праздники корейцев России и других государств СНГ как этноконсолидирующий фактор. *Семья, гендер, культура*. М. Институт этнологии и антропологии РАН. С. 243–256.

Мадюкова, С. А., Попков, Ю. В. (2011). *Феномен социокультурного неотрадиционализма*. Санкт-Петербург. Алетейя.

Тюхтенева, С. П. (1997). Семья алтайцев: прошлое, настоящее и будущее. *Семья, гендер, культура*. М. Институт этнологии и антропологии РАН. С. 239–243.

Шатинова, Н. И. (1978). *Семья у народов южной Сибири в свете современных этнических процессов (на примере алтайцев)*. М.

Широкогородов, С. М. (2001). *Этнографические исследования. Книга первая: Избранное*. Владивосток. Изд-во Дальневост. ун-та.

СПАСЕНИЕ ЖИЗНИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ ФЕЛЬДШЕРОВ СКОРОЙ ПОМОЩИ

А. П. Патракова

Свято-Филаретовский институт, г. Москва

alina.patrakova@sfi.ru

Словосочетание «спасение жизни» часто употребляется в медиадискурсе и в обыденной речи в связи с чрезвычайными ситуациями, а также в связи с работой фельдшеров скорой помощи, реаниматологов и других специалистов в области медицины критических состояний. При этом очевидно, что данное понятие с трудом поддается объективному определению и закреплению в виде научного и юридического термина. В зависимости от обстоятельств оно может приобретать самые разные социокультурные, ценностные, мировоззренческие коннотации, нередко превращаясь в идеологему или мифологему.

В медицинском контексте, например, подразумевается, что спасти жизнь – значит успешно осуществить сердечно-легочную реанимацию и стабилизировать пациента, вывести его из критического состояния. Иными словами, может быть спасена биологическая жизнь. Однако тот факт, что удастся восстановить основные жизненные функции организма, к сожалению, далеко не всегда означает спасение человека как личности. Прежний функциональный и социальный статус человека иногда оказывается безвозвратно утраченным. Так, идеализированный сценарий спасения жизни («больного ввозят в больницу на каталке, а из нее он выезжает на велосипеде» [Юдин, Тищенко, 1998, с. 150]), преобладающий в обыденном сознании, в большинстве случаев оказывается объективно неосуществимым. Как замечает британский реаниматолог Ифа Эбби, «перезапустить человеку сердце не значит перезапустить его жизнь» [Эбби, 2018, с. 139]. Даже успешно проведенная сердечно-легочная реанимация не может гарантировать того, что, побывав на грани смерти, человек сможет полностью восстановиться и вернуться к привычному образу жизни.

Кроме того, на первый взгляд кажется самоочевидным, что главным приоритетом в работе реаниматолога является именно спасение жизни, а не здоровья пациента. Вместе с тем, первоочередная цель

спасения жизни нередко противопоставляется другим императивам, которые в критической ситуации рассматриваются как второстепенные. Главным образом это может касаться проявления сострадания к человеку. Так, например, американский врач неотложной помощи Пол Сьюард замечает, что пострадавшему в аварии «в первую очередь, требуется от нас не сочувствие – мы должны спасти ему жизнь», а этот долг зачастую требует радикального вмешательства (например, «прорезать дыру у него между ребрами и всунуть в нее трубку, чтобы слить кровь, заполнившую грудную клетку») [Сьюард, 2019, с. 106].

Что же понимается под спасением жизни в современной медицине критических состояний? Где пролегают пределы возможного и допустимого для спасения жизни при помощи биомедицинских технологий? Эти вопросы послужили отправной точкой для исследования на стыке философии науки и техники, медицинской антропологии и филологии.

Цель исследования состоит в том, чтобы проследить, как врачи осмысливают спасение жизни в зависимости от своего профессионального и личного опыта, а также от социокультурного контекста.

Объектом исследования является социокультурный концепт «спасение жизни» в контексте медицины критических состояний.

Источниковую базу составляют автобиографические нарративы врачей тех специальностей, которым приходится иметь дело с критическими состояниями (фельдшеры скорой помощи, реаниматологи, неврологи и кардиохирурги, онкологи, неонатологи, военные врачи).

Теоретико-методологическую базу исследования составляют аналитические процедуры обоснованной теории (Grounded Theory) по А. Страуссу и Дж. Корбину [Страусс, Корбин, 2001].

На данном этапе исследования анализируются автобиографические нарративы фельдшеров скорой помощи из России (Андрей Куршин, Дмитрий Федоров, Сергей Сеньчуков) и Великобритании (Лиза Уолдер, Джейк Джонс и Дэн Фарнворт), изданные в 2019–2021 гг. Такая относительно небольшая выборка позволяет, с одной стороны, сосредоточиться на семантических доминантах автобиографических нарративов, с другой стороны, наметить траектории для кросс-культурного сравнительного анализа.

Основное внимание уделяется описанию ситуаций, непосредственно связанных с угрозой для жизни пострадавших. В частности, анализируются стратегии наррации о личном опыте пребывания в пограничных ситуациях, а также отношение авторов к успешным и безуспешным

усилиям по спасению жизни, глубина рефлексии по поводу индивидуальной и коллективной ответственности за исход оказываемой помощи.

Промежуточные результаты исследования позволяют предположить, что спасение жизни выступает в качестве центрообразующего концепта, вокруг которого выстраиваются основные представления авторов о себе, своем призвании, о происходящем вокруг, об этических и метафизических категориях (жизнь и смерть, добро и зло, судьба и т.д.).

Несмотря на внешнее сходство жанра врачебных записок, основу которого составляют описания драматичных, подчас трагичных, иногда курьезных эпизодов из практики скорой помощи, на данном этапе выявлено больше различий. В первую очередь, это можно объяснить культурно-языковым бэкграундом и самобытностью каждого из рассматриваемых авторов.

Что касается сходств, анализ источников выявил противоречие между возвышенными коннотациями слова «спасение» и «ремонтной» логикой экстренной медицины, где помощь человеку понимается исключительно как устранение поломки в организме-биомашине.

В перечисленных источниках неоднократно отмечается, что исход усилий по спасению жизни конкретного пациента для фельдшеров скорой помощи чаще всего оказывается неизвестен. Кроме того, для фельдшеров скорой помощи, работающих с портативными медицинскими устройствами в непредсказуемых обстоятельствах, концепт «спасение жизни» вербализуется в принципиально ином семантическом поле, нежели для врачей приемного покоя и реаниматологов, работающих в стационаре и имеющих более надежный доступ к высокотехнологичному оборудованию. В связи с этим следует указать на возрастающую роль технологического фактора в том, что понимается под спасением от смерти. В частности, возникает вопрос о том, как реанимационные технологии и аппараты жизнеобеспечения влияют на восприятие жизни и смерти. Этот вопрос планируется углубленно рассмотреть на следующем этапе исследования при сопоставлении перечисленных текстов с нарративами врачей приемного покоя и отделений реанимации и интенсивной терапии.

Литература

- Юдин, Б. Г., Тищенко, П. Д. (1998). *Введение в биоэтику: учебное пособие*. М. Прогресс-Традиция.
- Джонс, Дж. (2021). *Вы меня слышите? Встречи с жизнью и смертью фельдшера скорой помощи*. М. АСТ.
- Куршин А. К. (2019). *Записки пьяного фельдшера, или О чем молчат души*. М. Мон литера.
- Сеньчуков, С. В. (2021). *Менты, понты и «Скорая помощь». Медицинские рассказы священника-реаниматолога*. М. Эксмо.
- Страусс, А., Корбин, Дж. (2001). *Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники*. М. Эдиториал УРСС.
- Сьюард, П. (2019). *Ангелы спасения. Экстренная медицина*. М. АСТ.
- Уолдер, Л., Хаймс, Дж. (2021). *Борьба за жизнь. Записки из скорой*. М. АСТ.
- Фарнворт, Д. (2021). *Вызов принят. Остросужетная жизнь работника скорой помощи*. М. Эксмо.
- Федоров, Д. Л. (2020). *Здравствуйтесь, скорую вызывали? Записки врача*. М. Яуза.
- Эбби, И. (2018). *Семь причин для жизни*. СПб. Питер.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКА ЖИВОПИСИ НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ИСКУССТВА В ТЕХНИКЕ ЛЬДА И СНЕГА

Сюй Цидун

*Забайкальский государственный университет, г. Чита
13621194513@163.com*

В наши дни интерес к культуре и быту восточных стран несколько не угасает. В этой ситуации одним из актуальных для россиян становится знакомство с культурой КНР как южно-восточного соседа нашей страны, политического и экономического партнера. Эта страна привлекательна для нас не только с точки зрения туристических возможностей, но и как богатый материал для исследования [Чжоу Хуэйцюань, 2000, с. 10].

В современном Китае существует уникальное направление пейзажной живописи, которое отражает величественный мир снега и льда. Техника льда и снега представлена в ярком региональном стиле и целиком и полностью показывает утонченность «холодной» красоты.

Характерными особенностями данного направления, существующего с начала 1980-х годов и объединяющего свыше ста художников, являются как выбор темы снежной зимы, так и особых материалов. Мастера применяют специальную бумагу и квасцы, а также работают с лицевой и изнаночной стороной бумаги, что позволяет добиться эффекта натуралистичного изображения снежных шапок и ледяных глыб, используя минимальное количество мазков [Пузырева, Лычковская, 2016].

Все вышперечисленное актуализирует исследование творческих приемов и стилистических особенностей картин в технике снега и льда в России и Китае. Поэтому необходимы изучение и анализ как китайского, так и отечественного опыта в этом направлении, что и является основной целью настоящей статьи.

Китайские и русские художники имеют долгую историю создания и изучения зимних пейзажей, что обусловлено их географическим положением. В начале XXI века в Китае появилось множество произведений искусства, посвященных зимней природе, представленных принтами «Северная дикая природа» и «Пейзаж льда и снега», а также связанными с ними статьями, такими как «Акварельная пейзажная зарисовка».

Масляная живопись в КНР в технике снега и льда сочетает в себе характерные черты китайской масляной живописи и техники западной масляной живописи. Например, Чжу Дэцзюнь специализируется на соединении эстетических концепций династий Тан и Сун с абстрактным языком западной живописи; Су Тяньчи умеет сгущать снег и лед в фиксированное черно-белое пространство благодаря структурному пониманию точки, линии и поверхности; снежные сцены Цзяннани Шэнь Синьгуна могут более элегантно передать традиционное настроение китайской живописи тушью и уникальное чувство спокойствия набережной Цзяннани; Ай Сюань выражает свое внутреннее одиночество, представляя образы пастухов и девушек на снежном плато. Его полотна создают холодное настроение и сильное чувство грусти [Чжоу Хуэйцзоань, 2000].

Россия наделена снежным и ледяным климатом, что в значительной степени способствовало развитию творчества русских художников. Мастера находят вдохновение для своих работ в русской зиме, а их многочисленные великолепные произведения в полной мере отображают бескрайние просторы русского пейзажа. Шишкин, Левитан, Саврасов и Куинджи – одни из самых известных русских живописцев, которые были вдохновлены зимним временем года на множество шедевров. В России зимний период более длителен, нежели в европейских странах. Русская зима более выразительна и привлекательна для художников [Чжу Дацзю, 2004, с. 117].

Рассмотрим творческие приемы и стили русской и китайской живописи в технике снега и льда.

Во-первых, становление живописи в этой технике, как в Китае, так и в России очень схожи. Однако Китай и Россия имеют заметно различающиеся национальные культуры и социальное происхождение, что в конечном итоге привело к формированию собственных отличительных региональных особенностей идей и выражений в области создания картин маслом.

Во-вторых, художественная практика рисования на зимнюю тему, как в России, так и в Китае началась с изучения опыта Европы. В то время выдающиеся китайские ученые и эксперты в области масляной живописи активно ездили за границу для изучения передовых техник живописи и привезли оттуда множество новых идей и методов для создания собственных картин. Например, многие творения Сюй Бэйхуна были вдохновлены картинами Курбе «Снег и лед», которые он ввел в сферу китайской масляной живописи, что привело к быстрому развитию китайской живописи в технике снега и льда.

В-третьих, между картинами зимних пейзажей русских и китайских художников есть действительно много общего, но разное историче-

ское прошлое и огромные национальные культурные различия привели к различному выбору тематики для картин. Китай находится под влиянием конфуцианства, чего нельзя сказать о России. Между Китаем и Россией существуют значительные различия в национальных культурных представлениях и историческом прошлом, что приводит к различным подходам и техникам в создании подобных полотен [Зименко, 1970, с. 27].

Что касается сравнения творческих стилей русских и китайских зимних картин, то они сильно отличаются.

Во-первых, китайские картины в технике льда и снега сегодня становятся все более уникальными и приобретают индивидуальное развитие. В то же время китайские художники масляной живописи постоянно впитывают иностранный опыт, наследуют основы традиционной китайской культуры, формируют субъективное творческое сознание, основанное на китайской традиционной культуре, что привело к скачку вперед в создании китайских картин в этой технике.

Во-вторых, по сравнению с китайскими, русские картины на зимнюю тему более строгие и серьезные, и это в полной мере отражается как в общей концепции работ, так и в их пропорциях и распределении цветов. Стиль русской живописи в технике снега и льда имеет определенное наследие. Русские художники проводят множество экспериментов перед работой над своими картинами, что можно назвать довольно длительным процессом.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что Китай создал уникальный стиль живописи, полностью впитав зарубежные новаторские концепции и интегрировав свои собственные национальные культурные особенности. Поскольку художественные обмены между Россией и Китаем продолжают активизироваться, культура живописи в технике льда и снега в обеих странах будет испытывать положительное влияние.

Литература

- Зименко, В. М. (1970). *Советская историческая живопись*. М. 151 с.
- Пузырева, В. В., Лычковская, И. Р. (2016). Сравнительный анализ китайской и русской живописи// *Язык и культура: сборник статей XXVI Международной научной конференции (27-30 октября 2015 г.)*. Томск. С. 343–346.
- Чжу Дациу (2004). *Русская культурная теория*. Чунцин. Издательство Чунцина.
- Чжоу Хуэйцзянь (2000). *О северо-восточной национальной культуре*. Серия «Северная теория».

**ИЗУЧЕНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ КИТАЙСКОГО
И ЗАПАДНОГО ИСКУССТВА
НА ОСНОВЕ КОНТЕКСТА ЭПОХИ**

Ху Цзямин(КНР)

*Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
1171112131@qq.com*

Ван Цзяхуэй(КНР)

*Факультет искусств МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
LXueZhen@outlook.com*

«Современное китайское искусство» и «вопрос о современности китайского искусства» имеют разные теоретические значения, а не обсуждаются в оппозиции друг к другу. Интерпретация и обсуждение теоретического термина «современное китайское искусство» часто фокусируется на вопросе «современности», подразумеваемой этим понятием, а не на тщательном изучении самого «китайского искусства». Само изучение «китайского искусства» не подвергается тщательному исследованию. Поэтому изучение «современности китайского искусства» должно решать эту проблему, постигая и разграничивая историческую линию китайского искусства, особые формы, так же наследие китайской культуры. Независимо от того, на чем фокусируется внимание: на вопросе «современности» вокруг современной интерпретации китайского искусства или на «реализме» китайского искусства в историческом смысле, и первое и второе является теоретической основой и историческим прорывом для изучения «современного китайского искусства».

В наше время именно из-за постоянного внимания к теоретическому разграничению между «современным искусством» и «вопросом современности китайского искусства» популярное понимание «вопроса современности китайского искусства» в сегодняшнем теоретическом смысле имеет тенденцию включать в себя многие западные подходы. Понимание «современности китайского искусства» в теоретическом смысле часто включает в себя многие западные подходы к изучению искусства. С точки зрения эстетики, западногерманская классическая

эстетика оказала большое влияние на изучение китайского искусства и эстетики. К этой проблеме обращался выдающийся испанский мыслитель Х. Ортега-и-Гассет, который обнаружил некий параллелизм в развитии искусства и философии. Он заметил, что «подобный путь прошла и западная философия, а такого рода совпадения заставляют все с большим вниманием относиться к обнаруженной закономерности» [Ортега-и-Гассет, 1991, с. 200–201]. Что касается развития «современного искусства» в западном контексте и его теоретических проблем, то вопрос о «современности китайского искусства» все еще остается «новой темой». Это связано с тем, что нынешняя эпоха продолжает «однополярную традицию» индустриальных цивилизаций, которые имеют привычку маскировать свои недостатки собственными достоинствами, и это создает множество препятствий для развития разнообразной современной экономики и культуры. Размышляя о проблемах динамики культуры в контексте социокультурной ситуации рубежа XX–XXI вв., Астафьева О. Н. констатировала, что «изменяющиеся социальные условия влияют на смысловое наполнение культуры, но именно культура через свои параметры порядка способна либо усиливать интегрирующее и мобилизующее начало в обществе, либо, напротив, тормозить реформирование социальных отношений» [Астафьева, 2008, с. 196.]. В то же время, маркетингизация и специализация искусства, а также вызовы новых технологий технологического века привели к плюрализму художественного выбора и рецепции. Вскоре категория «современного искусства» столкнулась с постепенным отказом теоретического сообщества от нее, о чем свидетельствует формирование и развитие концепции «постсовременного» искусства. Постепенное принятие и популяризация постмодернистских теорий, благодаря богатству форм современного искусства, также предвещало конец исторической проблемы «современных исследований искусства» как симптома глобализации и неолиберализма. Новая эпидемия коронавируса, распространяющаяся по всему миру с 2020 года, стала испытанием, которому многие страны не смогли противостоять, и которое губительно сказалось на их населении. Именно по этой причине была предпринята глобальная переориентация на «постэпидемическую эру», чтобы дополнить «теоретическую несогласованность и теоретический провал» перед лицом крупных событий из-за недостаточной теории. В сравнительной перспективе между Китаем и Западом историческое позиционирование и современная реализация «современного искусства»

и его теоретических вопросов в китайском контексте, в отличие от вышеупомянутой тенденции «современности» в западном контексте, продемонстрировали состояние совместимости и самосохранения на разных исторических этапах. Это также отражает особенности китайской культуры и требования времени.

Общая тенденция к построению оригинальных теорий искусства возникла одновременно в Китае и на Западе. Данная последовательность неизбежно связана с своевременностью и синхронностью распространения современного искусства, основанного на технологиях. И Китай, и Запад начинают экспериментировать с желанием вернуться к художественной рациональности, преодолеть разрыв между противоположностями, и попытаться достичь культурного взаимообмена между Востоком и Западом. Исходя из этого, культурное слияние, вызванное деконструктивистской традицией, вновь становится мостом для мировых культур. Однако сегодня этот вопрос приобрел новые вызовы и кризисы.

В целом, использование нами таких сепаратистских описаний Запада и Китая ни в коем случае не является буквальным прочтением сепаратизма или антагонизма; скорее, оно призвано подчеркнуть симбиоз друг друга, реальности, которые вместе составляют настоящее состояние человеческой цивилизации и человеческого сообщества. В этом контексте кризис «современного характера китайского искусства» в западном контексте подразумевает конец, возможность и вызов. Собственная культурная специфика и художественная независимость Китая, а также сближение китайской и западной культур способствовали сближению Китая со всем миром. Это явление не означает, что сложной композиции более открытого «современного мирового искусства» грозит конец; напротив, речь идет о переориентации практики современного искусства в подлинно глобальном контексте, который будет носить более исторический и современный характер. В то же время, оно предлагает новую попытку теоретизации и развития философии искусства для реализации современного феномена мультикультурного современного искусства и является возможным прорывом и взглядом на онтологию и фундаментальные вопросы искусства.

Литература

Ортега-и-Гассет, Х. (1991). О точке зрения на искусство. *Эстетика. Философия культуры*. М. С. 186–202.

Астафьева, О. Н. (2008). Концептуальные основания культурной политики: от теории к практике. *Синергетика: будущее мира и России*. [Электронный ресурс]. URL: <https://spkurdyumov.ru/art/konceptualnye-osnovaniya-kulturnoj-politiki/> (дата обращения: 13.02.2021)

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА И ЭТНОС

Б. И. Эминли

*Сумгаитский государственный университет, Сумгаит, Азербайджан
resadok50@gmail.com*

В данной работе рассматривается взаимовлияние понятий язык, культура и этнос и отношения между ними, основанные на этом влиянии. Одним из важнейших условий существования культуры является культурное разнообразие и плюрализм. Эта проблема базируется на анализе культурной коммуникации и интеграции в этническом, национальном и общечеловеческом масштабах. Влияние культуры на язык и функции культуры проявляются в разных типах цивилизаций. Это связано с различием ценностных ориентаций, существующих во внутреннем содержании и структуре культуры.

Этнос – носитель культурного наследия и общность людей одной этнической принадлежности (языка, культуры, нравов и т. д.) вне зависимости от ареала распространения. Этноты формируются в любой географической среде и в течение определенного исторического периода. Они возникают, существуют определенный период, а затем исчезают из истории человечества. Новые идеологии и разные мировоззрения формируются вместе с вновь возникающими этническими группами.

Каждый этнос проходит исторический период развития от своего возникновения до своего исчезновения. Этноты возникают не по воле людей, а в результате объективного исторического процесса. Этноты чрезвычайно сложные явления, каждый из них имеет как специфические, так и общие с другими этносами характеристики. Существует также мнение, что различие между этническими группами является второстепенным в определении их сущности. Однако если нет отличий между этносами, то их сущность равна нулю. Характерной чертой этнических общностей является их взаимная дифференциация. Поэтому этносы можно изучать исключительно в сравнении с другими. В фокусе сравнений могут оказаться объективные характеристики этнонаций. Именно на основе таких принципиальных сравнений можно отличить азербайджанских тюрок от других этнических групп. При определении азербайджанского этноса азербайджанцы относятся к огузской ветви алтайской тюркской группы, а их корни в основном кутинские, луллубийские, турукские (турукку), хурритские, киммерийские, скифские

(скифские, скифские, сакские, гуннские, болгарские, хазарские, в этногенезе азербайджанцев также участвовали барсилы, печенеги, сувары, кыпчаки, другие тюркские и нетюркские этносы, причем решающую роль в этом процессе сыграли тюрки-огузы (агтоюнлы, карагоюнлы, сельджуки и др.).

Каждый этнос можно исследовать, исходя из влияния социально-политических, и культурных факторов на его становление и развитие. Научно-теоретические аспекты исследования этноса, как существовавшие ранее, так и современные, нельзя считать полностью охватывающими весь комплекс анализа этнической проблематики. Хотя выделяются исторические типы этноса (племя, народ, нация), споры об определении понятийных признаков этих терминов продолжаются. В социологической литературе с типологической точки зрения выделяют этнос, принадлежащий к компактному ареалу и проживающий в географически изолированной ситуации.

Обоснование национально-культурного разнообразия как основного научного принципа, факта и методологического подхода начинается с имени немецкого мыслителя И. Гердера. Культуру как наиболее значимый фактор формирования человеческого общества он выделял в своем труде «Мысли об исторической философии человечества» [Гердер, 1991, с. 59]. По мнению И. Гердера, именно культура, воплощенная в религии, языке, искусстве, науке, определяет своеобразие и самобытность каждого общества. Культуру следует не только изучать, но и принимать как факт естественной истории, такой как существование другой культуры [Каган, 1996, с. 74]. Согласно распространенному в этнологии мнению, под «культурной общностью» понимается некая общность, составляющая определенный этнос, и здесь культура охватывает все стороны общественной жизни (не разделяя ее на политику, экономику и т. д.). Самые важные различия между людьми в мире после холодной войны не являются ни политическими, ни экономическими, ни идеологическими. Это культурные различия [Хантингтон, 2003, с. 607].

Сходство культурных особенностей и факторов играет очень важную роль в формировании этнического, национального и общечеловеческого уровней культуры. Дифференциация этих уровней помогает понять содержание понятия «культурное разнообразие».

Мы разделяем мнение Гердера о том, что этот эффект «проявляется на разных уровнях и в разных формах:

– Общество позволяет языку развиваться или постепенно перестает функционировать.

– Общество может создать такое состояние, которое постепенно приведет к гибели языка или может обеспечивать функционирование и развитие языка.

– Преподавание языка в средних и высших школах, функционирование письменной речи на языке, издание разного рода литературы, ведение радио- и телепередач позволяет обществу расширить социальные функции языка за счет его реализации в языке.

– Общество определяет базовую структуру языка, морфологическую, синтаксическую, лексико-семантические нормы и стилистические системы.

– Регулирование процессов языковых взаимодействий в обществе, в частности право на изучение иностранных языков.

– Стихийные изменения в языке оказывают влияние также на изменение общества» [Гердер, 1991, с. 60].

Большую роль в формировании этноса играют не только культурные, но и географические (природная среда), социальные (сходство социальных структур), биосоциальные (например, антропологический тип) и экономические факторы. В результате под влиянием природной среды и других факторов может формироваться общность некоторых языковых, обычаев, традиций, бытовых и психологических аспектов.

В современной науке понятиями «этнос» или «этническая группа» принято обозначать, социальную группу, обладающую языком, религией, расой и национальной идентичностью (на уровне общественного сознания) и знанием собственной истории. Этнос является носителем нескольких форм групповой идентичности. Это культурные, религиозные, национальные, формы идентичности. Есть понятие этнической специфики и признаков. В основном это такие факторы, как язык, культурные обычаи, традиции, нормы и правила, религия, территория и история.

В последние годы культурная специфика и разнообразие является значимым основанием выявления этнической специфики, а важность общих культурных ценностей подчеркивают представители научного сообщества: «изучение языка как элемента этнического самосознания, вместе с изучением этнической культуры, даёт возможность получения информации как о языковых процессах в обществе, так и об этнокультурной ориентации индивида и этноса – степени их языковой и этнокультурной ассимиляции или сохранения» [Макарова, 2006, с. 35].

Отличия в культуре, языке, религии, искусстве, политических и культурных институтах и идентичности выступает основанием для дифференциации конкретной этнической общности от других.

Роль и значение того или иного фактора во многом относительны. Некоторая характеристика этнической культуры, даже при отсутствии ее в другой культуре, становится главным показателем отличия и разнообразия.

Взаимодействия этнических культур представляют собой внутренне противоречивый процесс.

Уровень «этнического человеческого единства» не исчезает с образованием нации. Наоборот, для большинства наций этничность является фундаментом «национального чувства». Люди различают себя главным образом благодаря чувству коллективного единства и общности, например, по происхождению, истории и языку [Иорданский, 1992, с. 93].

В целом можно сделать вывод о заимовлиянии языка, культуры и этноса, поэтому нельзя сказать, что язык определяет культуру и этнос или культура определяет язык и этнос. Это также связано с возможностями воздействия на язык в результате социального и технологического развития общества. То есть продукты культуры расширили возможности воздействия на язык. Язык, культура, мышление поведение и социальная активность и их заимовлияние были и остаются одной из актуальных тем социалингвистики, лингвокультурологии, этнокультурологии, потому что с развитием общества постоянно меняются и методы, и результаты таких взаимодействий, что создает необходимость в проведении новых исследований.

Во многих случаях мы наблюдаем отождествление понятий «этническая» и «национальная» культура в научно-популярной или публицистической литературе. Однако выше было сказано, что основанием для этнического единства людей является общность генетических характеристик и природных условий жизни.

Литература

- Гердер, И. Г. (1991). *Идеи для философии истории человечества*. М. Иорданский, В. Б. (1992). *Этнос и нация*. М.
 Каган, М. С. (1996). *Философия культуры*. М.
 Макарова, Е. Ю. (2006). *Язык как основа этнической культуры*. Дис. ... канд. филос. наук. Волгоград.
 Хантингтон, С. (2003). *Столкновение цивилизаций*. М.

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СУБЭТНОСОВ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

Т. И. Янгайкина

*Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве РМ»
sudakova2007@mail.ru*

В настоящем докладе представлен анализ исследований, посвященных дискуссии о внутриэтнической структуре мордовского этноса и статусе субэтносов, проживающих на территории современной Мордовии. Их этническая принадлежность до сих пор вызывает полемику в научном сообществе. В связи с чем возрастает актуальность данной публикации, которая в очередной раз актуализирует данную проблему и направлена на анализ аргументов, подтверждающих признанное академическим сообществом мнение об этносе мордва.

«Причастными к истории считают себя все здравомыслящие люди. И это правильно, отмечают историки, так или иначе, мы – творцы истории» [Гусева, Пивцайкина, Шкердина, Щукин, 2015, с. 32]. Как ни странно, нам отмечать, но существуют творцы истории, ставящие под сомнение этническую принадлежность мордовских народов – мокша и эрзи. Так, М. А. Попова, являясь членом Союза писателей России, анализирует историю мокшанского народа и «мокшанских» эрзян с глубины веков. В открытом обращении, посвященном национальным вопросам Республики Мордовия (далее – РМ) [от 20.01.2021 г.], поступившем на имя Врио Главы РМ А. Е. Здунова, М. А. Попова констатирует: «Мне удалось определить, что мокшанский народ незаслуженно носит название чужого народа – МОРДВА» [Попова, 2021, с. 1]. На наш взгляд, неверно было бы оставить это обращение без ответа. После того, как оно было перенаправлено на имя директора Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве РМ, сотрудниками такой ответ был подготовлен.

Мы считаем, что ни в коем случае не следует подвергать сомнению широко разделяемое мнение научного сообщества, в частности труды Д. В. Бубриха, Б. А. Серебренникова, М. Н. Коляденкова, Н. Ф. Мокшина, В. А. Юрчёнкова, а также многие обобщающие этнографические

и археологические изыскания по истории Мордовии, где доказано, что издавна в междуречье Волги, Оки, Мокши и Суры проживал народ с единой культурой – единое мордовское племя с одним общим древнемордовским языком.

Как нам известно, существуют два мордовских литературных языка, в основе которых сохранился общий словарный, звуковой и падежный состав. К тому же многие зарубежные финно-угорские лингвисты до сих пор считают мордовский язык единым, а эрзянский и мокшанский – его наречиями. В 1990 г. в г. Хельсинки выдающимся финским ученым Х. Паасоненом был издан 1-й том единого мордовского словаря. В том же году на Международном конгрессе финноугроведов венгерский ученый Г. Зайц привел статистические материалы, которые свидетельствуют о схожести мокшанского и эрзянского языков на 85 – 90 % и их различии на 10 – 15 %. Мы уверены, что накопление всего 10 – 15 % различий за период в 1500 – 1700 лет – это немного. Следует признать также, что ситуация не изменилась и за последние 25 лет. Именно поэтому до сих пор все зарубежные и некоторые мордовские (в частности М. Е. Евсевьев) ученые писали об одном мордовском языке с двумя наречиями – мокшанским и эрзянским.

История знает много примеров, когда различия между диалектами одного языка являются более существенными, нежели различиями между мокшанским и эрзянским литературными языками, например, между диалектами марийского языка, верхне- и нижненемецким говорами, между баварским и саксонским диалектами. Кроме языкового сходства много общего сохранилось в одежде, быту, фольклоре мокшан и эрзян.

Далее в обращении М. А. Поповой читаем: «Если ли Вы зададите вопрос – кто такие ЭРЗЯНЕ, то Ваш вопрос будет абсолютно уместным в свете требований реакционной группы эрзян – разделения республики на эрзяно-мокшанскую. Отвечаю: ЭРЗЯНЕ – это МОКШАНЕ, с диалектным языком! Ни в одном историческом документе в Западно-Европейских источниках, а также в Летописях Руси слова “ЭРЗЯ” нет» [Попова, 2021, с. 2]. Необходимо отметить, что полемика об этносе эрзя не нова и актуальна вплоть до настоящего времени. Эрзя – субэтнос (наряду с мокшей) в этноструктуре мордовского народа (этноса), численно значительно превышающий мокшу. Субэтноним *эрзя* своей основой восходит к иранской лексике (иранское *arsan* – «самец, мужчина, герой»). Особенности этнической принадлежности этих субэтносов доказал еще

профессор Н.Ф. Мокшин, указывая на сходство их материально-бытовой и духовной культуры [Мокшин, 1977].

Одно из наиболее ранних письменных известий об эрзе (*арису*) дошло до нас в послании кагана Хазарии Иосифа (X в.) еврейскому сановнику при дворе испанских халифов Абд-ал-Рахмана III (912 – 961) и Хакама II (961–976) Хасдаю Ибн-Шафруту, в котором перечислены народы, проживавшие по реке Итиль (Волге) и платившие дань Хазарии. В этом перечне названы «бур-г-с, бул-г-р, с-вар, *арису*, ц-р-мис». Бытует мнение, что это не первое письменное свидетельство об эрзе. Так, в трудах древнегреческого географа Страбона упоминаются *аорсы*, у Птолемея – *арсииты*. О народе *Arsaja (Ersaja)*, царь которого «находится в *Arsa (Ersa)*, откуда вывозятся черные соболы, черные лисицы и свинец», общал арабский географ и путешественник Ибн-Хаукаль (X в.). Об эрзянах (*арджаны*), как и о мокше, писал в начале XIV в. иранский ученый Рашид-ад-Дин. Эрзян (*Рзян*) упоминал ногайский князь Юсуф в грамоте, направленной им в Москву в 1549 г. [Сафаргалиев, 1964, с. 12]. В итоге, мы не можем сознательно игнорировать доказательную базу, подтверждающую факт существования единого мордовского народа, и считаем тезисы М. А. Поповой несостоятельными.

Таким образом, изучив открытое обращение члена Союзов писателей России М. А. Поповой к Врию РМ А. А. Здунову мы приходим к выводу, что точка зрения имеет право на существование, только если она подкреплена научными источниками. К сожалению, в рассматриваемом обращении нам не удалось выявить научно обоснованной новизны. В этой связи мы склонны считать данный пассаж несостоятельным, хотя и разделяем мнение, в соответствии с которым гражданская позиция любого человека должна быть услышана. Однако мы однозначно придерживаемся точки зрения, в соответствии с которой не следует ставить под сомнение фундаментальные труды мордовских исследователей, в чьих работах мы находим подтверждение существования двух субэтносов – мокша и эрзя.

Литература

Гусева, Т. М., Пивцайкина, О. А., Шкердина, Н. О., Щукин, Д. С. (2015). А эрзяне лучше?! Критика альтернативной истории мордовского народа. *Центр и периферия*. № 4. С. 32–39.

Попова, М. А. (2021). *Обращение к Врио Главы Республики Мордовия Здунову Артему Алексеевичу. Национальные вопросы*. 5 с.

Мокшин, Н. Ф. (1977). *Этническая история мордвы XIX–XX вв.* Саранск. Мордов. кн. изд-во.

Сафаргалиев, М. Г. (1964). Присоединение мордвы к Русскому централизованному государству. *Тр. Мордов. НИИЯЛИЭ*. Вып. XXVII. С. 3–25.

ЯЗЫК В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

ЛИНГВОФИЛОСОФИЯ ЛЮДМИЛЫ ГОГОТИШВИЛИ В КОНТЕКСТЕ ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

А. А. Гравин

Институт мировой литературы им. А. М. Горького

Российской академии наук, г. Москва

Филиал Федерального Научно-исследовательского социологического центра

Российской академии наук – Социологического института

Российской академии наук, г. Санкт-Петербург.

nagval_89@mail.ru

Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01832, <https://rscf.ru/project/22-28-01832/>

Концептуально-интерпретирующий проект Гоготишвили включает в себя не столько историко-философский, сколько ре- и деконструирующий подход. Так, основные «герои» её творческого осмысления (Михаил Бахтин, Алексей Лосев, Отец Павел Флоренский, Отец Сергей Булгаков, Вячеслав Иванов, Андрей Белый, Густав Шпет и т.д.) представляют собой не столько исторических личностей, сколько концептуальные универсалии, отображающие определённые дискурсивные стратегии.

Традиция, которой наследует Гоготишвили, включает в себя (как исторические и концептуальные этапы) русский символизм Серебряного века (по большей части, второе «поколение»), имяславие, постсимволизм (в лице Бахтина и Лосева) и исходит из синтетической рецепции нескольких оказавших влияние на её формирование интеллектуальных традиций:

1) шеллингианство (эстетическое измерение; символическая выразительность);

2) гумбольдтианство (лингвистическое измерение; языковая деятельность);

3) паламизм (онтологическое измерение; энергичность и антропологичность);

4) гуссерлианство (гносеологическое измерение; смысловая эйдетичность).

С точки зрения теоретической лингвистики раннее творчество Гоготишвили было вдохновлено трудами Юрия Степанова и связано с концептуальным анализом работ (обозначаемых как постсимволисты) Бахтина и Лосева при выделении полифонического дискурса первого и теории эйдетического языка второго. Впоследствии Гоготишвили осуществила критическое переосмысление концепции трёхмерного пространства языка Степанова, а также расширила оптику своих исследований в сторону имяславской лингвофилософии (помимо Лосева, это также Флоренский и Булгаков), русского символизма (Иванов и, в меньшей степени, Белый) с экскурсами в европейскую феноменологию (Гуссерль, Рикёр), постструктурализм (Делёз), деконструкцию (Деррида) и не-философию (Ларюэль).

Если остановиться на конкретных исследовательских аспектах Гоготишвили, то в творчестве Бахтина для неё важнейшими оказывались концепции непрямого говорения, двуголосого слова и полифонии.

Непрямое говорение Бахтина интересует Гоготишвили в перспективе адекватности выражения неконвенционального смысла в конвенциональной речи: говорение «я» в присутствии контекстуального «другого».

Различные соотношения «я» и «другого» (в абсолютной перспективе Абсолютного Другого) порождают различные дискурсивные стратегии (монологизм/диалогизм) и, как следствие, различные ценностные системы (идеологии).

Дискурсивные стратегии монологизма и диалогизма описываются Гоготишвили с привлечением бахтинской концепции двуголосого слова¹, где референция авторской речи к речи другого и, собственно, самому другому определяет тип диалогической дискурсивной стратегии и, в сущности, тип становления речи в имманентном пространстве языка. Множество двуголосых слов порождают полифонию высказываний с доминантным двуголосым словом и, как следствие, доминантным хронотопом.

¹ Концепция развивается Бахтиным в работах «Марксизм и философия языка» и «Слово в романе» [Бахтин 2012].

Эта самая доминантность (с ориентиром на нерелятивный смысл как горизонт диалога) преодолевает релятивность речевой формы (включающей множество двуголосых слов) при полифонии, осуществляя становление авторского смысла/замысла в осмысленном монологе².

Возможность присутствия трансцендентного измерения полифонического дискурса осмыслялось Людмилой Гоготишвили с привлечением символистских методологий Алексея Лосева, отца Сергия Булгакова, отца Павла Флоренского и Вячеслава Иванова, которые понимали описание онтологии становления трансцендентного смысла в имманентную форму. При этом, русский символизм Гоготишвили осмысляет сквозь призму феноменологии и деконструкции, а также лингвистической предикативности³, усиливая гносеологическую оптику собственной мысли.

Таким образом, для Гоготишвили имманентные категории и категориальные схемы Бахтина находят свои трансцендентно-имманентные категориальные аналоги в системе символистов и имяславцев⁴.

Так, дискурсивные стратегии (идеологии) Бахтина могут быть соотнесены с мифологиями диалектики мифа Лосева (я/другой ~ одно/иное). Абсолютная и относительные мифологии, по Лосеву, исходят из разного рода выражения идеального личностного смысла в конкретной истории (в том числе, в словесно-описуемом факте). Имманентная же полифоничность Бахтина может быть сопоставлена с многоступенчатой символизацией и политропией Лосева.

Многоступенчатая символизация для Гоготишвили исходит из лосевской концепции двойного символа, предполагающей, как минимум, две выразительной ступени выражения всякого смысла: эйдетическую и чувственную⁵. Если к ней добавить ещё и пра- или сверх-измерение Абсолюта, то можно обозначить ещё и пра-символическую ступень (тогда символ будет тройным).

² Данная стратегия признаётся Людмилой Гоготишвили наиболее адекватно выражающей концепцию непрямого говорения внеположенного речевым формам автора [Гоготишвили 1992].

³ В этом её принципиальное расхождение с концепцией Ю. С. Степнова, В. И. Постоваловой etc.

⁴ Отдельного рассмотрения требует вопрос о монологичности/диалогичности лосевской диалектики в перспективе бахтинского суждения относительно монологического характера всякой диалектики.

⁵ Первая наиболее адекватно выражает то, что можно было бы обозначить как символ, вторая же более склонна к схеме или аллегории.

На основании такой символизации Гогтишвили выстраивает концепцию эйдетического языка⁶, обладающего неконвенциональным и конвенциональным измерениями и, как следствие, более широкой лингвистической перспективой, чем философия языка Бахтина. Эйдетический язык (со своими семантикой, синтактикой и прагматикой) оказывается здесь системообразующим элементом для естественного языка (системный плюрализм – символическая энергичность, выражение идеального в чувственном).

Чувственное бытие всякого феномена в таком случае, по Гогтишвили, определяется лосевским понятием позиционной политропии, подразумевающим вариативность имманентного бытия выраженного смысла (схема, аллегория, символ)⁷.

Литература

Бахтин, М. М. (2012). Слово о романе in *Собрание сочинений. Т. 3. Теория романа (1930–1961 гг.)*. 9–197. М. Языки славянской культуры.

Гогтишвили, Л. А. (1992). Философия языка М. М. Бахтина и проблема ценностного релятивизма in *М. М. Бахтин как философ*. 142–174. М. Наука.

Гогтишвили, Л. А. (2006). *Непрямое говорение*. М. Языки славянской культуры.

Лосев, А. Ф. (2016). *Философия имени*. СПб. Издательство Олега Абышко.

⁶ Интересной оказывается на этом основании возможность построения языковой классификации (праязык, эйдетический язык, естественный язык); подробнее см. [Гогтишвили 2006].

⁷ Подробнее см. [Лосев 2016].

ФИЛОСОФИЯ САМОИЗГНАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ГОЛЬДШТЕЙНА

К. В. Дмитриев

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
dmitriev_kirill_v@mail.ru

В данной статье рассматриваются творческие мотивы специфической философии самоизгнания А. Гольдштейна, развиваемая им в своих произведениях (два сборника эссе – «Расставание с Нарциссом» и «Памяти пафоса»), а также три романа – «Аспекты духовного брака», «Помни о Фамагусте», «Спокойные поля»). Для всего творчества А. Гольдштейна важна определённая историко-географическая оптика: удивительно, но А. Гольдштейн «...ненавидя Восток, всю жизнь провёл на Востоке» [Гольдштейн, 2004, с. 52], испытывал определённого рода шарм от проникновения на территорию, чья новейшая история тесным образом переплетена с её древнейшей историей (значительную часть жизни А. Гольдштейн провёл в Тель-Авиве). Он черпал творческие силы в своей тяге к эстетическому эскапизму, стремился плести крючковые узоры, словеса, почти каллиграфически выводить их в бескорыстном сочетании, его влекла драма одиночества, которую он делал культурной драмой целой цивилизации: замороженность имперским прошлым России здесь сочетается с отчаянными попытками его преодоления.

Определённая маргинализация собственного положения прослеживается даже в картографии перемещений А. Гольдштейна: Москва-Баку-Тель-Авив. Однако что заставило рафинированного европейского интеллектуала бежать глубоко на Восток, жить среди небольшой русскоязычной интеллектуальной публики, когда он мог бы снова жить в Москве и занять славу блестящего литературного стилиста? Подобная постановка вопроса требует более тщательно осмыслить само понятие «империя» в творчестве А. Гольдштейна.

Империя, если отвечать более прямым образом – это не только преобладание экспансии, экономики и политики, но и место обитания личной судьбы, которую невозможно отделить от опыта строительства мира. Это зона эмоционального собеседования личности и государства,

где первый смиренно принижен перед высокопарно-возвышенными речами высших эшелонов власти. В своей книге «Расставание с Нарциссом» А. Гольдштейн сравнивает империю с образом Нарцисса, который любовно склонился над собственным отражением: «Это была нарциссически собой упоенная, абсолютно самодостаточная литературная цивилизация, духовно исключительно интенсивная, которая в какой-то момент не смогла выдержать собственной красоты» [Гольдштейн, 1997, с. 6]. Так А. Гольдштейн и трактует причину краха советской империи: эта империя была слишком самозамкнута и самодостаточна, при этом не замечая в собственном эпистемологическом горизонте единичную творческую личность, подавляемую диктатом собственного масштаба: «Империя не только подавляет человека масштабом своей архитектуры, провиденциальным и сверхперсональным полётом своих замыслов («я планов наших люблю громаде, размахи шага саженьи»), по отношению к которым личность может застыть лишь в позе почтительного смирения, или страдальческого восторга, или одической гордости от участия в этой всесокрушающей и потому прекрасной силе. Прекрасность империи также и в том, что она есть чудеснейший жизненный круг, оком и ландшафт, в котором человеку, к какой бы расе, культуре и религии он ни принадлежал, удобно обрести свою сущность, связав её с великими образами» [Гольдштейн, 1997, с. 9]. В подобном контексте тотальный отказ и бегство от империи должен означать потерю культурной идентичности, ведь империя имеет серьёзную иерархию этических и эстетических канонов, отказ от литературно-политического разделения и т.д. Возникает закономерный вопрос: как в подобных условиях (и на каких принципах) может продолжаться литературный процесс?

А. Гольдштейн решил открыто презреть все литературные заигрывания, которыми русская словесность наполнилась почти четверть века. Он решил сформировать собственный социальный пафос литературного существования за пределами империи, отчуждённый и самоотвергнутый, воспевающий новейшие идеалы русской литературы. Для творчества А. Гольдштейна характерно тотальное неприятие постмодернизма, т.к. он не стремился деконструировать литературные высказывания прошлого, но увлечённо чертил маршруты к новым формам прямого высказывания, старался отыскать новые формы искренности, где слово будет равно поступку. Подобная форма литературного творчества требует крайне специфического существования: необходимо не просто жить

в глухой провинции у моря, но и оставить любые попытки хоть как-то закрепитесь на территории бывшей империи, чья культурная суетливость лишь мешает высоким формам эстетического эскапизма. Необходимо стать номадом, переместить своё тело в иные культурные категории, довести себя почти до отшельнической формы существования, ибо таким образом слово преобразуется в поступок, ставящий своей первостепенной задачей возрождение высочайших форм стиля и красоту письма, без которых невозможна литературность, как и сама литература. Самоизгнание должно быть прямым, личным действием, осуществление которого должно носить добровольно-героический характер, ничем не ограниченный и наполненный смелостью в принятии новых форм творчества.

Литература

Гольдштейн, А. (2004). *Помни о Фамагусте*. М. Новое литературное обозрение.

Гольдштейн, А. (1997). *Расставание с Нарциссом Опыт поминальной риторики*. М. Новое литературное обозрение.

**АУТОПОЭЗИС СМЫСЛА НА ПРИМЕРЕ ЛЕКЦИЙ
В. В. БИБИХИНА «ЯЗЫК ФИЛОСОФИИ»**

А. С. Никулина

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт философии
nikulinaalex88@yandex.ru*

В своём исследовании мы применяем энактивистский подход, а также идеи Э. Морена (теория сложности) к исследованию систем, чтобы выявить аутопоэтические свойства текста «Языка философии». В частности, мы показываем, как из смысловых доминант, появляющихся во Введении и Первом разделе («Смысл слова»), складывается определенная структура действий и значений, которая, с одной стороны, воспроизводится в дальнейшем тексте и образует его структурную основу, а с другой – определяет развертывание новых смыслов и форму самого текста. Такая интерпретация лекций В. В. Бибихина позволяет взглянуть на формирование смысла как на естественный процесс самоорганизации.

1. Концепции энактивизма возникают на почве когнитивистики, переосмысленной с учетом кибернетики, теории динамических систем, представлений об аутопоэзисе и т. д. Основная идея энактивизма состоит в том, что познание представляет собой активный, творческий процесс: «Познание мира и действия человека в мире – это танец человека с миром, парный танец с различными па, в котором ведущим оказывается то один, то другой партнёр» [Князева, 2014]. Э. Томпсон, поясняет, что энактивизм опирается 1) на идею об автономности живых существ, «которые активно порождают и поддерживают себя, и тем самым вводят в действие (епаст) или производят сферу собственного познания; 2) на идею об автономии нервной системы: «она активно порождает и поддерживает собственные непротиворечивые и осмысленные формы деятельности»; 3) на идею, что «познание – это осуществление практических знаний-умений... в форме телесно-воплощённого действия» [Thompson, 2014, p. 13]

Мы используем следующие идеи энактивизма и других близких междисциплинарных направлений при анализе текста: 1) идею аутопоэзиса (У. Матурана, Ф. Варела), то есть процесса порождения живой системой самой себя; 2) собственно, идею активности системы: т. е. будем

рассматривать текст как ряд воздействий и действий (которые выражаются в слове и порождаются словами), 3) идеи петли обратной связи, опираясь на работу Э. Морена [Морен, 2013]

2. Мы рассматриваем текст «Языка философии» как автономную систему смыслов и выявляем в этой системе ключевые процессы (смысловое ядро), которые организуют ее развертывание и смысловое развитие. В частности, мы сосредоточимся на теме «языка» (что такое язык, как он действует) в тексте и посмотрим, как понимание «языка формирует, собственно, сам язык лекций. Обращаясь ко Введению и Первой главе «Языка философии», мы обнаруживаем там ряд «энграмм» (здесь это метафора; Э. Морен использует это понятие для характеристики информации в биологических системах), или узловых смыслов, описывающих язык. Такие смыслы выступают в качестве набора высказываний со сходной семантикой, которые вместе формируют единую структуру понимания языка. Для каждого узлового смысла мы выявляем соответствующие действия, которые он предполагает; затем, как организованы эти действия, как они соотносятся между собой. Далее мы обращаемся к 12 главе («Правящая молния») и анализируем, каким образом выявленная структура действий, связанная с понятием «языка», формирует язык лекций, иначе говоря, как осмысление языка определяет характер языка. Формально аутопоэзис в этом случае выглядит так: смысловое ядро действует на систему смыслов, которая, в свою очередь, порождает новые смыслы, а они оказывают действие на прежнее смысловое ядро, привнося в него новизну. В качестве среды по отношению к системе смыслов выступает любой «шум» (который не входит в систему) в форме психических и телесных состояний автора, читателя, а также в форме других смысловых систем (интертекст).

3. В Первом разделе мы обнаруживаем следующие «энграммы», связанные с понятием «языка»:

1) «Язык как речь самих вещей/мира/мысли». [Бибихин, 2002, с. 7, 21, 28, 59]. Эта энграмма предполагает действие: «слушать мир, язык, вещи».

В Первом разделе мы видим, как такое понимание языка запускает соответствующее действие: Бибихин «вслушивается» в язык, в его «собственную» речь, отвечающую речи вещей. В частности, он обсуждает странность разных уподоблений, которые встречаются в языке (голова-горшок, нога-кость, знание-порождение). Также обсуждается тема сознания и бессознательного: Бибихин отвергает идею о роли сознания

в создании и применении языка. Сознание вторично, возникает после понимания.

2) «Весомость, значительность слова». [Бибихин, 2001, с. 7, 8, 36, 39]. Эта энграмма предполагает действие: «Говорить весомо, полновесно».

3) «Язык как поступок». [Бибихин, 2002, с. 11, 29, 31, 38]. Эта энграмма предполагает действие: «Решать (в языке) о бытии и небытии».

В Первом разделе эта энграмма начинает определять развертывание смыслов: Бибихин отказывается от научного, «безоценочного» тона речи, который предполагает выключение цельного существа человека из речи, отказ от утверждения/отрицания; текст эмоционально насыщен.

4) «Язык как весть». [Бибихин, 2002, с. 20, 22, 31, 51]. Эта энграмма предполагает действие: «Извещать, сообщать о событии (мира)».

Исходя из сказанного, мы выявляем:

1) Общую содержательную структуру осмысления языка:

Вещи/мир/язык говорят за себя. Они сообщают о событии, в конечном итоге о событии мира (в котором сбывается и человек). Речь — это поступок: выбор между бытием или небытием. Слово весомо как весть о событии.

2) Общую структуру действий, связанных с осмыслением языка:

Слушать вещи, мир, язык – совершать поступок (выбирать: что есть, чего нет) – сообщать о событии (себя, мира, истории)

К этим энграммам примыкает еще одна, однако она возникает уже на основе выявленной содержательной структуры: «Язык устроен как сон».

Как такое понимание связано с выявленными энграммами? Мы помним, что язык «говорит за себя»: то есть управляется собственными законами, а не законами внешними (законами мышления, логики). Сновидения как таковые тоже строятся по собственным законам, «говорят за себя», хотя из внешней перспективы могут получать различные объяснения. Он также выступает как «весть» (о новом): поскольку внутриязыковая логика не совпадает с научной/рациональной логикой, причинно-следственные связи строятся иначе.

4. Обратимся к главе «Правящая молния», посвящённой толкованию речений Гераклита. Здесь мы видим, как реализуются и трансформируются энграммы Первого раздела:

1) Первое речение Гераклита (фр. 90 по Дильсу), которое толкует Бибихин, отсылает к одному из главных энграмм Первого раздела –

к «весомости-значительности» слова, которая определяется его связью с событием, эквивалентностью слова событию.

Далее в этой главе обнаруживается схема действий, связанная с осмыслением языка:

2) Слушать – совершать поступок – сообщать

Слушать: «Нельзя не спросить: кто меняла, который ведь обязательно должен бы был быть при таком обмене золота на вещи и наоборот. Вопрос напрашивается, и если Гераклит не дает на него ответа, то его молчание, что называется, кричащее» [Бибихин, 2002, с. 128]. Вопрос напрашивается, молчание «кричит»: иначе, вопрос диктует сам язык Гераклита. Прислушиваясь к нему, мы неизбежно «услышим» этот вопрос.

Совершать поступок: «Надо признать, что эти удивительные предположения... говорят ... о чуткости к загадке, заданной Гераклитом; о понимании, что такая загадка есть» [Бибихин, 2002, с. 130]. Здесь признается загадочность мысли Гераклита, ее проблемность. Готовность оставаться с этой загадкой, не пускаться в объяснения.

Сообщать: «Другое огня, меняющее огонь на вещи, другое вещей, меняющее их на огонь, не может быть названо, поскольку “от всего отдельно”» [Бибихин, 2002, с. 132]. Здесь сообщается об указанной загадке: ее содержание нельзя выразить, но мы можем сообщить о ее неназываемости (далее «другое» именуется «единым», «смыслом», «чертой» и т. д.)

Литература

Бибихин, В. В. (2022). *Язык философии*. М. Языки славянской культуры.

Князева, Е. Н. (2014). Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. *ЛитРес* [Электронный ресурс] URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12139174 (дата обращения: 31. 08. 22)

Морен, Э. (2013). *Метод. Природа Природы*. М. Канон+, РООИ Реабилитация.

Thompson, E. (2007). *Mind in Life. Biology, Phenomenology and the Sciences of Mind*. Cambridge, London. The Belknap Press of Harvard University Press.

**КРИПОСТАЛИНИЗМ СКВЕРНОСЛОВИЯ:
ДЕВАЛЬВАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ЭПОХУ
ЗВЕРОЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

А. И. Прохоров

*Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта
г. Калининград
eisensarg@mail.ru*

*Исследование выполнено в Балтийском федеральном университете
им. И. Канта за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-
00214, <https://rscf.ru/project/22-18-00214/>*

Много ли поэтов подчинилось наказу Т. Адорно не писать стихов после Освенцима? Сложно назвать точное число, но об одном уникальном поэте всё-таки следует упомянуть особо. Чтение Адорно не входило в круг его интересов, и всё же он поступил ровно так, как тот сказал, т. е. был руководим отнюдь не словом, а положением вещей, которое слово только порывалось выразить: до Освенцима писал стихи, а после – нет. Это кавказский поэт Джугашвили, который впоследствии взял себе имя Сталин и под ним вошёл в историю, но уже за другие свои дарования.

Разумеется, Освенцим – не конкретное место, но собирательное имя для новой разновидности «конфликта средств производства и производственных отношений»: когда фабричное производство полностью избавляется от необходимости отличия человека от материала, а продуктом производства вполне может быть не вещь и даже не человек (который ещё долго будет грезить тем, что он – продукт общественных отношений), а небытие, поскольку капитализм созревает до отмирания последних онтологических иллюзий и вполне готов отказаться от понятия «бытие» в пользу понятия «спрос»: небытие и смерть пользуются спросом, значит они должны производиться в промышленных масштабах.

По вышеуказанным причинам должны быть сняты все вопросы об отношении поэта Джугашвили к идеологии нацизма или о датировках его поэтических публикаций относительно пуска в эксплуатацию печей Освенцима. «Освенцим» Европы возник задолго до «Освенцима»

Гитлера. Пример – лагерь смерти на о. Мудьюг, организованный англичанами ещё в 1918 г. Но и этот ранний, в каком-то смысле пробный опыт является всего лишь закономерным продолжением огромной «экзистенциальной практики», наработанной английскими колонистами в ходе «освоения» Индии, Китая и других регионов. Отсутствие какого-либо морального затруднения на пути распространения европейского рационализма прагматически сказалось вполне последовательным образом: эти действия не оцениваются как заслуживающие трансгисторического осуждения, напротив – они работают как фундамент эффективных межнациональных отношений (случай взаимовыгодной исторической амнезии).

Таким образом, начинает проявляться некая корреляция между изменением статуса поэзии и изменением, стоящим, условно говоря, на уровень выше «общественно-политических формаций» и подводящим жёсткий прагматический итог христианской цивилизации.

Аристотель в «Поэтике» пишет, что поэзия «философичнее и серьёзнее», нежели история, поскольку говорит «о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости» [Аристотель, 1983, с. 655], т. е. затрагивает саму сущность вещей. Более детально этот момент исследовал Г. Г. Шпет. Он приходит к выводу, что поэзия даёт образ живого и свободного смысла как идеальной возможности, формирующей эту действительность. Поэзия отличается от других форм использования языка тем, что в ней внутренние поэтические формы языка, отвечающие за конкретное фундирование смысла, выходят на поверхность и становятся доступными для наблюдения [Прохоров, 2022, с. 166–167].

Обращение к лексическим и политическим стратегиям И. В. Сталина показывает, что «эффективность» проводимого им управления или, как иногда выражаются, «менеджмента», достигалась за счёт умелой эксплуатации животных и коллективных инстинктов общества, которые противостоят духовной культуре и вполне соответствуют тому аспекту реального общества, который в терминологии В. С. Соловьёва следовало бы называть «зверочеловеческим» в противовес «богочеловеческому» [Соловьёв, 1988, с. 257].

Произошедшее впоследствии ниспровержение культа личности Сталина привело лишь к внешнему изменению управленческих стратегий, но в скрытой форме не только сохранило старые методы, но даже усилило их эффективность за счёт перевода на другой, менее проявленный уровень. Результатом этого вытеснения стала постепенно

развивающаяся подмена такого культурного достижения как свобода слова. Так, основным результатом борьбы за свободу слова, которая велась в поздний период СССР, а также в постсоветской России, стало нарочитое использование матерной брани в публичном пространстве (литература, театр, авторские программы в интернете).

Почему же именно сквернословие, в данном случае матерная брань, становится чётким индикатором «криптосталинизма», т. е. системы общественного управления, основанной на импульсах иного порядка нежели мышление?

Животные используют свои естественные выделения для разметки территории: запах половых органов позволяет оставить след, подающий сигнал, как минимум, представителям своего вида. Тем самым половой орган, т. е. орган биологического размножения становится органом размножения виртуального – животное заявляет о своём присутствии и связанных с этим полномочиях во многих местах за пределами своего физического тела. Порождаемая таким образом форма не-прямого присутствия образует «животное протописьмо», обеспечивающее первичный уровень коммуникации животных, их выживание и воспроизведение.

Та форма сквернословия, которая именуется как «матерная брань», функционирует по аналогичному принципу. В русском языке матерная брань есть система выражений, организованная вокруг нескольких слов, характерным образом обозначающих либо сами репродуктивные органы, либо процесс их использования по прямому назначению. Наблюдение за практикой использования брани показывает, что эти выражения редко используются в буквальном смысле. Обычно они применяются либо в переносном смысле, часто для выражения эмоционального состояния, либо в той форме, которая считается паразитарной. В том символическом пространстве языка, где человек действует как в естественной среде обитания, данная форма речи функционирует так же, как описанный ранее механизм разметки территории у животных. Это утверждение только подкрепляется наличествующими у животных формами семиотизации в отношении распределения ролей внутри их иерархии, которые построены путём моделирования полового поведения [Лотман, 1992, с. 58]. В этом смысле не животные похожи на людей, но люди имеют возможность уподобления животным. Использование матерной брани в общественной жизни (а при определённом уровне включённости в общественную жизнь внутренний диалог, возникающий в одиночестве

душевной жизни, должен рассматриваться только как её отголосок) есть признак включённости в систему зверчеловечества. Если Адорно прав, то в следующем смысле: поэзия утрачивает значение, которым она обладала «до Освенцима» – её место занимает матерная брань.

Заступив на место поэзии, мат обнажает те формы организации языковой деятельности, которые приходят на место предыдущих форм, созерцание которых было возможно посредством поэзии. Если ранее в основе языка лежал «эйдос» (идея в её созерцательном воплощении), то отныне язык всё более переходит от «эйдосов» к «импульсам», которые автоматизируют формы использования речи и повышают эффективность коммуникации в смысле распределения социальных ролей и выстраивания иерархий. Язык, тем самым, предельно «оптимизируется», по соображениям экономии отключаясь от целого уровня означаемого – от уровня идей, которые с радикальной прагматической точки зрения представляют собой только балласт, не порождающий ничего, кроме «брожения умов».

Сталин, в обыденной речи охотно использовавший матерную брань, верно предчувствовал уготованную языку участь. В небольшой статье «Марксизм и вопросы языкознания» (1950) он выносит некое ядро языка за скобки диспозиции «базис – надстройка» [Сталин, 1996, с. 60, 83], а также выступает против стадальной теории развития языков, согласно в которой их развитие может происходить в результате «взрывных» сдвигов [Сталин, 1996, с. 78]. Но важны в данном случае не прямые констатации Сталина, а его умалчивания, т. е. отсутствие опровержения принципиальнейшего момента: дело вовсе не в изменении означаемого, которое может быть ложно истолковано, как весь язык, но в переносе всего слоя означаемой материи на другую базу – с эйдосов на импульсы, выражающие те животные инстинкты, которые движут обществом.

Говоря, что академик Н. Я. Марр «попадает в болото идеализма», т. к. допускает, что со временем человеческое мышление разовьётся до такой степени, что начнёт обходиться без языка [Сталин, 1996, с. 84–85], Сталин прав как раз потому, что всё происходит ровно наоборот: не мышление может обойтись без языка, но язык способен обходиться без мышления.

Общество переходит с монадологической модели ума к клеточно-органической модели тела, т. е. происходит в буквальном смысле воплощение (инкарнация). Это может иметь следующее объяснение мифологического порядка: крах программы личного спасения, т. е. банкротство христианской цивилизации, вызывает откат к пересборке «всечеловека»,

который представляет собой коллективное тело с чётким распределением обязанностей между органами и клетками.

Система импульсов, транслирующая не мысли, но инстинкты, для которых мысленные оболочки служат способами кодирования, эффективно заменяет «досталинский» метод регулирования, состоявший в воспроизведении обычаев и традиций на базе исторической памяти, узловые моменты которой подвергались сакрализации. Достижимая на этом пути не личностная, но «клеточная свобода» – эйфория от безответственности, от отсутствия необходимости мыслить, т. е. затрачивать жизненную энергию на оперирование идеями вне отработанных, штампованных схем, вне «технологий» построения эффективного гражданского общества.

Человечество стоит на пороге отказа от понятия личности – для перехода к коллективным телам, где отдельно взятое человеческое тело является лишь функциональной клеткой, которая может быть заменена любым подходящим объектом, доступным в ситуации актуального развития технологий – другим человеком, клоном прежнего человека, тщательно обученным животным, киборгом, роботом или компьютерной программой.

Сталинский тоталитаризм – это прототип грядущего сетевого общества, государства, в котором нет личности. Та фундаментальная основа, которая лежала под феноменом исторического сталинизма, представляет собой парадигму, направляющую развитие современного европейского общества. И как бы оскорбительно ни звучала эта мысль для уха цивилизованного, воспитанного в европейской системе ценностей, но наличие в русском языке разработанной системы матерной брани делает его вполне реальным кандидатом на становление главным мировым языком новой зверчеловеческой эпохи.

Литература

Аристотель (1983). *Поэтика. Сочинения в четырёх томах*. Т. 4. М. Мысль.

Лотман, Ю. М. (1992). *Культура и взрыв*. М. Гнозис, Изд. группа «Прогресс».

Прохоров, А. И. (2022). *Феноменология языка*. СПб. Изд-во РХГА.

Соловьёв, В. С. (1988). *Оправдание добра. Нравственная философия. Сочинения в 2 т.* Т. 1. М. Мысль, 1988.

Сталин, И. В. (1996). *Марксизм и вопросы языкознания. Национальный вопрос*. СПб. Изд-во РКПО «Русь».

СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ: ОТ МЕДИУМА ДЕНЕГ К МЕДИУМУ ЯЗЫКА И ОБРАТНО

А. Н. Савищенко

Военная академия связи

kelninski@mail.ru

В книге советского и немецкого философа Бориса Гройса «Посткоммунистический постскрипtum» Октябрьская революция и сам советский проект представлены как «linguistic turn» на уровне общественной практики» [Гройс, 2014, с. 8]. Привлекательность этого подхода одинаково велика сразу с трех сторон: с точки зрения понимания значения и смысла построения марксистской теории языка в СССР, где как хорошо известно, ни одна гуманитарная концепция не избегала политического влияния (особенно когда творцом теории был сам «отец народов», как в данном случае); далее, с историософской точки зрения анализа причин поразительной скорости обрушения Страны Советов, которая оказалась неожиданной самыми яркими ее противниками: и, наконец, с точки зрения построения подлинно радикальной политической теории критики современного общества, в ситуации, когда любая критика легко оказывается под критикой с стороны тех, кто усматривает в ней вариацию тайного компромисса с актуальным режимом власти, что легко показывается тем как в самых «передовых» и элитарных университетах мира ставший привычным радикальный политический активизм преобразуется в самый нетерпимый и конформный «мелкобуржуазный» протест.

Исходное положение Бориса Гройса просто, и в то же время гносеологически-эффектно: экономика основывается на медиуме денег, перемещении потоков капитала, всевластной силе желания, политика же - на медиуме языка, на серии приказов, эдиктов, манифестов, воплощающих в себе голос логоса и воли, стремящихся подчинить подвижную реальность социальных отношений. Из двух вариантов их соотношения получается и два ведущих способа социальной организации: при капитализме медиум денег, экономика, подчиняет себе всю сложную общественную ткань; при коммунизме же политика (медиум языка) подчиняет себе экономику. Принципиально отличается в этих случаях роль критики со стороны интеллектуалов. При капитализме свобода слова объясняется

просто тем, что любые философские «языковые игры» бьют мимо цели, оказываются в нигилистической пустоте столкновений дискурсов, которые, к тому же, легко встраиваются в миропорядок капитализма на правах нового товара [Коренев, 1997] (достаточно взглянуть на широкий спектр товаров сегодня для, к примеру, «феминисток», «веганов» или «трансгуманистов»). Коммунизм же, сам выстроенный на фундаменте чистой политики, языка, к любой словесной же критике был крайне чувствителен. Потому советский писатель никогда не был только писателем, а «инженером душ», потому советский философ всяким своим словом, всякой самостоятельной мыслью бросал вызов цельности советского строя, даже поддерживая его, но смея привносить свою интерпретацию, добавляя к переводу марксистко-ленинской классики даже малейший штришок. Все это создавало в советской философии ту ирреальную атмосферу, что столь точно была уловлена А. Зиновьевым в «Желтом доме», в этом сатирическом описании жизни Института философии, где самый ничтожный младший научный сотрудник порою возносился в своих устремлениях на уровень вождей партии. Видимо, то же ощущение власти над словом сформировало целую плеяду советских философов, претендующих на власть над обществом. Здесь можно вспомнить как того же Зиновьева, так и Э. Ильенкова и, особенно, Г. Щедровицкого.

С точки зрения фигур языка, используемых «буржуазными» и «коммунистическими» философами (здесь мы говорим не о тех системах, при которых философы творят, а о их претензиях на власть над языком, а, значит, и политикой), то первые предпочитают разрешение противоречий в риторических, а точнее софистических, бурлескных формах «замазывания проблемы», за которым скрывается действия агента медиума денег. Само по себе, нет более мощного механизма подчинения потенциально непокорного интеллектуала, нежели тот арсенал, что предоставляет капиталистическое общество: от комфортного кабинета до гранта и конференций по всему миру. В свою очередь, он отвечает либо максимальной невнятистью собственной позиции, либо примирительными интонациями собственного голоса, либо показной и так легко продающейся радикальностью, тем более радикальной, чем более понятно, что за этими словами не стоит никакой силы. Философ же, претендующий на управление миром языка-политики, обращается к силе парадокса: «философ хочет быть правителем, который завораживает, озаряет, ослепляет и управляет силой света, излучаемого открытого

им парадоксом» [Гройс, 2014, с. 26]. Философ-правитель не желает идти на компромиссы, добиваться признания, успеха – он желает творить радикально новую реальность в рамках целостной системы, которая, как мы помним по теореме Геделя, не может не быть противоречивой.

Теперь сопоставим линию политического и философского развития внутри советского проекта. Общеизвестным его отцом был сам по себе парадоксальный Кард Маркс, который, по утверждению Жака Аттали, посвятил жизнь созданию концепции победы пролетариата сам ни разу не побывав ни на одном заводе и чьим лучшим другом был богатый промышленник Фридрих Энгельс. Одного этого, даже без «переворачивания» гегелевской диалектики достаточно, чтобы оценить марксистский парадоксализм. Безусловно, спорен вопрос о значении Ленина как философа. Мы лично считаем, что как философ он мало значим, но как политический практик парадоксален как мало кто иной в политической истории. Здесь и «похабный» Брестский мир, и переход от риторики вечности «военного коммунизма» к необходимости НЭПа, переход, который никак нельзя считать результатом «предательства идеалов», но только «диалектическим переходом» в собственную противоположность в сознании «вождя пролетариата». О способности обращения с парадоксами Сталина написал сам Гройс, указав на последние его работы, связанные с критикой лингвиста Н. Я. Марра, который считал язык частью надстройки над базисом. Сталин же утверждает, что язык есть и базис и надстройка, и не базис и не надстройка одновременно – он есть все связующая нить, преодолевающая расстояние между базисом и надстройкой, минуя экономику [Гройс, 2014, с. 60] – что и есть суть социалистического общества. Про способности к парадоксу и речи у следующих генеральных секретарей говорить не будем – скажем только, что они деградировали, достигнув низшей своей стадии у парадоксально для этой ситуации риторически (точнее, софистически) одаренного Горбачева, который умудрился понравиться почти всем, при этом потеряв вверенную ему политику. В итоге, к концу советского строя носителем парадокса остались одни только философы.

Их судьба тоже показательна. «Философский пароход» спас лучших из них в начале советского строя, те же кто остался находились, порою, в самых неожиданных состояниях. Так по одному из апокрифов, Троцкий встретил однажды Флоренского в здании института ГОЭЛРО за проведением физических экспериментов в рясе священника. Лосев оказался на строительстве Беломорканала и, опять же, по одному

из апокрифов, при докладе о нем как о «последнем философе-идеалисте» в стране Сталину тот ответил, что «один пусть остается». После войны, Московский логический кружок продемонстрировал полный набор реакций претендентов на тотальную власть над целым языком: Ильенков покончил жизнь самоубийством, Зиновьев (парадоксально!) уехал из страны как антисоветчик, стал чуть ли не сталинистом, а Щедровицкий, мечтая о проникновении в высшие сферы управления страной стал косвенной причиной ее распада, проведя многочисленные методологические тренинги, которые продемонстрировали директорам заводов, что они могут справиться и сами с врученными им предприятиями при свободном рынке. Все они оказались не очень нужны советскому строю, в лучшем случае их терпели, и только.

Безусловно, считать СССР философским проектом при обыденном впечатлении о иррациональности советского быта, особенно в последние годы его существования, достаточно парадоксально. Но если все же такая модель возможна, то причина его краха становится понятнее - он просто не смог удержаться на высоте заданного им политического парадоксального мышления, скатившись в экономическую реальность медиума денег еще задолго до своего конца.

Литература

Гройс, Б. (2014). *Посткоммунистический постскрипtum*. М. Ад Маргинем пресс.

Корнев, С. (1997). Мистика, Звёздные Войны и один парадокс массовой культуры. *Сайт Nietzsche.ru* [Электронный ресурс]. URL: <https://nietzsche.ru/look/xxc/politik/kornev/> (дата обращения: 16.10.2022).

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛЫХ СТОЛОВ

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

А. Ю. Моисеева, Е. В. Борисов

ИФПР СО РАН, г. Новосибирск

abyssian03@gmail.com, borisov.evgeny@gmail.com

О. А. Козырева, И. А. Гущин

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

olgakozyreva@mail.ru, gushchin.ilya.66@gmail.com

И. П. Рыгаев

Институт проблем передачи информации РАН, г. Москва

irygaev@gmail.com

Аннотация. Представлен обзор материалов круглого стола «Семантика и прагматика естественного языка», который состоялся 26.10.2022 в рамках XX Международной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук «Языки и смыслы». Круглый стол был организован как публичная дискуссия: он начался с заранее подготовленных выступлений участников, продолжился серией вопросов к выступавшим, призванных уточнить и раскрыть их позиции, и закончился свободным обсуждением. В результате обсуждения участники пришли к выводу, что аргументы в пользу снятия разграничения между семантикой и прагматикой, если они есть в настоящий момент, имеют «внешнюю» по отношению к семантике природу.

Ключевые слова: семантика, прагматика, значение, условия истинности, контекст высказывания

26 октября 2022 г. в рамках XX Международной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук «Языки и смыслы» прошел круглый стол на тему «Семантика и прагматика естественного языка».

Руководила круглым столом А. Ю. Монсева, н. с. Института философии и права СО РАН; участниками круглого стола были О. А. Козырева, к. филос. н., ассистент кафедры онтологии и теории познания Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; Е. В. Борисов, д. филос. н., г. н. с. Института философии и права СО РАН, профессор кафедры истории философии и логики ТГУ; И. П. Рыгаев, н. с. Института проблем передачи информации РАН; И. А. Гушин, ассистент кафедры онтологии и теории познания Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; а также студенты, аспиранты, научные сотрудники и преподаватели из Новосибирска, Томска и Москвы. Всего присутствовало 30 участников, половина из которых – дистанционно.

На круглом столе обсуждалась классическая для философии языка тема – разграничение между семантикой и прагматикой. Круглый стол был посвящен следующим вопросам:

1. Насколько полно можно выразить зависимость значения от контекста в семантических правилах?
2. Всегда ли возможно определить базовое семантическое значение языковых выражений, сохраняющееся во всех контекстах?
3. Где проходит граница между знанием абстрактных правил языка и пониманием целей его использования в конкретном контексте?
4. Достаточно ли для выражения контекстной зависимости значений понятия семантического контекста, или его необходимо дополнить понятием прагматического контекста?
5. Как возможна успешная формализация последнего?

Открывая круглый стол вводным докладом «О разграничении между семантикой и прагматикой», **О. А. Козырева** уже не в первый раз¹ выразила сомнение в том, что обсуждаемое разграничение вообще

¹ Аналогичный круглый стол «Семантика vs прагматика» состоялся в рамках uAnalyticon-2022 (13–14 мая 2022 г., г. Екатеринбург); по его итогам была опубликована панельная дискуссия в журнале «Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология» (2022, № 67). Инициатором круглого стола стала О. А. Козырева, а ее основным оппонентом – Е. В. Борисов.

Дискуссия вращалась вокруг примеров, которые О. А. Козырева приводила с опорой на работы А. Сиддела [Sidelle, 1991], С. Пределли [Predelli, 1998; 2010], Э. Кораццы, У. Фиша и Дж. Горветта [Corazza, Fish, Gorvett, 2002], К. Ромден-Ромлук [Romdenh-Romluc, 2006] и др. Эти примеры были призваны показать, что «одно из основных положений каплановской семантики для индексикальных выражений – тождество между контекстом высказывания и семантически релевантным контекстом – выглядит сомнительным, поскольку, принимая это положение, не удастся объяснить некоторые случаи употребления индексикалов и, как следствие, возможность успешной коммуникации между тем, кто совершает высказывания

имеет смысл устанавливать. В своем докладе она представила аргументы в пользу точки зрения, что «семантика без агента», т. е. классическая (с опорой на Д. Каплана [Kaplan, 1979, 1989]) условие-истинностная семантика, не всегда может адекватно определить то значение, которое языковые выражения имеют в коммуникации. А поскольку главная задача, как полагает О. А. Козырева, состоит в том, чтобы объяснить коммуникацию, если принять такую точку зрения, то следует признать, что условие-истинностная семантика не является достаточной и должна быть дополнена подходами и темами, традиционно принадлежащими к области прагматики. О. А. Козырева предложила включать эти подходы и темы непосредственно в семантику, расширив ее таким образом и отказавшись от условие-истинностной парадигмы. Новая, расширенная семантика должна, по ее мнению, как и классическая семантика, иметь в качестве своей главной задачи определение пропозиции, выраженной в данном предложении, употребленном в данном контексте. Однако новая семантика не должна отождествлять эту пропозицию с условиями истинности сказанного; вместо этого нужно сконцентрироваться на коммуникативном значении, т. е. на той пропозиции, которая сообщается. Такую пропозицию, согласно О. А. Козыревой, не всегда будет возможным однозначно указать, рассматривая само предложение. Поэтому в рамках новой семантики следует принять тезис, что предложения имеют значение только в конкретной коммуникативной ситуации, и отказаться рассматривать их изолированно.

с индексикалами, и тем, кто их воспринимает» [Козырева, 2022]. Чтобы разрешить указанное затруднение, предлагалось дополнить семантику Д. Каплана понятием семантически релевантного контекста, который может отличаться от контекста высказывания. (Иной подход состоит в том, чтобы разграничить контекст в узком смысле, т. е. семантический контекст, и контекст в широком смысле, т. е. контекст в обыденном смысле [Бах, 2005].)

Е. В. Борисов в ответ возражал, что вводить понятие семантически релевантного контекста в рамках семантики не требуется, семантике достаточно одного понятия контекста, и оно уже есть. Суть его аргументов сводилась к тому, что вычисление контекста в задачи семантики вообще не входит. На вопрос о том, какой контекст является релевантным для понимания коммуникативного значения высказывания (т. е. для определения пропозиции, которая сообщается), должна отвечать прагматика, а не семантика. Задача семантики в том, чтобы исходя из данного контекста и значения как характера вычислять пропозицию. И с этой задачей классическая семантика вполне справляется [Борисов, 2022]. Поэтому тезис о необходимости расширения границ семантики – тезис, автором которого является К. Ромден-Ромлук [Romdenh-Romluc, 2006] и который в процессе обсуждения защищала О. А. Козырева – остается, согласно Е. В. Борисову, необоснованным.

Отвечая на высказанные тезисы, **Е. В. Борисов** в последовавшей затем реплике указал на то, что классическая каплановская семантика не предполагает отказа от общей теории коммуникации, она просто занимается конкретным кругом задач, входящих в эту теорию, а другими задачами не занимается. Предметом семантики является значение предложения как языкового знака, предметом прагматики – значение высказывания, состоящего в произнесении конкретного предложения в конкретном контексте. Согласно тезису, который ранее неоднократно высказывал Е. В. Борисов, «понимание *значений* предшествует выбору *контекстов* и не зависит от последнего. Поэтому то, как мы понимаем высказывания, т.е. то, какие контексты мы выбираем в той или иной ситуации, не влияет на определение значений» [Борисов, 2022а; см. также Борисов, 2002b]. С этой точки зрения теория коммуникации представляет собой комплексную структуру, содержащую две относительно независимые части – семантику и прагматику. Согласно метафоре, предложенной Е. В. Борисовым, нам не нужно «чинить» семантику из-за того, что она с чем-то не справляется, в части семантики наша теоретическая «машина» работает вполне хорошо. Нам просто нужно создать в дополнение к уже имеющейся семантике хорошо работающую прагматику.

В следующей реплике **А. Ю. Моисеева** присоединилась к позиции Е. В. Борисова относительно целесообразности сохранения разграничения между семантикой и прагматикой. Однако, как она отметила, семантику при этом можно понимать существенно шире, чем это делается при классическом подходе. Согласно подходу, который она представила с опорой на Дж. Перри [Perry, 1990, 2001], условия истинности высказывания могут выражаться различными способами, в зависимости от контекста, и все эти способы будут подпадать под понятие семантического значения. Само понятие (семантического) контекста может быть существенным образом расширено по сравнению с пониманием контекста у Д. Каплана. Например, согласно А. Ю. Моисеевой, в число контекстных параметров может быть включен язык, на котором производится высказывание. Соответственно, могут быть выражены условия истинности высказывания в зависимости от языка, и таким образом можно получить информацию, которую в определенных ситуациях имело бы смысл рассматривать как значение сказанного и которая не совпадает с расселовской пропозицией, являющейся выражением «полностью насыщенных» контекстом условий истинности произнесенного предложения.

Еще один участник круглого стола, **И. П. Рыгаев**, представил видение проблемы разграничения семантики и прагматики с точки зрения Discourse Representation Theory (DRT). С опорой на Х. А. Кэмп [Kamp, 1981] и Р. А. Ван дер Сандта [Van der Sandt, 1992], И. П. Рыгаев утверждал, что интерпретируемое семантическое представление предложения появляется только после обработки всех пресуппозиций в контексте, что относится к области прагматики. Согласно DRT, условия истинности применимы ко всему дискурсу в целом, а не к отдельному предложению, и необходимым условием истинности дискурса является существование референтов у всех имен, употребленных в нем. Существуют параллели между функционированием пресуппозиций и анафорой, вдобавок обработка их осуществляется с применением прагматических максим Грайса – требований непротиворечивости, информативности и релевантности. Таким образом, в DRT прагматика «предшествует» семантике, и значение получается, в частности, в результате ее работы. Поэтому нельзя сказать, что семантика в полном смысле этого слова является независимой, хотя номинально различие между нею и прагматикой сохраняется.

И. А. Гуцин, последний из участников, заявивших свои реплики на круглом столе, посвятил свое выступление вопросу о том, что получится, если распространить различие между «семантикой с агентом» и «семантикой без агента», введенное О. А. Козыревой, на теорию языка математики. Согласно И. А. Гуцину, традиционно математические предложения понимаются как не зависящие от контекста (когда всякое математическое предложение выражает ровно одну пропозицию, которую можно установить, опираясь на принцип композициональности), однако существует альтернативная точка зрения, принадлежащая Б. Лёве [Löwe, 2008]. Суть его аргументации сводится к тому, что если мы считаем знанием математической теоремы не что иное, как знание ее доказательства, то в случае, когда объем и/или сложность доказательства слишком велики, чтобы кто-то из реально существующих «агентов-математиков» мог его знать, получается, что у нас нет оснований считать теорему известной. Этот аргумент имеет применение, в частности, к специальному случаю компьютерных доказательств, которые в принципе являются необозримыми для человека. Отсюда выводится несоответствие между тем, как математические предложения получают обоснование в реальной математической практике, и тем, что считается обоснованием с точки зрения классических представлений о математическом знании. Показывается, что математическое

знание в действительности является контекстнозависимым: «Само значение слова «знать», с точки зрения Б. Лёве, оказывается подчинено целям коммуникации, а процедуры построения доказательств, как формальных и полных, так и неформальных, оказываются инструментами коммуникации между агентами». Резюме реплики И. А. Гущина в том, что эпистемический контекстуализм относительно знания математических предложений дает основания предпочесть понимание семантики как «семантики с агентом» ее классическому пониманию.

Круглый стол продолжился общим обсуждением, в ходе которого участникам, представившим различные позиции в рамках самостоятельных реплик, были заданы многочисленные вопросы, призванные уточнить и раскрыть каждую из позиций.

В итоге обсуждения участники круглого стола пришли к выводу, что аргументы в пользу снятия разграничения между семантикой и прагматикой, если они есть в настоящий момент, имеют «внешнюю» по отношению к семантике природу. Единственным весомым «внутренним» основанием для принятия решения по этому вопросу может являться проблемный пример, с которым не справляется семантическая теория, снабженная правильным контекстом. Но такого примера сторонники расширения семантики до сих пор не предоставили. В то же время они настаивают на том, что «семантика без агента» не выполняет тех объяснительных функций, выполнения которых можно от нее ожидать. Это означает, что корень разногласия между ними и сторонниками классической семантики следует искать в том, чего именно те и другие ожидают от семантической теории. В целом, участники обсуждения заключили, что на текущем этапе дискуссия о том, нужно ли модифицировать классическое представление о семантическом значении, и если нужно, то как именно, не может прийти к своему окончательному завершению и должна быть продолжена с привлечением дополнительных материалов.

По результатам круглого стола была подготовлена к печати панельная дискуссия в журнале «Философия науки» (2022, № 4).

Литература

Борисов, Е. В. (2022). Индексикалы, семантика и прагматика. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 67. С. 292–298.

Борисов, Е. В. (2022). Семантический и прагматический аспекты индексикальных выражений. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 2. С. 23–30.

Козырева, О. А. (2022). Проблема референции индексикалов: возможные подходы. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 67. С. 269–281.

Bach, K. (2005). *Context ex Machina. Semantics versus Pragmatics*; ed. by Z. G. Szabó. Oxford: OUP, 2005. P. 15–44.

Corazza, E., Fish, W., Gorrivett, J. (2002). Who is I? *Philosophical Studies*. 2002. Vol. 107. P. 1–21.

Grice, H. P. (1975). Logic and conversation. *Speech acts*. Pp. 41–58. Brill

Kamp, H. (1981). A theory of truth and semantic representation. *Methods in the Study of Language Representation*. J. Groenendijk, TH. Janssen and M. Stokhof (eds.) *Formal Methods in the Study of Language, Part I*. Mathematisch Centrum, Amsterdam, 1981. Pp. 277–322.

Kaplan, D. (1989). Demonstratives. *Themes from Kaplan*; ed. by J. Almog, J. Perry, and H. Wettstein. Oxford. OUP. P. 481–563.

Kaplan, D. (1979). On the Logic of Demonstratives. *Journal of Philosophical Logic*. Vol. 8. P. 81–98.

Löwe, B. (2008). Mathematical Knowledge is Context Dependent. *Grazer Philosophische Studien*. Vol. 76. No. 1. P. 91–107.

Romdenh-Romluc, K. (2006). «I». *Philosophical Studies*. Vol. 128. P. 257–283.

Sidelle, A. (1991). The Answering Machine Paradox. *Canadian Journal of Philosophy*. Vol. 21. P. 525–539.

Predelli, S. (1998). I Am Not Here Now. *Analysis*. Vol. 58. P. 107–112.

Predelli, S. (2010). I Am Still Not Here Now. *Erkenntnis*. Vol. 74. P. 289–303.

Van der Sandt, R. A. (1992). Presupposition projection as anaphora resolution. *Journal of semantics*. No 9 (4). Pp. 333–377.

ТВОРЧЕСТВО И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

А. С. Зайкова, А. Ю. Моисеева

ИФПР СО РАН, г. Новосибирск

zaykova.a.s@gmail.com, abyssian03@gmail.com

А. В. Колесников, И. К. Ставровский

ИФ НАН Беларуси, г. Минск

andr61@mail.ru, tutoriks@gmail.com

К. А. Габрусенко, Н. М. Гурский

ТГУ, г. Томск

koder@mail.tsu.ru, amba88@yandex.ru

И. П. Рыгаев

Институт проблем передачи информации РАН, г. Москва

irygaev@gmail.com

Аннотация. Представлен обзор материалов круглого стола «Творчество и искусственный интеллект», который состоялся 26.10.2022 в рамках XX Международной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук «Языки и смыслы». В ходе круглого стола были не только представлены подготовленные доклады участников, но и проведена общая публичная дискуссия. Авторы реплик совместно подготовили обзор наиболее значимых материалов круглого стола.

Ключевые слова: творчество, ИИ, роботы, тест Лавлейс, тест Тьюринга, философия ИИ, методология ИИ

Способен ли искусственный интеллект (ИИ) к творчеству? Существуют разные точки зрения на этот вопрос.

В рамках XX Международной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук «Языки и смыслы» на круглом столе «Творчество и искусственный интеллект» были рассмотрены различные вопросы, связанные с проблемой творчества в контексте существования искусственного интеллекта. Отправной точкой дискуссии стал доклад И. К. Ставровского, посвященный проблеме творчества в контексте теста Лавлейс. Мы приводим здесь наиболее значительные комментарии, высказывания и иные материалы, основанные на репликах круглого стола, которые так или иначе рассматривали проблему творчества в контексте ИИ.

И. К. Ставровский:

Тест Лавлейс является вариантом теста для оценки разумности искусственного интеллекта [Bringsjord, Bello, Ferrucci, 2003]. Он формулируется следующим образом:

Человек **H** разработал искусственный интеллект **A**, создающий рассказы. Если **A** создает рассказ **o**, который не является ошибкой, и **H** не может объяснить, как **o** был создан, то **A** следует рассматривать как способный к творчеству. Важно, чтобы в распоряжении **H** была вся возможная информация об **A**. Успешным объяснением работы **A** будет представление четкого алгоритма его работы.

Есть также вторая версия теста Лавлейс:

A создает артефакт **o** типа **t**. При этом **o** отвечает множеству условий **C**, где каждое условие $ci \in C$ выразимо на естественном языке. **H** выбирает **t** и **C**, а затем оценивает, насколько созданный **o** им соответствует. Рефери **R** проверяет, чтобы сочетание **t** и **C** было возможным. Способность **A** создать **o**, отвечающий требованиям **t** и **C**, является сильным индикатором интеллекта.

К сожалению, обе версии теста оказываются бихевиористскими, т. е. они оценивают наличие сознания по способности убедить кого-либо в наличии сознания. А это явно недостаточный критерий. Кроме того, в качестве критерия оценки было избрано понятие «творчество», которое не только не имеет однозначной дефиниции, но даже противится прояснению. В интерпретации Ильина продемонстрирована справедливость аргументации Я. А. Пономарева, что идея создания алгоритма творчества противоречит смыслу самого понятия творчества [Ильин, 2008].

И здесь мы уже сталкиваемся с серьезным теоретическим затруднением. Научное исследование начинается с выявления объекта этого исследования. Но если само понятие не предполагает наличия дефиниции, то невозможно однозначно сказать, что мы должны изучать. Таким образом, либо мы все же должны однозначно определить понятие «творчество», либо нам следует вовсе отказаться от его использования.

А. В. Колесников:

Мне бы хотелось поставить вопрос еще шире: возможны ли живые машины?

На первый взгляд, машины и живые организмы – антиподы. Еще бы, ведь они так несхожи. И вместе с тем, что такое машины, если не подобия, пусть пока очень отдаленные и очень примитивные, живых организмов или отдельных их органов. В философии техники давно известен принцип органопроекции, согласно которому первоисточником технических идей, как правило, и является мир органической природы. Да, самолет внешне чем-то похож на птицу, а подводная лодка – на рыбу, но между ними есть одна огромная разница. Птица и рыба – живые, а самолет и субмарина – нет. Более того, сама мысль о том, чтобы машины вдруг ожили, кажется кощунственной, нелепой, пугающей и сюрреалистичной, как, например, в известной утопии Стивена Кинга.

Так в чем же разница и может ли в принципе машина быть живой? Для того чтобы ответить на этот вопрос, очевидно, первоначально следует попытаться понять, а что, собственно, значит быть живым. Машины, особенно современные высокотехнологичные роботы, часто очень похожи по характеру своих движений на живые организмы, и все же они не живые. Почему? Ну, наверное, потому, что мы совершенно точно знаем, что они не обладают присущей всем живым, а точнее животным организмам, способностью ощущать свое существование и воспринимать внешний окружающий мир в реальном времени. Растения, будучи также живыми организмами, таковой способностью, судя по всему, не обладают, но они обладают еще одним фундаментальным свойством всего живого, отличающим его от мира техники, мира машин, а именно – способностью к размножению, а следовательно, и эволюции. Вот, в принципе, в чем различие.

Машины в отличие от живых организмов не ощущают свое существование, не воспринимают время и не способны размножаться и эволюционировать. Что же такое ощущение времени, восприятие себя

и мира? По сути – электрический фокус. Спонтанная электрическая активность в наноструктурах биологических организмов рождает феномен ощущений, а в развитом своем виде – феномен «я». А что такое размножение? По сути, рекурсия многократно вложенное обращение одной и той же процедуры роста к самой себе.

Таким образом, принципиально нет никаких препятствий для того, чтобы воссоздать эти составляющие элементы живого искусственно. Особенно после развития новой парадигмы науки, включающей теорию хаоса и фрактальную геометрию. И можно с уверенностью утверждать, что если человеческая цивилизация будет продолжать свое развитие по техногенному пути, то такие машины обязательно будут созданы в уже не столь далеком будущем. Причем мы изумимся, насколько несхожи они будут с теми прогнозами, которые строили наивные фантасты на их счет.

Вероятнее всего, как всегда, техника завтрашнего дня будет разительно не похожа на все то, что мы знаем сегодня. Это не будут футуристического вида усовершенствованные устройства сегодняшнего дня. Это будет нечто принципиально новое. Причем техника сегодняшнего дня по сравнению с этими машинами нового поколения или новой формации будет выглядеть бесконечно примитивной, неуклюжей и устаревшей.

К сожалению, как всегда, в рамках данной новой парадигмы, скорее всего, в числе первых будут созданы некие боевые системы. Вероятнее всего, что внешне и функционально они будут отличаться от современных боевых машин, как настоящие быстрые, ловкие живые существа от неуклюжих железных неповоротливых монстров, и примерно во столько же раз будут эффективнее в реальных боевых действиях против них. Эти новые машины уже больше будут напоминать животных, чем просто механизмы.

Что же такое представляет из себя животная жизнь? Как чуть подогретая солнцем материя вдруг сама собой обрела способность шевелиться, двигаться, чувствовать и рассуждать? Это значит, что материя в принципе изначально на такое способна. То есть это не означает, что газ и пыль в протопланетной туманности уже живые, но образующие их микроструктурные элементы (атомы и свободные микрочастицы) и происходящие в них микропроцессы обладают свойствами, которые, развиваясь в подходящих условиях, проявляют себя как жизнь. Жизнь, таким образом, – некая форма естественного проявления универсальных свойств материи. Феномен животной жизни состоит в том, что особым

образом микро- и макротруктурированные сгустки вещества обретают способность активно перемещаться, двигаться в поисках энергии и структурного материала для своего собственного роста, а также воспроизводства своих собственных копий. В основе этого лежит усложнение составляющих вещество частиц, а также игра электрических сил, которые являются неотъемлемой частью физической основы материи.

В чем разница между роботом и живым организмом? Робот управляется компьютерной программой, а живой организм – нервной системой. В отличие от компьютерной программы, которая представляет собой реализацию определенного логического и вычислительного алгоритма, нервная система ведет себя достаточно спонтанно и непредсказуемо, генерируя бесконечное количество поведенческих сценариев. Если в компьютерной программе уже содержится вся информация о возможных сценариях поведения робота, то нервная система способна рождать новую информацию в процессе своего функционирования. Живой организм в одинаковых обстоятельствах всегда ведет себя немного по-разному, в то время как поведение робота полностью предсказуемо. Даже если в программе управления роботом задействован генератор случайных чисел, это принципиально не меняет дела. Его поведение все равно останется статистически предсказуемо. Традиционный робот, машина, не способен рождать мысли и генерировать поведенческие реакции спонтанно в реальном времени. По существу машины, человеческая техника, еще находятся вне реального исторического времени. Переоткрытие времени, уже произошедшее в науке, еще не коснулось мира техники. Наши машины пока представляют собой вневременные ньютоновские системы. Они – механическая совокупность деталей. Они не живые.

Но не является ли сама мысль об оживлении машин кощунственной? По сути – нет. В этой мысли нет ничего нарушающего законы природы. Жизнь – естественная активная форма существования материи. Почему нельзя целенаправленно создавать искусственные материальные объекты – машины, обладающие схожими активными свойствами?

Ощущающий время и способный генерировать информацию живой организм гораздо эффективнее функционирует в меняющейся окружающей обстановке, чем алгоритмически запрограммированный вневременной современной робот. Разумеется, что у робота имеется таймер, но это не делает его способным чувствовать и переживать время по-настоящему, ибо время – это не тиканье часов, а свершающаяся история, необратимый спонтанный событийный поток.

Поток времени по большей части хаотичен. Причем он хаотичен не в смысле статистическом, а в смысле динамическом. Это структурный детерминированный хаос, который не есть следствие статистического размывания гладких закономерностей, а сама детерминированная хаотическая закономерность, имеющая в своей основе сложный фрактальный порядок. По существу, этот вездесущий, вселенский хаос, по-видимому, и есть время...

Детерминированные хаотические закономерности управляют и динамикой животных живых организмов, включая человека. Детерминированный хаос можно заставить управлять и роботом. Такой робот будет уже ближе к историческому времени и по характеру своего поведения будет больше напоминать живой организм. Детерминированно-стохастический характер протекания спонтанных электрохимических процессов в нервных сетях придает действиям живого организма узнаваемую эмоциональную специфику. Управляемый схожими детерминированно-стохастическими процессами робот обретет ту же характерную эмоциональность и импульсивность поведения. Он также обретет способность генерировать креативные непредсказуемые разнообразные сценарии поведения в ответ на изменения внешней среды, подобно тому как это делает живой организм. Робот, управляемый хаосом, – это своеобразный первый шаг на пути создания живых машин, их отдаленный прототип.

Как же может робот управляться хаосом? Само это предложение на первый взгляд непосвященному человеку может показаться абсурдным. А как же тогда хаосом управляется вся природа, включая нас с вами? На самом деле тут вовсе нет ничего абсурдного. Просто хаос, о котором идет речь, – это совсем не бессистемный, беспорядочный шум, а сверхтонкий и сверхсложный порядок. Его потенциал как основы управления неизмеримо выше и богаче, чем у гладких ньютоновских закономерностей, к которым мы привыкли и которые мы всегда использовали в нашей технике. Управляемый динамическим хаосом живой организм может испытывать колебания, беспорядочно блуждать, беспричинно менять решения, но при этом он способен вырабатывать разнообразные стратегии в бесконечно изменчивой среде обитания гораздо успешнее, чем жестко алгоритмически запрограммированный робот.

Следующая проблема на пути создания живых машин – это загадочная природа феномена психики. Когда природа психического станет окончательно понятна науке, мы сможем наделять психикой и наши

машины. Пока науке неизвестен механизм самоидентификации животных организмов и человека. Физиология нервной деятельности и мозга изучена достаточно хорошо, однако переход от физиологического биоэлектрического шума к психике пока непонятен. Как возникает оппозиция «я и мир», почему я это именно я, почему я нахожусь именно в данной телесной оболочке именно в данное историческое время? Эти вопросы пока не имеют ответа, но они ставятся современной наукой. Вероятно, каким-то образом материя обладает физическими зачатками психических свойств на самом фундаментальном уровне своей организации. Каждый атом не только носитель общих свойств данного химического элемента, но и индивидуальная сущность, уникальная в своем роде. Каждая молекула, кроме общих свойств, присущих всем молекулам данного строения, обладает и своей неповторимой квантовой индивидуальностью. Вероятно, именно на основе этих индивидуальных квантовых маркеров и возникает индивидуальность каждого конкретного животного организма. Вряд ли существуют какие-либо принципиальные препятствия для того, чтобы задействовать эти же индивидуальные свойства частиц материи в процессе функционирования машин и наделения их индивидуальными пси-свойствами, способностью ощущать и переживать свое существование.

Н. М. Гурский:

Прежде всего я хочу обозначить свою позицию, согласно которой интеллект – это свойство высокоорганизованной материи. Наиболее полно интеллект выражен в биологической материи в организации формы тела у животных, в их повадках, образе жизни. В человеческих существах интеллект трансформируется в знаковое тело человеческого сознания.

Вместе с появлением значащего рефлексивного интеллекта возникает опасность, что оно будет пытаться «понять» сущность жизни и алгоритмизировать ее, направляя в сторону «лучших» носителей интеллекта, то есть имеющих не биологическую природу. Интеллект укрепляет себя как сущность индивидуального сознания. «Я» становится мостиком для перехода за пределы биологической жизни. Вместо совершенствования своей биологической природы такое «я» пытается снять информационный слепок с нейронных сетей мозга и убедить себя в том, что алгоритмизированное «я» и есть подлинное, идентичное себе «я», которому уже не страшна смерть, поскольку оно перенесено на более устойчивый небιологический носитель.

Такой интеллект считает, что личность – это знаковая система, тем отвергая ее не алгоритмизируемую часть. Основание личности – это не рациональный конструкт, который только стабилизирует смысловой ансамбль биологической материи, но эмоциональные состояния, оценки, мотивы, аффекты, – которые не рационализируются в принципе. Материя пронизана эмоциональностью, подобно спиновозской субстанции.

Интеллект, который пересаживает рационализированную часть биологической системы в небιологические носители, как это пытаются осуществить в трансгуманистических проектах, – это самоубийственный интеллект. Искусственный интеллект – это интеллект, который пытается материальную и самостоятельную причинность заключить в пределы формальной и финальной причинности.

Самонадеянность, проистекающая из аристотелевской системы категорий, уповающая на «творческие» способности ИИ, нам представляется историческим атавизмом, который чреват весьма опасными последствиями для всех жителей Земли. Под знаком «инноваций» эта самонадеянность использует идентифицирующий интеллект, и этот интеллект не плодотворен, поскольку является только инструментом биожизни.

А. С. Зайкова:

Озвученные выше две позиции можно назвать крайними: от мечты о творчестве ИИ до страха перед такой возможностью. На текущий момент у нас действительно нет «сильного» искусственного интеллекта, способного к творчеству, а многочисленные нейросети, способные к созданию порою потрясающих картин или к написанию связного разумного текста, эксплуатируют творческий потенциал, во-первых, своих создателей, а во-вторых, пользователей. Дело в том, что на текущий момент сам по себе даже хорошо обученный ИИ не способен самостоятельно выбирать тему, создать на эту тему картину и опубликовать ее в общественном пространстве, как это может сделать художник. Как правило, для результата творческого процесса создания картины с помощью нейросетей нужен человек, который выберет тему для нейросети, осмотрит картину или ряд картин, предложенных нейросетью на основании темы, выберет ту, что соответствует его замыслу, и использует ее сообразно своему же замыслу. Машина действительно не может наделять что-либо смыслом, это может сделать только человек [Алексеев, Пожарев, 2020].

И – опять же – мы по-прежнему говорим об «узком», «слабом» ИИ, в то время как мысли о «сильном» ИИ на текущий момент являются лишь мечтой, идеей, к тому же идеей, чьи критерии не вполне определены.

А. Ю. Моисеева:

Действительно ли вопрос об определении и критериях сильного ИИ должны решать философы? В самом первом и интуитивном смысле тем, что нас интересует в ИИ, является возможность для нашего общества интегрировать в себя машины как «равных нам» членов, сограждан. Поэтому есть основания полагать, что именно за обществом в конечном счете останется последнее слово. Если люди массово начнут жить рядом с машинами и общаться с ними так, как с себе подобными; если они станут испытывать к ним чувства и привязанность, заботиться о них, отдавать им свое имущество; если люди захотят вступать с машинами в договорные отношения, захотят, чтобы у них были собственные «права» и «обязанности», – разве философы смогут еще что-то с этим сделать, кроме как принять сложившееся положение вещей?

А. С. Зайкова:

В самом деле, мы уже находимся в обществе, где различные технологические устройства и интеллектуальные системы занимают значительную часть жизни. Разговор, дискуссия, даже флирт с голосовым помощником (Сири, Алиса и пр.) превратились из шутки в вариант нормы. Не так давно я обнаружила весьма милый видеофайл, в котором бабушка, подойдя к пешеходному переходу, остановила поток автомобилей, чтобы помочь перейти дорогу роботу-доставщику [Газета.ру, 2022]. Ее поведение полностью соответствовало идее разумности робота, хотя это, безусловно, на текущий момент недостижимо. Мы как те люди, которые живут рядом с «умными» устройствами, уже представляем их разумными, подобно домашним животным, даже если не фиксируем это на правовом уровне – хотя и здесь присутствуют определенные исключения, как робот София – первый робот, получивший гражданство какой-либо страны.

К. А. Габрусенко:

На настоящий момент тесту Тьюринга больше семидесяти лет и машины научились его проходить. Более того, за долгое время изучения теста мы знаем его основные достоинства и проблемы. В общем случае тест Тьюринга демонстрирует, что мы не можем отличить сознание от имитации сознания, а самосознание от имитации самосознания. Верно ли это для творчества? И, соответственно расширяя вопрос, может ли тест Лавлейс каким-то образом решить эту проблему? Исходя из текущей ситуации, кажется, что подобная проблема нерешаема и мы не сможем отличить сознание от его имитации. Возможно, в некотором роде

это вопрос нашей лояльности по отношению к ИИ: если мы допускаем, что у ИИ может быть сознание, самосознание и творческие способности, то мы будем к этому стремиться и однажды это все действительно пойдётся. Если же нет, мы навсегда останемся только с имитацией сознания.

И. К. Ставровский:

Действительно, эти проблемы нерешаемы и в общем случае тест Лавлейс не состоятелен. Мы не можем доказать абсолютно, что другие самосознания существуют, мы это предполагаем исключительно исходя из аналогии с нами самими. Соответственно, если структура некоторой умной машины будет походить на структуру человеческого мозга, мы можем предполагать о наличии самосознания, иначе она будет не более, чем интеллект.

И. П. Рыгаев:

Возможно, нам стоит вспомнить иной тест, называемый Winograd Schema Challenge и основанный на модели, предложенной Терри Виноградом в его книге [Winograd, 1972]. На первый взгляд кажется, что этот тест лишен недостатков тестов Тьюринга и Лавлейс. Тест очень простой: для его прохождения нужно прочесть одно или несколько предложений и ответить на вопрос по ним. При этом ответы могут показаться человеку очевидными, однако структура предложения не определяет эти ответы однозначно. Для ответов требуется понимание. К примеру: «Приз помещается в ящик, потому что он слишком большой». К такому предложению может быть задан вопрос: «Кто большой: приз или ящик?» Также в качестве примеров могут быть предложения: «Вася не смог поднять сына, потому что он слишком устал» или «Вася не смог поднять сына, потому что он слишком тяжёлый». Кто в этих предложениях «он»?

Предложения строятся так, чтобы ни сочетаемость слов, ни поиск в интернете не давали бы возможность угадать правильный ответ. Таким образом, предполагается, что машина должна действительно понимать тексты и размышлять, чтобы ответить правильно.

Люди справляются с тестом достаточно хорошо, на уровне 92 % верных ответов.

Первое соревнование по тесту Винограда состоялось в 2016 году. Участвовало шесть решений от четырех команд. Результаты были не очень хороши. Ни одна команда не заработала даже на маленький приз, который выдавался за 65 % правильных ответов. Лучший результат был – 58 %, при том что случайным выбором можно было получить 44 %.

Однако время прошло, и современные нейросети (например, GPT-3) уже справляются с этим тестом очень хорошо, выдавая результат на уровне 90 %. Должны ли мы признать, что эти нейросети способны понимать и размышлять?

И. К. Ставровский:

Хотя в ходе обсуждения были высказаны различные точки зрения на проблему, все участники согласились, что искусственный интеллект может использоваться как полезный инструмент для мысленных экспериментов. При этом не так важно, на каком этапе развития находится реальная технология. Даже если искусственный интеллект, мыслящий в том же смысле, что и человек, никогда не появится, мы все еще можем извлечь пользу из самой этой концепции. Например, просто допуская возможность существования мыслящих машин, мы меняем призму, через которую смотрим на сознание человека. То же самое мы наблюдаем относительно понятия «творчество». Идея того, что ИИ способен заниматься творчеством, заставляет нас задуматься о том, что мы вообще называем творчеством. Именно такая интенция порождает философское размышление.

Литература

Алексеев, А. Ю., Пожарев, Т. (2020). Принципы креативной роботехники. *Технологос*. 2020. № 4. С. 5–17.

Ильин, Е. П. (2008). *Психология творчества, креативности, одаренности*. СПб. Питер.

Московская бабушка помогла перейти дорогу роботу-курьеру «Яндекса» (2022). *Газета.ру* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2022/04/01/17508595.shtml> (дата обращения: 01.10.2022).

Bringsjord, S., Bello, P., Ferrucci, D. A. (2003). Creativity, the Turing Test, and the (Better) Lovelace Test. The Turing Test. *The Elusive Standard of Artificial Intelligence*. Dordrecht. Springer Science+Business Media. Pp. 215–239.

Winograd, T. (1972). Understanding Natural Language. *Cognitive Psychology*. No. 3 (1). Pp. 1–191.

ЭТИКА ВИРТУАЛЬНОГО МИРА

С. А. Смирнов, А. С. Зайкова, О. А. Персидская

ИФПР СО РАН, г. Новосибирск

smirnoff1955@yandex.ru, zaykova.a.s@gmail.com,

olga_alekseevna@mail.ru

А. Г. Горбачёва, А. И. Пестунов, П. В. Кайгородов

НГУЭУ, г. Новосибирск

gorbacheva.a.g@gmail.com, a.i.pestunov@nsuem.ru,

p.v.kajgorodov@edu.nsuem.ru

Е. И. Спешилова

НовГУ имени Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород

e.speshilova@yandex.ru

Исследование выполнено в рамках грантового проекта

«Человек и новый технологический уклад.

*Антропологический форсайт» при поддержке Российского научного
фонда (проект № 21-18-00103)*

Аннотация. Представлен обзор материалов круглого стола «Этика виртуального мира», который состоялся 27.10.2022 в рамках XX Международной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук «Языки и смыслы». Круглый стол прошел в онлайн-режиме. Его участники пришли к выводу, что виртуальный мир является превращенной формой социального мира, в этой связи вопрос об онтологизации цифровой реальности не может быть поставлен. При этом сохраняется необходимость исследования отдельных этических и социальных проблем, связанных с цифровой реальностью, таких как деструктивные коммуникативные интернет-практики, сложность или даже невозможность проверки любой информации или перенос событийного центра в виртуальное пространство. Вместе с тем при любом исследовании

стоит помнить, что корни нравственности и этических норм виртуального мира как превращенной формы социальной реальности лежат в самом человеке и его внутренних нормах нравственного действия.

Ключевые слова: этика, нравственность, цифровая реальность, цифровая социализация, социальная реальность, кибербуллинг, виртуализация

27 октября 2022 г. в рамках XX Международной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук «Языки и смыслы» прошел круглый стол на тему «Этика виртуального мира». В нем приняли участие сотрудники ИФПР СО РАН, НГУЭУ и НовГУ имени Ярослава Мудрого из Новосибирска и Нижнего Новгорода.

Руководителями круглого стола были С. А. Смирнов, доктор философских наук и ведущий научный сотрудник ИФПР СО РАН, а также А. С. Зайкова, младший научный сотрудник ИФПР СО РАН. Были обсуждены основные правила, проблематика и ключевые понятия этики виртуального мира. Участники отгадывались от следующих установочных вопросов:

1. Принято считать, что виртуальный мир, мир интернета в принципе не регулируется никакими правилами и в целом они там не нужны. И нет необходимости распространять в этот мир этические нормы, ранее принятые людьми в социальном мире. В этом смысле никакие социальные иерархии, нормы, правила, регулирующие взаимодействие между людьми, не должны мешать им же общаться в виртуальном мире. Так ли это?

2. Реально ли происходит смещение ценностного, событийного центра в виртуальную реальность, особенно у детей и молодежи, чему способствуют и разнообразные иммерсивные инструменты, погружающие человека в виртуал? Или это «страшилки», распространяемые неграмотными педагогами?

3. Не происходит ли подмена проблемы? Люди говорят о троллинге и буллинге в виртуальном мире, о виртуальном насилии, призывая к каким-то правилам и нормам, но, может, это является следствием не решенных этических проблем в исходном социальном мире? Если человек в первой реальности агрессивен и не воспитан, то он и в виртуальном мире будет вести себя также, если не более агрессивно.

4. Не является ли проблематика виртуального мира придуманной разными специалистами, поскольку прежде всего надо решать проблемы этого социального мира, реального места обитания человека? Возможно,

виртуальный мир будет всегда слепком (причем плохим) этого мира? Получая новые умные инструменты погружения, человек, не желающий решать реальные нравственные и социальные проблемы, не желающий брать на себя ответственность, всегда ли будет уходить в иной мир, потому что там он не несет никакой ответственности?

5. Если обсуждать ключевые понятия этики, (вина и ответственность), то возможно ли применить их вообще к виртуальной реальности? Применимо ли понятие ответственного поступка к виртуальной реальности? Или эти вещи несовместимы?

Мы приводим краткие аннотации реплик участников круглого стола, согласованные с их авторами.

С. А. Смирнов:

Чтобы обсуждать этику виртуального мира, надо понять то, что такое сам виртуальный мир. Виртуальная реальность есть превращенная форма социальной реальности. Феномен превращенных форм в свое время открыл К. Маркс на материале экономической деятельности [Маркс, 1960]. Деньги выступают превращенной формой товара, за которой скрыта, в свою очередь, стоимость, за которой прячется человеческий труд. Не будет труда – не будет и товара, а значит, не будет и денег. Точнее, должна быть в любом случае исходная реальность, которую можно будет купить или продать. Например, совесть.

В этом смысле превращенная форма есть действительно реальность, а не иллюзия и не сновидения. Только это особая реальность, представленная в ее превращенной форме и заменяющая при этом первую реальность. Виртуальная реальность есть такая же превращенная форма, порожденная человеком, его социальным миром, но получившая бурное развитие посредством умных технологий, становящаяся более значимым и ценным для человека, нежели первая, исходная социокультурная реальность.

Поэтому этика виртуального мира выступает такой же превращенной формой этики исходного мира. Этика исторически была выработана с целью регулирования взаимодействия людей во имя Блага, с тем чтобы моральные нормы поведения становились внутренними нормами нравственного действия. Но моральные нормы становятся внутренними правилами личного законодательства не в силу правильности и истинности, а в силу того, что они принимаются конкретной личностью для совершения нравственного действия. Эти нормы либо принимаются (и тогда совершается нравственный поступок), либо не принимаются. Это вопрос нравственного самоопределения.

Поэтому если человек в этом мире ведет себя безнравственно и не собирается брать на себя нравственные обязательства, то он и в виртуальном мире будет действовать так же безнравственно. В этой связи такие этические максимы, как вина, ответственность, нравственное самоопределение, имеют корни и истоки в этом мире, до виртуальном. Если в этом мире происходит сплющивание и редукция этической реальности, то это неминуемо будет отражаться и в виртуальном мире в превращенной форме.

Тайна «расколдовывания» превращенной формы скрыта в ней же самой. Для этого необходимо за самой превращенной формой увидеть тот исток, который породил саму превращенную форму. Это значит, мы неминуемо должны возвращаться к человеку в его родовом истоке, а не в его виртуальной превращенной форме.

А. И. Пестунов:

Сложность верификации приводит к созданию собственной виртуальной реальности для каждого человека. Причину этого явления можно обнаружить в том, что простота доступа к интернет-ресурсам обуславливает сложность факт-чекинга и обоснованности утверждений, высказываемых как лидерами мнений, так и претендентами на этот статус. При этом увеличение доли информации, получаемой через эти ресурсы, и относительная молодость интернета по сравнению с традиционными источниками информации смешивают истину и ложь, авторитетов и самозванцев, а также проверенные и непроверенные факты. Фактически это приводит к тому, что практически для любого факта можно найти подтверждение, а по любому мнению – единомышленников. И никакие рационализм Декарта или верификация Витгенштейна не помогут, поскольку обыватель не пользуется этими инструментами. Принципиальное отличие интернет-эпохи от прежних времен в том, что раньше обыватель не имел таких простых источников информации, как интернет, а сейчас имеет. В итоге мнение «авторитета» легко может быть перекрыто потоком информации из интернет-ресурсов. Обыватель не может, да и не собирается верифицировать что-либо. К примеру, сейчас можно массово найти информацию о том, что Земля плоская. Как убежденность в этом изменит жизнь человека, если ранее он считал, что Земля круглая? Никак. Однако, и вот это уже крайне важно, на основе переплетения подобных непроверенных или ложных фактов человек сформирует себе свою реальность, которая рано или поздно столкнется с настоящей реальностью. Или не столкнется? Каждый человек будет «жить» в своем мире, если уже не живет.

А. Г. Горбачёва:

Моя реплика посвящена анализу явления кибербуллинга, деструктивной коммуникативной практики интернета. Эта практика является разновидностью агрессии в современном мире. Что же способствует агрессии в интернете? Во-первых, это социальное неравенство. Во-вторых, снижение культурного и духовного уровня людей. И в-третьих, к человеку перестали относиться как к личности. Мир более не интересуется проблемами и переживаниями отдельно взятого человека.

В виртуальном пространстве существует несколько видов деструктивных практик. Среди них можно выделить:

Троллинг – «тролли», пользователи, осуществляющие троллинг, сравниваются с энергетическими вампирами, которые вызывают определенные реакции у своей жертвы посредством выполнения определенных действий. Цель троллинга – создание провокации или скандала, причем это может достигаться как анонимно, так и авторски с целью вызвать эпатаж и прославиться.

Астротурфинг – это создание и распространение ложной информации, как правило имеет заказной характер.

Кибербуллинг – это интернет-травля с использованием информационных технологий для враждебного поведения.

Следует отметить, что деструктивные коммуникативные практики усиливаются за счет огромного охвата интернета. Таким образом, жертва круглосуточно подвергается преследованию. Чаще всего жертвами подобных практик становятся подростки. Результатом данных преследований может стать потеря коммуникативных навыков у подростков, скрытность, плохая успеваемость, снижение самооценки, а также появление суицидальных наклонностей.

В связи с этим гуманитарная экспертиза коммуникаций в интернете очень важна, поскольку последствия деструктивных практик являются самыми реальными.

П. В. Кайгородов:

Иерархии в виртуальном пространстве действительно существуют. Но их наличие обусловлено неформальными отношениями, возникающими между пользователями. Так, «старожил» форума будет пользоваться известным авторитетом и уважением. Любые кодифицированные привилегии, однако, чаще будут касаться технической стороны сайта (сообщения, выделенные цветом, публикации без модерации и т. п.),

а не социальных аспектов (раздача прямых приказов другим пользователям и навязывание своего мнения аргументом к авторитету). В этом смысле цифровая среда существенно приблизилась к практической реализации анархических идеалов справедливых иерархий.

Смещение событийного центра в цифровую среду имеет место, поскольку та преподносит пользователю круг занятий и знакомых, отвечающих его интересам и взглядам. Собственно, «мир» интернета было бы более продуктивно интерпретировать как цепь социальных взаимодействий. Человек идет в Сеть, потому что там его ждут люди, готовые вести беседы или предаваться иным занятиям, к которым тот испытывает искренний интерес. Этот эффект имеет и деструктивную сторону. Рекрутинг в экстремистские организации тоже проводить проще среди людей, которые уже убедились, что оратор готов представлять их предрассудки и не отрефлексированные мнения валидными и значимыми. Но здесь мы снова переходим с обсуждения технологии как таковой к методам ее применения.

Кажется вполне обоснованным тот факт, что в интернете люди охотно выплескивают не проработанные комплексы и проблемы. Цифровая среда сама по себе не имеет и не может иметь средств разрешить такие проблемы вне офлайн-практик рефлексии и самодисциплины. Это, однако, не означает, что Сеть не способна приносить пользу вопреки усугублению или по крайней мере не разрешению психологических травм своих пользователей.

Е. И. Спешилова:

Практики коммуникации в виртуальном пространстве, как правило, рассматриваются в качестве умаленного, недооволенного взаимодействия. Более того, как отмечает С. С. Хоружий, «виртуализация этики – это неизбежный аспект виртуализации человека, и углубление виртуализации ведёт ко всё более полной деэтизации» [Хоружий, 2016, с. 406]. Он связывает это с тем, что в сетевой коммуникации человек может использовать маски, роли, прятаться за ником или вовсе отказываться от использования имени. В результате такие практики деперсонализированного взаимодействия становятся каналом для выражения низких импульсов человека и провоцируют его на примитивное поведение. Вместе с тем мы можем наблюдать, что современная виртуальная среда является многосторонней и гетерогенной, в ней появляются проекты, направленные на конструктивные виды взаимодействия, например поддерживающие межкультурный обмен или просвещение в области искусства,

науки, литературы и т. д. Возможно, в период своего возникновения и становления интернет-пространство, действительно, имело хаотичный, «беспринципный» характер и в своих истоках восходило к реализации дионисийского начала. Однако постепенно виртуальная среда все более структурируется, регламентируется и рационализируется, становится феноменом современной культуры. В нее переносятся и привычные механизмы социальной дифференциации, и традиционные социальные практики, которые трансформируются под конкретную форму сетевого взаимодействия. Неэтичное поведение в локальных интернет-сообществах, как правило, осуждается, а в радикальных случаях нетипичное, нежелательное поведение человека становится поводом лишить его права голоса в виртуальном мире или причиной вовсе исключить его из данной среды. Таким образом, можно констатировать, что в виртуальном пространстве существует практика воспроизводства и соблюдения этических норм. Безусловно, как и в реальности, в цифровом измерении возможны различные варианты девиантного поведения, однако они оцениваются там именно как ненормативные, нестандартные; иначе говоря, в виртуальном пространстве транслируются вполне реальные ценности.

А. С. Зайкова:

Мне бы в свою очередь хотелось проанализировать то, как отображается виртуальный мир в современной литературе, и сделать на основе этого несколько выводов. Виртуальная реальность еще на заре своего существования породила в литературе новый жанр, или, если быть точнее, поджанр фантастики – *литРПГ*. Этот жанр предполагает, что весь сюжет или его большая часть происходит внутри виртуального мира – некоторой РПГ-игры, то есть такой игры, где игрок управляет уникальным персонажем с определенным набором характеристик, умений и навыков. Как правило, по сюжету книги случается нечто, что превращает игру из развлечения в необходимость (необходимость выполнить сделку, заработать, выжить, спасти близкого человек и т. д.).

Сейчас литРПГ среди электронных книг является одним из самых популярных жанров. Возможно, это значит, что читателям близки идеи и ценности, описанные в книгах. На первый взгляд, они должны быть отличны от ценностей реального мира – ведь действие почти полностью происходит в виртуальной реальности. Здесь же находится и стремление к упрощению (к примеру, сила героя определяется единственным числом), мечта о неограниченных возможностях, недоступных в реальности,

определенная степень безнаказанности. Однако, если взглянуть на самые популярные книги и на их героев глубже, на первое место выходит то, что ценится и в реальном мире – творчество, близость к природе, социальные отношения. Так, сюжеты одних из самых популярных книг в этом жанре «Путь шамана» и «Легендарный лунный скульптор» развиваются за счет творческих успехов главных героев. Другие – «Играть, чтобы жить» или «Семнадцатое обновление» – привлекают читателей концепцией разделения миров, в результате которого вместо реального и виртуального миров получаются два реальных мира, разве что в виртуальном мире сохраняется некоторая «система», позволяющая герою развиваться и даже воскрешаться.

Это распространяется не только на книги: если мы обратим внимание на недавно вышедшие фильмы, чьи сценарии вполне можно отнести к жанру литРПГ, такие как «Первому игроку приготовиться» или «Главный герой», мы обнаружим их внезапную популярность, хотя ценности, на которых строятся эти фильмы, принципиально неотличимы от ценностей реального мира – это жизнь, дружба, верность, творчество и любовь. При этом неслучайно именно киберпанк становится основой для описания физической реальности книг и фильмов: это демонстрирует, что в виртуальной реальности люди стремятся обрести тот событийный центр, который разрушается в мире реальном из-за процессов глобализации и урбанизации. Чтобы сохранить событийный мир в нецифровой, неигровой реальности, необходимо развивать новые формы сохранения важных для нас вещей в реальном мире. Если же препятствовать развитию книг, игр и фильмов с целью сохранить событийный центр в мире реальном, это может привести либо к различным негативным эффектам и социальной напряжённости, либо к появлению новых форм замещения реальности.

О. А. Персидская:

С моей точки зрения, прежде всего нам необходимо поднять вопрос о причинах разделения «основной» и «цифровой, виртуальной» реальности. Говоря о цифровом мире как о слепке этого мира или ставя вопрос о существовании отдельной нормы в этом мире, о его обособленной этике и так далее, мы, как видится, имманентно фундируем нашу позицию онтологизацией цифры. Но сам вопрос ее онтологизации является спорным: в поле исследований на эту тему существуют аргументы как оправдывающие эту онтологию [Мамедова, 2021; Игнатъев, 2022],

так и оспаривающие ее [Винник, 2014]. На наш взгляд, онтологизируя цифру, мы склоняем себя к видению, оправдывающему все социально-культурные процессы цифровизацией, то есть к возможности все описывать и сводить к цифре. Такая оптика существенно сужает возможности нашей интерпретации и обедняет наши выводы. Представляется, что вопрос о наделении цифры / цифровой реальности онтологическим статусом хоть и является актуальным, но все же вторичен в сравнении с вопросом о необходимости концептуального анализа наиболее общих и значимых характеристик цифрового мира и выработки описательных, объяснительных и прогностических моделей в дискурсе его исследования. С нашей точки зрения, речь должна идти не об описании феноменов цифрового мира как принципиально новых онтологических феноменов, а лишь о смене ракурса в рассмотрении социальных явлений с учетом существенного усложнения коммуникационной среды за счет цифровизации многих сред существования человека. В этом смысле видятся эвристически значимыми модели, в которых рассматривается «расширенный разум» современного человека, который формируется за счет его симбиотического существования с цифровым устройством [Barr et al., 2015], или те, где гаджет представлен не только как орудие, но и одновременно как знак, опосредствующий значимые психические функции человека. Далее, в рамках заявленной проблематики круглого стола мы подразумеваем не только то, что цифровой и не цифровой миры – это некие разные реальности, но также и то, что законы и правила этих миров принципиально различны.

Возможно, этим мы слишком большое значение придаем границе между реальностью и виртуальностью. Вместо этого стоит согласиться с теми авторами (например, с Ф. Флориди [Floridi, 2014]), которые склонны стирать эту границу и говорить скорее о человеке, живущем «онлайн», чем с теми, которые видят человека как мечущегося между двумя реальностями или того, у которого для реального мира существует одна идентичность, а для виртуального – иная, некий «цифровой двойник». С этой точки зрения наиболее привлекательной выглядит посылка, в соответствии с которой цифровой мир не является отдельной сферой существования человека, но обеспечивает изменение и усложнение уже существующих сред социальности человека. Это значит, что личность является цельной и неразрывно продолжается в виртуальности, хотя ее действия ориентированы на средовые параметры виртуального мира.

В такой оптике вопрос об этике виртуального мира может быть переформулирован как вопрос об изменении правил и норм, которые современные цифровые устройства позволяют внести в существующую уже не виртуальную этику. Человек же остается неизменным, в какой бы среде он ни действовал. Есть ряд исследований, подтверждающих, что нормы и правила, которыми регулируется не опосредованное цифровой средой общение, сохраняются и воспроизводятся в цифровой среде в том же виде [Ito et al., 2008]. А так как пространство интернета позволяет человеку реализовать отход от его представлений о норме и этике, в случае если он видит для себя такой отход допустимым, возникает сетевой буллинг или троллинг. Но по своей сути это не отдельные исключительно виртуальные формы насилия, а лишь превращенное цифровой средой насилие как социальный феномен, уже описанный и концептуализированный. И в таком ракурсе кажется несомненным, что если человек в неvirtуальной реальности агрессивен и не воспитан, то он и в виртуальном мире будет вести себя так же, если не более агрессивно (а некоторые особенности киберкоммуникации, такие как описанные Сулер диссоциативное воображение и невидимость [Suler, 2004], дают реализации деструктивных наклонностей широкое поле для ненаказуемой реализации).

Если говорить о вине и ответственности, то, следуя вышеуказанной установке, не стоит отдельно выделять их для сетевого и не сетевого взаимодействия. Учитывая стирание границы между не цифровым и цифровым мирами, о которой речь шла выше, одновременно становится фикцией и представление об отдельных сетевой и не сетевой личностях человека.

Прозрачность цифровой среды оставляет все меньше возможностей быть полностью невидимым, соответственно, ответственность за совершенные действия с возрастающей долей вероятности может быть вменена конкретному отступнику от установленных правил.

Литература

Винник, Д. В. (2014). Социальная феноменология цифровой эпохи: риторика ненависти, анонимусы, копирайт и полицейский надзор. *Философия образования*. № 4 (55). С. 79–88.

Мамедова, Н. М. (2021). Человек в эпоху цифровизации: на грани реального и виртуального. *Век глобализации*. № 3 (39). С. 74–85.

Маркс, К., Энгельс, Ф. (1960). *Сочинения*. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960.

Хоружий, С. С. (2016). *Социум и синергия: колонизация интерфейса*. Казань. Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП), 2016. 452 с.

Barr, N., Pennycook, G., Stolz, J. A., Fugelsang, J. A. (2015). The brain in your pocket: Evidence that Smartphones are used to supplant thinking. *Computers in Human Behavior*. No. 48. Pp. 473–480.

Floridi, L. (2014). *The fourth revolution: How the infosphere is reshaping human reality*. Oxford. Oxford University Press. 264 p.

Ito, M., Horst, H., Bittanti, M., Boyd, D., Herr-Stephenson, B., Lange, P. G., ... Robinson, L. (2008). *Living and Learning with New Media: Summary of Findings from the Digital Youth Project*. Cambridge, Massachusetts, London. MIT Press.

Suler, J. (2004). The online disinhibition effect. *Cyberpsychology and Behaviour*. Vol. 7. Pp. 321–326. DOI:10.1089/1094931041291295

**ЭТНИЧЕСКИЕ, ГОСУДАРСТВЕННЫЕ,
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЯЗЫКИ:
ФУНКЦИИ, СМЫСЛЫ, ЦЕННОСТИ**

С. А. Мадюкова, Е. А. Ерохина

*Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
sveiv7@mail.ru; lero@mail.ru*

И. В. Чанкова

*ГБНИУ РХ Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории, г. Абакан
chanari@mail.ru*

Цэцэнбилэг Цэвээний

*Институт философии Академии наук Монголии,
г. Улан-Батор, Монголия
tsetsenbileg@yahoo.com*

Аннотация. В статье представлен обзор круглого стола, прошедшего в Институте философии и права СО РАН (г. Новосибирск) 27 октября 2022 года в рамках конференции молодых ученых «Языки и смыслы». Обзор включает ключевые тезисы трех установочных докладов, а также стенограмму дискуссии и основные выводы по итогам работы.

Ключевые слова: этнический язык, этничность, государственный язык, международный язык, теория глобальной языковой системы, лингвафранка, нациестроительство, образование

С 25 по 27 октября 2022 года в Новосибирске проходила XX Международная научная конференция молодых ученых. Основное направление работы конференции в этом году – «Языки и смыслы». В рамках данной конференции 27 октября 2022 года в Институте философии и права СО РАН был проведен круглый стол «Этнические, государственные, международные языки: функции, смыслы, ценности» в очно-дистанционной форме. Очно принять участие в работе круглого стола можно

было в конференц-зале ИФПР СО РАН, онлайн-подключения производились на платформе Google Meet. В круглом столе приняли участие ученые из Новосибирска, Томска, Москвы, Абакана, Кызыла, Саранска, Якутска, Хабаровска и других городов Российской Федерации, а также из Монголии. В заседании 18 человек участвовали онлайн и 5 человек – очно (офлайн). Это второй круглый стол в рамках данной конференции, в фокусе которого лежит в том числе этносоциальная проблематика. Первый такой круглый стол проводился в 2021 году и был посвящен проблематике этнокультурного неотрадиционализма. В рамках же данного круглого стола один из ключевых содержательных акцентов был сделан на вопросах сохранения и трансляции языков народов, проживающих на территории РФ. Вместе с тем на круглом столе обсуждался более широкий контекст, включающий в себя современные особенности функционирования языков международного общения (также называемых мировыми языками) и государственных языков (на примере русского языка как государственного языка федерального значения, а также языков национальных республик РФ, статус которых как государств закреплён в Конституции РФ).

В первой части работы круглого стола было сделано три установочных доклада.

Главный научный сотрудник Института философии Академии наук Монголии Ph.D., associate professor Цэвээний Цэцэнбилэг представила доклад на тему «Современное состояние мировых языков». Основные тезисы ее доклада следующие. Недавние и продолжающиеся мировые процессы, наблюдаемые в настоящее время, такие как глобализация, миграция и пандемия, изменили наше восприятие, понимание ценности и использование языков. Целью доклада стало обсуждение влияния глобализации на восприятие и использование местных языков на основе анализа данных различных опросов. Процесс глобализации и открытый доступ к Интернету, а также ситуация с пандемией в последние три года связаны с возросшим сознанием мира в целом и влияют на использование мировых языков, которые считаются важным средством для общения между культурами. Использование языков можно также рассматривать в ключе социальной инклюзии и эксклюзии: на принятие в общество и последующий карьерный рост влияет знание языков, особенно центральных языков. Изменения в мировой языковой среде рассматриваются в свете теории глобальной языковой системы. Согласно данным Ethnologue* (25-е издание от 2022 г.), «в мире сегодня говорят

на 7151 языке. Это число постоянно меняется, потому что каждый день мы узнаем больше о языках мира. Кроме того, сами языки находятся в постоянном движении. Они живые и динамичные, на них говорят сообщества, жизнь которых определяется нашим быстро меняющимся миром. Это хрупкое время: примерно 40 % языков в настоящее время находятся под угрозой исчезновения, часто на них осталось менее 1000 носителей. Между тем всего на 23 языка приходится более половины населения мира» [How many languages are there in the world?]. Сегодня 3045 языков находятся под угрозой исчезновения. Как и в случае с общим количеством языков, это количество постоянно меняется. Язык оказывается под угрозой исчезновения, когда его носители начинают обучать своих детей более доминирующему языку и говорить на нем. Из-за своей природы у языков, находящихся под угрозой исчезновения, часто остается мало носителей, и получить информацию о них может быть сложно. В других случаях последний известный носитель языка может умереть без публичных записей.

Языки стабильны, когда все дети в сообществе все еще изучают и используют язык. Если ситуация меняется, у стабильных языков есть возможность прийти в упадок, пока они не окажутся под угрозой исчезновения. Институциональные языки менее всего подвержены опасности: они были приняты правительствами, школами, средствами массовой информации и т. д. Многие из них используются в качестве вторых языков.

Английский – самый распространенный язык в мире, считая как носителей, так и не носителей языка с учетом говорящих на втором, третьем и т. д. языках. Это связано сначала с колониальным влиянием Британской империи, а затем с распространением американской культуры.

Если считать только носителей языка, мандаринский диалект китайского языка является крупнейшим языком в мире, если считать только носителей первого языка (носителей языка). Это связано со значительным населением Китая. Мандаринский диалект является крупнейшим китайским макроязыком, группой из тринадцати языков, которые считаются «китайскими» из-за общей системы письма и литературы.

Английский язык имеет большее количество неносителей языка, так как распространен в гораздо большем количестве стран, особенно в Африке. На английском языке говорят в 146 странах, тогда как стран, где говорят на китайском, только 38.

По данным ЦРУ, в 2020 году в десятку самых распространенных языков вошли: китайский (12,3 %), испанский (6 %), английский (5,1 %),

арабский (5,1 %), хинди (3,5 %), бенгальский (3,3 %), португальский (3 %), русский (2,1 %), японский (1,7 %), панджаби, западный (1,3 %), яванский (1,1 %).

Шесть языков ООН – арабский, китайский (мандарин), английский, французский, русский и испанский (кастильский) – являются родными или вторыми языками примерно 45 % населения мира и официальными языками в более чем половине государств мира; около 400 языков имеют более миллиона носителей первого языка (по данным на 2018 г.).

В сегодняшнем глобализованном мире наличие общих средств общения – или скорее международного языка – становится важнее, чем когда-либо. Английский язык, на котором говорят более 1,3 миллиарда человек по всему миру (16,5 % по данным ЦРУ), в настоящее время ближе всего подходит к лингвафранка, общему языку, который объединяет людей из разных слоев общества.

Абхазский филолог В. Чирикба определяет лингвафранка следующим образом. Лингвафранка (букв. «франкский язык»), «также известный как промежуточный язык, общий язык, торговый язык, вспомогательный язык, транспортный язык или язык связи – это язык или диалект, систематически используемый для обеспечения возможности общения между группами людей, которые не разделяют родной язык или диалект, особенно когда это третий язык, отличный от родных языков обоих носителей» [Chirikba, 2008, p. 31]. Лингвафранка развивались по всему миру на протяжении всей истории человечества, иногда по коммерческим причинам (так называемые торговые языки облегчали торговлю), но также и по культурным, религиозным, дипломатическим и административным удобствам, а также как средство обмена информацией между учеными разных национальностей [Nye, 2016, p. 40–43; Gordin, 2015]. По словам Иммануэля Валлерстайна, одного из самых известных теоретиков, разработавших миросистемный подход, центральная нация доминирует над неосновными нациями благодаря своему экономическому и торговому доминированию. Изобилие дешевой и неквалифицированной рабочей силы в периферийных странах заставляет многие крупные транснациональные корпорации (ТНК) из основных стран часто передавать свое производство в периферийные страны, чтобы сократить расходы, нанимая дешевую рабочую силу. Следовательно, языки из основных стран могли проникнуть на периферию в результате создания там иностранных ТНК. Значительный процент населения, проживающего в основных

странах, также мигрировал в эти страны в поисках работы с более высокой заработной платой. Постепенное увеличение численности мигрантов приводит к тому, что язык, используемый в их родных странах, переносится в основные страны, тем самым обеспечивая дальнейшую интеграцию и расширение мировой языковой системы. Полупериферия также поддерживает экономическую и финансовую торговлю с периферией и основными странами. Это обеспечивает проникновение языков, используемых в полупериферии, в центральные и периферийные нации, с потоком мигрантов, движущихся из полупериферийных наций в ядро и периферию в торговых целях.

Таким образом, теория глобальной языковой системы исследует соперничество и приспособление с глобальной точки зрения и устанавливает, что лингвистическое изменение мировой системы идет рука об руку с политическими, экономическими, культурными и экологическими аспектами. В частности, нынешнее глобальное созвездие языков является продуктом предыдущего завоевания и господства, а также продолжающихся отношений власти и обмена.

Второй установочный доклад в рамках круглого стола сделала доктор философских наук ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН Елена Анатольевна Ерохина. Тема ее выступления была следующей: «Языковая политика и нациестроительство: исторические и современные аспекты». В своем докладе Елена Анатольевна остановилась на следующих ключевых тезисах. Становление национальных государств неразрывно связано с трансформацией социальных институтов по мере перехода к современности. В теории модернизации концепция нациестроительства объясняет характер политических процессов, связанных с индивидуализацией, формированием представлений об естественных правах и гражданском состоянии общества, общем благе и народном суверенитете. В практике нациестроительства реализация этих идей, независимо от политического режима и характера государственного устройства, предполагала отказ от культурных перегородок, связанных с этничностью, религией и сословным статусом в пользу универсальной системы коммуникаций и бюрократической стандартизации. В итоге обновленные институты рынка, трудового найма, налогообложения и воинской службы, образования, судо- и делопроизводства требовали «единого стандарта» – упорядоченной системы идей и практик, которую формирует и обслуживает отряд чиновников, учителей

и других служащих. В итоге именно государство оказывается самым заинтересованным актором во внедрении стандарта, который бы ограничивал рост разнообразия субкультур.

Однако политика унификации и культурной гомогенизации нередко входит в противоречие с культурным многообразием и требует определенной гибкости. Одним из элементов нациестроительства является политика в отношении государственного языка и языков этнических меньшинств. Под государственным языком исследователи понимают язык политической нации, на котором осуществляется административное управление, развивается массовое образование, дело- и судопроизводство. Развитие государственных языков поддерживается как стихийным развитием рыночных институтов, так и усилиями власти, придающей одному из языков большинства статус государственного языка. В ситуации конкуренции доминирующего языка с языками меньшинств возникает несколько моделей нациестроительства: мононациональная (один язык – одна культура – одно государство) и мультинациональная, допускающая поддержку языков меньшинств даже в случае конкуренции с государственным языком.

До недавнего времени в научном сообществе доминировала точка зрения, что «век национализма» закончился после Второй мировой войны, с образованием крупных межгосударственных союзов. Однако на рубеже 2010–2020-х гг. государство начинает вновь отвоевывать авторитет, усиливать позиции в плане управления разнообразными рисками, брать своеобразный реванш у межгосударственных и сетевых структур. Эволюция постсоветских представлений о паритете русского языка и языков недоминантных этнических групп (государственных языков субъектов РФ, языков коренных малочисленных народов и т. д.) отражает опыт современной языковой политики в РФ и недвусмысленно свидетельствует о необходимости их поддержки со стороны государства.

Завершило серию установочных докладов в рамках круглого стола выступление кандидата философских наук ученого секретаря ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории» **Ирины Викторовны Чанковой** на тему «Хакасский язык в теории и на практике». В фокусе ее доклада оказалась деятельность Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, который проводит исследования по хакасскому языку и хакасскому фольклору. Рассматриваются грамматика, лексика, история языка,

в том числе сферы функционирования устной формы хакасского языка, терминообразование и др. Но сейчас внимание уделяется лексикографической и составительской работам, идет подготовка словарей различного типа. В 2020 г. впервые был издан «Толковый словарь хакасского языка», в настоящий период времени идет подготовка его второго тома. Сектор фольклора работает над изданием рукописных материалов, собранных фольклорными экспедициями ХакНИИЯЛИ начиная с 1945 г. В 2020–2022 гг. сектором языка ХакНИИЯЛИ были организованы комплексные экспедиции. Задачи экспедиций состояли в анализе языковой ситуации в селах компактного проживания носителей диалектов, сборе языкового, фольклорного и этнографического материала. В этом же году сектором экономики и социологии ХакНИИЯЛИ было проведено социологическое исследование этноязыковой ситуации в Хакасии. В 2020 г. Ириной Викторовной проводилось интервьюирование с корреспондентами национального СМИ, выявившее ряд проблем, касающихся функционирования хакасского языка: во-первых, не унифицированы термины, используемые в СМИ, во-вторых, идет процесс сагаизации (превалирование одного из диалектов хакасского языка в СМИ). В ходе анализа возникла третья проблема: представители разных диалектов жалуются, что при чтении газет и просмотре новостей не всегда понимают их содержание. Когда обращаешься к сагайцам, которые должны были бы читать газеты свободно, выясняется, что и они не всегда понимают, также поверх этих процессов насаивается проблема противоречия литературного хакасского языка и бытового. У корреспондентов СМИ при подготовке материалов возникает дилемма использования терминов на хакасском языке, что снова возвращает к проблеме унификации терминов. Следует отметить, что возникшие проблемы тесно связаны с функционированием хакасского языка в целом в регионе, и даже по кадровому составу национальных СМИ можно определить степень функционирования хакасского языка в том или ином районе Республики Хакасия.

Вторая половина работы круглого стола прошла в формате свободного микрофона. Обсуждались такие темы, как, например, способы сохранения и трансляции этнических языков; проблемы изучения языков; функции языков разного уровня в публичном пространстве; использование этнических, государственных и мировых языков в виртуальном (цифровом) пространстве и др. Ниже мы приводим стенограмму вопросов и мнений участников дискуссии.

Л. В. Анжиганова. Вопрос к Е. А. Ерохиной. Вы использовали словосочетание «русский как государственный язык». У нас сейчас появилась новая норма – «язык государствообразующего народа», это калька с понятия «русский язык как государственный» или здесь есть какая-то «заложенная мина»?

Е. А. Ерохина. По поводу языка государствообразующего народа была большая дискуссия. И, конечно, вопрос этот нужно рассматривать в контексте правовых изменений... Вы имеете в виду, что в Конституцию Российской Федерации внесен оборот «русский язык как государствообразующий»? (*Л. В. согласно кивает*). Есть немало сторонников и противников самой идеи русского народа как государствообразующего, и при обсуждении Конституции, и при обсуждении Стратегии национальной политики предлагали другие трактовки, которые не вызывали бы такой полемизации, в частности, предлагалось использовать понятие «объединяющая роль русского народа», «интегрирующая». Но сейчас в Конституции Российской Федерации именно такое положение. Но оно принято на референдуме. Конечно, достижение консенсуса в таких сложных политических обстоятельствах – это очень непростой вопрос, который невозможно осветить в одном докладе. Но есть понятие «государственный язык», и оно конституционно закреплено: государственный язык Российской Федерации и государственный язык субъектов Российской Федерации. И мы можем отталкиваться от этих понятий для того, чтобы эту проблему дальше обсуждать. То, что существует множество формулировок и в законодательстве, и в публичном пространстве, которые так или иначе характеризуют наше общество, это общеизвестный факт. Достижение консенсуса – это долгий и сложный путь, будем надеяться, что мы его как-то пройдем. Сложность ситуации связана также с появлением новых субъектов РФ, с Крымом, Донбассом. Мы долго спорили о том, какая концепция вернее, примордиализм или конструктивизм, значительная часть академического сообщества встала на путь осуждения так называемого примордиализма, но мы видим на практике сейчас, в том числе в практике нашего и других государств, например Государства Израиль, что идея «земли, крови и почвы» никуда из общественного дискурса не исчезала. Важно понимать, помнить о существовании некой грани, за которой национализм может стать оружием, направленным не только вовне, но и внутрь. Я с этого и начала сегодняшний свой доклад, говоря о том, что это обоюдоострое оружие. Оно объединяет

людей, представителей разных социальных групп вокруг идеи единой нации, единой общности вопреки существующим различиям. Геополитической нации. Но в то же время, если верх берет идея того, что есть некий общий враг и этот враг становится такой угрозой, есть риск, что образ другого, образ чужого, образ врага может стать иссушающим для самого общества.

Ю. В. Попков. У меня вопрос и к Елене Анатольевне, и к Ирине Викторовне Чанковой. Елена Анатольевна, по мнению квалифицированных экспертов, национальное государство как тип государства находится в кризисе в глобальном масштабе. А если брать Россию, то национальная модель, модель национального государства сильно навязывалась, и в настоящий момент есть Стратегия государственной национальной политики, и в этом смысле мы, с одной стороны, «плетемся в хвосте» мировой тенденции: когда она уже почти прошла, мы решили подключиться, а сейчас поняли, что этот выбор не совсем правильный был. У меня вопрос: как Вы думаете, какова перспектива и чем может быть заменено национальное государство как тип государства?

А к Ирине Викторовне у меня такой вопрос, (к тезису, которым Вы закончили, что необходимо оживлять язык): как это можно сделать ненасильственным путем, если объективные условия существования языка все меньше возможностей для этого предоставляют? И здесь сталкиваются две тенденции: с одной стороны, либерализм, права человека, (если я не хочу, как можно меня заставить), с другой стороны, интересы сообщества, этнического сообщества, для существования, для перспективы которого, конечно, очень важен язык. Коллизий здесь много, но какие перспективы Вы видите как представитель института, специально занимающегося этими вопросами. Спасибо.

Е. А. Ерохина. Поскольку конференция, в которой мы сейчас принимаем участие, вся посвящена языку, я отвечу в этой же логике. Есть язык академической науки, который предполагает, что политическая нация – это прежде всего согражданство, идея общности судьбы людей, которые разделяют некий принцип. Даже если это согражданство имеет этнические корни, это прежде всего проект, направленный в будущее: как мы из текущего несовершенного состояния будем переходить в будущее, которое представляется нам с некими желаемыми характеристиками. Это представление академическое о том, что такое нация. И есть язык, на котором говорят обычные люди, для которых нация,

в нашей традиции, традиции XX века, – это прежде всего народ, этнос, например татарский этнос, татарская нация. Национализм происходил по этническому принципу. Поэтому нации в нашем общественном дискурсе – это этнические общности прежде всего. В это вкладывается, конечно, не только этнокультурный, но и политический контекст, потому что языковая проблема – это, конечно же, политическая проблема, и мы не можем от этого абстрагироваться. Поэтому, если вообще говорить о том, что мы приняли от предыдущих 30 лет и при следующем повороте стоит ли от всего отказываться, что было воспринято нами в течение этих 30 лет? Мне кажется, пора уже расстаться с этой привычкой: мы все разрушим до основания, а затем все новое построим. Так не бывает. Советская власть, большевики, когда прошло определенное количество времени, поняли, что есть некие структуры, без которых существование общества невозможно. И даже советская власть нашла возможность диалога с церковью, с религией. И сейчас, как мне кажется, осуществляя новый поворот, выбрасывать за борт корабля истории все, что мы наработали, в частности опыт практик по сохранению языков меньшинств, опыт работы в рамках Рамочной конвенции по сохранению языков, опыт по развитию региональных языков... Мне кажется, все это должно быть сохранено, то есть нужно двигаться в логике сохранения позитивного опыта, но, разумеется, нужно не глядеть назад, а смотреть вперед. Что касается самого концепта российской нации, насколько я знаю, у него есть достаточно много последователей, и настаивать сейчас на одной формулировке, многонациональный народ или многонародная нация, это такой разговор, который должен стать второстепенным. Я думаю, этим должны заниматься ученые, должны эту тему обсуждать, но если у нас есть две концепции, два подхода, пусть они и сохраняются.

Ю. В. Попков. Если кратко, то я сторонник того, чтобы мы говорили не о национальном государстве, а о социальном государстве как типе государства – такой подход все эти проблемные вопросы и практики скорее бы снял, чем концепция российской нации.

Е. А. Ерохина. Здесь я с Вами соглашусь, конечно, но перед нами стоит и другая проблема, а что такое социальное государство, какое государство можно назвать социальным? Встает вопрос о типах социальных государств, и здесь появляются новые проблемы.

Ю. В. Попков. Мне кажется, здесь проще ответ. Социальное государство – это то, которое служит интересам народа. Понятно, что это

абстрактная формулировка. У нас в Конституции тоже записано «социальное государство», но на практике это не всегда социальное государство, а классовое государство в большей степени, выражающее интересы определенных социальных слоев, а не большей части населения. И в этом смысле провозглашение истинного социального государства выстраивало бы определенную перспективу в этом направлении.

Е. А. Ерохина. Здесь есть такая тонкость. Мы должны понимать, что языки нужно сохранять и развивать, но, с другой стороны, мы понимаем, что доступ к массовому обучению на русском языке, повышение языковых компетенций, о которых говорила уважаемая Цэцэнбилэг, – английский язык, другие международные языки – они открывают возможности этносоциальной мобильности. И это главная проблема. Человеческая жизнь не безгранична для того, чтобы выучить все важные языки, и возникает проблема выбора, какой язык совершенствовать. Современная точка зрения заключается в том, что нужно знать и родной язык, язык своего народа, и язык своего государства, и один из международных языков. Но на практике возникает вопрос о практической значимости родного языка, практической значимости языков меньшинств. Ведь если это не открывает никаких перспектив для карьеры, для заработка, если сценарий негативный, то зачем нужно на это тратить усилия. Мне кажется, нужно ответить на этот вопрос: показать перспективность и привлекательность родных языков, показать возможности, которые они дают человеку, представителю той или иной этнической группы. Удалось же татарстанцам, например, показать, какие возможности в плане карьеры, заработка, достижения определенных жизненных благ дает русско-татарское двуязычие. Для многих других регионов РФ это такой положительный пример. Идея паритета двух государственных языков и практическая реализация этого паритета мне кажется очень перспективной.

С. А. Мадюкова. Я хочу включиться и сказать, что та проблема, о которой вы сейчас говорите, буквально вчера звучала на секции по Этнологии, антропологии и культурологии в рамках КМУЧ. Мы вышли на эту же тему о практическом, прикладном смысле и значимости этнических языков. О том, что для того, чтобы построить карьеру в современном мире, приоритетнее знать русский язык, знать английский язык, а смысловая ниша языка этнического лежит в другой плоскости, связанной с этнокультурой, и, делая выбор, некий конкретный индивид далеко не всегда делает этот выбор в пользу своего родного языка. Я предлагаю сейчас передать слово Ирине Викторовне, ей тоже был задан вопрос.

И. В. Чанкова. Юрий Владимирович, Вы правы. На самом деле противоречие существует. Фундаментальные исследования отходят на второй план, мы сейчас готовим словари. Для чего? Для того чтобы то поколение, которое в перспективе не будет владеть языком, могло использовать наши исследования, наработки и так далее. Может быть, не стоит опираться именно на этот путь, потому что еще в 30-х гг. XX века была такая политика, что хакасский язык не должен существовать, у нас шло государственное управление. Но прошло уже немало времени, 100 лет практически, язык существует все-таки, наши филологи прогнозируют, что и еще, скорее всего, 100 лет просуществует. Я к тому, что необходимо подход поменять, именно подход к сохранению языка. Я сама считаю, что больше даст культурный пласт. Именно в культуре, в литературе. Я согласна с тем, что в образовании все-таки нет перспектив, потому что образование у нас на русском языке, а на национальных языках в России развито не будет. Если национальные языки брать тюркской семьи, (Тыва, Якутия), то, когда проводятся исследования или реализуются какие-то совместные проекты, те понятия, которые используются в исследованиях, воспринимать и исследовать становится проще, это уже конкретная практическая значимость, все становится понятнее, когда человек включен в этот процесс, соответственно, исследования более качественные.

С. А. Мадюкова. Спасибо большое, Ирина Викторовна. Ольга Валерьевна, пожалуйста, Вам слово.

О. В. Васильева. Здравствуйте. Я представляю Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера. Я хочу задать вопрос Ирине Викторовне. В Вашем докладе прозвучало, что возможна ревитализация языка, в том числе повышение значения языка в экономике. В тех исследованиях, которые вы проводили, Вы замечаете какие-то особенности развития четырех разных диалектов? Есть ли какая-то разница в сохранении, может быть, какие-то экономические практики, что-то подобное?

И. В. Чанкова. Я сразу оговорюсь: я утверждала, что экономика влияет на ревитализацию, но это касается не только проблемы хакасского языка, это и про международные языки. Я привела пример маньчжурского языка. Там целая династия существовала, которая говорила на этом языке, но они забыли язык чисто исторически. И если они его забывают, то целый пласт истории китайской не восстанавливается. То есть это на самом деле серьезная проблема. Я к тому, что нужно позитивно смотреть на языки. Есть и более малочисленные народы, которые владеют

своим родным языком, и он достаточно живуч, и хотя бы в региональном аспекте можно культурные пласты сохранять. Не обязательно это должно быть экономическое значение, может быть театр, литература.

О. В. Васильева. А с хозяйственными практиками как-то может быть связано сохранение языка?

И. В. Чанкова. У нас здесь население очень активно занимается разведением скота, лошадей, коров и т. д., и они в основном у нас в тех районах, где как раз таки проживает коренное население, которое наверное, даже все 100 % владеет языком. Это как раз таки аскизский и сагайский диалекты, которые оказались наиболее живучими. И действительно, они владеют языком, и может быть, как раз через близость к традиции, ведению традиционного хозяйства, владение языком и сохраняется. Как только человек отрывается от традиционного типа хозяйствования, язык тоже начинает трансформироваться и теряться.

С. А. Мадюкова. Спасибо больше. Слово предоставляется Ольге Владимировне Мальцевой.

О. В. Мальцева. Я хочу поблагодарить всех докладчиков за очень содержательные доклады, а также поделиться своими соображениями о критериях национального языка. Я исхожу из своей практики работы с коренными малочисленными народами юга Дальнего Востока. Я, работая с нанайцами, выявила, что язык многослойный, национальный язык включает несколько практик, практик нескольких поколений. И каждый язык, когда он уже обретает статус национального, проходит через этап перехода от устного к письменному. И что происходит с этим опытом многих поколений? Часть опыта размывается. Но часть опыта связана с промысловой деятельностью, шаманскими практиками, с торговой деятельностью, и каждый раз язык стоит перед вызовами того или иного времени. Будет ли этот опыт востребованным. Допустим, становление нанайского языка. Существует несколько диалектных групп. В 1932 году приняли нанайский язык на основе одного диалекта. Вместе с этим усложнилась структура языка, появилась грамматическая единица, нанайцы узнали, что такое синтаксис, сложные грамматические предложения, то, что они в быту вообще не использовали. Как они сами говорили, они чаще всего использовали короткие фразы. Тем более существовала обширная терминология, связанная с хозяйственной деятельностью и не только. Даже один предмет мог иметь несколько терминов, например животные: для обозначения медведя или лосося могло

быть несколько понятий. Существовала шаманская терминология. Как я поняла, существовал еще семейный и родовой язык. Так вот, дело в том, что, когда появился письменный нанайский язык, этот опыт стал невостребованным. Тем более шаманские практики: 30-е годы, атеистическое государство, тогда это все было невостребованно. И вот сейчас нанайское общество и, я думаю, многие малочисленные общества, они стоят перед таким вопросом: а к какому наследию они должны обращаться? И это касается, прежде всего, языка. И, может быть, вы могли бы поделиться своим исследовательским опытом, как можно поддержать это угасающее наследие, связанное с языками, в условиях меняющегося мира. Допустим, я могу привести пример канадских индейцев навахо. У них существуют университетские программы, на которых обучаются только представители индигенного населения. И они понимают, что, чтобы существовать в современном мире, они должны знать все эти технологии, как можно язык коренного населения использовать в изменившихся экономических реалиях. Язык, конечно, они могут использовать только на своей территории, в своем регионе. Но мне кажется, что главный вопрос не в создании привлекательности языка, а в том, как он будет соответствовать запросам современного общества, чтобы он был такой же гибкий, как и другой язык, потому что любой язык, конечно, проходит трансформацию. Уходят поколения, уходят архаические термины, поскольку они не востребованы, появляется новая заимствованная терминология из другого языка. И в таком случае национальный язык нужно рассматривать не как какую-то неизменную единицу, а как меняющийся язык, и как он коррелирует с этнической идентичностью. Здесь, мне кажется, намечена перспектива, учет вот этих изменений, исторического, экономического, политического плана, чтобы определить живучесть этого языка. Вот, например, с чем столкнулись нанайцы, отвечая на вопрос о сохранении нанайского языка, получилось, что 80 % населения практически не знают нанайский язык, он используется в декларативных целях, то есть это выставочные работы, сохранение фольклорного материала, музейная деятельность, литературная деятельность. А в коммуникациях язык не используется! Они сами говорят, нет необходимости использовать его. И когда я спрашивала представителей старшего поколения: а вы делаете что-нибудь, чтобы молодое поколение, обучающееся в школах, знало нанайский язык? Они говорят, ну, они выучат... Вот, в 70-х годах говорить на нанайском языке было запрещено, в 80-х годах была политика, когда издавались азбуки, появился

нанайский язык в школах, и они говорят, мы изучаем нанайский, но он у нас как искусственный язык, потому что со знанием этого языка человек не может поступить в университет, он просто становится невостребованным. К сожалению, мы наблюдаем такую тенденцию.

С. А. Мадюкова. В продолжение истории об индейцах навахо, которые имеют некоторый приоритет перед представителями других этнических групп при обучении в университете. Здесь, на мой взгляд, возможна такая сложность. Я поделюсь своим исследовательским опытом, он был по другой теме, по проблематике этнической идентичности, но тем не менее было несколько кейсов, причем в разных регионах, когда определенный человек в интервью говорит о том, что он позиционирует себя как представителя одного из коренных малочисленных народов, но, когда мы начинаем копать глубже в эту идентичность, выясняется: «А язык вы знаете?», – «Нет, не знаю», – «А культуру?» – «Нет, не знаю», – «А что позволяет Вам позиционировать себя как ненца (или ханты, или кого-то еще)?». Он говорит: «Ну вот у меня дедушка был ненцем, значит и я тоже ненец». Я говорю: «А зачем Вам это, что это дает?», а он отвечает: «Я льготы имею как представитель КМНС». И, как мне представляется, есть некоторая опасность, в случае если это будет некий публичный массовый проект, образовательный или какой-то еще, что возникнет некоторая искусственность в отнесении себя к определенной этнической группе, особенно к коренным малочисленным народам, которым у нас, пожалуй, во всех регионах страны уделяется больше внимания, чем коренным немалочисленным народам, у которых, на самом деле, проблем не меньше. И еще хотела озвучить, с моей точки зрения, интересную практику включения в языковую среду современной молодежи. Поскольку очень большой процент современной молодежи «проживает» в онлайн-пространстве, то влияние цифровизации на все сферы их жизни сложно переоценить. И, на мой взгляд, через цифровые каналы трансляции вовлечение в языковую среду тоже возможно. Например, в прошлом году у нас на этой же конференции молодых ученых наша коллега из США К. Андреев делала интересный доклад о репрезентациях якутского героического эпоса Олонхо в ныне запрещенной в России социальной сети «Инстаграм». Это совсем другой способ репрезентаций, по сравнению с традиционным чтением героического эпоса сказителями, но молодежь, листая ленту социальной сети, вольно или невольно, видя эти репрезентации, погружается в этническую культуру, в язык и т. д.

Еще один известный мне опыт... Я, правда, не знаю актуального состояния данного проекта, насколько сейчас он продолжается и реализуется, но я точно знаю, что была осуществлена попытка перевода социальной сети «ВКонтакте» полностью на тувинский язык. То есть, на мой взгляд, чтобы молодежь включалась в язык, она должна ощущать какую-то потребность в этом, мы об этом сегодня много говорили. Но и каналы трансляции этнических языков вынуждены меняться и подстраиваться под современные условия, особенно учитывая некоторый языковой разрыв, когда традиционные каналы погружения в языковую среду не всегда срабатывают. Современные каналы инкультурации в целом отличаются от традиционных, не через семью, а через систему образования, через массовые мероприятия и т. д. И каналы трансляции этнических языков, и способы погружения в языковую среду, на мой взгляд, должны соответствовать времени и меняться.

И. В. Чанкова. Наш институт в прошлом и позапрошлом году также занимался переводом на хакасский язык социальной сети «ВКонтакте». Не могу сказать, насколько это успешно, какой процент хакасов пользуется этим вариантом, потому что есть сопутствующие проблемы, например клавиатура, то есть буквы, которых нет в русском языке, значит, нужно отдельно скачивать приложение, это должно все в совокупности выполняться, а так, одно сделали, другое не сделали, но, возможно, еще в будущем будет это выполняться.

О. В. Мальцева. Я хочу добавить к тому, что сказала Светлана Александровна. Исследователь Андерсон использовал понятие «реляционная идентичность», меняющаяся, когда человек меняет свое позиционирование в зависимости от условий. Он работал с юкагирами и отметил такую особенность, что в одних случаях человек считает себя юкагиром, в других случаях он считает себя якутом, исходя из того, какие экономические блага он от этого получает, то есть это действительно нужно учитывать в вопросах этнической идентичности и языковой идентичности.

Е. А. Ерохина. Мне кажется, сам концепт «искусственной идентичности» вызывает вопросы. А кто будет определять, она искусственна или естественна? Если человек выбирает какие-то льготы при определении своей этнической принадлежности и он называет в качестве одного из признаков своей этнической принадлежности в том числе причину получать какую-то выгоду от этого, это не значит, что идентичность от этого становится искусственной, и это не отменяет других оснований: его предков,

которые принадлежали к данной этнической группе, его, возможно, лояльности, позитивного приятия своего членства в этой группе. Мы неоднократно начинали этот разговор, о квазиидентичности и т. д., и этот вопрос, как мне кажется, трудноразрешим. И главное, он самим человеком должен разрешаться, исследователь не должен оценивать искусственность идентичности, и если человек не знает своего языка, это не означает, что он не может считать себя частью этого этноса.

С. А. Мадюкова. Спасибо большое, еще вопросы? Вопросов больше нет, давайте подведем итоги.

В процессе подведения итогов работы круглого стола его участники поблагодарили спикеров за глубокие, содержательные и актуальные доклады, а также организаторов круглого стола за плодотворную дискуссию. Кроме того, были заданы вопросы об актуальных научно-исследовательских проектах сотрудникам академических структур России и Монголии, ученые из которых приняли участие в данном мероприятии. Были намечены темы для дальнейшего обсуждения в рамках круглых столов и секций по этносоциальной проблематике в рамках конференции молодых ученых, такие как, например, влияние цифровизационных процессов на этносоциальные.

Литература

Eberhard, David M., Gary F. Simons, and Charles D. Fennig (eds.). (2022). How many languages are there in the world? *Ethnologue* [online]. URL: <https://www.ethnologue.com/guides/how-many-languages> (accessed day 22.10.2022).

Viacheslav, A. (2008). Chirikba. The problem of the Caucasian Sprachbund. In Pieter Muysken, ed., *From Linguistic Areas to Areal Linguistics*. P. 31.

Nye, Mary Jo (2016). Speaking in Tongues: Science's centuries-long hunt for a common language. *Distillations*. No. 2 (1). Pp. 40–43.

Gordin, Michael D. (2015). *Scientific Babel: How Science Was Done Before and After Global English*. Chicago, Illinois. University of Chicago Press.

Научное издание

ЯЗЫКИ И СМЫСЛЫ

Материалы XX Международной научной конференции
молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук

Статьи публикуются в авторской редакции.

Подготовка к печати С. В. Исаковой, Е. В. Неклюдовой

Подписано в печать 28.12.2022 г.
Формат 60x84/16. Гарнитура Times New Roman
Уч.-изд. л. 27,25. Усл.-печ. л. 25,3.
Тираж 300 экз. Заказ № 228
Издательско-полиграфический центр НГУ
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

В сборнике опубликованы материалы XX Международной научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук. Книга рассчитана на специалистов в области философии, социальных исследований и права, а также всех интересующихся проблемами и перспективами социальных и гуманитарных исследований.

ISBN 978-5-4437-1421-9

9 785443 714219